

Преподобные старцы Оптиной Пустыни.

Жития. Чудеса. Поучения.

Содержание

Предисловие

Преп. Паисий Величковский (1722-1794)

Житие.

Поучения.

Преп. Лев /11 октября/ (1768-1841)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Макарий /7 сентября/ (1788-1860)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Моисей /16 июня/ (1782-1862)

Житие.

Чудеса

Преп. Антоний /8 августа/ (1795-1865)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Иларион /18 сентября/ (1805-1873)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Амвросий /10 октября/ (1812-1891)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Анатолий ст. /25 января/ (1824-1894)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Исаакий I /22 августа/ (1810-1894)

Житие.

Чудеса

Преп. Иосиф /9 мая/ (1837-1911)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Варсонофий /1 апреля/ (1845-1913)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Анатолий мл. /30 июля/ (+ 1922)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Нектарий /29 апреля/ (1858-1928)

Житие.

Чудеса.

Поучения.

Преп. Никон /25 июня/ (1888-1931)

Житие.

Поучения.

Преп. Исаакий II (+ 1936)

Житие

Предисловие

Однажды преп. Нектарий Оптинский спросил писателя С. А. Нилуса:

– А известно ли вам, сколько от сотворения мира и до нынешнего дня было истинных общежитий? Вы лучше не трудитесь думать, я сам вам отвечу. Три!

– Какие?

– Первое – в Раю, второе – в христианской общине во дни апостольские, а третье... – Он приостановился... – А третье – в Оптиной при наших великих старцах.

– А Ноев ковчег-то? – возразил Нилус.

– Ну, – засмеялся старец, – какое же это общежитие? Сто лет звал Ной к себе людей, а пришли одни скоты. Какое же это общежитие?

Преп. Макарий Оптинский очень любил цветы. Сажал он их около своей кельи, так что в очень скором времени нашлось множество подражателей. Сами же старцы, как райские цветы, благоухали своей святостью.

А что такое святость?

Блаженной памяти архиепископ Иоанн (Максимович) определил святость следующими словами: «Святость есть не просто праведность, за которую праведники удостоиваются наслаждением блаженства в Царстве Божиим, но такая высота праведности, что люди настолько наполняются благодати Божией, что она от них течет и на тех, кто с ними общается. Велико их блаженство, происходящее от лицезрения славы Божией. Будучи преисполнены и любви к людям, происходящей от любви к Богу, они отзывчивы на людские нужды и на их моления, и являются ходатаями и предстателями за них пред Богом».

Вот это – та святость, которая привлекала всю Россию в Оптину Пустынь – этот «Рай на земле». Там процветала особая форма святости. В этом райском саду насаждалось и возделывалось старчество.

Благодатное старчество есть одно из высочайших достижений духовной жизни Церкви, это – ее цвет, это – венец духовных подвигов, плод безмолвия и богосозерцания. Оно органически связано с монашеским внутренним подвигом, имеющим цель достижение

безстрастия.

Благодатный старец, своим личным опытом прошедший школу послушания, трезвения и умно-сердечной молитвы, изучивший, благодаря этому, в совершенстве духовно-психические законы и лично достигший безстрастия, сам становится способным руководить новоначальных в «невидимой брани». Он должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть самое зарождение зла, причины этого зарождения, установить точный диагноз болезни и указать точный способ лечения. Старец – искусный духовный врач. Он должен ясно видеть устройство своего ученика, характер его души и степень его духовного развития. Он должен непременно обладать даром рассуждения и «различения духов», т.к. ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться во ангела света. Как достигший безстрастия, старец обычно обладает и другими духовными дарами: прозорливостью, чудотворением и пророчеством.

Вот что говорил преп. Варсонофий Оптинский своему духовному чаду:

«Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству – это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге, и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь».

Настоящее духовное отношение духовных детей к своему старцу-наставнику отмечается следующими признаками:

1. Полная вера.
2. Искренность в слове и деле.
3. Не исполнять ни в чем своей воли, а всегда обо всем вопрошать старца.
4. Не прекословить и не спорить.
5. Совершенное и чистое исповедание грехов и тайн сердечных.

Искреннее повиновение старцу, по словам св. Отцов, есть самый верный путь для спасения души.

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, ибо «Дух дышит, идеже хочет». Старцем может быть монах без всяких духовных степеней, какими были вначале о. Варнава Гефсиманский, Зосима Верховский и др. Старцем может быть и епископ, например, митрополит Филарет (Московский), или иерей – св. Кирилл Кронштадтский. Наконец, старчеством может и женщина, как например, прозорливая блаженная Пелагея Ивановна, во Христе юродивая Дивеевская. Без ее совета ничего не делалось в монастыре.

Старчество есть пророческое служение, а от пророков с первых времен Христианства требовалась святость жизни: «Он должен иметь «нрав Господа». От нрава может быть признан лже-пророк и истинный пророк» («Учение двенадцати Апостолов» /Дидахи/ II-го века).

Иван Михайлович Концевич в своей книге «Стяжание Духа Святого на путях древней Руси» пишет: «В лже-старчестве воля одного человека порабощается воле другого. С ним связано чувство подавленности, уныния, или нездорового душевного пристрастия ученика в мнимому старцу. Напротив, истинное и благодатное старчество, хотя и основано на полном послушании, наполняет человека чувством радости и свободы в Боге, так как он подчиняется не человеческой воле, а Божией воле, действующей через старца. В то время как благодатный старец является проводником воли Божией, лже-старец заслоняет собою Бога».

Св. Василий Великий говорит, что если кто усердно поищет доброго учителя, то и непременно найдет. И преп. Симеон Новый Богослов учит: «Молитвами и слезами умоли Бога показать тебе человека, который бы мог хорошо упасти тебя». И далее говорит: «Лучше называться учеником ученика, а не жить самочинно, и обирать бесполезные

плоды своей воли».

Впрочем, если бы кто и по тщательном и усердном искании не мог обрести духовного наставника и руководителя в такой нужде, преп. Паисий Величковский предлагает следующий совет: «Сам Бог и божественное чтение преподобных отец, общежительных наставников, Божиим Промыслом соблюденное и до наших дней, есть вам учитель и наставник, если внимаете им со страхом Божиим и благоговением».

В течение веков старчество процветает местами, достигая вершины своего развития, потом ослабевает, приходит в упадок и даже совсем забывается, чтобы снова возродиться.

Так забыто оно было и в России ко времени преп. Паисия Величковского (XVIII век). Своими подвигами, переводами святоотеческих книг и личным примером, он через своих учеников возродил старчество, которое и стало процветать в России, в особенности в Оптиной Пустыни. Первые оптинские старцы Лев, Макарий, Моисей и Антоний были близкими учениками и последователями учеников великого старца Паисия. Эта благодатная лоза неувядаемо цвела в течение ста лет, переходя от отца к сыну в духе истинного послушания.

Оптина Пустынь, освященная в честь Введения во Храм Божией Матери, находится на юге от Москвы, недалеко от города Козельска, в Калужской губернии. Ранняя история монастыря нам не совсем ясна, но известно, что он древний.

Возрождение обители начинается с 1795 года, когда московский митрополит Платон, объезжая свою епархию, застал там только трех престарелых монахов. Пленившись прекрасным местоположением Оптиной, он задумал там устроить общежительный монастырь. С этим намерением митрополит обратился к некоему архимандриту Макарию. Отец Макарий состоял заочно в духовном общении со старцем Паисием и настоятельствовавал в Пешношской обители. Он избрал на это дело своего огородника о. Авраамия, и с ним отправил в Оптину двенадцать своих монахов. Много горя пришлось о. Авраамиию терпеть, особенно по причине крайней бедности, но с Божией помощью обитель начала укрепляться.

Следующим выдающимся событием в истории Оптиной было устройство при ней скита во имя Усекновения главы св. Иоанна Крестителя. Об этом позаботился первый архиерей новосозданной Калужской епархии епископ Филарет, впоследствии митрополит Киевский. «Любя от самой юности всей душой монашеское житие», – как он сам о себе говорил, – он считал, что нужно основать при Оптиной скит, где могли бы подвизаться иноки, желающие более уединенной, строгой и молитвенной жизни. Епископ Филарет стал искать людей, которые должны были основать такой скит. Он выбрал двух монахов: преп. Моисея и преп. Антония (Путиловых).

В Рославльской пустыни жила маленькая группа отшельников-старцев, каждый отдельно в маленьких кельях. К одному из этих старцев примкнул, как послушник, будущий преп. Моисей Оптинский. Вскоре за ним последовал его младший брат Антоний. Рославльские старцы были учениками великого старца Паисия. Два брата опытным путем учились умному деланию – непрестанной Иисусовой молитве, совершаемой умом в сердце по наставлениям св. Отцов. Начиная в полночь, они келейно ежедневно совершали все церковные службы, кроме Литургии. В праздничные дни отшельники сходились и служили вместе. А в великие праздники приходил священник из ближайшего села и приобщал их запасными Дарами. В свободное от молитвенных правил время, отшельники занимались рукоделием – переписыванием святоотеческих книг и огородом, где кроме репы ничего не росло.

Монахов такого закала, братьев Моисея и Антония (Путиловых), еп. Филарет счел подходящими для устройства скита. Получив старческое благословение, преп. Моисей и преп. Антоний отправились в Оптину с двумя другими рославльскими монахами. В 1821 году началась постройка скита.

Расцветом и славой своей Оптина обязана настоятельству преп. Моисея, который управлял ею тридцать семь лет до своей кончины. При нем обитель была приведена в

полное благоустройство: новые храмы были воздвигнуты, старые перестроены; были построены братские корпуса, каменная ограда с башнями, гостиницы и другие постройки. Разведены были огромные огороды и фруктовые сады, а земельные владения увеличены.

Но это внешнее благоустройство лишь отражает главное достижение настоятеля преп. Моисея – насаждение старчества и, с этим, духовный расцвет Оптиной Пустыни. Приток средств в обитель шел главным образом со стороны богомольцев, которых привлекала Оптина с ее особым духом, напоминающим времена древнего подвижничества.

Современное христианство вопиет: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный!» При таком ужасном оскудении истинных старцев да будут духовные взоры наши обращены к новопрославленным старцам Оптинским.

Перед смертью старца Амвросия ученики спрашивали его: «Что мы будем делать без тебя, отче?». Он же сказал: «Вы видели, как я вел себя перед вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповеди Божии, и Бог пошлет благодать Свою. И мы также скорбели, когда отходили от нас к Господу отцы наши, но, соблюдая заповеди Господни и завещания старцев, жили так, как будто они были с нами. Поступайте так и вы, и спасетесь!»

Следовательно, если и мы будем соблюдать заповеди Господни и завещания и поучения оптинских старцев, то они будут невидимо с нами, наставляя нас на пути ко спасению. «Им бо дадеся благодать молиться за ны».

Молитвами сих теплых предстателей, да принесем и мы плоды покаяния во спасение душ наших и многострадальной родины нашей России.

Преподобные отцы Оптинские, молитесь Бога о нас!

Преподобный Исаакий II

ЖИТИЕ

Мало известно о преподобном Исаакии. Он был последним настоятелем Оптиной Пустыни пред ее трагическим закрытием. Кончил свое земное странствие исповеднически, быть может и мученически.

В книге протоиерея Сергия Четверикова «Оптина Пустынь» встречаем теплое воспоминание автора о преп. Исаакии: «В 1894 году я прожил в Оптиной Пустыни около недели, говел, посетил скит и о. Иосифа, был у настоятеля монастыря, о. архимандрита Исаакия, произведшего на меня сильное впечатление своим углубленным спокойствием, простотой и молитвенными слезами при Богослужении. На этот раз я близко рассмотрел Оптину Пустынь. И она произвела на меня глубокое впечатление, запавшее в мою душу навсегда. Я впервые ощутил там веяние истинной духовной жизни, от которой как

бы расцвела и моя собственная душа».

После закрытия монастыря, о. Исаакий вместе со всеми оптинскими братьями остро переживал изгнание. Большим утешением для него была возможность присутствовать в храме и совершать в нем Богослужения. Утешало и то, что он – не один, что братия оптинская, хоть и разбросанная по городу, но все-таки имела возможность общаться друг с другом. Ближе всех по духу был ему преп. Никон. Отец Никон часто бывал у о. Исаакия, в его уединенном домике. Вспоминая милую их сердцу Оптину, такую близкую по расстоянию и ставшую такой недосыгаемой, они иногда пели свои излюбленные церковные песнопения.

Оптинских монахов в то время в Козельске оставалось немного. Большинство иеромонахов, назначенных на приходы, было отправлено в ссылку. Часть монахов разъехались, они уехали туда, где их никто не знал. В 1927 году был арестован и ближайший друг преп. Исаакия, старец Никон. В Козельске оставалось несколько человек – престарелые иеромонахи во главе с преп. Исаакием, да инвалиды: слепые, хромые, горбатые. Из молодых был только один иеромонах Геронтий, бывший келейник старца Варсонофия, да о. Рафаил, бывший монастырский послушник Родион Шейченко.

Вскоре в Козельске были закрыты все церкви, кроме одной. О закрытии церковью о. Никон из заключения написал братии такие слова: «В постигшей вас скорби да утешит вас Господь. Он зрит на сердце и слышит молитву, где бы она ни совершалась...»

В 1929 году новая волна арестов прокатилась по всей стране. В августе, как раз на второй или третий день после праздника Преображения Господня, были арестованы и заключены в Козельскую тюрьму все оставшиеся в Козельске оптинские иеромонахи, во главе с преп. Исаакием. Не тронули только одного престарелого и больного о. Иосифа Полевого (~ 1932-1933). Одновременно были арестованы почти все священники козельских церквей, многие монахини, а также и мирские люди, близкие к Церкви. Из Козельска арестованные были отправлены в Сухиничскую тюрьму, а оттуда в Смоленск.

В январе 1930 года, после окончания «следствия», всех заключенных сослали в разные, весьма отдаленные места страны. Преп. Исаакий, братский духовник о. Досифей, бывший казначей о. Пантелеимон и многие другие, были сосланы в Сибирь. Там они и окончили свой земной путь. Известно, что преп. Исаакий отошел в мире ко Господу в 1936 году.

КОНЕЦ И БОГУ СЛАВА!

Преподобный Паисий Величковский

ЖИТИЕ

Помещая в нашем издании жизнеописание оптинских старцев, мы находим необходимым поместить и жизнеописание великого старца Паисия Величковского – вдохновителя старчества на Руси в XVIII-XIX вв., в особенности в Оптиной Пустыни.

Русское монашество до начала XVIII-го века, – эпохи преобразований, дважды пережило расцвет и время упадка. Насажденное преп. Антонием и Феодосием Печерскими, древнее иночество послужило Киевской Руси и дало целый сонм святых. Когда юг России много пострадал от татар и поляков и иночество там померкло, настало время процветания его в Московской Руси. И здесь великим вождем-обновителем монашества явился преп. Сергей, Радонежский Чудотворец, в числе своих учеников и подражателей воспитавший целый сонм новых святых угодников. Тогда монашество снова ожило и расцвело в северо-восточной Руси. И снова, из-за разных потрясений в жизни народной, оно затихло к началу XVIII-го века. И опять воскресло к жизни с

мощными силами и охватило уже в своем процветании и север, и юг России, и далекую Сибирь, и многоплодный корень этого древа обновленного иночества прочно врос у самого сердца России великой – в Оптиной Пустыни. Началовождем же этого движения в жизни иночества, его возродителем и первоначальником и был старец Паисий Величковский.

Великий старец Паисий Величковский родился в 1722 году в городе Полтаве, где отец его, о. Иоанн Величковский, был настоятелем соборной Успенской церкви. Как отец, так и мать Петра, так звали в миру преп. Паисия, по имени Ирина, были люди благочестивые. Когда Петру было четыре года, скончался его отец. Мальчик вместе с матерью остался на попечении своего старшего брата Иоанна, который и занял место отца. Когда мальчик подрос, мать отдала его в учение, и Петр довольно скоро изучил букварь, Часослов и Псалтирь; старший брат научил его и письму. Когда мальчик овладел грамотой, он с особенной любовью отдался чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета, житий святых, поучений преп. Ефрема Сирина, преп. аввы Дорофея, св. Кирилла Златоустого, Маргарита и других книг. Чтение глубоко захватывало мальчика; он удалялся в свободную комнатку, читал и читал. Под влиянием этого чтения у него уже тогда стало проявляться влечение к монашеской жизни. Петр был очень молчалив, кроток, стыдлив и робок. Когда мальчику было тринадцать лет, скончался и брат его, о. Иоанн. Находясь в крайней нужде, мать решила идти в Киев к митрополиту Рафаилу и просить об оставлении места брата за Петром. Полтавский полковник, крестный отец Петра, и другие почтеннейшие граждане написали просительное письмо к владыке о том же. Блаженной памяти святитель принял ласково просительницу с сыном. Мальчика он сам тут же проэкзаменовал; когда мальчик прочитал еще и несколько каких-то стихов, святитель еще более расположился к нему. Он благословил мать отдать мальчика в Киевское училище и место за ним закрепил. Вскоре Петр Величковский был отвезен в училище и пробыл там четыре года. Учился он хорошо, свободное время проводил в тайной молитве и чтении слова Божия и отеческих книг. Среди его товарищей было еще несколько подобных мальчиков, с которыми и подружился Петр Величковский. Юные друзья нередко в укромном местечке до утрени проводили ночь в разговорах о том, как бы им оставить мир. Они твердо решили пойти в монахи и поступить, притом, никак не в богатые монастыри, чтобы, живя среди довольной всем братии, незаметно не сойти с узкого пути на широкий. Учась, Петр старался быть кротким, даже в мыслях не иметь на кого обиды, никого не осуждать, не то чтобы иметь к кому ненависть. Школьная наука и изучение языческих мудрецов не удовлетворяли его; его душа рвалась к большим подвигам. Его друзья удерживали его от решимости прервать учение и начать жизнь иноческую. Вследствие этого Петр стал искать вразумления в усиленной молитве, прося Самого Господа указать ему путь. На него нашла твердая решимость, и он тайно оставил Киев и духовную школу, чтобы начать путь иноческой жизни.

Тяжело поразило известие об его уходе его бедную мать. Скорбная вдовица ведь жила только надеждой на сына, и вот этого-то сына не стало! Горько и долго она плакала и с горя решила было не есть и не пить, пока не умрет. Ее разум стал уже ослабевать, и родные, невестка ее, жена умершего сына о. Иоанна и другие, уже ждали ее смерти. Но вдруг больная, убитая горем старушка пришла в себя, попросила акафист Божией Матери и стала его читать и читала долгое время, потом позвала духовника и рассказала всем следующее: «Когда я от печали и изнеможения ослабела и была близка к смерти, я увидела много демонов, ужасных видом, которые и хотели меня схватить. Тогда я попросила у вас акафист и стала его читать. Когда я читала акафист, непрерывно день и ночь, бесы трепетали и не смели меня коснуться. Потом стало мне радостно. Я увидела отверстые небеса и сошедшего с неба ангела. Ангел был светлый, и спустился, как молния. Он стал подле меня и начал мне так говорить: «О, безумная! Что это ты сделала?! Вместо того, чтобы всей душой, всем сердцем твоим возлюбить Господа, своего Создателя, ты более Творца возлюбила Его творение – своего сына! И ради безрассудной

и богопротивной твоей любви, надумала уморить сама себя голодом и за это подпасть под вечное осуждение?! И знай твердо: твой сын, при помощи благодати Божией, непременно будет монахом. Следует и тебе последовать в этом сыну, отречься мира и всего, что в мире, и стать монахиней. Есть на это особая воля Божия! Если же ты воспротивишься такой воле Божией, то дано мне такое повеление от Христа Господа Бога и Создателя: я отдам тебя бесам, которые ждут схватить тебя, чтобы они поругались над душой и телом твоим. Пусть тогда и другие родители научатся не любить своих детей более Бога». Когда я услышала такие слова ангела Божия, то воскликнула: «Если такова Божья воля, то отныне я не стану скорбеть о моем сыне». И сейчас же бесы исчезли. Ангел же Господень, радостный, поднялся на небеса». Духовный отец и сродники, выслушав с благоговением и радостью рассказ Ирины, утешенные и многому отсюда поучившиеся, разошлись по своим домам. Вскоре благочестивая мать юного подвижника поступила в женский монастырь, была пострижена в монахини с именем Юлиании и через десять лет мирно почил.

С выходом из Киевской школы для будущего вождя иночества началось время иноческого воспитания, полное скорбей и разочарований. Как мы уже говорили, монашество оскудело духом к тому времени. И тогда, однако, были обители со строгой жизнью братий, но юноше Петру Величковскому Господь не судил туда поступить. Если бы ему удалось поступить в один из таких монастырей, он там весь отдался бы своему внутреннему стремлению. Пройдя же путь подготовительной жизни в расстроенных русских монастырях, он испытал все сам и опытно увидел, как были трудны условия для иноческого делания, а испытав это, он невольно уже подготавливался к тому, чтобы для других облегчить этот путь. Таков жребий тех, кому Господь судил быть вождями людей на пути спасения!

Выйдя из Киева, за Днепром, Петр Величковский пришел в Любеческий монастырь, близ г. Любеча. Настоятель обители игумен Никифор принял его охотно и, дав ему келью, сделал его келарем. Игумен Никифор управлял братией кротко, с любовью, терпеливо и смиренно. Если же кто из братии согрешал в чем-либо, он разумно его наставлял, давал ему эпитимию, и опять этот брат становился добрым тружеником. Неудивительно, что при таком настоятеле братия жила тихо и мирно. Но недолго пришлось Петру утешаться такой жизнью в обители. Через три месяца добрый настоятель был заменен другим. Это был ученый игумен Герман Загоровский, который стал править монастырем иначе – как властитель. Братия скоро увидела, с кем имеет дело, и многие со страху разошлись по другим монастырям. Ушел и Петр Величковский. Толчком к этому послужило такое обстоятельство. Однажды, новый игумен приказал Петру выдать для его стола капусты, но точно не сказал какой, а Петр переспросить не посмел и предложил настоятельским поварам самим выбрать нужное. Те выбрали и сготовили обед игумену. Оказалось, что повара выбрали и сготовили не то, чего он желал. Пообедав, игумен призвал Петра и, в раздражении за неисполнение его прихоти, ударил Петра по щеке, толкнул его так, что тот упал через порог, при этом закричал: «Иди вон, бездельник!». А духовнику еще хвалился этим безрассудным поступком. Это-то обстоятельство и послужило толчком для Петра уйти из обители. Но главная причина ухода, конечно, была другая. Петр не нашел здесь уже того опытно-старческого водительства, о котором он так много думал и которого так горячо желал.

Помолившись слезно Богу, Петр той же ночью оставил эту обитель, столь скоро расстроенную самонаравным настоятелем, перешел по льду Днепр и направился на Украину искать другой монастырь. Он дошел до Медведовского Николаевского монастыря на острове реки Тясмина. Здесь был настоятелем тоже Никифор, у которого Петр и попросился в обитель. Тот охотно принял его и дал послушание служить в трапезной и ходить на клирос. А когда настал Успенский пост, на праздник Преображения Господня, игумен постриг Петра в рясофор с именем Платона; ему было тогда девятнадцать лет.

С усердием трудился новоначальный инок. Он старательно исполнял свое послушание на клиросе и в трапезной, а когда ему позволяли обстоятельства, помогал и на кухне. Свое молитвенное иноческое правило он не только исполнял усердно, но еще молился и по ночам. Однако и в этой обители недолго пришлось пожить Платону. Поднялось на Украине гонение на Православие от униатов. Коснулось оно и этой обители. Когда церковь была запечатана уже более месяца, братия стала расходиться, кто куда. Некоторые пошли в Киев, туда же пошел и Платон. У него была уже мысль идти в Молдавию, но из-за страха пред поляками он не решился идти туда. В Киеве юноша устроился в Лавре и был определен в типографию к иеромонаху Макарию. Здесь он научился резать иконы на меди. Здесь же получил и известие о своей матери от пришедшей на богомолье вдовы своего умершего брата о. Иоанна. Весть о любимой матери, оставленной ради Господа, утешила и успокоила его сердце. И он уже всецело отдался иноческим подвигам. В жажде подвигов, Платон часто навещал лаврские Пещеры. Со слезами любви и умиления он лобызал нетленные останки Печерских чудотворцев, горячо просил их помощи и вразумления в деле спасения. Он горел желанием жизни пустынноческой под руководством опытного в духовной жизни и духовной брани старца. Не найдя искомого в России, юноша задумал поискать его вне ее. Вскоре он встретился с двумя почтенными иноками. Эти иноки собирались идти в Молдо-Валахию. Платон упросил их взять его с собой, и они оставили Киев.

Пройдя Украину и Молдавию, три путника достигли Валахии и пришли в обитель Святого Николая Чудотворца – Трействены. Здесь о. Платон нашел сразу то, что искал: строгих подвижников, по которым так тосковала его душа, и у которых он многому научился. Настоятелем в этом монастыре был иеромонах Димитрий, который с любовью принял путников. Старец этого скита-обители, иеросхимонах Михаил, по нуждам монастыря в это время был на Украине. Но вскоре пришел из скита Мерлополянского (Яблочной поляны) старец схимонах Василий. Он много времени прожил в России, в Мошенских горах и других пустынях. По ревности к богоугодной жизни был близок великим подвижникам. В Молдо-Валахию схимонах Василий перешел с учеником своим иеромонахом Михаилом и пользовался здесь большой известностью по своей духовной опытности, знанию и пониманию святоотеческих писаний. Схимонах Василий пробыл несколько дней в скиту Трействены и немало побеседовал на пользу братии. Платон был глубоко потрясен беседами мудрого старца и, умиленный, от всего сердца благодарил Господа, сподобившего видеть такого блаженного мужа. Схимонах Василий обратил особенное внимание на Платона и звал его с собой в Мерлополянский скит. Но Платон боялся, что его там посвятят в иерейский сан, и потому уклонился от перехода в тот скит.

В скором времени возвратился с Украины и старец Михаил, который был радостно встречен всей братией еще на пути к обители. Келья о. Платона была недалеко от самого скита, над потоком, и церковь скитская была видна ему из кельи. Как ревностно заботился о своем спасении в это время о. Платон и как глубоко он предан был соблюдению правил иноческой жизни, показал тогда следующий случай. Однажды в воскресенье о. Платон не услышал звона к утрени и проспал ее начало. Когда же проснулся и пришел в храм, там уже шла утренняя, было прочтено Евангелие и начался канон. Платон устыдился своей беспечности, ушел обратно и, сев под деревом, стал горько оплакивать свое падение. Кончилась Литургия. Собрались на трапезу, а Платона не было. Старец Михаил, любивший юношу, заметил его отсутствие, попросил повременить с началом трапезы и послал своего ученика Афанасия, писца книг отеческих, разыскать Платона. Едва нашел о. Афанасий о. Платона и едва уговорил пойти в скит, где его ждали. Когда о. Платон подошел к скиту и увидел старца, настоятеля и братию, сидевших у трапезы, он еще более смутился и, пав на землю, с горькими слезами просил прощения. Старец, настоятель и братия подняли его с земли и, утешая, спрашивали о причине столь великой скорби. О. Платон от слез не мог говорить. Когда же о. Афанасий рассказал о причине слез юноши, вся братия вздохнула о себе и умолкла! Утешив его и взяв с собою в трапезную, все

стали обедать, но о. Платон не мог ничего вкушать, и только уже после трапезы немного вкусил. А пока он оставался в трапезной, старец беседовал с учениками и увещевал их молитвой стяжевать такую же огненную печаль по Бозе, какую имел юный Платон.

После этого старец еще более полюбил юношу, а тот, сидя у ног его, внимал всем умом и всем сердцем беседам дивного старца. Через некоторое время старца Михаила пришел навестить старец Онуфрий из скита Кыркуль, – муж духовной жизни. По просьбе старца Михаила он побеседовал со всей братией о спасении и в беседе коснулся своего скита. Он говорил о прекрасном его местоположении и удобствах уединения. Речи старца пробудили у о. Платона желание побывать там. Старец Михаил охотно отпустил своего ученика туда и он, горячо поблагодарив своего наставника и о. настоятеля, взяв их благословение, отправился с о. Онуфрием в скит Кыркуль.

Три дня шли о. Онуфрий и о. Платон большими лесами, прекрасными полями и высокими горами до скита, где настоятель иеромонах Феодосий принял юношу с любовью. На другой день по прибытии их настоятель дал о. Платону келью, и он стал жить в совершенном уединении. Скит этот был пустынный. По Святогорскому Уставу здесь братия собиралась только по воскресеньям и праздничным дням. Вместе совершали утреннее молитвенное правило, слушали Божественную Литургию, вместе и трапезовали. После трапезы до вечерни проводили время в беседе. Делились своими скорбями и опытами, просили друг у друга молитвы и после вечерни снова на неделю расходились по своим кельям на подвиги уединения и безмолвия. И о. Платон жил здесь подобным образом. В уединенной кельи он отдавался молитвам, чтению слова Божия и отеческих писаний, внимал себе и в самособранности духа познавал свои немощи, памятуя о Страшном суде и вечных мучениях для грешников, проливал слезы покаяния и был мирен в духе своем. А в часы отдыха занимался рукоделием, вытачивая из дерева ложки.

Старец Онуфрий жил на высокой горе, в часе хода от скита. С горы от кельи пустынножителя открывался прекрасный вид на окрестности горы, холмы и долины с большими лесами, а у подножия горы струился источник чистой воды. Старец пребывал в молитве, чтении, псалмопении и рукоделии. Тем, кто обращался к нему за советом, старец был истинным утешителем. Он подробно наставлял, говоря о страстях душевных и телесных, о страшной и неотходной мысленной брани с бесами, о ковах и нападениях их невыразимых, от которых спасение только у Христа Спасителя. К этому-то старцу и обращался за советами и наставлениями о. Платон, живя в скиту Кыркуль. Благоговейно принимал советы старца и еще более пламенно отдавался молитве, нередко подолгу молясь распростертым на земле и со слезами.

Три года пробыл о. Платон в молдавских скитах; здесь он посетил всех духовно опытных иноков и от каждого в отдельности, и от всех вместе, и от строя их общей иноческой жизни, извлек для себя много спасительных уроков, опытно пройдя сам все иноческие подвиги. И здесь он достиг уже такого устройства, что великие старцы Василий, Михаил и Онуфрий называли его «юным старцем». Было же тогда о. Платону 24 года. Он весь был преисполнен любовью к Богу, которая затеплилась в нем еще в детстве, от чтения священных книг.

Вскоре о. Платон решил идти на св. Гору Афонскую, услышав, что старцы намерены принудить его к принятию священства. Он же страшился этого, потому что, по смирению, считал себя недостойным. Очень не хотели расставаться с ним старцы Василий, Михаил и Онуфрий и уговаривали его остаться с ними. Им тяжело было лишиться такого сподвижника. Наконец, видя твердость его желаний и усматривая в этом волю Божию, три старца-наставника усердно помолились и благословили о. Платона в путь. Он нашел себе спутника, иеромонаха Трифона, и после многих и тяжелых испытаний достиг св. Горы.

Он стремился на Афон как на родину родного русского монашества и в колыбель всего аскетического просвещения, которого ему недоставало в молдавских скитах. Но и Афон в то время переживал время упадка, о. Платону нескоро удалось достать то сокровище, к

которому он стремился – святоотеческие аскетические писания.

Когда Платон и Трифон пристали к св. Горе, прежде всего они вошли в Лавру преподобного Афанасия, где и отдохнули с дороги. Затем перешли к инокам-славянам, жившим под начальством Пантократорского монастыря. Здесь иеромонах Трифон простудился, тяжело заболел и через четыре дня умер. О. Платон поселился в келие (келье), называвшейся Копарис. Обходя иноков, он искал себе духовного отца-руководителя, но не нашел и пребывал в уединении, проводя жизнь еще с большей строгостью, чем в Валахии. Тяжела была его брань с бесами, и особенно с крайним унынием. Пост он держал суровый и питался через день сухарями с водой, кроме праздников, воскресных дней и суббот. Нестыжательность его была так велика, что он не имел даже и сорочки; были у него лишь ряса и подрясник все в заплатах. Двери кельи его никогда не замыкались, и ничего у него там не было, кроме икон и книг, которые он нашел с большим трудом и которые брал у болгарских иноков; их-то он изучал и читал с крепким вниманием. С них-то и начал дело обновления иноческой жизни. Так прожил о. Платон три с половиной года.

Тогда по делу посетил св. Гору старец Василий, наставник Платона, который и постриг его в мантию, назвал Паисием. Было ему тогда 28 лет. Старец много беседовал с преп. Паисием и разъяснял ему учение древних отцов-аскетов о трех образах жития монашеского. Пробыв некоторое время на Афоне, о. Василий возвратился в свою обитель в Валахии. Через три месяца после его ухода из Валахии пришел на св. Гору молодой инок-молдаванин Виссарион. Он обошел афонских отцов и искал себе наставника, но не нашел. Пришел Виссарион к преп. Паисию и поведал ему скорбь сердца своего. И просил его взять к себе в ученики. Много беседовали они, много раз отказывался преп. Паисий; три дня слезно умолял его Виссарион. Видя такое усердие, не устоял преп. Паисий и принял его к себе в сожитие, но не как ученика, а как брата. И стали они жить вдвоем, а наставником себе имели отеческие книги. Отрадна была эта согласная их жизнь; добро трудились они в деле спасения, друг друга поддерживая и утешая.

Недолго утешались подвижники своим безмолвием. Четыре с небольшим года провели они вдвоем. Как только весть о двух подвижниках распространилась по святой Горе, к преп. Паисию стали приходять многие ревностные иноки и просить его принять их в ученичество к себе. Преп. Паисий отказывался целых четыре года, но потом уступил. Были такие усердные просители, которые в течение всего этого срока не прекращали своих просьб, и о. Виссарион, жалостливый инок, стал упрашивать за них преподобного. Тогда он принял постепенно восемь человек в сожитие к себе, которые и разместились в двух кельях. Скоро эти кельи оказались тесными, и старец приобрел келью св. Константина с церковью. К восьми братьям-молдаванам присоединилось еще четыре русских инока. В церкви службу стали править по-славянски и молдавски. Имея нужду в священниках, все это братство стало просить старца, чтобы он принял священный сан. Он и слышать не хотел. Братия продолжала его упрашивать, говоря, что ему, как старцу их, надо быть и духовником. Указывали и на то, что если он не согласится, они, не имея опытного духовника, могут погибнуть, и тогда вина будет на нем. Почтенные и старейшие святогорские иноки также упрашивали его принять священный сан для пользы братии. Со слезами старец уступил этим просьбам и был рукоположен во иеромонаха и стал духовником братии. И была великая радость у его духовных чад. Константиновская келья стала тесна, и преп. Паисий, по совету со своей братией, у Пантократорского монастыря купил ветхую келью св. пророка Илии и заново создал Ильинский скит. Иноки устроили здесь церковь, трапезную, пекарню, странноприимницу и шестнадцать келий. Старец имел намерение братство более чем до пятидесяти человек не увеличивать, почему и устроил шестнадцать келий, каждую на троих. Слава Бога, с радостью перебрались иноки в новое свое убежище. Стройно потекла жизнь их. И увеличились еще более труды старца. Многие из святогорской братии и новоприходящие, когда видели такую богоугодную жизнь Паисиевского братства, усердно просили старца принять и их в свое стадо. Старец

вынужден был принимать. Кельи для этих пришельцев не было, но они пристраивали келейки при каменной стене под первыми кельями, на двоих-троих. Трудились же все вместе, а сам старец днем делал ложки, а ночью, – он спал не более трех часов, – занимался переводом отеческих книг с греческого на славянский язык и исправлением древних славянских текстов. От одного из своих братьев, – Макария, он научился не только разговорному новогреческому языку, но и древнему книжному. Кроме скитского братства, многие святогорские иноки других обителей были духовными чадами преподобного. Даже Святейший патриарх Серафим, живший в Пантократорском монастыре, нередко навещал старца для духовной беседы, – то приходя пешком, то приезжая на ослике. Не раз патриарх и старейшие в обители Пантократорской иноки приглашали старца для служения Божественной Литургии и, когда он служил, утешались духовно. Старец служил всегда с глубоким смирением, благоговением и слезами. Его служение так всех умиляло, что некоторые от избытка чувств и слез не могли достаивать службы и выходили на время из храма, чтобы успокоиться. Плакали почти все; плакал старец-патриарх, от избытка сердца говоря: «Слава Богу! Слава Богу!».

Широко по св. Горе разошлась слава о старце Паисии; вызвала она и любовь многих к нему, и зависть некоторых. Был в то время на св. Горе один преклонного возраста монах-молдаванин Афанасий. Он позавидовал преп. Паисию и стал на него клеветать; не постыдился даже обвинить его в ереси и хулил умную молитву Иисусову, которой учил старец. Он терпеливо и молча переносил эти нападки. Озлобленный монах не выдержал и написал старцу письмо. В этом письме, начатом в тоне благожелательного и дружественного совета, он излил всю свою злобу. Преп. Паисий, получив письмо, прочитал его своему духовнику. Потом вместе с ним пошел к опытейшим святогорским старцам, которые рассмотрели это письмо и весьма оскорбились его содержанием. По поручению всех старцев преп. Паисий написал Афанасию-молдаванину ответ в четырнадцати главах, где и разобрал все его обвинения (название книги «Свиток»). Получив этот ответ и прочтя его, Афанасий осознал свое заблуждение, горько раскаялся в своем поступке и просил прощения у Паисия. Он с любовью и радостью принял Афанасия, и последний, после душевной беседы со старцем, мирно возвратился к себе. Братство преподобного все более и более умножалось, и обитель становилась уже тесной. По совету афонских иноков, Паисий половину братии переселил было в запустевший монастырь Симоно-Петр, но турки заставили его уйти оттуда: они взяли с него семьсот левов в уплату числившихся за этим монастырем долгов и еще хотели взять, поэтому старец пробыл здесь лишь три месяца. Это событие и было тем обстоятельством, которое побудило преп. Паисия и его учеников оставить св. Гору и перейти в Молдо-Валахию. Узнав о таком намерении старца, святогорские иноки стали усиленно просить его не покидать их. Но когда увидели те тяготы, какие несло Паисиево братство, не могли не согласиться с доводами старца и, слезно распроставшись с ним, с миром отпустили его с учениками. Тяжело было и ему оставлять св. Афон, особенно своего друга Святейшего патриарха Серафима. Старец-святитель со слезами преподавал уезжавшему другу свое благословение и, облобызав его честную главу, с глубокой скорбью возвратился к себе.

Многое связывало преп. Паисия с Афоном, – не только привычка к месту, но и дружба духовная, и те труды, которые он начал. С принятием о. Виссариона для преп. Паисия началось время служения самому иночеству в деле его обновления. Время от приема о. Виссариона до отъезда с Афона и было собственно временем образования первой иноческой общины. А время пребывания в Молдо-Валахии было той порой, когда старец уже воочию всем явился во всем величии своего старческого опыта и когда свет Нямецкой Лавры начал осиявать уже всю Россию... То обстоятельство, что старец переселился в Молдавию, а не в Россию, легко объясняется. Преп. Паисий горячо любил Россию и часто подписывался «Родимец Полтавский», но перейти в Россию для него значило бы погубить все свое дело. Тогда было время на Руси мрачное, – от Екатерины I до Екатерины II. Как оно тяжело отражалось на монастырях, об этом ясно говорят обстоятельства жизни

Саровских первоначальников Иоанна и Ефрема... Царствование Екатерины II было ознаменовано введением монастырских штатов, погубивших множество монастырей. Молдавия же была свободна от подобных опытов увеличения средств государства за счет разорения и закрытия монастырей. И те невзгоды, что пришлось перенести там преп. Паисию, были ничто в сравнении с тем, что его ждало бы в России. Потому-то он мудро и избрал себе место вне России. Замечательно, что митрополиты Платон и Гавриил и другие лучшие иерархи той эпохи, оказывая старцу любовь и внимание, в Россию его не звали.

Два корабля было занято путниками. Число Паисиева братства в то время возросло до шестидесяти четырех человек. В один корабль вошел сам старец Паисий с русскими учениками, в другом поместились иноки-молдаване с о. Виссарионом. Благополучно совершили путники свое плавание от св. Горы до Царя-града и от Царя-града до Галаца, где и вышли на сушу. В Валахии на время поместились в ските Варзарешти. В Яссах старец Паисий принял благословение митрополита Гавриила, и был с любовью принят воеводой Григорием Каллимахом. Митрополит отдал старцу и его ученикам монастырь Драгомирну с храмом, освященным в честь Сошествия Св. Духа на Апостолов, а воевода грамотой освободил монастырь этот и его угодыя от всех повинностей. Епископу же Радоуцкому, в ведении которого находилась обитель, митрополит написал, чтобы тот вручил обитель преп. Паисию с любовью и должным почетом. Видя такой прием, преп. Паисий благодарил Господа за Его непостижимо благие пути, когда сердца всех сильных мира сего преклонились на любовь и милосердие к ним, странникам.

Когда старец водворился в отведенной ему обители, пришел из Мерлополяны навестить его иеромонах Алексей. Приход его доставил большое утешение старцу. О. Алексей был другом Паисия еще в Киевской школе и учеником того же старца Василия. По просьбе преп. Паисия, о. Алексей посвятил его в схиму, с оставлением того же имени. После Пасхи о. Алексей, провожаемый старцем и всем братством, возвратился в свою обитель, где он после старцев Василия и Феодосия был старцем. Старец же Паисий стал устраивать порядки обители. Он ввел и здесь самое строгое общежитие, и сам подавал пример братству. Общая трапеза, общая обувь и одежда, дававшиеся старцем, послушание на общих работах и молчание, по кельям молитва Иисусова и чтение аскетических писаний, ежедневное откровение помыслов – вот те основы, на которых развивалась и протекала жизнь Паисиева братства. Старец был очень внимателен ко всем и более всего заботился о мире братии, потому ссорившимся не позволял до примирения даже переступить церковного порога и читать молитву Господню. На послушания вне обители он назначал только тех братий, которые не могли подать повода к соблазну. Когда же было такое стечение обстоятельств, что ради внешней выгоды было необходимо нарушить какую-либо иноческую заповедь, старец выгодой жертвовал, только бы сохранил заповедь. Больных братий преподобный поручил особенному попечению брата Гонория – человека, знакомого с врачеванием, сострадательного и просвещенного, которому одному только и было дано такое доверие, что он мог сам брать из кельи старца столько денег, сколько было нужно на дело. О. Гонорий пережил старца Паисия только на один год.

Старец все свое время, какое оставалось от молитвы и служения братии, посвящал переводам с греческого писаний древних св. аскетов при помощи о. Макария, о. Илариона и некоторых других своих иноков. Начиная с Рождественского поста и до недели Лазаревой, кроме воскресных и праздничных дней, старец вечерами ежедневно в трапезной читал поучения из сделанных им переводов творений св. К. Василия Великого, преп. Иоанна Лествичника, преп. аввы Дорофея, преп. Феодора Студита, преп. Симеона Нового Богослова и других. Один день чтение было по-славянски, другой по-молдавски. Повечерие читалось по-славянски, когда чтение было славянское. Свои чтения старец сопровождал толкованиями. Всем братиям, обращавшимся к нему за советами и утешениями в горестях, старец давал нужные советы с любовью. С любовью он вразумлял и провинившихся. Был преп. Паисий суров только с жестокосердными, и то лишь до

первого проявления раскаяния. Сам будучи безстрастным, он сострадал каждому, и двери его кельи были открыты с утра и до девятого часа вечера. Мирно текла жизнь иноков. Многие из них достигли высокого нравственного совершенства. Мирное течение их жизни омрачилось глубокой скорбью: почил друг преп. Паисия о. Виссарион. Горько оплакав эту разлуку, старец установил по друге ежегодную панихиду в день памяти и праздничную трапезу братии.

После Русско-турецкой войны, когда часть молдавской земли перешла к Австрии, старцу, из-за предстоявших папистских происков, пришлось оставить Драгомирну. От настоятеля Секульского монастыря пришло ему приглашение переселиться в эту обитель. Молдавский господарь Григорий Гика и митрополит охотно позволили старцу и его братству переселиться в Секуле. В это время всех учеников старца было триста пятьдесят. О. Паисий, со слезами помолвившись в храме, оставил столь дорогую ему обитель и перебрался в Секуль. Монастырь Секульский находился в узком горном ущелье, с источником, который от дождя часто широко разливался. Подъезд к монастырю был неудобен, а место для подвигов было очень удобное. Однако скоро оказалось, что Секуль крайне тесен для такого братства, и старец стал просить у князя Константина Мурузы другую обитель. Князь рад был послужить чтимому старцу и послал ему грамоту, чтобы старец поселился в Нямецкой обители. Братия Нямецкая, узнав о воле князя, пришла просить старца не обижать их. Старец сам крайне опасался туда переходить, боясь, – не пришлось бы там нарушить установленный им общежительный строй братской жизни. Старец написал князю письмо, в котором просил разрешения не переходить в Нямец. Это письмо он послал с духовником молдавской части своего братства Иринархом, который знал и греческий язык. С ним он послал еще другого брата. Посланцы доставили князю письмо и словесно дополнили его своими просьбами. Но князь подтвердил первое свое распоряжение; написано было старцу новое послание, которое князь скрепил не только своей подписью и печатью, но и прибавил еще такие слова: «Сотвори послушание, – иди в Нямец, ничтоже рассуждая». Когда принесен был ответ князя, от печали старец разболелся. Старейшая братия собралась около него, и по общему совету было решено исполнить волю князя. Нямецкой братии было послано княжеское письмо, и в навечерие Успения 1779 г. о. Паисий переехал в Нямец, который стоял в двух часах ходьбы от монастыря Секуль. В Секуле он оставил часть братии под управлением духовника о. Илариона.

Старец был уже стар и слаб и ехал в одноколенной тележке, а братия шла, окружая его. В храме преп. Паисий был встречен пением «Достойно...», и со слезной молитвой припал к чудотворному образу Пречистой, прося у Божией Матери покрова и помощи. В день Успения, после Литургии, старец пригласил к себе начальников старой Нямецкой братии и успокоил их обещанием беречь до смерти. Что они отдали ему в обители, то он и принял, а большего не допытывался. Примиренные старцы эти до смерти прожили в обители, внимая о. Паисию, и кончили свою жизнь богоугодно – почили с принятием схимы. Малая часть остальной Нямецкой братии ушла из обители, а большая осталась и скоро слилась совершенно с пришедшими. Старец обо всем отписал князю, который был этим весьма утешен и обещал обители всегдашнюю свою помощь. На средства князя преп. Паисий благоустроил всю обитель и, в частности, устроил здесь больницу с кельями и для временных посетителей обители – иноков других монастырей.

О больных старец имел особенное попечение. О. Гонорий заведовал больницей, в которой обращалось особенное внимание на чистоту обстановки и самих больных. При больнице этой из келий для странников мало-помалу возникла и странноприимница, где находили временное успокоение странники-иноки и миряне, бесноватые и увечные; некоторые здесь и умерли. А неимущим давали еще на дорогу и пищу, и обувь, и одежду. Число Нямецкой братии возросло до четырехсот, и в Секуле было около ста. Старец сам управлял обоими монастырями и возникшими около них скитами. В Секуле он раз в год удалялся из Нямеца на девять дней. Здесь он служил в храмовый праздник Усекновения

главы св. Иоанна Крестителя и со всеми, кто нуждался в его совете, беседовал с любовью. Больным же он сообщал нужное через своего ученика о. Досифея, который был для них сердобольным духовником-утешителем. Некоторых братьев преп. Паисий из Нямеца посылал в Секуль, а из Секуля брал в Нямец. И тесная связь и непосредственное руководство старцем всего братства, таким образом, не прерывалось. Самая личность старца могуче влияла на всех, и одно его присутствие уже воодушевляло на подвиги. Он был преисполнен благодатных даров Духа премудрости и разума, совета и крепости, ведения и благочестия – Духа старца Божия. Преисполненный великой любовью к ближнему, он был тих и мирен, кроток, долготерпелив и младенчески незлобив. Смиранный вид о. Паисия сиял чистотой целомудрия, и самое лицо старца сияло отблеском небесной славы. Его очищенному взору открывалось тайное. Он провидел смерть своего благодетеля воеводы Григория Гики; ему часто во сне виделся меч, висевший на волоске над головой воеводы, который вскоре был казнен султаном турецким. Двух нерадивых иноков старец со слезами умолял исправить свою жизнь, но они не послушали. И вот один вскоре утонул, а другой умер в пути. При его пламенной молитве в то время было немало чудес от иконы Божией Матери.

Вся жизнь старца была посвящена служению иночеству. От поступления в обитель и до приема им в купножитие о. Виссариона, старец, опытно пройдя путь иноческого делания, в последующее время до самой своей кончины уже служил иночеству как опытный старец-вождь. Заслуга его великая в том, что он своим примером и примером своего братства обновил те древние устои иноческой жизни, на которых она процветала и с забвением которых она падала все ниже и ниже. Эти устои – молитва Иисусова и весь чин молитвенного подвига, духовное, аскетическое просвещение, общежитие и старческое руководство новоначальных с откровением помыслов. На этих основах и создано было преп. Паисием его братство в несколько сот человек. Этим братством он, сам подавая пример, и руководил в течение долгих лет, и сумел воспитать сонм таких подвижников, которые глубоко усвоили его дух и после его смерти явились обновителями монашества по всей России.

Но этим подвигом еще не исчерпывается великая заслуга старца. Он нес и другой великий подвиг, подвиг создания на русском языке аскетической литературы, т.е. самого источника монашеского просвещения. Правда, и до о. Паисия были переводы некоторых аскетических творений древних отцов монашества, но эти переводы уже стали редки; они были случайны, а главное – были забыты в практической жизни. Много труда, сил, здоровья, времени и средств положил на это о. Паисий, для этого выучившись древнегреческому языку. Время жизни на св. Горе было временем преимущественно собирания рукописей, а жизнь в Молдавии была временем переводов и приложения к жизни учения святых отцов. Из переводов старца и составились настольные книги каждого инока: «Добротолубие», «Лествица» и «Поучения преп. Исаака Сирина». Старец своими переводами и применением отеческого аскетического учения к жизни обновил самое русское монашество. Подвиг перевода отеческих книг он, как и подвиг личного руководства жизнью монахов, нес до самой своей кончины. Когда уже изнемог от старости, то трудился сидя на постельке, весь обложенный книгами, и ночью порой, при свете свечи, писал и писал, несмотря на то, что все его пролежни были в ранах. За несколько дней до смерти он все еще перечитывал и исправлял переводы.

Будучи вождем иночества, преп. Паисий, когда мог, служил и мирским людям. Вознесение – храмовый праздник Нямецкой Лавры. Издавна на этот праздник было громадное стечение народа не только из Молдавии и Валахии, но и из славянских земель. И старец всех богомольцев приветливо принимал; благодарил за труд посещения обители и каждому, оказывая радушие и гостеприимство, служил, чем мог. В эти четыре дня двери его кельи были открыты и днем, и ночью.

При жизни старец пользовался уже большой славой в Православной России как среди высших слоев общества, так и среди простого народа. Митрополит С.-Петербургский

Гавриил находился с ним в переписке и издал «Добротолубие». Архиепископ Амвросий Екатеринославский, местоблюститель Валахской митрополии, когда был с князем Потемкиным в Яссах, нарочито на четыре дня приезжал в Нямецкую Лавру и там провел время в беседах со старцем, которого за службой в его обители возвел в сан архимандрита (в 1790 г.). Слава старца среди простого народа влекла в его обитель сотни людей. Но эта слава святого старца не только не надмевала, но еще более смиряла.

Исполнив свое великое призвание и достигнув глубокой старости, старец приблизился к кончине, пред которой был болен четыре дня. В последнее воскресенье он собрался с силами и пришел к Божественной Литургии, за которой и приобщился Св. Христовых Таин. Ему прислуживали его преданнейшие ученики Гонорий и Мартирий, а пред смертью он призвал к себе духовников братства: Софрония – словенского языка, и Сильвестра – молдавского; через них он преподал последнее благословение братии и, еще раз причастившись Св. Христовых Таин, тихо почил 15 ноября 1794 г.

Оплаканный всюду, он был погребен в Нямецкой обители, и его гроб стал народной святыней всех славян.

Преподобный Паисий Величковский

ПОУЧЕНИЯ

О десяти добродетелях

1-я добродетель – вера, ибо верою все, что хотят, получают, – сказал Господь. От произволения нашего вера или уменьшается, или увеличивается.

2-я добродетель – нелицемерная любовь к Богу и людям. Одной любовью весь закон исполняется и жизнь богоугодная совершается. Любовь состоит в том, чтобы полагать душу свою за друга своего и, чего себе не хочешь, того другому не твори. Пребывающий в любви, в Боге пребывает.

3-я добродетель – пост. Постом называю вкушение однажды днем мало. Еще будучи алчным вставать от трапезы.

4-я добродетель – воздержание – матерь и союз всех добродетелей. Воздержание есть убийство греха, удаление от страстей, начало духовной жизни и ходатай вечных благ.

5-я добродетель – бдение. Бдение с рассуждением очищает ум от рассеяния помыслов, делает его легким и вводит в молитву. Мерное бдение веселит сердце.

6-я добродетель – молитва Иисусова. Это – общее дело у человека с Ангелами; этой молитвой люди скоро приближаются к ангельскому житию. Молитва есть божественное веселие.

7-я добродетель – смирение и смиренномудрие. Смирение сердечное без труда спасает человека старого, больного, убогого, нищего и необразованного; ради него прощаются все согрешения.

8-я добродетель – безмолвие, т.е. удаление от всякого житейского попечения и смущения, или безответное молчание среди многолюдства. Обуздавший и сдерживающий язык, все тело свое воздержит.

9-я добродетель – нестяжательность вещей и крайняя нищета.

10-я добродетель – рассуждение благорассмотрительное во всяком деле, потому что безрассуждение и добро приводит ко злу, и посему бывает не добром.

Без этих вышеуказанных десяти добродетелей невозможно спастись.

О непрестанной Иисусовой молитве

Что должно сделать, чтобы ум всегда был занят Богом? Если не приобретем трех следующих добродетелей: любви к Богу и людям, воздержания и молитвы Иисусовой, то

не может ум наш вполне быть занятым Богом, ибо любовь укрощает гнев, воздержание ослабляет похоть, а молитва отвлекает ум от помыслов и прогоняет всякую ненависть и высокоумие: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй Кмя».

Если же кто навькнет молитве Иисусовой, и она соединится с сердцем, тогда подобно источнику потечет сия молитва на всяком месте, при всяком деле, во всякое время. Когда исполняется прилежно неотложное дело, или сильно насилуют помыслы ум, или одолевает сон, тогда нужно усердно молиться устами и языком, чтобы ум внимал голосу. Когда же ум в тишине и спокойствии от помыслов, тогда можно им одним молиться. От молитвы, произносимой долговременно языком, проистекает умная, и от умной – сердечная. Этот путь молитвенный – скорейший ко спасению, чем посредством псалмов, канонов и обычных молитв для грамотного. Что совершенный муж пред отроком, то сия молитва пред грамотнословием. Молитва эта требует трезвения, воздержания, удаления от людей, всякого безпопечений и безмятежия, от коих возрастает и утверждается истинная и непрестанная молитва, поражающая невидимую тать.

Как различить от Бога внушение и вражий прилог

Вопрос: Почему можно было узнать, Божие ли то благоволение, или вражеское искушение, когда случится доброе дело сомнительное, т.е. один помысел побуждает сделать его, а другой, напротив, препятствует ему?

Ответ: Враг имеет обыкновение скрывать истину и смешивать добро со злом. Но почему можно узнать истину? Божие благоволение во всех наших намерениях кротко, благонадежно и несомненно; не только в добром деле нашем, но и в беззаконии нашем Бог с кротостью долго терпит и ожидает нашего покаяния. А почему узнать вражий прилог? Враг обыкновенно препятствует нам и отвращает нас от добра. Однако, если в чем-либо, по-видимому добром, ум смущается и расстраивает нас, отгоняет страх Божий, лишает спокойствия, так что без всякой причины сердце болит и ум колеблется, то знай, что это вражий прилог и отрини его. Вражие – возмутительно, беспокойно и сомнительно для ума во всех наших намерениях. Не расположению сердца нашего должно верить во всем, но рассудивши, полезно ли нерасположение. Когда же ум наш стеснен от врагов помыслами и омрачением, тогда должно совершенно оставить всякую мысль и рассуждение, ибо не знаем мы истины, пока ум не очистится молитвою, ибо тогда помышления, как мутная вода, поднимаются в уме, или, как облако, блуждают, и душевные чувства ко всему бывают не чувствительны. Посему, желающий узнать истину, пусть побуждает себя долгое время на горячую молитву и на желаемое дело. Во время молитвы не может враг скрыть истины, так как тогда он не имеет власти; на деле можешь испытать истинность такой веры. Богу нашему слава во веки. Аминь.

О страстях и пагубных пороках и о том, какие от каких рождаются

Прежде всякого грехопадения, бесы наводят на человека следующие страсти: мрачное забвение, гнев жестокий, т.е. безчеловечную и зверскую злобу и неведение, как тьму безпросветную. Эти три страсти предшествуют всякому греху. Ибо не совершит человек ни одного греха прежде, чем он предварительно не расположится ко всякому злу или забвением, или гневом, или неведением. От них происходит душевное нечувствие, т.е. ум – душевное око, бывает темен и пленяется тогда всеми страстями. Прежде всего рождается маловерие. Маловерие же порождает самолюбие – начало и конец, корень и родоначальник всякого зла; оно есть бессмысленная любовь к своему телу, когда везде и во всех вещах избирает кто-либо себе одному только полезное. Искореняется же этот злой корень страстей любовью, милосердием и отречением от своеволия. Самолюбие порождает немилосердие и сребролюбие – насытую утробу, так же корень и причину всякому злу. От сих двух, – самолюбия и сребролюбия, происходит во всяком месте всякое несчастье и жестокие злодеяния. Как в мирянах, так и в монахе сребролюбие порождает гордость, чрез которую бесы отпали от святой славы и свержены с неба.

Гордость порождает славолюбие, которым прельстился Адам, захотев быть Богом и не был, и тем навел страдание и клятву на весь род человеческий. Славолюбие порождает сластолюбие, через которое Адам пал и был изгнан из Рая.

Сластолюбие порождает чревообъядение и блудные дела. Блуд порождает гнев, погашающий сердечную теплоту и пагубный для всякой добродетели. Гнев порождает памятозлобие – охлаждение духовной теплоты. Памятозлобие порождает мрачную и злобную хулу на своего брата. Хула порождает безвременную печаль, как ржавчина съедающую человека. Печаль порождает безумную наглость. Наглость порождает тщеславие, выставляющее на показ добродетели и через это оставляющее труды без награды. Тщеславие порождает невоздержное многоречие. Многоречие порождает празднословие, пленение. Уныние порождает мрачный сон. Если кто эти страсти победит, тому и прочие покорятся, – каковы: страхование, ужас, зависть, ненависть, лицемерие, лесть, ропот, неверие, лихоимство, пристрастие, вещелюбие, малодушие, острожелчие, сомнение, любоначалие, человекоугодие, дерзость, смех, совершенное падение, невыразимый ров и погибель чрез отчаяние, в каком состоянии человек сам себя закаляет, не ведая того человеколюбия Божия и милости, что пришел Он грешников спасти, и что нет на земле такого греха, которому не было бы прощения. Из семи следующих страстей – самолюбие, сребролюбие, гордость с тщеславием, злопамятность, осуждение, сомнение, отчаяние – конец всем страстям. От сих страстей если кто не хранит себя и не отвержет их, тот погубит выше указанные следующие десять добродетелей: веру, любовь, пост, воздержание, бдение, молитву, смирение со смиренномудрием, безмолвие с молчаливостью, нестяжательность и рассуждение, и вместе повредит все остальные добродетели. Если кто имеет хоть одну из сих главных страстей, таковой нисколько не преуспеет, хотя бы и подвизался против прочих страстей, совершал какую-либо добродетель и хотя бы даже кровь свою пролил за Христа, и молитва такового неприятна Богу. Господь Бог да избавит нас Своею благодатью от всякой напасти и страстей во веки. Аминь.

Преподобный Лев

ЖИТИЕ

Первый приснопамятный оптинский старец Лев (Наголкин) родился в г. Карачеве Орловской губ., и в святом крещении наречен был Львом. В миру он вращался в купеческом быту и служил приказчиком в пеньковом деле, возил пеньку для сбыта на дальние расстояния. Однажды юноша подвергся нападению от волка, который вырвал у него из ноги огромный кусок. Будучи необычайно сильным и смелым, Лев засунул кулак в глотку волка, а другой рукой сдавил ему горло. Обезсиленный волк упал с воза. Старец Лев прихрамывал после этого всю жизнь.

Сметливый и в высшей степени способный приказчик во время переездов сталкивался с представителями всех классов общества. Он хорошо освоился с манерами и бытом каждого из них. Этот опыт пригодился ему в годы старчества, когда к нему приходили и раскрывали ему душу самые разные люди, знатные и незнатные.

Начало монашеской жизни преп. Лев положил в Оптиной Пустыни, но потом перешел в Белобережскую Пустынь, где в то время настоятельствовал известный афонский подвижник о. Василий Кишкин. Вскоре Лев принял монашеский постриг с именем Леонид. Здесь он прошел искус обучения монашеским добродетелям: послушанию, терпению и всем внешним подвигам. В 1804Кг. он стал преемником о. Василия. Еще до назначения своего настоятелем, преподобный прожил некоторое время в Чолнском

монастыре, где встретился с учеником старца Паисия Величковского о. Феодором и стал его преданным последователем. Старец Феодор обучал преп. Леонида высшему монашескому деланию, этой «науке из наук и искусству из искусств», как зовется подвиг непрестанной молитвы, посредством которой происходит очищение сердца от страстей. В это же время преподобный познакомился с инспектором Орловской семинарии игуменом Филаретом, будущим митрополитом Киевским. Это обстоятельство имело для старца значение в его последующей жизни.

Как только старец Леонид был назначен настоятелем Белобережской Пустыни, о. Феодор перешел к нему на жительство. Впоследствии оба подвижника во многих скитаниях прожили совместно около двадцати лет. Под руководством о. Феодора преп. Леонид достиг высоких духовных дарований.

В Белых Берегах о. Феодора постигла продолжительная болезнь, после которой построили ему уединенную келью в лесной глуши, в двух верстах от обители, где он и поселился с о. Клеопой. К этим великим подвижникам вскоре присоединился и сам преподобный, сложивший с себя звание настоятеля в 1808 году. Здесь в пустынном безмолвии он принял келейно пострижение в схиму и наречен был Львом. Вскоре после этого старцы Лев и Клеопа переселились в Валаамский монастырь, а в 1812 году к ним присоединился и старец Феодор.

Около шести лет прожили великие старцы в Валаамском скиту, где им вначале жилось хорошо, как об этом писал о. Феодор: «Взаправду можно похвалиться милосердием Божиим на нас, недостойных, явленным: привел нас в место безмолвное, спокойное, от человеков удаленное, молвы свободное». Тамошний юродивый Антон Иванович сказал: «Торговали хорошо». То есть привлекли к себе мудростью и смирением многих братьев, которые к ним стали ходить за духовным руководством. Им удалось спасти от глубокого отчаяния келиарха монастыря о. Евдокима, который, исполняя внешние подвиги, не мог справиться с такими страстями, как гнев и пр. Старцы указали ему истинный путь к отвержению сердца, и он понял смиренную науку отцов, начал смиряться, возрождаться и впоследствии сам стал учителем братии. Имена Леонида и Феодора всегда были на его устах. Игумен монастыря о. Иннокентий вознегодовал, что старцы отняли у него его ученика, и обратился с жалобой к Петербургскому митрополиту Амвросию. Из Петербурга приехала комиссия, старцы были оправданы, а игумену было сделано строгое внушение. Но зная человеческую природу, старцы побоялись оставаться на Валааме, в особенности после посещения монастыря князем Голицыным, который оказал им особое внимание. Они перебрались в Александро-Свирский монастырь.

В 1820 году государь Александр I объезжал северные свои владения. Путь его пролегал вблизи Александро-Свирского монастыря. Жившие там старцы о. Феодор и преп. Леонид почтительно предложили своему настоятелю приготовиться к встрече государя, хотя в его маршруте монастырь этот не был обозначен. Отец настоятель прислушался к совету старцев и в день, указанный ими, ожидал императора у ворот. Между тем государь на пути, по своему обыкновению, расспрашивал о местности и ее жителях у ямщиков – иногда сам, иногда через кучера Илью, неизменного своего возницу. Приближаясь к дороге, где поставлен был крест в знак близости монастыря и для указания к нему пути, государь спросил: «Что это за крест?». Узнав же, что недалеко Свирский монастырь, он велел туда ехать. При этом начал расспрашивать, – каково в монастыре и каковы братия. Ямщик, нередко туда ходивший, отвечал, что ныне стало лучше прежнего. «Отчего?» – спросил государь. «Недавно поселились там старцы о. Феодор и о. Лев; теперь и на клиросе поют получше, и во всем более порядка». Государь, слыхавший от князя Голицина эти имена, пожелал со старцами познакомиться. Между тем ожидавшие царя, испытанные скорбями старцы сотворили между собою краткое совещание, как поступить, если государю угодно будет посетить их, и решили, чтобы не вызывать у братии зависти, молчать. Подъехав к монастырю, государь удивился встрече: «Разве ждали меня?». Настоятель сказал, что вышел навстречу по совету старцев. Приложившись к мощам, царь

спросил: «Где здесь о. Феодор и о. Лев?». Старцы несколько выдались, но на все вопросы императора отвечали сдержанно и отрывисто. Государь это заметил и прекратил вопросы, но пожелал принять благословение от о. Феодора. «Як монах непосвященный, – сказал смиренный старец, – я просто мужик». Царь вежливо откланялся и поехал в дальнейший путь.

Во время пребывания в Александро-Свирском монастыре преп. Леонид однажды ездил по делам в Петербург и из рассказа о его пребывании в столице видно, что уже тогда он был истинным прозорливым старцем, обладателем многих духовных дарований. Он посещал там одну духовную дочь, которую спас от неправильного духовного устройства, именуемого прелестью. Однажды старец пришел к ней и потребовал, чтобы она немедленно переехала на новую квартиру, которую ей предлагали и от которой она отказывалась. Старец настоял на своем. Ночью в старую ее квартиру забрался ее бывший слуга с целью ограбления и убийства. Его намерение было потом доказано.

Когда скончался великий старец о. Феодор, преп. Леонид не сразу прибыл в Оптину Пустынь, куда его призывали епископ Филарет Калужский и преп. Моисей – настоятель обители. Сначала его удерживали в Александро-Свирском монастыре, потом он пробыл некоторое время в Площанской Пустыни, где находился преп. Макарий – его будущий помощник во время старчества в Оптинском скиту и впоследствии его преемник в старчестве.

Наконец, в Оптину Пустынь (1829 г.) прибыл основатель знаменитого ее старчества – той духовной школы, откуда вышла вся плеяда последующих старцев. Заслуга преп. Леонида не ограничивается только основанием старчества, им был дан тот импульс, который вдохновлял последующие поколения старцев в течение целых ста лет – до самого конца жизни и процветания знаменитой Оптиной Пустыни. Великие старцы преп. Макарий и преп. Амвросий, были его учениками.

Старец Леонид прибыл в Оптину Пустынь уже на склоне лет. Он был большого роста, величественный, в молодости обладавший баснословной силой, сохранивший до старости, несмотря на полноту, грацию и плавность в движениях. Его исключительный ум, соединенный с прозорливостью, давал ему возможность видеть людей насквозь. Душа старца была преисполнена великой любви и жалости к человечеству, но действия его иногда были резки и стремительны. О преп. Леониде нельзя судить как о обычном человеке, потому что он достиг той духовной высоты, когда подвижник действует, повинаясь голосу Божию. Вместо долгих уговоров он иногда сразу выбивал у человека почву из-под ног и давал ему осознать и почувствовать свою несостоятельность и неправоту, и таким образом своим духовным скальпелем вскрывал гнойник, образовавшийся в огрубевшем сердце человека. В результате лились слезы покаяния. Старец знал, каким способом достигнуть своей цели.

Вот пример. Жил недалеко от Оптиной один барин, который хвастался, что как взглянет на старца Леонида, так его насквозь и увидит. Был этот барин высокий, тучный. Приезжает он раз к старцу, когда у него было много народа. А у преподобного был обычай, когда он хотел произвести на кого особое впечатление, то загородит глаза левой рукой, точно от солнца, приставив ее козырьком ко лбу. Так поступил он при входе этого барина и сказал: «Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Леонида, а сам, шельма, семнадцать лет не был у исповеди и Св. Причащения». Барин затрясся, как лист, и после каялся и плакал, что – грешник неверующий и, действительно, семнадцать лет не исповедывался и не причащался Св. Христовых Таин.

Другой случай. Приехал в Оптину помещик П. и, увидев старца, подумал про себя: «Что же это говорят, что он необыкновенный человек! Такой же, как и прочие, необыкновенного ничего не видно». Вдруг старец говорит ему: «Тебе все дома строить. Здесь вот столько-то окон, тут столько-то, крыльцо такое-то!» Нужно заметить, что П. по пути в Оптину увидел такую красивую местность, что вздумал выстроить там дом и составлял в уме план, какой он должен был и сколько в нем окон, в чем и обличил его

старец. Когда же П. стал исповедываться, преподобный напомнил ему забытый им грех, который он даже за грех не считал.

Еще однажды был случай, когда один приезжий господин объявил старцу, что приехал на него «посмотреть». Старец встал с места и стал поворачиваться перед ним: «Вот, извольте посмотреть меня». Господин пожаловался на него настоятелю, который ему возразил, что старец святой, и по его словам был ему и ответ. Приезжий после этого немедленно вернулся к преподобному, кланялся ему земно и говорил: «Простите, батюшка, я не сумел вам объяснить о себе». Старец выслал из кельи присутствующих и беседовал с приезжим два часа. После этого тот прожил в Оптиной месяц, часто ходил к старцу, потом писал ему письма, объясняя, что он был в отчаянном положении и что старец оживил и воскресил его.

Славный и знаменитый герой Отечественной войны, находясь по пути со своей частью поблизости от Оптиной Пустыни, заглянул в скит к старцу Леониду. Старец спросил у него его фамилию.

– Кульнев, – отвечал генерал, – я остался после отца малолетним, поступил в учебное заведение, окончил курс наук и с того времени нахожусь на службе.

– А где же ваша матушка?

– Право, не знаю, в живых ли она, или нет. Для меня, впрочем, это все равно.

– Как так? Хорош же вы сынок.

– А что же? Она мне ничего не оставила, все имение раздала, потому я и потерял ее из виду.

– Ах, генерал, генерал! Что мелешь? Мать тебе ничего не оставила, а все прожила. И как это ты говоришь, что все она раздала? А вот об этом-то ты и не подумаешь, что она едва могла перенести удар лишения твоего родителя, а своего супруга: и с этого времени и до настоящего стоит перед Богом, как неугасимая свеча, и как чистая жертва посвятила свою жизнь на всякое злострадание и нищету за благо своего единственного сына Николушки. Вот уже около тридцати лет она проходит такой самоотверженный подвиг. Неужели же эти ее молитвы для своего Николушки не наследство? У многих генералов при всех изысканных средствах дети не лучше прохвостов, а Николушка и без средств, да вот генерал!

Глубоко потрясли Кульнева эти простые, но и правдивые старческие слова. Обратившись к св.иконам, он зарыдал. Затем генерал при безчисленных благодарностях спросил адрес своей матери. А прибыв к ней, он на коленях подполз к ее кровати и целовал у нее руки и ноги... Старушка чуть не умерла от радости...

Очень характерен рассказ одного афонского монаха, о. Парфения, посетившего старца Леонида. Монах был одет в мирскую одежду, однако старец, называя его афонским монахом, запретил ему становиться перед собой на колени, как это делали миряне. Среди присутствующих был человек, который, по его словам, пришел «получить душеполезное наставление», но, вопрошенный старцем, сознался, что не исполнил прежнее старческое приказание. Он не бросил курение, как приказал ему о. Леонид. Преподобный грозно велел вытолкать этого человека вон из кельи. Потом пришли три женщины в слезах, которые привели одну лишившуюся ума и рассудка. Они просили о больной помолиться. Старец надел на себя епитрахиль, возложил конец епитрахили и свои руки на голову болящей и, прочитав молитву, трижды перекрестил ее голову и приказал отвести в гостиницу. Сие делал он сидя, потому что уже не мог встать, был болен и доживал последние свои дни. Когда о. Парфений посетил старца на другой день, вчерашняя больная пришла совершенно здоровой, а выгнанный господин пришел просить прощения. Старец его простил, и повторил свое приказание. Афонский монах ужаснулся, что старец, не боясь вреда для себя, творит исцеления. Преподобный ответил: «Я сие сотворил не своей властью, но это сделалось по вере приходящих, и действовала благодать Святого Духа, данная мне при рукоположении, а сам я человек грешный».

Чудеса, совершаемые старцем, были безчисленны: толпы обездоленных стекались к

нему, окружали его. «Случилось мне однажды, – писал иеромонах Леонид (Кавелин, будущий наместник Троице-Сергиевой Лавры), – проезжать из Козельска в Смоленскую губернию. По дороге в уединенных деревушках поселяне, узнав, что я еду из Козельска, наперерыв спешили узнать что-нибудь о старце Леониде. На вопрос, откуда вы его знаете, они отвечали: «Помилуй, кормилец, как нам не знать о Леониде? Да он для нас, бедных, неразумных, больше отца родного. Мы без него, почитай, сироты круглые».

Иначе относились к старцу некоторые духовные лица, в том числе калужский епархиальный архиерей преосв. Николай, который творил много неприятностей Оптиной Пустыни. Этот епископ имел твердое намерение сослать старца Леонида в Соловецкий монастырь для заключения. Предыдущий же епископ Калужский Никанор, будущий митрополит С.-Петербургский, уважал старца. В бытность преподобного в Калуге встречные лица, узнав его, становились на колени и кланялись ему в ноги. Увидев это, начальник полиции решил, что дело нечисто и сделал соответственное донесение епископу Никанору. Владыка вызвал к себе старца и на вопрос, как он верует, старец спел ему Символ веры по-киевски, т.е. начиная с низкой ноты и повышая тон до самой высокой. По пословице «рыбак рыбака видит издалека», добрый владыка понял, кого он видит перед собой и почему старцу кланяются в землю. Он задержал старца у себя в течение нескольких дней, ухаживал за ним, угощал его, так что старец два дня не ел, вернувшись домой. К сожалению, этот добрый архипастырь правил в Калуге недолго, тогда как епископ Николай правил долго и даже пережил старца [*].

Старчествование преп. Леонида продолжалось в Оптиной Пустыни с 1829 и до года его кончины, последовавшей в 1841 г., т.е. двенадцать лет. Этот промежуток времени старец переживал как почти непрерывное гонение. Когда он прибыл в Оптину Пустынь, игумен Моисей передал ему духовное руководство братией, а сам занялся исключительно хозяйственной частью и ничего не предпринимал без старческого благословения. Так же относился к старцу Леониду и брат игумена, скитоначальник Антоний.

Против старца восстал некто о. Вассиан, который себя считал старожилом в монастыре и не признавал старческого руководства. Этот о. Вассиан признавал только внешние подвиги умерщвления плоти. Подобный ему инок описан Достоевским в романе «Братья Карамазовы» под именем Феропонта. Вассиан стал писать доносы на старца.

Однако в течение первых шести лет гонения еще не принимали крутого характера. Но с течением времени дело стало принимать более угрожающий оборот. Так, еще к начальному периоду относится запись некой Паши Труновой, сестры Павла Трунова, старцева ученика. Она рассказывает, что однажды в бытность ее в Оптиной Пустыни, старец Леонид запретил ей прийти к нему завтра, так как «будет суд». «Кого же будут судить?», – спросила Паша. «Да меня же», – ответил старец. На другой день следователи допрашивали весь монастырь, но все показания благоприятствовали преподобному. Это было начало. С 1835 г., и особенно в 1836 г., гонения усилились. Кроме всех ложных донесений, калужский преосвященный получил еще через московскую тайную полицию анонимный донос с обвинениями по адресу старца и настоятеля. Говорилось, что последний несправедливо оказывает скитским старцам предпочтение перед живущими в монастыре и что скит причиняет монастырю большой урон, и если он не уничтожится, то древняя обитель разорится и т.д. Следствием этого доноса было то, что настоятель был вызван для объяснений, а старцу Леониду было запрещено носить схиму, т.к. он был пострижен келейно, и строжайше запрещено принимать посетителей.

Старца перевели из скита в монастырь и там переселяли из кельи в келью. Преподобный относился к этим невзгодам с полным благодушием; с пением «Достойно есть...» он самолично переносил на новое место икону «Владимирской» Божией Матери – благословение преп. Паисия Величковского старцу Феодору. «Однажды игумен Моисей, – говорит жизнеописатель преп. Леонида, – проходя по монастырю, увидел огромную толпу народа перед кельей старца, между тем как последовало из Калуги повеление архиерея никого не пускать к нему. Отец игумен вошел к старцу в келью и сказал: «Отец Леонид!

Как же вы принимаете народ? Ведь владыка запретил принимать». Вместо ответа старец отпустил тех, с кем занимался, и велел келейникам внести к себе калеку, который в это время лежал у дверей кельи. Его принесли и положили перед ним. Отец игумен в недоумении смотрел на него. «Вот, – начал старец свою речь, – посмотрите на этого человека. Видите, как у него все члены телесные поражены. Господь наказал его за нераскаянные грехи. Он сделал то-то и то-то, и за все это он теперь страдает – он живой в аду. Но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли я его не принимать? Что вы на это скажете?». Слушая преподобного и смотря на лежащего перед ним страдальца, о. игумен содрогнулся. «Но преосвященный, – промолвил он, – грозит послать вас под начало» [**]. «Ну так что же, – ответил старец, – хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову: кто ко мне приходит, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародье многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие духовные нужды?».

Отец игумен Моисей ничего на это не мог возразить и молча удалился, предоставляя старцу жить и действовать, как укажет ему Сам Бог.

Старцу пришлось бы туго если бы не заступничество обоих митрополитов Филаретов. Митрополит Киевский защитил старца, находясь на чреде в Синоде, а также посетив Оптину Пустынь, где оказывал преподобному в присутствии епархиального архиерея особые знаки уважения. К митрополиту Филарету Московскому прибег письменно старец о. Макарий через епископа Игнатия Брянчанинова, который в юности был учеником преп. Леонида. Митрополит Филарет написал калужскому епископу: «Ересь предполагать в о. Леониде нет причины».

Незадолго до смерти старца опять возникли гонения на него и на монашествующих женских обителей, духовных дочерей оптинских старцев. Монахини были изгнаны.

Это гонение было основано на невероятном невежестве. Старца называли масоном, а святоотеческие книги, такие как творения Аввы Дорофея, данные им монашествующим, – «чернокнижием». Однако перед самой кончиной его монахини были оправданы, так что старец вздохнул свободно. Впоследствии лучшие ученицы преп. Леонида заняли начальственные должности в монастырях.

С первых чисел сентября 1841 года старец стал ослабевать и проболел пять недель.

После жестоких страданий преподобный Лев отошел ко Господу 11 октября 1841 года. Общая скорбь была неопишима, и велико было стечение народных масс у гроба усопшего.

Примечания

[*] Здесь надо сделать некоторое отступление, чтобы объяснить, почему многие архиереи и иереи того времени не понимали старчества, были гонителями его. Когда, после принятия Флорентийской унии Византией и завоевания ее турками, прервалась связь Руси с православным Востоком, русское подвижничество замкнулось само в себе. Духовных школ тогда не существовало. После светлой эпохи XIV и XV столетий, связанных с преп. Сергием и плеядой его учеников, наступил период духовного застоя. Вместо внутреннего подвига, указанного св. отцами, состоявшего в очищении сердца от страстей с помощью непрестанной молитвы, настало время внешних подвигов, время железных цепей и пудовых вериг. Число святых уменьшилось.

После царствования императора Петра в течение ста пятидесяти лет монашество

вообще подвергалось преследованию со стороны правительства. Наступил полный упадок. Когда же в начале XIX столетия ученики преподобного Паисия Величковского вновь насадили на Руси святоотеческую традицию, плодом которой является благодатное старчество, число святых умножилось необычайно. Жития этих неканонизированных подвижников собрал в четырнадцати объемистых томах еп. Никодим незадолго до Первой мировой войны. Многократно в житиях этих упоминается о преследовании подвижников полицией. Пустынникам приходилось скрываться. Игумен оптинский преп. Моисей с братом преп. Антонием, как было выше сказано, скрывались с другими пустынниками в Брянских лесах. Чисто духовное начало встречало полное непризнание со стороны гражданской власти. Также и молодая наша богословская наука еще не вышла на самостоятельный, независимый православный путь и находилась под влиянием западной науки. А потому и старчество не было изучено с православной точки зрения. Естественно, что многие архиереи были гонителями старчества, не постигая его сущности и значения. Такова была судьба преп. Серафима, старцев Льва, Амвросия, Анатолия, Варсонофия. Святой прав. о. Иоанн Кронштадтский - яркий представитель старчества - также встречал непонимание со стороны Санкт-Петербургского митрополита.

[**] Т.е. в ссылку в Соловецкий монастырь. *Ред.*

Преподобный Лев

ЧУДЕСА

Исцеления больных и бесноватых

Принимая отеческое участие во всех нуждах обращавшихся к нему, преп. Леонид, кроме душевного назидания, не отказывался подавать им помощь и в телесных болезнях, указывая некоторым на испытанные народные средства. Преимущественно, он употреблял для лечения так называемую горькую воду, которой у него выходило в день иногда до полутора ушата. Горькую воду не переставали в обители готовить и раздавать больным и после кончины старца, но после него эта вода потеряла ту многоцелебную силу, чтобы помогать от всяких болезней, хотя от некоторых болезней помогает.

Некоторых из приходивших к нему больных старец отсылал к мощам Святителя Митрофана Воронежского, и бывали примеры, что болящие, прошедши сотни верст, исцелялись на пути и, подобно самарянину, возвращались благодарить целителя.

Многим страдавшим от недугов телесных, часто соединенных с душевными недугами и потому не всегда понятных для людей обыкновенных, о. Леонид подавал благодатную помощь, помазывая их елеем от неугасимой лампы, теплившейся в его келье пред «Владимирской» иконой Божией Матери, которая, как мы уже сказали, была благословением старца схимонаха Феодора, ученика великого старца Паисия (ныне эта икона хранится в женском монастыре «Ново-Дивеево» в США). Употребляя это средство, старец, видимо, возлагал всю свою надежду на милость и помощь Божию, на заступление Царицы Небесной и на молитвы духовного своего отца. По вере старца и приходивших к нему, помазание это оказывало великую благодатную силу: через него многие получали исцеление в телесных недугах, утешение в скорбях и облегчение в душевных бранях. Но так как старец помазывал у страждущих женщин крестообразно не только чело, уста и ланиты, но иногда, также крестообразно, гортань и перси, то за сие он терпел большое нареkanie от соблазнявшихся. Некоторые и из его учеников просили его оставить такой способ целения, но убедить его никак не могли. Конечно, силу и значение такого помазания знал лучше их преп. Леонид, когда употреблял оное до самой предсмертной

своей болезни, и всегда благотворно.

Приводили к преп. Леониду и многих бесноватых. Было также не мало и таких, которые прежде и сами не знали, что они одержимы бесом, и только в присутствии старца, по обличении им таившейся в них прелести, начинали бесноваться. Так нередко бывало с теми из мирских неразумных подвижников, которые все спасение души своей поставляли в том, что облагались тяжелыми железными веригами, нисколько не помышляя об очищении сердца от страстей. Преп. Леонид приказывал с таких людей снимать вериги и, когда воля его исполнялась, у некоторых из них становилось явным беснование. На всех таких страдальцев старец возлагал епитрахиль и читал над ними краткую заклинательную молитву из Требника, а сверх того, помазывал их елеем или давал им оный пить, и было очень много поразительных случаев чудесных исцелений. Некоторые говорили тогда, а может быть скажут и теперь: «Да это не трудно: и всякий может помазать елеем и прочесть заклинание». В ответ на такое возражение можно напомнить пример сыновей иудея Скевы, которые начали было по примеру св. апостола Павла изгонять духов именем Иисуса Христа: «Иисуса знаю, – отвечал бес, – и Павел мне известен, а вы кто?» (Деян. 19, 15).

Приведена была к о. Леониду шестью человеками одна бесноватая. Как только она увидела старца, упала пред ним и сильно закричала: «Вот, этот-то седой меня выгонит; был я в Киеве, в Москве, в Воронеже – никто меня не гнал, а теперь-то я выйду». Старец читал над нею молитву и мазал ее святым маслом из лампы Божией Матери. Вначале же, когда ее вели к старцу, она страшно упиралась, и наступила ему на ногу, так что до синеты оттоптала ему большой палец ноги, который после долго болел. После молитв старца бесноватая встала тихо и пошла. Потом ежегодно приходила она в Оптину уже здоровая; и после смерти о. Леонида с верой брала с могилы его землю для других, от которой они тоже получали пользу.

«Вскоре по поступлении моем в Оптину Пустынь (около 1832 года), – рассказывал о. игумен П., – когда келейниками у о. Леонида были о. Геронтий, о. Макарий Грузинов и Павел Тамбовцев, привели к старцу бесноватую крестьянку, которая во время беснования говорила на иностранных языках, чему свидетелем был Павел Тамбовцев, несколько знавший иностранные языки. О. Леонид читал над нею раза три молитву, мазал ее елеем от неугасимой лампы пред иконой Божией Матери и давал ей пить это масло. В третий раз ее привели совсем в другом виде, и когда Тамбовцев попросил ее поговорить, как говорила она в прежние разы, на иностранных языках, она сказала: «И-и-и, батюшка! Где мне говорить на иностранных языках? Я и по-русски-то едва говорю, и насилу хожу. Слава Богу, что прежняя болезнь прошла».

Предсказания старца

Рассказывал козельский житель С. И., который был одним из преданных учеников преп. Леонида. «В тридцатых годах я, как и теперь, занимался приготовлением горшечной посуды. Жили мы с матушкой в своем домике. Лошади у нас не было, а была порядочная повозка. Накладу, бывало, горшков в эту повозку, попрошу у кого-нибудь лошадку и свезу горшки-то на базар. Так, бывало, и жил. В это время стоял у нас в доме солдат поляк, но потом отошел от нас и сбился с толку. Раз, улучивши удобное время, он залез к нам на двор и стащил колеса с нашей повозки. Объяснил я батюшке о. Леониду свое горе, и сказал, что знаю вора, и могу отыскать колеса. «Оставь, Семенушка, не гонись за своими колесами, – отвечал батюшка. Это Бог тебя наказал: ты и понеси Божие наказание, и тогда малою скорбию избавишься от больших. А если не захочешь потерпеть этого малого искушения, то больше будешь наказан». Я последовал совету старца, и как он сказал, так все и сбылось. В скором времени тот же поляк опять залез к нам на двор, вытащил из амбара мешок с мукой, взвалил на плечо, и хотел пройти с ним через огород, а с огорода идет к нему навстречу матушка. «Куда ты, – говорит, – это несешь?». Тот бросил мешок с мукой и убежал. Вскоре за этим был и другой случай. У нас была корова; мы решились

продать ее. Нашли купца, сторговались и взяли задаток. Но покупатель почему-то несколько дней не брал от нас коровы. Наконец, взял ее к себе. А в следующую затем ночь влез к нам вор и разломал закуту, где стояла наша корова – без сомнения, чтобы украсть ее, но ее уже там не было. Так опять Господь по молитвам старца избавил нас от напасти. После сего через много лет был со мной и третий подобный случай. Оканчивалась Страстная седмица и наступал праздник Пасхи. Мне почему-то пришло на мысль перенести все свои нужные вещи из своего домика к сестре соседке. Так я и сделал. А как наступил первый день праздника, я запер со всех сторон свой дом, и пошел к утрени. Всегда, бывало, эту утреню я проводил радостно, а теперь, сам не знаю отчего, в душе было что-то неприятно. Прихожу от утрени, смотрю – окна повывставлены и дверь отперта. Ну, думаю себе, должно быть был недобрый человек. И, действительно, был, но так как все нужные вещи были перенесены к сестре, то он и ушел почти ни с чем. Так три раза исполнялось на мне предсказание батюшки о. Леонида, что если понесу малое наказание Божие, то больше уже Бог не станет наказывать меня».

«С детства у меня было большое желание жить в монастыре, – рассказывала монахиня О., – и в 1837 году, когда мне было двенадцать лет, просила я мать свою оставить меня в девичьем монастыре в Киеве, где мы были проездом. Она на это не согласилась, а обещала поместить меня в Борисовскую Пустынь, когда мне будет пятнадцать лет. Но вскоре после этого она скончалась. Отец же мой никак не хотел меня отпустить в монастырь раньше 35-летнего возраста.

Много я об этом скорбела, и в 1840 году, когда мне минуло пятнадцать лет, я очень опасалась, как бы участь моя не была решена против моего желания, и потому я уже хотела тайно уйти из родительского дома. Но одна моя тетка, которая была хорошо расположена ко мне, взяла меня к себе в дом, а потом уговорили отца моего поехать в Оптину Пустынь к батюшке о. Леониду и предоставить ему решить мою участь. Отец мой согласился. Когда мы явились к о. Леониду, он, никогда не зная нас, назвал нас всех по имени и сказал, что давно ожидает таких гостей. При такой неожиданной встрече мы все стали в тупик, не зная, что отвечать. Потом мы поодиночке входили в его келью, и тут батюшка всем по устройению говорил настоящее, прошедшее и будущее. Меня впустили к нему после всех. В ожидании той минуты, когда мне нужно было к нему идти, я находилась в большом страхе, а вышла из его кельи покойной и с большим утешением душевным. Он меня благословил прямо в Борисовскую Пустынь, и за его молитвы родитель мой уже более не удерживал меня, но обеспечения денежного мне никакого не дал. А когда старца спросили, как я буду жить, его ответ был: «Она будет жить лучше лучших». Слова батюшки о. Леонида во всем сбылись. В 1841 году родитель мой сам привез меня в Борисовскую Пустынь, в которой и по сие время живу, и всегда на опыте видела и вижу над собой во всем Промысл Божий за святые молитвы старца».

«В 1839 году девица из дворян Щигровского уезда приехала к старцу о. Леониду за благословением, чтобы поступить в монастырь. Он сказал ей: «Подожди еще год, и тогда побывай у нас». Она поехала домой со скорбью, что долго ожидать, и боясь как бы в течение этого времени что-либо ей не попрепятствовало. Также и приехавши домой, много скорбела и плакала. В этой скорби она два раза видела во сне, что старец дал ей кусок хлеба, в первый раз без соли, а во второй посоливши, и говорит: «Не скорби! Я сказал, что будешь в монастыре, только прежде побывай у меня». Когда минул год, она поехала в Оптину, и как только увидела о. Леонида, и не успела еще ничего передать ему, он ей сказал: «Ну, что скорбела и плакала? Ведь я дал тебе кусок хлеба, и ты съела, теперь будь покойна». Тут же она получила от него благословение поступить в монастырь.

У одной Тульской купчихи по кончине ее мужа осталась дочь девица, которую мать хотела отдать в замужество, и отправилась за благословением к о. Леониду. Он велел привезти ее к себе, сказав, что имеет для нее прекрасного жениха. Мать сама привезла дочь к старцу, а он благословил отвезти ее в Белевский девичий монастырь, в котором она скоро кончила жизнь.

Преподобный Лев

ПОУЧЕНИЯ

Преп. Лев отличался духовно-практической мудростью, являясь руководителем душ, прибегавших к нему за помощью, и целителем их немощей и болезней.

Ино есть злоречие и оглавление, но это еще не осуждение. Ино есть соблазн на постыдное дело или слово: когда осуждаешь, тогда ты становишься, якобы, судья ближнего и хочешь воссесть на престол единого Судии Христа.

Вера потеряна от подозрительности, благоговение – от дерзости, а недействие назиданий – от любопытства.

Любопытство искореняется: «веруя, что Бог тобою руководствует в лице других, не высокоумствуй; держись с простотой послушания».

Всякий имеющий сколько-нибудь живой веры, никогда не усомнится – при Божией помощи нет ничего неудобноисполнимого, а для маловерия и пылинки кажется город.

Пойди умом твоим во ад, и через зеркало Священного Писания посмотри на плотоугодников. Ужели и ты пожелаешь за временную греха сладость вечной погибели? Помни, что ты смертный.

Каким образом согревается охладевшая душа? Словом Божиим, молитвою, смиренным благодарным чувствованием сердца к Богу во всех изменениях, не только наружного состояния, но и внутреннего.

Желай, и Бог всемогущий даст тебе по сердцу твоему, ибо начало добродетелей и источник – есть расположение, желание делания добра о Господе.

Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, поступки и обращение к тебе других, если же ты не видишь в них любви, то это потому, что ты сам в себе любви не имеешь.

Где смирение, там и простота, а сия Божия отрасль не испытывает судеб Божиих.

Бог не презирает молитвы, но желания их иногда не исполняет единственно для того, чтобы по Божественному Своему намерению устроить все лучше. Что бы было, если бы Бог – Всеведец – совершенно исполнял наши желания? Я думаю, хотя не утверждаю, что все бы земнородные погибли.

Высокомерие при добродетелях богопротивно.

Живущие без внимания к самим себе, никогда не удостоятся посещения благодати.

Из писем преп. Льва

Об удалении от недоброго сообщества

Сколько можно говорить: «Удаляйся от молвы, уклоняйся от суетных людей»! Употреби волю свою и ревность на взыскание угодного пред Господом и на приобретение вечных вещей. Все временное изменится, но вечное пребудет вечно. Не позволяй рассеиваться добрым мыслям; все там суетно, где не назидается душа во спасение и не просвещается страхом Божиим. Ангел мирный да оградит сердце твое мирными мыслями.

Остаюсь ваш недостойный богомolec, многогрешный

И. Л. Июль, 1839 г.

Обитель преп. Тихона.

О болезни и покорности воле Божией

Болезнь ваша, как я признаю, более от житейских попечений; в таком случае прошу

вас, чтобы более не расстраивать себя, возложите на Промысл Божий дела ваши, и Той, по слову св. апостола, Господь Помощник скорый да будет в делах ваших.

8 декабря, 1839 г.

О скверных помыслах

Письмо ваше получил; в нем объясняешься, что во время молитвы находят скверные помыслы, отчего ты и малодушествуешь. В таком случае, при рассеянности мыслей на молитве, святые отцы учат нас не смущаться, но смирять себя и окаывать, тогда можно успокоить себя. В чем и святой Иоанн Лествичник укрепляет нас, поучая в 4-й степени: «Старайся всегда бродящие мысли воедино собирать. Бог не взыскивает того, чтоб ты во время молитвы совсем никаких не мог иметь других мыслей. Не отчаивайся, будучи мыслями расхищаем, но благодушествуй, созывая всегда бродящие свои помыслы. Никогда бо не быти расхищаему мыслями единому ангелу свойственно».

О желании монашества

Всеусердно желаю тебе получить мир и благословение Божие. Письмо твое получил, и особенно замечательное из него усматриваю то, что у тебя есть желание быть в звании монашеском. Желание это хорошее, но дабы оно совершилось на тебе, надобно молиться Богу и не быть подобным ветви, колеблющейся на обе стороны. Господь же силен тебе даровать сие второе крещение, то есть, пострижение в ангельский образ. Прежде сего я послал вам письмо; надеюсь, что ныне получили. За сим вручая покрову Божию вас, пребуду навсегда жаждущий вашего спасения, недостойный богомолец ваш многогрешный.

Об огорчении в злословиях

Вы болезнуете, что чрез злословия и ябеды сделались вы в виду старших, равных и ближних своих дурным человеком; это явный знак самолюбия. Ежели вы невинны, то совесть ваша должна вас утешать, по слову Спасителя нашего: Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради; радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех (Мф. 5, 10-12).

О чтении духовных книг

Не находя в себе ни от дел моих, ни от разума дать вам искомого вами наставления, советую прибегнуть к тем блаженным подвижникам, которые, благочестие исправивши, принесли исполнением заповедей Божиих дары смиренномудрия, целомудрия, нестяжания... и прияли от Бога дарование разума и премудрости для научения и просвещения других, последовать им хотящих, и предали сие учение в сохранившихся Промыслом Божиим и дошедших до нас сочинениях их и книгах. Вы, имея образование ума, читайте их учение не из любопытства только, но желая подражать им по силе и, сообразно с возможностью проходимого вами послушания и благодатью Божией, сподобитесь обрести путь истинный, незаблудный. При всем же том, ищите духовного собеседника, могущего, по вере вашей, даровать вам здравые и благие советы во всяком деле, слове и мысли.

О смущении души

Достопочтеннейшая о Господе Н.КН.!

От 11 числа августа писание ваше получил; из него вижу смущенное ваше устройство и соболезнование о том, что и от нас возвратились с расстройством духа. Вы считаете себя виновною сему за прекословие ваше, но и я не смею считать себя столь благоразумным и достойным, чтоб мог преподать всем наставление об образе жизни, а паче просвещенным в разуме «по веку сему», находящимся в кругу «большого света». Но ежели кто с верою и

несомненным сердцем приступает, отвергая свой разум и волю, то силен Бог и невежде подать слово к назиданию. А с сомнением и соиспытанием, и не с верою приходящие «аще и пророка вопросят, и тому повелит Господь рещи слово противу произвола их сердца».

Впрочем смущение ваше должно вас вразумить, где искать спокойствия. Оно-то вас и понудило написать ко мне, скудоумному, о вашем смущении: этим вы открыли свои язвы, но «открываяй язвы, – по словам отцов, – не предуспееет на горшее, но исцелееет». Да исцелит Господь и вашу душевную болезнь за признание и откровение ваше.

Когда не имеете спокойствия – знайте, что не имеете в себе смирения. Это Господь явил следующими словами, кои вместе с тем показывают, где искать спокойствия. Он сказал: Научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, К29).

Вы хотите в скором времени достигнуть в совершенную любовь Божию, которая есть венец добродетелей, и не видя сего в себе, смущаетесь, но вместо того надо ко смирению прибегнуть, считая себя недостойною сей высоты, и всегда ум свой должно низводить во глубину смирения. Это бы могло вас успокоить. Да и самое неустройство свое считать наказанием за бездействие и за преступление заповеди Божией. Итак, полагая начало понуждать себя к исполнению оных, чрез немощь же – паки смирять себя, пока призрит Господь на понуждение ваше и на смирение, тогда умертвится в вас страсть самолюбия, не дающая ныне вам спокойствия, которая, между прочим, наводит и сими мыслями скорбь: какое теперь я буду иметь о вас мнение?

Утешение в смерти близкого

С чувством прискорбия увидел я из письма почтенного М. известие о кончине, по воле Божией, любезного вашего супруга. Знаю, что для вас сия разлука весьма горестна и, судя по слабости нашего естества, нельзя не скорбеть, расставаясь навсегда с самым близким вашему сердцу, то где же искать утешение? В святой религии!

Для неверующих, не имущих упования в жизни вечной, точно неутешимо лишение близких. А мы, хотя и грешны, но имеем упование на милость всещедрого и человеколюбивого Бога, Господа Иисуса Христа, искупившего нас безценною Своею Кровию и даровавшего нам по сей жизни живот вечный...

Святой апостол так утешает верующих: Не хочу вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, яко же и прочии неимущии упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог умершия во Иисусе приведет с Ним (Солун. 4, 13). Покойный супруг ваш был истинный христианин, сохранивший веру до конца жизни, и с оною отошел ко Господу, хотя и не сподобился, видимо, при кончине причастия Святых Тайн. Еще более вас оскорбляет, что вы не знаете сокровенных судеб Божиих!.. Но Он примет и желание его за самое действие; ежели прочтете в книгах святых отцов, много найдете тому примеров. Не смущайтесь этим и возверзите все ваше упование на неизреченные щедроты и милость человеколюбивого Господа.

Преподобный Макарий

ЖИТИЕ

Старец Макарий (Иванов) родился 20 ноября 1788 года. Он происходил из дворянской семьи Орловской губернии. Семья отличалась благочестием. Прадед его, Иоанн, после смерти жены стал иноком. Родители, коллежский асессор Николай Михайлович Иванов и мать Елизавета Алексеевна, нарекли старшего сына Михаилом, в честь св. князя

Тверского, память которого 22 ноября. После было еще трое сыновей и одна дочь. Жили они в окрестностях Калуги, весьма красивом месте, близ Лаврентиева монастыря, архимандрит которого, Феофан, духовно окормлял их. «Среди впечатлений, приятных для зрения, и отрадно-мирных для сердца видов сельской природы, имея перед глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился... звон колоколов, призывающий иноков к молитве, возрастал будущий инок и молитвенник, еще тогда неведомый миру», – так описывает современник старца первые впечатления мальчика.

Когда Михаилу было пять лет, скончалась любившая его больше других детей мать, не раз говорившая про тихого и кроткого сына: «Сердце мое чувствует, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное!» В связи с болезнью матери, семья поменяла место жительства. В городе Карачеве он начал и окончил школьное образование, а уж на четырнадцатом году поступил на нелегкую службу бухгалтера, с чем отлично справился, обратив на себя внимание. Однако Михаил продолжал жить своим мирком. Много читал, ища разрешения важнейших вопросов ума и сердца. Любил музыку, отлично играл на скрипке, находя в ней большую отраду. На 24-м году жизни, уже по смерти отца, вышел в отставку и поселился в деревне. Управлял хозяйством плохо. Однажды мужики украли у него гречиху. Михаил их долго вразумлял, ссылаясь на Священное Писание. В результате мужики пали на колени в искреннем раскаянии, на посрамление родным Михаила, которые над ним смеялись. Была сделана попытка его женить, но так как и лицом он был непригляден, да и стремления жениться не имел, то мысль эту так и оставили. Съездил он на Курскую Коренную ярмарку, купил там книг духовного содержания и в них зарылся. Изредка выходил в столярную, там работал до усталости, покоря юную плоть духу.

В 1810 году, осенью, он поехал на богомолье в Площанскую Пустынь, где познал свое давнишнее влечение и решил посвятить жизнь Богу. Там он и остался. Прислав братьям отречение от имения, он одно лишь просил: построить на тысячу рублей часовню на могиле родителя.

В то время в Площанской Пустыни находился ученик великого старца Паисия Величковского Афанасий, который не мог не заинтересовать юного молитвенника. Под его полное руководство он и отдал себя, получив тем правильное начальное направление. К сожалению, почти нет материалов, проливающих свет на эту дивную личность. У него было много переводов аскетических творений древних отцов монашества, сделанных преп. Паисием. Они потом перешли в Оптину и были изданы в переводе со славянского на русский.

В Площанской Пустыни послушник Михаил изучил церковный устав и нотное пение. Помогал в письмоводстве. 7 марта 1815 года был пострижен в мантию с именем Макария, в честь преп. Макария Великого. Пешком, с посохом, ходил в Киев. На обратном пути был в Глинской Пустыни, где познакомился со старцем игуменом Филаретом. В 1824 году ездил в Ростов на поклонение мощам Святителя Димитрия Ростовского, после чего впервые был в Оптиной Пустыни. На другой год умирает его старец. Преп. Макария назначают духовником Севского девичьего монастыря. Так начинается его духовническая деятельность.

Трудно было преподобному без своего учителя. Но вот происходит замечательная встреча. В его обитель приезжает со своими учениками старец Леонид (Лев). Преп. Макарий вновь обрел себе руководителя. Это был ответ на его молитвы, ибо духовное сиротство тяжелее плотского. Хотя старец Леонид считал преп. Макария сотоварищем в деле монашеском, но, уступая просьбам и смирению его, решил с ним обращаться как с учеником. Впрочем, их совместное пребывание скоро прекратилось: преп. Леонид был отправлен в Оптину. Шла переписка, кончившаяся переездом и старца Макария в Оптину, в Иоанно-Предтеченский скит. К Площанской Пустыни он долго хранил любовь.

Старец Леонид был необыкновенный человек. Он вел постоянную внутреннюю борьбу, творил Иисусову молитву, имел дар прозрения и исцеления. Чтобы укрыться от суетной славы, слегка юродствовал. Он не терпел неискренности, самомнения, теплохладности.

Преп. Макарий был постоянно при нем, до самой его смерти. Оба они «вынянчили» великого старца Амвросия, прозорливца и чудотворца. Это была атмосфера, насыщенная благодатью, совершающая чудеса. Стопами страждущих и убогих, физически и духовно, была истоптана тропинка к Оптиной, с еще большей силой, чем к обычным монастырям. Старец Лев нередко прозревал, где кроется что недоброе, резко обличал приходивших к нему, но для того лишь, чтобы потом таким теплом любовным обдать их, что им особо запоминалась радость обретения чистой совести. Старец Макарий был более мягкого склада души. Он занимался много корреспонденцией. По смерти преп. Леонида вся тяжесть подвига духовного руководства легла на него. Тихая радость о Господе никогда не покидала этого святого делателя, целившего и души, и тела. Помазуя елеем из лампы, горевшей в его келье перед чтимой им «Владимирской» иконой, старец приносил великую пользу больным телом, и случаи таких исцелений немалочисленны. Особенно часты были исцеления бесноватых.

Преп. Макарий был роста среднего; лицо некрасивое, со следами оспы, но белое, светлое, взгляд тих и полон смирения. Нрав имел чрезвычайно живой и подвижный, память прекрасную: после первой исповеди на всю жизнь запоминал он человека. Был он несколько косноязычен, не хватало дыхания при разговоре. Это его смущало всю жизнь. Одет был всегда бедно.

Вот как описывает старца один из его современников: «Лицо – ничем не поражающее с первого взгляда, вовсе некрасивое по обыкновенным понятиям о красоте физической, даже неправильное, по недостатку в глазах, с печатью постоянного углубления в себя, следовательно на вид более строгое, нежели ласковое, но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркалом чистой, любвеобильной и смиренной души, сияло какою-то неземною красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека, плодов духа, исчисленных апостолом. Вообще в нем было редкое соединение детской простоты, тихости и смирения, делавшее его доступным всем и каждому («Жизнеописание отечественных подвижников благочестия», М., 1909 г., сентябрь, с.К120).

С тех пор как преп. Макарий появился в скиту, где его возвели в настоятели, жизнь его приняла характер, не изменявшийся до самой смерти. Она была полна попечений, как чисто пастырских, так и о внешнем благоустройении, с раннего утра до поздней ночи. В церкви им было установлено пение киевского распева, введена должность канонарха, плавное чтение и пение «на подобны». Вокруг храма благоухали массы цветов, расходясь по бокам многочисленных скитских дорожек. Внутренность скита, превращенная в плодовый сад основателем преп. Моисеем, усердно поддерживалась заботами о. Макария, и нередко зимою городские и сельские жители просили плодов для болящих. Сам старец, хотя и был иеромонахом, не служил из-за косноязычия и по глубокому своему смирению. Но зато с усердием пел он часто и со слезами. Особенно любил он песнопение «Чертог Твой».

А вот что пишет о преп. Макарии один светский человек: «Первая наша встреча со старцем, против нашего ожидания, не имела ничего особенного. Припоминая себе рассказ о. К., мы думали встретить подвижника с особенным выражением в лице, с особенными приемами; оказалось, что это был простой, обыкновенный монах, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и к тому же косноязычный. Я положительно был разочарован, но жена моя, несмотря на свою светскую бойкость, с первого раза почувствовала какой-то безотчетный страх, смешанный с благоговением, а в следующие его посещения привязалась к нему всей душой.

В следующую осень мы опять посетили Оптину Пустынь. Отец Макарий был уже обходительнее и откровеннее с нами. Он подробно расспрашивал о нашем житье-бытье, говорил о Петербурге и встречающихся в нем на каждом шагу искушениях. Когда я признался в смущениях, которые так безотвязно преследовали меня среди столичных развлечений, о. Макарий заговорил так, как никогда то того не говорил с нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и, по уходе его, советуя друг другу, записали

чудную речь старца Божия...

Вся пошлость жизни светской встала перед нами во всем своем безобразии; в груди стало тесно от накопившихся слез, которые неудержимо потекли потоком из глаз моих. Да, мы плакали, и сладки были эти слезы глубокого раскаяния в грехах! Отец Макарий посоветовал нам поговеть и, благословив нас, пошел в другие номера гостиницы для назидания и поучения посетителей, которые жаждали его внушающего слова. Во все время приготовления нашего к исповеди и св. Причащению, старец ежедневно навещал нас и назидал духовно» (С. Нилус. «Святыня под спудом». Сергиев Посад, 1911 г.).

Старец жил в келье с левой стороны у самых скитских врат, разделенной коридором на две половины: для него и келейника. Его половина состояла из приемной и спальни, т.е. маленькой кельи с одним окном на юг, откуда открывался вид на дорожку, ведущую от скитских врат к церкви. Перед окном стоял стол. На нем в полном порядке лежали письма, письменный прибор, новые духовные журналы и всегда две-три святоотеческие книги на главном месте. Перед столом – кресло с подушкой. В восточном углу – иконы, виды монастырей и т.д. Главной тут была икона «Владимирской» Божией Матери с неугасаемой лампадой, а под ней деревянный угольник, вместо аналоя для совершения правила. Здесь лежали: Следованная Псалтирь, Евангелие и другие книги. Вдоль западной стены – узкое ложе с Распятием у изголовья, а выше образ Спасителя с овцой на руках. По стенам портреты Св. Тихона Задонского, Симеона Белобережской Пустыни, иеромонаха Филарета Новоспасского монастыря, старцев Афанасия, Феодора, Леонида.

В этой келье старец прожил двадцать лет. Все свидетельствовало о его тайных вздыханиях и о духе, отрешенном от уделов земли. Тут проводил он частые бессонные ночи и вставал на правило при ударе скитского колокола в два часа утра; часто сам будил своих келейников. Прочитывали: утренние молитвы, двенадцать псалмов, первый час, Богородичный канон с акафистом. Ирмосы пел он сам. В шесть часов ему вычитывали Часы с изобразительными, и старец выпивал одну-две чашки чаю. Скрипела затем дверь в переднюю и появлялись посетители. Женщин принимал за вратами скита, в особой келье. Тут внимал он горю людскому. У него явно был дар духовного рассуждения, а также сила смирения и любви, что делало его слово особенно властным. После беседы с ним люди обновлялись. Приемная была увешена портретами святителей и подвижников – живых еще или недавно минувших дней.

В одиннадцать часов звонили к трапезе, и старец туда шел, после чего отдыхал, а затем опять принимал посетителей. В два часа он, с костылем в одной руке и четками в другой, шел в гостиницу, где его ждали иногда сотни народа, каждый со своими нуждами, духовными и житейскими. Всех он с любовью выслушивал: одних вразумлял, других возводил от рва отчаяния. Преп. Макарий понимал и разрешал современные ему вопросы общественной жизни России. Когда ему сообщили о безнадежном состоянии Севастополя во время русско-турецкой войны, старец зарыдал и упал на колени с мольбой пред образом Владычицы. Он также глубоко скорбел о кончине государя Николая I.

Измученный, едва переводя дыхание, возвращался преп. Макарий после ежедневного подвига утешения и исповедования страждущих людей. Приходило время молитвенного правила, состоявшего из девятого часа, кафизм с молитвами и канона Ангелу Хранителю. Звонят к вечерней трапезе. Иногда ее ему приносят. Но и в это время он принимает монастырскую и скитскую братию, если кто из них не успел побывать днем на ежедневном откровении помыслов. Если долго не бывает кто-либо из приходящих к нему постоянно, старец беспокоится, сам приходит к тому в келью и притом всегда вовремя, оставляя после себя успокоение и веселие. Он же давал послушание о чтении святоотеческих книг, назначая каждому по мере его духовного возраста. Начиная старец с книги аввы Дорофея, называя ее «Монашеской азбукой». Праздности не терпел. Завел он поэтому в скиту рукоделья: токарное, переплетное и др. Каждый из братии знал и чувствовал, что бремя его трудов и скорбей разделяется любвеобильным и мудрым отцом. Преподобный так умел утешать и ободрять, что виновный выходил из кельи его, себя не

помня от радости.

Заканчивая день, совершали келейно Малое повечерие, молитвы «На сон грядущим», две главы Апостола, одну Евангелия, потом, после краткого исповедания, преп. Макарий благословлял и отпускал всех. Было уже поздно. Старец входил в свою келью, где мерцала лампада перед образом Заступницы. На столе лежала кипа писем, требующих ответа. Тело ныло от изнеможения, а сердце от впечатлений обильно открывавшегося человеческого страдания. Глаза орошались слезами, а в уме звучало дивное песнопение: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны: просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси Кмя».

За окном огоньки скитских келий давно уже потухли. Воцарилась молитвенная ночь. Старец опускался к столу. Он писал ответы на письма.

Потухла свеча. Старец стал на молитву... Молитва в нем не прекращалась, будь он в многолюдствии, за трапезой, в беседе, или в тиши ночи. Она источала елей его смиренномудрия.

* * *

За год до своей смерти старец Макарий предсказал одной тяжело болящей помещице: «Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе». Она скончалась 23 августа 1860 года. Спустя три дня старец внезапно заболел; 30 августа его соборовали. Он раздавал свои вещи, прощаясь и наставляя. Народ стекался. За два дня до смерти, по его желанию, преподобного вынесли в переднюю и положили на пол, чтобы посетители смогли видеть его через окно. К вечеру больному сделалось значительно хуже, и он вновь пожелал приобщиться Св. Таин, что и исполнил в восемь часов, сидя в креслах. Около полуночи старец потребовал к себе духовника и, после получасовой беседы с ним, попросил читать отходную: «Слава Тебе, Царю мой и Боже мой!», – восклицал старец при чтении отходной, обращая свои взоры то на стоявшую у его ложа на столике икону Спасителя в терновом венце, то на особенно чтимую им икону «Владимирской» Божией Матери. «Матерь Божия, помози мне!», – так молился Ей отходящий в путь вся земля преподобный, прося скорейшего разрешения от уз тела.

Ночь была очень тяжелой, но и тут через пожатие рук, благословением и взглядами выражал он свою благодарность ухаживающим за ним. В шесть часов 7 сентября он приобщился Св. Христовых Таин в полном сознании и умилении, а через час, на девятой песни канона на разлучение души от тела, великий старец Макарий тихо и безболезненно отошел ко Господу в Чертог Небесный.

Такова краткая история, миру чуждого, великого смиренномудреца.

Преподобный Макарий

ЧУДЕСА

Исцеления недужных и бесноватых

Страждущим разными, не всегда понятными, болезнями, старец, кроме духовных советов, давал освященный елей от неугасаемой лампы, горевшей в его келье пред особо чтимой им иконой «Владимирской» Божией Матери, единой свидетельницы сокровенных подвигов раба Своего. И рассказы об исцелениях, истекавших от сего простого действия, немалочисленны. Одна бесноватая женщина, сидя на дорожке, ведущей из монастыря в скит, поносила старца, говоря между прочим: «Скоро ли умрет этот Макарий? Он измутил весь мир... Ох, горе мне!» и т. п. Привлеченная к старцу, по вере ее мужа, эта женщина, уже несколько лет страдавшая беснованием, после

употребления освященного елея, данного старцем, выздоровела совершенно. Впоследствии она разрешилась от бремени ребенком, который кричал немолчно; принесли его к старцу. Получив его благословение, он успокоился, и денноночные, ужасавшие родителей его вопли с тех пор, по милости Божией, прекратились.

Был другой не менее примечательный случай. Один из людей образованного круга имел несчастье подвергнуться припадкам беснования. Родные советовались с искуснейшими докторами, но те лечили долго дома, наконец, послали больного за границу, к водам; облегчения не было. Несмотря на очевидные признаки беснования (ибо припадки болезни совпадали с днями нарочитых церковных праздников, а конвульсии усиливались от прикосновения священных предметов: святого Креста, Евангелия, Богоявленской воды; наконец, больной не в состоянии был приступить добровольно к таинствам Покаяния и Причащения), родные боялись, или не хотели, назвать болезнь своим именем. Один из товарищей больного, видя его беспомощное состояние, из сострадания, взял на себя повезти больного в монастырь, с тем чтобы посоветоваться насчет непонятной болезни своего приятеля со старцем, которого он знал лично. Успел ли он уговорить больного или привез его в монастырь, употребив для сего какую-нибудь хитрость, – не знаю; только тотчас же по приезде, остановясь на гостинице, послал просить к себе старца, не упоминая ни слова о приехавшем с ним товарище и ничего не говоря о сем и ему самому. Но несмотря на сие, больной в то же самое время начал обнаруживать сильное беспокойство – признак приближающегося припадка – и заговорил: «Макарий идет. Макарий идет!», и едва старец вошел в занимаемые ими гостинные покои, больной бросился на него с бешенством, произнося разные неистовые слова и, прежде чем успели удержать его, зашил старца. Доблестный воин Христов, зная кто управлял в этом действии рукою несчастного, употребил против него сильнейшее оружие: по заповеди Христовой, быстро подставил ему другую ланиту, произнося слова Евангелия: Аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему другую (Мф. 5, 39). Опаленный смирением бес оставил страдальца; больной упал без чувств к ногам смиренного старца и пролежал долгое время в совершенном оцепенении, потом встал здоровым, не сохранив ни малейшего воспоминания о своем поступке, в котором он, попущением Божиим, был лишь орудием.

Сколько можно было ежедневно насчитать исцеленных душевно! Одни уходили утешенными в скорбях, другие были пробуждены от греховного оцепенения, иные разрешены от уз отчаяния. Сказанное пророку: Аще изведеши честное от недостойного, яко уста Моя будеши (Иер.К15, 19), – можно применить и к старцу. Его смиренное слово было вместе с тем и слово действенное, слово со властью, ибо оно заставляло повиноваться и веровать неверующего; оно восставляло безнадежного и мало-помалу делало духовным человека плотского, хотя и нельзя было назвать его красноречивым, но оно заключало в себе деятельное поучение старца – опытное и кроткое. Известно несомненно, что все следовавшие с верою советам старца, который имел благодатный дар духовного рассуждения, получали не только душевную пользу, но и благопоспешество в житейских делах своих. Примеров этому так много, что было бы излишне указывать на кого-либо в частности.

Прозорливость старца

«В марте 1846 года, – вспоминает Н. П.ККиреевская, жена известного русского философа Ивана Киреевского, – о. Макарий был у нас в Долбине, и Иван Васильевич в первый раз исповедовался у него, писал же первый раз к батюшке из Москвы, в октябре 1846 года, сказав мне: «Я писал к батюшке, сделал ему много вопросов, особенно для меня важных, нарочно не сказал тебе прежде, боясь, чтобы по любви твоей к нему ты как-нибудь чего не написала бы ему; мне любопытно будет получить его ответ. Сознаюсь, что ему трудно будет отвечать мне». Не прошло после сих слов часа времени, как приносят письма с почты, и два подписанные рукою старца: одно на имя мое, другое на имя Ивана

Васильевича. Не распечатывая, он спрашивает: «Что это значит? О. Макарий ко мне никогда не писал». Читает письмо, меняясь в лице и говоря: «Удивительно! Разительно! Как это? В письме этом все ответы на мои вопросы, сейчас только посланные».

Нетление мощей старца

Известно, что старца Анатолия (Потапова) положили рядом с могилой старца Макария. Когда копали, то могила преп. Макария обвалилась, гроб приоткрылся и тело блаженного старца обнаружилось совсем сохранившимся.

Явление старца Макария старцу Илариону

И прежде старцу неоднократно являлся в сновидениях его старец о. Макарий, но в эти последние дни видения участились, и это много утешало преданного ученика. Из многих таких видений припомним со слов старца об одном, бывшем ему за месяц до его кончины (18 августа). Старец о. Макарий явился о. Илариону во сне и говорит ему: «А я вот к тебе, Иларион, заехал, – а сам как-будто куда-то спешит, и прибавил: – Мне теперь некогда, дел у меня много; я к тебе еще буду, заеду за тобой, а пока прости!» В этот же день один из старших монастырской братии, тоже видел во сне старца о. Макария, спешившего из монастыря в скит, в сопровождении многого народа – монашествующих и мирян, между которыми был и сам, видевший это сновидение. Видевший старца просил у него благословения. Старец сказал ему: «Бери скорее благословение, мне нужно скорее идти в скит; я там буду!» Эти видения много утешили о. Илариона. В последние два-три месяца болезни пред старцем, против того места, на котором он сидел, висел большой портрет старца о. Макария, подаренный ему одной из духовных дочерей (игуменьей Макарией Болотниковой).

Ночь на 6 сентября была одна из очень трудных для болящего; в первом часу по полуночи поспешили прочитать правило к Причащению. Старец спросил портрет о. Макария, маленький, висевший всегда над его кроватью, и крепко целовал его. По выслушании правил, старец причастился, со слезами произнес: «Слава Тебе, Боже, – и спросил: – Сколько раз я приобщался Св. Тайн?». Ему сказали: «Двадцать раз». Старец опять стал со слезами благодарить Господа. Потом сказал: «Ну, теперь хоть бы и умереть можно, да нет! Смерть что-то вернулась назад; надо, видно, еще потрудиться – не готов я, окаянный! Хотел, было, меня батюшка взять, но не взял; не совсем еще, видно, готов я!» И, обратясь, взглянул на св. иконы и со вздохом произнес: «Желает и скончается душа моя во дворы Господни. Но, как Тебе угодно, так и да будет. Мало мне, окаянному, по грехам моим! Лучше здесь пострадать, да там милость Божию получить». И еще не раз виделся болящему его покойный старец о. Макарий и утешал его.

Преподобный Макарий

ПОУЧЕНИЯ

«Свойство милостыни есть сердце, сгорающее любовью о всякой твари и желающее ей блага. Милостыня состоит не в одном подаении, но в сострадании, когда видим человека в каком-либо злострадании и, если можем помочь ему в чем-либо, помогаем».

«К нашему спасению нужна не одна вера, но и дела. Слова апостола Павла: «От дел закона не оправдится всяка плоть», – относятся к ветхозаветным заповедям. Учение же, что оправдание обретается одной верой – без дел, есть лютеранское, неправославное. Но кто на дела свои надеется даже при вере – заблуждается... Спасение доставляют нам заслуги Спасителя».

«Чтобы исправить сердце свое по заповедям Божиим, надо просить на сие Его помощи, потому что без Него не можем творить ничего».

«Желающие себя исправить, но побеждающиеся страстями, промыслительно искус сей приемлют, чтобы смиряли себя, хотя бы невольно, и этим привлекли к себе Божию благодать».

«Смущаться и отчаиваться от стужения страстей показывает знак гордости духовной. Должно и в самых поползновениях не радовать врага смущением и отчаянием, но паче снисходить во глубину смирения, видя точно свою немощь, представляя оную пред Господом и принося покаяние. Лучше всего каяться и смиряться, нежели отчаиваться; покаянием и смирением привлечете на себя благодать Божию и помощь Его».

«В житейских волнах, при общении с людьми дается нам средство к занятию своею душою, т. е. исполнению заповедей Божиих. Как же мы их исполним, не имея с людьми общения?».

«Учение Господа и самая жизнь Его – есть кротость и смирение, чему и заповедал нам поучаться от Него. Всех наших зол причина – гордость, а всех благ ходатай – смирение».

«Как можно мимолетное чувство умиления и слез считать уже любовью Божией? Ум тайно увлекается сим и стяжает высокоумие и гордость, и всего оно лишается, а смирения тут не бывало. Бог показал вам, что есть благодать Его с нами и отнял, да не превозносимся; впрочем, не лишил совершенно, но скрыл от нас, чтобы мы смиренно к Нему припадали. Ему угодно иногда попускать на нас протяжную тьму и мрак духовный, холодность и окаменение, чтобы мы считали себя последними и худшими всех и не искали бы духовных утешений, считая себя оных недостойными; в этом-то и состоит совершенная, смиренная преданность Спасителю. Он шел скорбным путем и даже в молитве Своей к Отцу Своему произнес: Прискорбна есть душа Моя до смерти (Мф. 26, 38), но предавался воле Его и нам повелел идти путем креста, а не отрады. Вы, думая найти в утешительных чувствах любовь Божию, ищите не Бога, а себя, т. е. своего утешения, а прискорбного пути уклоняетесь, считая себя будто погибшими не имея духовных утешений. Напротив, лишение оных нас смиряет, а не возвышает».

«Тебя смущает зрение в себе совершенного неисполнения всех заповедей, и боишься, что вся жизнь пройдет только в намерении, какой же будет конец; прочти у св. Исаака Сирина в 34-м слове: «Награда бывает не деланию заповедей, но смирению, и когда (делание) сила первых оскудеет, то смирение, вместо их, приятно бывает».

«При исполнении добродетелей скрепляйте каждую смирением, которое святой Дорофей называет брением (известкой); так как камни или кирпичи кладутся в созидании дома и связуются брением, крепко бывает строение, а без брения рассыплется; так и добродетели без смирения не приносят пользы».

«Причина нашего неисправления и падения есть не одно нерадение, но и паче – возношение. И так как всех зол виновна гордость, так всех благ податель смирение. Видите, отчего мы падаем и не совершаем дел добродетелей? – от возношения».

«Чтение отеческих книг очень нужно и полезно к познанию воли Божией, ибо отцы, читая слово Божие, в святом Писании нам преданное, исполнили оное и прошли деятельной жизнью, оставя нам пример в своих учениях. Не читая оных, не знаете образа жизни и борьбы, и думая, что читая сами слово Божие, можете оное исполнять и не смиряетесь, а читая отцов, познаете путь, тщитесь к исполнению, но, не достигая меры их, познаете свою немощь и смиряетесь, и получаете милость Божию, которая особенно на смиренных простирается».

«Правосудие Божие, дабы здесь еще очистить человека от грехов, посылает и внешние прискорбия через людей, яко оружия, дабы более прийти в чувство и познать, что мы, прегрешившие пред Богом, достойны еще больших наказаний, и чрез терпение очиститься. Не должно изыскивать причин, справедливо ли, или напрасно обижают нас люди; когда прегрешаем пред Богом, то сия есть важная причина, побудившая Промысл Его воздвигнуть на нас бурю скорбей».

«Долг кающегося христианина есть благодарить Бога наказующего его здесь, дабы в будущем веке не быть наказану вечно, и потому оскорбляющим должно прощать не только по заповеди: Любите враги ваша (Мф. 5, 44) и: Оставьте и оставится вам (Мф. 6, 14), но вменять их своими благодетелями, потому что чрез них сподобляемся получить прощение грехов своих».

«По заповеди церковной и апостольскому завещанию вы должны уважать священников, яко служителей алтаря и таинств Божиих, ибо без них невозможно спастися и, по силе своей, сколько можете уделяйте им, на их нужды, ибо служащие алтарю с алтарем делятся (1 Кор. 9, 13). Судить же их в их погрешностях совсем не ваше дело; овца пастыря не судит, каков бы он ни был. Судить священника значит судить Самого Христа; как можно сего берегитесь!».

«Обещавшиеся уневестить себя Богу и оставившие таковое намерение не получают счастливой судьбы».

Из писем преп. Макария

О смиренномудрии

Слава Богу, и вас сохраняющему на чужой стороне в добром здоровье. Да сохранит Он и душевное ваше здоровье в твердости православного нашего вероисповедания и догматов Церкви нашей, утвержденной Самим Господом на седмистолпном основании семи Вселенских соборов, где Дух Святой действовал в законоположении догматов и учреждений, так как вы находитесь в столице соблазнов, разных вредных мнений против веры, и даже самого неверия и вольнодумств, где не всякий может устоять против столь сильных напоров вражия ополчения. Но сердце мое уверяет меня, что силою помощи Божией вас не поколеблет, и пребудете тверды на основании нашей православной отечественной веры, и сохраните драгоценный сей перл в сердцах ваших, о чем смиренно молю премилосердного Господа; прошу и вас: молитесь Господа со смирением о сем. Но на себя никак нельзя полагаться, что можешь своею силою и разумом сохранить себя. Господь вам Помощник и Хранитель, и Матерь Божия – Заступница наша, да покроет вас Своим покровом и заступлением.

О сохранении себя в Православии

Из письма твоего вижу, что ты сознала свою ошибку в мнении о том, что не имеешь гордости, и нашла в себе оную гнездящуюся, уповая на свои заслуги, а других уничижая. Слава Богу, что в этом открылись тебе глаза, ты будешь смиреннее, а на смиренные Бог призывает. Ты говоришь: «Каковою же я должна казаться Всевышнему?» Ты же как думала? Неужели праведною? Мы должны в чувстве сердца сознавать себя грешными и смирять себя. Конечно, сердце сокрушено и смиренно Бог не унижит (Пс. 50, 19). Можем ли мнимою нашей праведностью что-нибудь заслужить, аще не милосердие Божие нас помилует, и заслуги Его в крестной смерти и искуплении нас оправдают. Святые, как ни были святы, но считали себя под всей тварью, и хуже всех, и тем более были благоугодны Богу. Скорби, бывшие тебе во все это время, надобно принимать посланными от Бога к искусу твоей веры, или к наказанию, а ты пишешь, что во время оных роптала и скорбела, и находишь, что они портят твой нрав: надобно не скорби винить, а себя – винить и укорять за малодушие, чрез что родится смирение.

О приготовлении к причащению

Ты готовилась в Великую седмицу к приобщению пречистых Христовых Тайн, и полагаю, что удостоилась принятия оных и с семейством вашим, в день воспоминания Тайных Вечери в Великий четверток; усердно всех вас с сим даром поздравляю. Но

замечаю, что ты во время приготовления к таинству, т. е. во время говения, находилась в смущении о том, что дурно готовилась, мало молилась, рассеянно говела, и смеешь ли, так дурно подготовившись, приступать к страшному таинству? Ты не принесла ни одной усердной молитвы, ни одного доброго дела, и покаяние твое так холодно и небрежно, и пр. Ты не видишь, что смущение это происходит от сопротивного, и с оным ты никогда не можешь быть мирна. Ты думала, что как хорошо подготовишься, то уже и достойно можешь приступить? Но это ошибочно; как бы мы ни готовились, а все не можем достойно приступить. Только сознание нашего недостойнства, «сердце сокрушенно и смиренно» приемлет Бог, и по неизреченной Своей благодати и милосердию удостоивает сего великого таинства. Я уверен, что ты истинно желала приготовить себя к оному, но тут вмешивалось и самонадеяние и, не видя себя в силах исполнить то или другое, не смирилась в своей немощи, вот враг и напал на тебя смущением, а в оном нет ни покаяния, ни смирения, ни спокойствия. Когда мы читаем не устами токмо, а в чувстве сердца: «Беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну», – то и плод сего будет – «сердце сокрушенно и смиренно», которого «Бог не унижит». Но если бы и сего не ощущали в себе, а, напротив, сухость и холодность, то и тут не надобно смущаться, а смиряться – смирение, которое и невольно должны ощущать, а когда смущаемся, то никакой пользы не получаем; и от молитвы Иисусовой, которую ты имела, при разговорах с другими отстала. Явно, что незаметно тебе, как возмечтала о сем, то к пользе твоей и показана тебе твоя немощь, да смиришься. Кто употребляет сей меч духовный, надобно, чтобы был смирен, ибо тогда только оным поражаются враги, а без того многие попадают в неисцельную прелесть.

О прохождении Великого поста и причащении

Проходя поприще житейской суеты, вы, верно, позаботились уделить время для приобретения душевного благоговейным занятием в сии священные дни, одесятствованные Церковью, яко дань всего года часть десятую Богу, по сказанию св. аввы Дорофея. Особенная служба, особенная пища, воздержание, прекращение балов и зрелищ – все это возбуждает к благоговению и размышлению о настоящем нашем назначении, о прошедшем времени и о вечности. Видя в себе отступление от заповедей Божиих, стараемся примириться покаянием и причащением пречистых и животворящих Христовых Тайн, попадающих терние грехов наших. Вы, когда не исполнили сего долга, то, верно, исполните в течение поста. Премилосердый Господь столько возлюбил нас, что даровал нам в пищу и питье пречистое Свое Тело и животворящую Кровь, яко залог вечной жизни и нетленной будущей трапезы. Принесем Ему благодарение сердцем, и усты, и дела благими!

О покаянии

Покаяние, данное нам по милосердию Божию, есть врачевство душевное. Вы, уязвлены быв греха стрелою, прибегли к сему врачевству; еще милость Божия хранит вас и к вам могут относиться слова Спасителя: «Се, здрав еси, к тому не согрешай!» Слава Богу, что Он пробудил вашу совесть, дал восчувствовать тяжесть болезни и искать врачевства.

Причины сему должно искать не отвне, но внутрь нас. Св. Иоанн Лествичник пишет: «Где есть или случилось падение, там предварила гордость». О сем и прежде сего мы с вами имели собеседование, и так, памятуя свою немощь, сколько можно стараться соблюдать сердце свое во смирении. А сердца сокрушенна и смиренна Бог не унижит и призывает на смиренные, подает им Свою помощь. Враг стужает вас отчаянием, то также со смирением прибегайте к благонадежию на неизреченное милосердие Божие. А во утешение ваше предлагаю вам до Рождества Христова полагать: в день по пяти поклонов Спасителю и по три – Матери Божией, с молитвой: «Богородице Дево, радуйся...»

О потере дома и покорности воле Божией

По прочтении письма вашего, сердечно возболел скорбию о лишении вашем от огненной стихии: имея прекрасный дом, со всеми удобствами для семейной жизни, видите теперь одни развалины и прочих ваших граждан, пострадавших сею же участью: скорбь велика! И чем можем укрепить себя в оной? Только покорностью воле Божией, и надежда на всепремудрый и всемогущий Промысл Его может нас укреплять и вливать отрадный бальзам в огорченные сердца. О, глубина богатства, и премудрости, и разума Божия; кто бо разуме ум Господень, или кто советник Ему бысть (Рим. 11, 34)? Судьбы Твои, Господи, нам непостижимы, чего ради попускаешь сему быти, но благодать Твоя, Господи, все творит, любя нас и ища спасения нашего.

О милостыни

О милостыни много есть в писании сказано: милостынями грехи твоя очисти и щедротами убогих и, давая нищему, взаим дает Богу (Притч. 19, 17), и еще много подобного, и: милости хочу, а не жертвы (Ос. 6, 6). Сострадание к ближним привлекает и к нам милость Божию, и на Страшном Суде Христовом удостоимся десного стояния и вшествия в Царствие Небесное. Прочтите в Евангелии 25-ю главу от Матфея, вы увидите, за что Господь ввел в Царство и за что послал в геенну: взалкался, и дасте Ми ясти: возжадался, и напоите Мя: странен бех, и введосте Мене: в темнице бех, и приидосте ко Мне (Мф. 25, 35-36). Видите, в нищем Сам Господь принимает на Себя, что Ему сделаем: Что сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе. Итак, желаю, чтобы вы имели к нищим благое расположение. Сам Христос у вас просил, и для того именно, чтобы помиловать вас; не смотрите на их нравственность, это не наше дело судить; нам довольно того, что во имя Христово просит, то Он и принимает. Прочтите житие Иоанна Милостивого (12 ноября); я вас не отвращаю от благотворения вашим родным но, конечно, не для роскоши, а по нужде. Очень даже доброе дело помогать родным, но можно уделять часть и для нищих, а это и им поможет. Можно и себя чего-нибудь лишать для нищих, например излишней одежды, и пр. Я это так рассуждаю, но да будет на вашей свободной воле, только прошу иметь благорасположение к нищим, как выше сказал.

Да даст вам Господь чувство милости и любви к ближним.

Преподобный Моисей

ЖИТИЕ

Преподобный Моисей, в миру Тимофей Иванович Путилов, был старшим сыном серпуховского гражданина Ивана Григорьевича и жены его Анны Ивановны, и родился 15 января 1782 года в городе Борисоглебске, Ярославской губернии. Всех детей у отца его было десятеро, из них четверо умерли в младенчестве.

Иван Григорьевич, служивший по питейным сборам, жил благочестиво, держался неопустительно уставов св. Церкви, прилежал службе Божией и чтению священному, и был человек обходительный. У жены его, женщины безграмотной, но умной, было в родне несколько монашествующих строгой жизни.

В страхе Божиим воспитывали Путиловы своих детей. Обучались дети дома у отца, а в школу не ходили: отец боялся для них дурного товарищества. В праздники водил их отец в церковь и, вернувшись домой, расспрашивал о службе. В церкви Путилов, имея хороший голос, пел на клиросе; любил заниматься церковным пением и дома с детьми. Чаще всего посещали Путилова духовные лица, и потому дети его с детства слышали много назидательного.

Дочь Путилова стремилась в монастырь, но, по желанию отца, вышла замуж и вскоре скончалась; ее муж удалился тогда в Саровскую Пустынь.

По девятнадцатому году Тимофей, вместе с четырнадцатилетним братом Ионою, были определены отцом на службу в Москву к откупщику Карпышеву. Москва, с ее множеством святынь и храмов, соответствовала духовным стремлениям Тимофея, развившимся в нем еще в отцовском доме; здесь же легче было доставать духовные книги. С книгой Тимофей не расставался и в лавке, откладывая ее лишь с приходом покупателя, а потом снова брался за нее. Молодые люди имели знакомство с истинно духовными людьми. Через монахиню Досифею (она была, по преданию, известная княжна Тараканова) они познакомились со старцами Новоспасского монастыря Александром и Филаретом, которые находились в духовном общении со знаменитым молдавским старцем преп. Паисием Величковским.

В таком расположении в братьях окончательно созрело желание монашеской жизни, особенно, когда в Саров удалился их зять. В 1804 году, когда Тимофею было 22 года, он приписался с отцом своим к московскому купеческому обществу и, взяв на три года паспорт, отправился с братом Ионой в Саров. Зная, что отец не дал бы на то своего согласия, они написали ему, что от хозяев отошли за невозможностью жить у них и что есть у них на примере другой Хозяин, Которому они дали слово поступить в услужение. Уже из Сарова написали они откровенно отцу о своем намерении. Иван Григорьевич разгневался и приказал детям немедленно вернуться домой, но они не показывались ему два с половиной года. За это время Путилов разболелся и, когда Тимофей приехал к нему мириться, хотя не сразу, но решился отпустить сына. Через год, после долгих уговоров, отпустил и Иону. После того Иван Григорьевич жил недолго.

В городе Мологе, Ярославской губернии, на городском кладбище, у алтаря церкви Всех Святых стоял простой мраморный памятник с обозначением имени Ивана Григорьевича Путилова. На обратной стороне было написано, что памятник воздвигли «Путилова дети: Моисей, игумен Оптиной Пустыни, Исаия, игумен Саровской Пустыни, Антоний, игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря».

Саров, где полагал начало монашеской жизни Тимофей, находился в то время в полном процветании. Уже тридцать семь лет жил там великий старец преп. Серафим, там же пребывал схимонах, носивший подвиг юродства, Марк, и там жил «на покое» восстановитель Валаама игумен Назарий.

Строитель Саровский Исаия был тоже известен строгостью жизни. Тимофей имел тяжелое послушание в хлебне, а потом ходил за больным строителем о. Исаией; во время трехлетнего пребывания в Сарове Тимофей много пользовался наставлениями саровских старцев.

Неизвестно почему, простившись с отцом, Тимофей не вернулся более в Саров, а его брат, оставшись там, стал впоследствии Саровским игуменом. Тимофей же поступил послушником в Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. Вероятно, его привлекала близость Рославльских и Брянских лесов, где в то время спасалось много пустынножителей. К числу этих отшельников в 1811 году присоединился и Тимофей Иванович.

В Рославльских лесах Тимофей Иванович провел десять лет. Он вручил себя руководству иеросхимонаха Афанасия. Этот мудрый старец, ученик преп. Паисия Величковского, пребывал постоянно в духовном трезвении и имел дар умной молитвы. Безпопечительность его о всем житейском была безгранична. Этим старцем и пострижен Тимофей Иванович в монашество с именем Моисея, в честь преп. Моисея Мурина. Это имя было дано ему по общей мысли пустынников за гостеприимство, которое с любовью оказывал преп. Моисей странникам, приходившим к пустынникам. Преподобный Моисей Мурин любил успокаивать странников.

Пустынники, с которыми поселился в лесу преп. Моисей, в восьмером жили в трех кельях. Место уединения их находилось в дачах помещика Броневского, в сорока верстах

от Рославля, в пяти от сельца Якимовского, в семи от села Лугов и в тридцати от сельца Межова, на берегу лесной речки Богдачевки.

Всю церковную службу пустынники правили каждодневно у себя в келье, начиная с двенадцати часов ночи; в воскресные и праздничные дни случалось им отправлять службу вместе. В Рождество, Пасху и великие праздники приходил из села Лугов священник с запасными Дарами. В свободное от молитвы время пустынники занимались рукоделием; так, преп. Моисей переписывал полууставом священные книги.

Огород, который обрабатывали пустынники, родил только репу. Летом собирали грибы, ягоды для благодетелей, присылавших печеный хлеб, крупу и иногда бутылку масла. При недостатке соблюдали сухоядение. Целую зиму кругом выли волки. Медведи иногда обижали пустынников, расхищая огород; они подходили близко, но не трогали монахов, только по лесу слышался шум ломаемых ими ветвей. Однажды отшельники чуть не были перебиты разбойниками. Иногда придиралась к ним полиция. Но всего страшнее были бури, ломавшие столетние деревья. Однажды с ужаснейшим треском громадное дерево упало около кельи, и преп. Моисей думал, что все кончено, но дерево задело келью лишь ветвями.

В 1812 году, при нашествии французов, отшельники покинули пустынь, и преп. Моисей удалился в Свенск и Белые берега, а потом вернулся опять в пустынь.

В 1816 году к преп. Моисею приехал его младший брат Александр, чтобы разделить с ним его жизнь. Через четыре года Александр келейно был пострижен иеросхимонахом Афанасием с именем Антония, и поручен руководству брата своего преп. Моисея, к которому всю жизнь сохранял великое послушание.

В 1816 году с братом своим преп. Моисей был в Киеве, где радушно был принят митрополитом Серапионом и наместником Лавры Антонием (впоследствии архиепископ Воронежский). По дороге, в разных обителях преп. Моисей посетил старцев: о. Василия Кишкина, преп. Макария (будущего Оптинского) и о. Филарета Глинского.

Во время пустынной жизни окреп и созрел духовно преп. Моисей. Он приобрел сосредоточенность и молчание, внимание и дар молитвы и уничтожения себя; все эти качества выказались в нем в многопопечительном звании настоятеля. Следы той постоянной и неуклонной борьбы, какую вел с собою в тиши уединения преп. Моисей, остались несколько разрозненных листков из числа тех, на которых преп. Моисей записывал иногда свои думы. Вот отрывки из них:

«15 ноября 1819 г. – По принесении молитвы исповедания грехов решил на все следующее время блюстися опасно, чтобы не ужинать отнюдь, ибо бесчисленно страдал от того и искусом наставлен, что нет лучшего средства к благоустроению души, как вкушать пищу по однажды в сутки. Господи, не остави мене, вонми в помощь мою, отседе воздержатися от вечернего употребления пищи и в обеденном трапезовании не пресыщатися и принять искус употребления одного рода пищи».

«14 декабря 1819 г. (после причастия). Занимаясь правилом, пришло мне на мысль: исправя, с Божией помощью, труд поста обучением себя в одном роде простой пищи, начать хранение уст, в разуме грехов своих и недостойнства еже глаголати, за нечистоту и неисправленность сердца и ума моего: чтобы вовсе не говорить устно ничего ни с кем, а по крайней нужде изъясняться через брата, краткими словами на письме полууставом. Боже, помоги мне сие начати и начатое совершити, определяя лучше умереть, нежели начатое нарушить и не совершити».

«15 декабря. – Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно до сожителствующим со мною братьям, чтобы их погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться, как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои».

Эти уцелевшие на общее вразумление и поучение записки являются драгоценными чертами из жизни преп. Моисея. Какую рисуют они исполненную строгой, духовной

красоты картину непрестанной кровавой борьбы во исполнение закона Евангельского!

В Рославльских же лесах преп. Моисей постоянным прилежанием к чтению приобрел глубокое знание учения Св. Церкви и святоотеческих творений. Здесь же началось и дело руководства им других лиц. Он сносился, по послушанию, с помещиками, заботившимися об отшельниках, и эти помещики обращались к нему за советами.

Когда преп. Моисей возрос до меры учительного и крепкого в духовной жизни мужа, Господу угодно было призвать его на высшее служение и вручить ему трудное и многоплодное дело.

В 1820 году преп. Моисей, проездом из Москвы, где ему было необходимо побывать, посетил Оптину Пустынь и был представлен ее игуменом Калужскому преосвященному Филарету. Этот знаменитый подвижник (скончавшийся в сане митрополита Киевского и в схиме) и мудрый архипастырь всей душой от юности любил монашество. Дикий сосновый бор, окружающий Оптину Пустынь, навел его на мысль устроить при Оптиной скит. Он слышал о рославльских пустынниках и именно им желал поручить устройство скита. Знакомство с преп. Моисеем утвердило его в этом намерении. После переписки и приглашения преп. Моисей с братом преп. Антонием и еще двумя монахами 6 июня 1821 года прибыли в Оптину и поместились на монастырской пасеке.

В ста семидесяти саженьях от обители, где стояла среди вековых сосен и порослей орешника и липы уединенная келья, было выбрано место и составлен план; после этого приступили к работам.

С великим трудом новоприбывшие пустынники должны были очистить избранное место от сосновых вековых деревьев – вырубить и выкорчевать их. В этом помогали им немногие нанятые работники. Из срубленного леса выстроили небольшую келью, обвели свое место забором и поставили церковь во имя св. Иоанна Предтечи, вслед затем число келий стало увеличиваться.

В декабре преп. Моисей поехал за сбором в Москву и вернулся в повозке, столь нагруженной, что самому ему еле можно было сидеть.

В начале 1822 года храм был освящен и преосвященный Филарет немедленно затем прибыл в Оптину. Преп. Моисей просил у него разрешение принять схиму. «Не убо прииде час», – был ответ. По отъезде владыки, преп. Моисей послал ему о том же письменное прошение, но преосвященный ответил предложением священства, от которого пустынник решительно отказался. Видя какие дары кроются в преп. Моисее, мудрый архипастырь не уступал; спор длился шесть недель. Наконец, епископ Филарет сказал: «Если ты не согласишься, буду судиться с тобою на Страшном суде Господнем». Только тогда умолк преподобный и 22 декабря 1822 года рукоположен в иеромонахи и определен духовником Оптиной.

Между тем, преп. Моисей продолжал устраивать скит, сажал и сеял те деревья, которые теперь такой красотой осеняют место Оптинского скита. Бог посылал и пособия, но значительные расходы на постройки и долги потребовали в 1825 году поездки преподобного за подаянием в Москву, где он получил известие об избрании его в настоятели.

Сорока трех лет от роду принял преп. Моисей в свое заведование Оптину Пустынь и тридцать семь лет пекся о ней. За это время, трудами настоятеля, Оптина совершенно преобразилась. Число братства увеличилось во много раз, были сделаны, несмотря на то, большие хозяйственные запасы, почти удвоена монастырская земля, разведены фруктовые сады, заведен рогатый скот, устроена обширная монастырская библиотека, расширен собор, воздвигнуты две церкви, выстроены трапеза, гостиницы, конный и скотный дворы, семь корпусов келий, два завода, мельница и знаменитая белая Оптинская ограда; служба стала совершаться благолепно, но, что всего важнее, возвысился нравственный строй обители.

Все эти громадные постройки были производимы без денег, на веру – и столько же для обители, сколько на помощь бедным для заработков.

«Есть ли у вас, батюшка, деньги?», – спрашивали приближенные при начале стройки. «Есть, есть», – и покажет пятнадцать-двадцать рублей. «Да ведь это не деньги; дело-то тысячное». А преп. Моисей улыбнется и скажет: «А про Бога забыл: у меня нет, так у Него есть». И вера эта не была посрамлена. Очень часто бывало, что рабочие просили уплаты, когда у настоятеля было всего несколько медных монет; он просил обождать, и через день-два по почте приходили деньги. Когда же и этого не было, он занимал и при первом случае возвращал все сполна.

Каменные гостиницы, для которых иногда срывали гору и возили землю в озера, и обширная ограда, строились в голодный год, когда пуд муки продавали по пяти тысяч рублей. Хлеба и у братии было мало, монастырь был набит голодным людом из окрестностей. И в это самое время преп. Моисей вел постройки и кормил народ. Народная беда прошла глубоко к его сердцу. Однажды, когда его стали уговаривать оставить стройку в таких тяжких обстоятельствах, от глубокого волнения отверзлись его всегда молчаливые уста и, обливаясь слезами, он ответил: «Эх, брат, на что же мы образ-то ангельский носим? Для чего же Христос Спаситель наш душу Свою за нас положил? Зачем же Он слова любви проповедал нам? Для того ли, чтоб мы великое Его слово о любви к ближним повторяли только устами? Что же народу-то, с голоду что ли умирать? Ведь он во имя Христово просит... Будем же делать, дондеже Господь не закрыл еще для нас щедрую руку Свою. Он не для того посылает нам Свои дары, чтоб мы их прятали под спуд, а чтоб возвращали в такую тяжелую годину тому же народу, от которого мы их получаем».

Вообще нищелюбие преп. Моисея не знало пределов. Он покупал иногда за высшую, чем просили, цену вовсе ненужные вещи только для того, чтобы помочь нуждающемуся продавцу, покупал гнилые припасы, сам и употребляя их в пищу, держал на жаловании сирот, одних для отпугивания ворон, других для ловли кротов.

При преп. Моисее образовался значительный приезд богомольцев в Оптину. Все они встречали самый заботливый прием. Архимандрит сам обходил гостиницы, был радушен и у себя в келье. Он имел способность говорить со всяким согласно его пониманию и развитию.

Когда кто просил чего-нибудь из обители «на благословение», преп. Моисей отдавал лучшее и иногда последнее.

В гостинице не было установлено (как ведется и поныне) платы, но всякому предлагалось класть в кружку по усердию. Один богатый купец спросил настоятеля, не боится ли он, что все не будут платить, а жить даром?

«Не заплатят девяносто девять – Бог пошлет сотого, который за всех заплатит», – сказал преподобный.

Купец после того стал благодетелем Оптиной.

Значительным пожертвованиям преп. Моисей не дивился. Одно семейство, много дававшее Оптиной, пришло жаловаться за что-то на гостиника и упомянуло о своих благодеяниях.

«Мы думали, – отвечал преподобный, – что вы благодворили ради Бога и от Него ждете награды, а мы, убогие и неисправные, чем воздадим?»

Но не сухостью сердечною отвечал он на благотворение искреннее, а горячими молитвами.

При приеме в Пустынь преп. Моисей не требовал денежного вклада; он любил принимать и хилых, больных, слепых, которые ничем не могли воздать обители.

В отношении братии преподобный держал себя необыкновенно мудро. По природе горячий, он совершенно переделал себя и приобрел замечательную кротость. Если же находил на него гнев, он торопился уйти, смирял себя молитвой и возвращался успокоенный. Не любя выказывать власть, он, однако, не упускал ее из своих рук и крепко держал монастырь.

При чрезвычайной деятельности преп. Моисея в нем не было никакой суетливости; все,

казалось, шло само по себе, невидимо руководимое одной волей. Мелочными подробностями при назначении послушаний он не стеснялся; к неудачам других относился с совершенным спокойствием и покрывал их любовью.

Все замечая, преп. Моисей часто отлагал вразумление на долгое время и потом напоминал о проступке; такое вразумление действовало сильно. Прежде чем наставлять монаха, он молился за него и всегда вглядывался, спокоен ли тот, с кем он должен говорить.

Помня твердо слово Златоуста: «О исправлении того только должно сомневаться, кто в аде находится с бесами», – преп. Моисей имел неодолимое доверие к совести человеческой. Одного печника, много раз обманывавшего его и много раз им прощенного, экононом хотел прогнать. Печник обещал исправиться; у него не было и рубашки на теле, а только кафтан, и преп. Моисей жалел его.

– Когда же исправится, батюшка, – уговаривал экононом, – он известный негодяй!

– Как? – ответил преп. Моисей, – человек хочет исправиться, а ты говоришь, что он негодяй! Сам ты негодяй, ступай!

Крутых, строгих мер преподобный не употреблял и говорил, что нужно подождать, пока Господь коснется сердца человека. Вообще же он приравнивался к характеру и духовной степени каждого.

Получив в жизни великую пользу от чтения духовных книг, преп. Моисей любил приобретать их. Из Калуги он много привозил их, выписывал духовные журналы. Прочтя книги, он отдавал их в монастырскую библиотеку.

При преп. Моисее Оптиная Пустынь, под непосредственным руководством старца о. Макария, издала шестнадцать духовно-аскетических книг древних подвижников. Эти книги преп. Моисей целыми тюками рассылал бесплатно в разные стороны.

Всюду ища пользы духовной, он говорил: «Наше дело сеять; Бог даст, когда-нибудь будут и плоды».

Посылая за сбором на обитель, преп. Моисей заповедывал монахам, входя в дом, читать «Отче наш» для смягчения сердец; при переправах через реки советовал призывать на помощь Св. Николая Чудотворца.

Так, вникая во все многообразные отрасли монастырской жизни, совершал преп. Моисей свое служение, но главная его заслуга состоит в учреждении и поддержке в Оптиной старчества.

С любовью приняв в Оптину старцев Леонида и Макария, он и сам преклонил пред ними свою волю, никого без их совета не определял и не постригал, советовался с ними во многом. Обладая сам в высокой степени даром рассуждения, преп. Моисей, зная, что руководитель в духовной жизни должен быть один, на всю жизнь воздержался от руководства братии словом, касаясь ее лишь по внешним делам послушания. Мало того, он ото всех и посторонних скрывал свои старческие дарования. И многие, слыша его общеназидательный разговор, не знали, какой высокой духовности перед ними муж. Только однажды, в присутствии преп. Макария, пришлось ему сделать наставление. Исполненная силы речь так и лилась из его уст, и все изумлялись не столько речам его, сколько постоянному его молчанию при таких дарованиях. Таким образом, столь много потрудившись для духовного преуспевания Оптиной, преп. Моисей сумел казаться большинству простым и добрым иноком, способным заботиться лишь о внешних нуждах обители, и утаил то высокое духовное разумение, какое стяжал подвижнической своей жизнью.

В довершение перечня подвигов, понесенных преп. Моисеем за время настоятельства, следует сказать, что он вынес одно ничем не заслуженное, тяжкое, соединенное с великими скорбями многолетнее гонение и терпел его с неистощимым смирением. Столь же тягостно для преп. Моисея было гонение на столь дорогое ему старчество, гонение, прекратившееся, по-видимому, заступничеством митрополита Киевского Филарета.

Келейная жизнь преп. Моисея была постоянным понуждением себя.

Спал он мало, не раздеваясь и вставая едва ли не в полночь. К утрени ходил неопустительно, говоря, что за Литургией приносится за нас безкровная жертва, а в утрени мы сами приносим в жертву свой покой, – также к обедне и вечерне.

У службы стоял прямо, не облокачиваясь, и погружался иногда в такую молитву, что не замечал ничего вокруг. Также иногда, ходя, был так углублен в себя, что не видел и не слышал подходивших к нему, и слезы, орошавшие его лицо, выказывали его настроение. Молитва, которую постоянно творил он, поддерживала его; ею он, горячий нравом, стяжал кротость.

Всякую свободную минуту преп. Моисей посвящал чтению и, когда его отрывали от книги, замечал, где остановился, чтобы, исполнив дело, вернуться вновь к чтению. В трапезу преподобный ходил постоянно, и брал пищи понемногу. Дома же ел самое простое, и часто, для смирения себя, испорченное.

Непрестанным наблюдением за собой преп. Моисей приобрел кротость и молчание и в минуту тревоги углублялся во внутреннюю молитву.

Однажды в Оптиной случился весьма убыточный пожар в гостинице. Преподобный, зная, что все меры приняты, смотрел спокойно на огонь, который был потушен, когда против него стали с «Казанской» иконой. Всегда молчаливый, особенно скрытен был преп. Моисей, если кто пытался расспрашивать о его жизни и внутреннем его делании. Тут ничего нельзя было от него узнать. Когда кто говорил преп. Моисею о его заслугах, он недоверчиво улыбался. Однажды посетил Оптину один архиерей и, осмотрев скит, спросил его, кто это устроил. Преп. Моисей уклончиво ответил, что это устроилось постепенно на здешнем месте.

– Я и сам вижу, что на здешнем, но кто именно построил?

– Настоятель с братией.

– Говорят, что вы все это устроили.

– Я тоже при этом находился...

После таких ответов гость уже более не допытывался.

Говорил преп. Моисей медленно, взвешивая каждое слово и, слушая других, творил молитву Иисусову, перебирая четки.

Одевался он в простую, но чистую, по званию, одежду. Подвиги поста и благотворения прикрывал иногда шутливым словом. Один торговец упросил преподобного купить бочонок сельдей, которые, по его словам, были прежде вкусные и сорта хорошего, да от жары испортились. Келейник нашел, что селедки вовсе не годятся и что их девать некуда.

«А ему-то, подумай, куда их было девать? У нас все разойдутся», – и велел подавать себе к ужину по одной селедке с хреном, и все их съел. Также иногда делал вразумление в виде шутки.

Преп. Моисей желал как-то купить для монастыря яблок сорта «Добрый крестьянин». Один мужик привез ему много «Антоновки» и, когда архимандрит спросил про сорт, отвечал.

– «Добрый крестьянин», батюшка, «Добрый крестьянин»!

– Добрый-то добрый, да не Антоном ли его звали? – сказал преподобный.

Великую нестяжательность, поражавшую в преподобном, развил он в себе смолоду. «Когда я был в Сарове, – промолвил он однажды, – присматривался я к тому, как кто живет и что имеет, и сказал себе: умру с голоду, но никогда в жизни ничего не буду иметь. Вот и хожу всю жизнь с сумою». Как говорил келейник его, он был «большой гонитель на деньги», а богат был, как сам выражался, только нищетою.

Когда по кончине преп. Моисея открыли ящик, где он держал деньги, нашли один гривенник, застрявший между дном и стеною.

– Верно, батюшка не заметил его, – сказал его брат преп. Антоний, а то он бы непременно и его истратил.

В 1856 году игумен Исаия приехал в Оптину повидаться с братьями: Моисеем, которого не видел тридцать восемь лет, и Антонием (преп. Антоний из Оптиной был взят

в настоятели Малоярославецкого монастыря, и потом снова водворился в Оптиной на покой). В день коронации три брата служили Литургию и молебен, представляя великий и трогательный пример.

В 1860 году преп. Моисей был утешен Высочайшим дарованием Пустыни 108 десятин леса, весьма ей нужного. Хотя на обители был еще долг в семнадцать тысяч рублей, преподобный успокаивал себя тем, что принял ее с большим долгом, а теперь много запасов, и тем, что Господь силен пополнить эту нужду, что вскоре по кончине преп. Моисея и случилось.

Ряды сверстников преподобного редели и редели. В 1860 году преставился преп. Макарий, на шесть лет его младше; преп. Моисею шел восьмой десяток к концу.

И в этом преклонном возрасте, подавая пример понуждения, преп. Моисей отказался от чая по утрам и стал еще больше заботиться о строжайшем исполнении устава. В то же время, дойдя до глубины смирения, он говорил: «Теперь дознал я, что действительно я хуже всех».

15 мая 1862 года, на восемьдесят первом году, преп. Моисей заболел карбункулом на спине, и уже больной ездил в Калугу. Здесь тяжкую скорбь причинил ему донос на него некоторыми из братьев. 26-го он пришел в устроенную им оптинскую библиотеку и молча, как бы прощаясь, осмотрел ее. Вскоре к первой болезни присоединилась водяная. Преп. Моисея приобщали каждый день; он много страдал, но иногда, перемогаясь, подымался, чтобы заняться монастырскими делами. Лежа, он говорил вслух о пользе старчества, благословляя приходивших прощаться с ним иноков; и в болезни понуждал себя и уклонялся от услуг.

6 июня преп. Моисей, сохранив свое имя, постригся в схиму, причем вид его был чрезвычайно благолепен.

Между тем при слухе об опасном недуге его со всех сторон стали приезжать, чтобы проститься с ним, и больной оделял всех образками; их роздано было до четырех тысяч. 14-го преп. Моисей приказал вынести из комнаты все вещи и поместить пред собой икону св. Тихона Задонского, стоявшую пред ним до кончины, последовавшей в день тезоименитства св. Тихона. 15-го, по движению руки умиравшего старца, было замечено, что он благословляет отсутствующих. В это самое время, как узнали из полученного впоследствии письма, одно преданное старцу лицо в Петербурге в тонком сне видело, как преп. Моисей благословляет поочередно членов его семейства.

16-го июня, в десятом часу утра, при чтении слов Евангелия от Матфея: «Прийти бо имать Сын Человеческий во славе Отца Своего, со ангелы Своими, и тогда воздаст комуждо по деянием его» (Мф. 16, 27), преп. Моисей тихо отошел.

Высока дивным смирением своим, поучительна стройностью, постоянным горением духа и ежедневным самопонужением к исполнению заповедей была жизнь настоятеля и обновителя Оптиной Пустыни преп. Моисея.

Имя этого образцового настоятеля навсегда будет запечатлено на страницах истории монашества: с этим именем связано восстановление старчества и, следовательно, истинного монашеского жития в Оптиной Пустыни, явившейся светлой звездой великорусского иночества. В роды родов, вместе с незабвенными именами Оптинских старцев Льва, Макария, Амвросия – с благоговением будет поминаться смиренное, чистое пред Богом имя преп. Моисея. Он останется навсегда высоким образом монастырского настоятеля. Преп. Моисей представляет удивительное сочетание аскетической уединенности келейной жизни с доступностью, твердостью – с кротостью, хозяйственностью – с крайней нестяжательностью, самостоятельности – с полной покорностью уставам старчества, живой деятельности – с неистощимым терпением многих и тяжких скорбей. Каким мягким родным светом озарен трогательный лик сурового к себе и снисходительного к другим инока, неудержимого нищелюбца, спешившего передать земные сокровища чрез руки страждущих Богу и, вместе с тем, упрочившего и украсившего знаменитую обитель – страдальца, понесшего тяготы, труды и оскорбления

за Оптину Пустынь.

Преп. Моисей погребен в Казанском храме Оптиной Пустыни. С ним рядом лежит его брат, игумен Антоний.

Воистину честна пред Господом смерть преподобных Его!

Преподобный Моисей

ЧУДЕСА

Прозорливость старца

Иеромонах Вассиан, поместившийся в Оптину Пустынь на покой из Московского Данилова монастыря, рассказывал, что наслышавшись разных несправедливых толков и рассуждений о неправильных действиях о. архимандрита Моисея и веря им, он несколько раз решался откровенно объясниться с о. архимандритом о слышанном и ходил к нему с этой целью, но каждый раз встречал такой радушный, ласковый прием, что вся смелость и решимость передать ему слышанные замечания пропадала, и «я как обезоруженный, – говорил о. Вассиан, – уже не решался касаться того, ради чего приходил. Однако сам старец, поговорив кое о чем, наводил разговор на цель моего прихода: «Вот обо мне говорят то и то», – начинал он и, не давая мне, собеседнику своему, сказать ни слова, своими объяснениями рассеивал все мои недоумения и опять с отеческой приветливостью отпускал меня, не показывая и вида, что очень хорошо понимал цель моего прихода.

Облегчение болезни за послушание старцу

Недавно скончавшийся монах Порфирий оставил в своих келейных записках такие заметки об о. архимандрите Моисее: «Часто страдая желудком, я не мог постоянно ходить в трапезу, хотя очень старался об этом, а в такое болезненное время из трех кушаньев выбирал одно или два, полегче, и обедал в келье. О. архимандрит, встречая меня несущего кушанье, благословлял, не делая никакого замечания. Но однажды, говорит: «Что, в келлийку?». Я объяснил причину. Он сказал на это: «Если с верою ходить в трапезу, то это может исцелять болезни», – и, немного помолчав, прибавил, – не только телесные, но и душевные». (Я же в то время был сильно отягчен разными помыслами.) По слову о. архимандрита я начал ходить в трапезу обедать; с того времени, в течение лет пяти или шести, я мог ежедневно обедать в трапезе без вреда для желудка. Ужинать же я не начал ходить в то время, впоследствии же, когда пожелал приучить себя и ужинать в трапезе, то не мог, и должен был брать по-прежнему вместо двух одно кушанье, полегче. На сколько я тотчас оказал послушания, на столько получил и пользы».

Сила благословения старца Моисея

При скудости средств о. архимандриту необходимо было посылать некоторых из братьев за сбором. Отправляя их, он советовал, чтобы, входя в каждый дом, они читали внутренне молитвы: «Отче наш», «Достойно есть» и прочие, какие знают на память, но «Отче наш» непременно. Один из сборщиков рассказывал замечательный случай с ним, бывший в Туле: «Пришел я в дом тогдашнего откупщика Молчанова. Вхожу в переднюю, человек тут бывший спрашивает меня:

– Что вам нужно?

– Да вот я со сборной книгой на обитель.

– Никого здесь нет и не найдете.

С этими словами он сам вышел, а я стою и думаю: идти и мне, чтобы не случилось еще какой-нибудь неприятности, а другая мысль говорит: да исполни же слова о. игумена, прочти сперва «Отче наш». Я и начал читать мысленно эту молитву. Не успел еще

окончить ее, как из боковой двери вышла дама, хорошо одетая, и спросила меня:

– Батюшка, что вам угодно?

– Я собираю на обитель с книгою.

– Подождите немного, – и вошла опять в ту же дверь. Слышу, что она громко говорит кому-то: «Там монах пришел за сбором». – «Ну, подай ему», – отвечал другой голос. Щелкнул замок от ящика. – «Да тут мелких нет, только десять рублей». – «Ну, отдай их ему». Дама эта и вынесла мне, вовсе ей незнакомому, десять рублей. Это для сборщика немалая редкость и радость, а уйди я, не исполнив слова о. игумена, ничего бы и не получил. Такова была сила его слов!».

Помощь через святителя Николая

При переездах через реки и озера, когда «предлежит жидкий путь», как выражался о. Моисей, он советовал братьям призывать в помощь Св. Николая Чудотворца. Один из таких монахов-сборщиков рассказывал, как он во время разлива воды, при переезде через реку по затопленному мосту, совсем было утонул с повозкой, но, вспомнив слова о. архимандрита, призвал в помощь Святителя Николая, и лошадь его, уже погрузившаяся в воду, вдруг рванулась и выскочила на мост сама, а за собою вытащила и повозку с седоком.

Чудесное обретение денег молитвами старца

О. игумен Антоний рассказывал, однажды некоторые из рабочих пришли просить расчета. «Я и сказал о. архимандриту: «Батюшка, рабочие пришли, просят чтобы их рассчитать». – «Что же, надобно рассчитать». – «Да денег-то нет, батюшка». – «Занять надобно у кого-нибудь, а рабочих рассчитать». Я и пошел от батюшки в раздумьи: у кого же занять? Только что схожу с крыльца его келий, как вижу, навстречу мне идет знакомая дама и, подойдя, спрашивает о здоровье о. архимандрита. Я отвечал: «Слабеет силами; да вот, благословил мне рассчитаться с рабочими, а денег нет, надобно занять у кого-нибудь». Дама эта тут же вынула свой бумажник, достала из него пятьдесят рублей и подала их мне, говоря: «Вот, о. игумен, позвольте мне вам этим послужить. Прошу вас принять от меня эти деньги в долг без отдачи». Так Господь за молитвы батюшки о. архимандрита и послал неожиданно денег для уплаты рабочим».

Прозорливость старца

Был следующий замечательный случай. Уже больной старец, тоскуя и издавая болезненные стоны, подзвал к себе келейника своего и сказал: «Спроси, что это за женщина? Что ей нужно? Зачем она меня беспокоит?». Келейник, не видя никакой женщины, подумал, что это бред и сказал несколько слов, только чтобы успокоить больного. Но потом оказалось, что на крыльце действительно давно стояла женщина, которая, получив образок для себя, не хотела удалиться, но настоятельно просила, чтобы ей дали другой образок для ее сына. Узнав об этом, келейник взял образок, поднес его к о. архимандриту для благословения, и вынес его дождавшейся крестьянке, а потом сказал больному, что женщина желала получить его благословение и теперь удовлетворена. Старец ответил: «Вот теперь я спокоен».

Блаженная кончина старца Моисея

14 июня старец, как бы в бреду, стал собираться в путь, говорил, чтобы все приготовили к отъезду, что ему здесь нечего делать, что останется здесь разве еще день. Приказал вынести из кельи свои одежды и вещи, исключая одну подушку и, говоря, что все это теперь уже не нужно. Потом приказал поместить перед собою на стене икону свт. Тихона Задонского, которая и стояла перед ним до кончины, последовавшей в день тезоименитства свт. Тихона 16 июня.

При его вере и надежде на милосердие Божие, в нем, в страшное время разлучения

души от тела, не было заметно страха смерти, естественного каждому. Полный спокойствия и любви, он заботился только о братстве, вверенном его попечению. Иеромонаху Исаакию, который после смерти о. Моисея был назначен настоятелем Оптиной Пустыни, умирающий много говорил о любви к Богу и ближнему, как бы предвидя в нем преемника своего и желая его приготовить к благодушному принятию и несению креста начальствования ради любви к ближнему.

Через несколько времени дыхание умирающего стихло до того, что один из бывших там иеромонахов спросил: «Скончался?». Больной, не открывая глаз, едва слышно ответил на это: «Продолжайте». И продолжали чтение священнослужители один за другим. В десять часов старец легко вздохнул и весьма тихо и мирно предал Господу душу свою, в то самое время, когда очередной иеромонах читал конец шестнадцатой главы Евангелия от Матфея: «Прийти бо имать Сын Человеческий во славе Отца Своего, со Ангелы Своими: и тогда воздаст комуждо по деянием его. Аминь глаголю вам, яко суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына Человеческого грядуща во Царствии Своем» (Мф. 16, 27-28).

Письмо старца Антония о посмертных явлениях старца Моисея

С великим прискорбием души моей скажу о тяжком искушении, случившемся на скотном дворе нашем, какового при мне сорок два года не было, и дай Бог, чтобы не случилось никогда, а именно: 1-го марта утром одна девица Надежда, черпая горячую воду из котла для мытья черного белья, поскользнулась и упала в котел, и сильно вся обварилась в кипятке, но, благодарение Господу Богу, два дня была жива и в памяти, и напутствована всеми таинствами, а в воскресенье 3-го числа тихо скончалась. А я, услышавши о таком ужасном событии, горько плакал, да и до ныне не могу равнодушно вообразить о сем, и себя мысленно окаяваю, что я и сам вот уже двадцать шесть лет страдаю от ног, но моя болезнь в сравнении с предсмертною болезнью девицы Надежды не более стоит, как плюнуть и растереть. Надежда, великомученица, без крику и вопля переносила свое ужасное страдание, а я как сыр в масле катаюсь и всем питаюсь. К сему еще скажу чудное событие: в тот самый день, когда это случилось, отец М. приходит из утрени в свою келью, и прилег, и, вздремнувши, видит в тонком сне о. архимандрита Моисея, приказывающего ему, чтобы он немедленно бежал на скотный двор, где нужно быть поскорее. Отец М., сразу проснувшись, с удивлением побежал на скотный двор, и там его встретили с печальной вестью. А из сего можете вы заключить, что батюшка о. архимандрит Моисей и по кончине своей заботливо печется обо всем, о чем – слава Богу!

Еще скажу вам об о. архимандрите Моисее, что пред погребением девицы Надежды одна скотница в тонком сне видит о. архимандрита в мантии, с посохом, идущего в церковь, куда вынесена была новопреставленная. Принявши благословение, она спрашивает: «Куда вы, батюшка, так спешите?». Отвечает: «Иду Надежду проводить». Итак, видите, какие бывают отрадные сны о моем святом отце.

9 марта 1863 г.

Нетление мощей старца Моисея

Когда, после кончины преп. Моисея, дошел черед вкусить от чаши смертной великому брату его, игумену Антонию, тогда епархиальная власть указала бранным останкам его быть погребенным в общем склепе с братом, под полом, у соли правого придела Казанской церкви. Взломали пол, разломали склеп, и обнаружился гроб архимандрита Моисея, совершенно как новый, несмотря на сырость грунта подпочвы; только немножко приотсталла, приподнялась гробовая крышка... Безмерною любовью любил почившего архимандрита игумен Марк, и воспламенилось его сердце желанием убедиться в нетленности мощей его великого аввы, а также и взять со смертной одежды его хоть что-нибудь себе на память. И вот пошли каменщики, что делали склеп, не то обедать, не то

чай пить, а игумен Марк воспользовался этим временем, спустился в склеп, просунул с ножницами руку под крышку гроба, ощупал там совершенно нетленное, даже мягкое и как бы теплое тело и только что стал было отрезать ножницами кусок от мантии почившего, как крышка гроба с силой захлопнулась и придавила руку игумену Марку. И взмолился тут игумен: «Прости, отче святой, дерзновение любви моей; отпусти руку».

И долго молил игумен Марк о прощении, пока вновь не приподнялась сама собой гробовая крышка и не освободила руку, дерзнувшую, хотя и любви ради, но без благословения Церкви, коснуться мощей праведника.

На память о событии этом у отца игумена остался на всю жизнь поврежденным указательный палец правой руки.

Из писем преп. Моисея

К двоюродной сестре своей, монахине Московского Вознесенского монастыря Максимилле

Пречестнейшая в монахинях, любезнейшая сестрица, Максимилла Ивановна. Возмогай о Господе.

К удовольствию моему, ваше приятное для меня писание получил исправно. Усерднейше за все благодарю. Не оставляйте впредь писывать ко мне и не затрудняйтесь в том: пишите ко мне просто, что только чувствуете, и таким образом, как говорите. Не нужно мне изъяснений о расположении вашем и любви ко мне: я об этом и без того давно знаю. Мне пишите больше всего о себе, в каких вы немощах и злостраданиях бываете по духу, чтобы и я мог со своей стороны оказать вам участие, единственно, ради пользы душевной вашей, а не в тщетное ласкание.

Нам с вами, немощным, о крепких подвигах и высокотворных добродетелях, видно, нечего разговаривать, разве только что о немощах и злострадательной жизни. Нынешним письмом вашим я доволен: оно самое то, каким и всегда быть должно. Вы пишите с искренней прямоотой и доверенностью ко мне о вашем немоществовании. Сие изъяснение ваше приятно для меня, потому что и апостол Павел пред целым светом изъяснился за себя, что он ежели силен, то благодатью Христовой, о себе же немощен: Сладце, – говорит, – похваляю паче в немощех моих и, окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея, яко не живет в теле моем доброе.

Послушайте, сестрица. Не смущайте своей души о том, что вы немощны и исправления не имеете. Конечно, вы больших исправлений, может быть, и не имеете, однако, уповаю, имеете малые, которых вы не видите, а их может набраться довольно. Они, по-видимому, не велики, будто ничего не значат, однако могут быть ко спасению не только не малы, но и довольны. Я вам, хоть отчасти перечту те самые, которых вы не чужды, но они точно бывают в вас при случаях.

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете – за то помилованы будете.

Если постраждете со страждущим (невелико, кажется, сие) – с мученики счисляетесь.

Если простите обидящего, и за сие не только все грехи ваши простятся, но дщерью Отца Небесного бываешь.

Если помолишься от сердца о спасении, хотя и мало, спасешься.

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестью чувствуемые, и за то оправдана будешь.

Если исповедуешь грехи свои пред Богом, за сие вам прощение и мзда.

Если попечалуешь о грехах или умилишься, или прослезишься, или воздохнешь, воздыхание твое не утаится от Него: «Не таится бо от Него, – говорит св. Симеон, – капля слезная, ниже капли часть некая». А Св. Златоуст глаголет: «Аще посетуеши точию о гресех, то примет Он в вину твоего спасения».

Видите ли сколько дел вы исправили, о которых и не знаете. Да тем и лучше для вас, чтобы вы сладце похвалялись в немощах своих, а не исправлениями своими любовались: пусть ценит их праведный Мздовоздатель, а мы только на грехи свои смотреть будем и о них каяться во все дни, и о прощении их пещися.

Преподобный Антоний

ЖИТИЕ

Преподобный Антоний (Путилов), родился в 1795 году. Он был младшим братом игумена Оптиной Пустыни Моисея. С юных лет, подобно братьям, стремился к монашеству. При нашествии французов в 1812 году оказался в Москве и жестоко пострадал от них – еле спасся. После многих мытарств присоединился к преп. Моисею, жившему пустынником в Рославльских лесах. Здесь он навыв истинному подвижничеству, смирению, послушанию. Он вместе с братом, как было уже сказано, собственными руками выстроил скит в Оптиной Пустыни. Начальником скита он стал в тридцатилетнем возрасте, после назначения его брата игуменом Оптиной Пустыни.

В Оптиной Пустыни в скитском братстве не было такого смиренного послушника, каким был молодой скитоначальник Антоний, который ни малейшего распоряжения не делал без благословения своего старца и брата преп. Моисея. В сохранившихся его помянниках мы читаем: «Помяни, Господи, господина моего духовного отца и благодетеля всечестнейшего игумена иеромонаха (в других – игумена, схиархимандрита) Моисея». Скитская братия состояла главным образом из почтенных старцев, и какой кротостью и каким тактом надо было обладать молодому начальнику, чтобы не иметь ни с кем недоразумений. Ввиду малочисленности братства, сам начальник исполнял многие братские послушания. Часто доводилось ему оставаться без келейника, который исполнял обязанности то повара, то садовника, то хлебопека. «Как самый бедный бобыль, – писал старец Антоний в 1832 году одному родственнику, – живу в келье один: сам и за водой, сам и за дровами... Чином священства почтенных, теперь у нас в скиту собралось пять человек, но все они престарелы и многонемощны, почему и тяготу служения за всех несущ один».

Он жил всем бых вся, да всяко некия спасу (1 Кор. 9, 22). Этот текст в прямом смысле относится к старческому служению. Однако ни преп. Антоний, ни преп. Моисей не брали на себя прямой обязанности душепопечения лиц монастырской братии. Но будучи сами духоносными старцами, они понимали значение старчества и предоставили тем великим старцам, которых они привлекли в Оптинский скит, самое широкое поле деятельности. Таким образом, насаждение в Оптиной Пустыни старчества было всецело делом этих двух братьев. И не только насаждение, но и процветание.

Вот какое впечатление оставил по себе скит в воспоминании лица, бывавшего там в юности при скитоначальнике о. Антонии:

«Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором вспоминаю и теперь с благоговением, и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их, и вообще какое-то чувство присутствия благодати, невольно заставляло забывать все, что вне обители этой. В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало чувствуешь себя вне мира и превратности его. С каким

умилительным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита о. Антоний, было тихое стройное, и вместе с тем величественное и правильное, подобно которому после того нигде уже и не слышал, за всем тем, что мне очень часто приходилось слышать самых образованнейших певчих в столицах и известнейших певцов Европы. В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти, а это уже так обыкновенно! Что ж сказать о тех вожделеннейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита о. Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия.

Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя был во многих обителях и церквях» («Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония». Москва, 1870 г., стр. 27).

Старец Антоний пробыл начальником скита четырнадцать лет, когда епископ Калужский Николай, враждебно относившийся к старчеству и причинивший много горя игумену Моисею, назначил его родного брата преп. Антония настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря. В это время старец Антоний переступил сорокалетний возраст и на ногах его открылись раны, как последствие его подвигов и трудов. Ему было крайне тяжело расставаться с созданным его трудами уединенным Оптинским скитом, где его окружала всеобщая любовь, со своим братом, который был его старцем. Начальствование в чуждых ему условиях жизни являлось для него тягчайшим и величайшим крестом. «Однажды, – пишет он, – сильно «уны во мне дух мой», и, воздремавшись, вижу в тонком сне лик отцов, и один из них, якобы первосвяtitель, благословляя меня, сказал: «Ведь ты был в Раю, знаешь его, а теперь трудись, молись и не ленись!». И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи! Даруй мне конец благий!»

Больной настоятель игумен Антоний часто мог только лежа давать приказания и не был в состоянии следить за точным исполнением своих распоряжений. Он многократно просился отпустить его на покой, но епископ Николай был неумолим. Четырнадцать лет продолжалось его злострадание. Иногда он должен был ездить в Москву за сборами пожертвований на окончание монастырских построек. В Москве преп. Антоний пользовался особым вниманием со стороны митрополита Филарета, который понимал духовное устройство смиренного подвижника-страдальца. Он полюбил его и приглашал его к сослужению с собой, оказывал ему знаки отеческой милости и утешал беседами. Наконец, митрополит вступился за него перед епархиальным архиереем, который согласился отпустить его на покой в Оптину Пустынь, что состоялось в 1853 году. Возвратившись в Оптину Пустынь, старец Антоний прожил еще двенадцать лет.

В течение этого времени он жил в Оптиной Пустыни как лицо, находящееся «на покое» и не вмешивался во внутренние дела монастыря и скита и даже избегал давать советы. Только утешал в скорбях приходивших к нему.

Ему пришлось пережить кончину брата своего преп. Моисея, что было для него тяжелой потерей. Два месяца провел он в затворе в непрестанной молитве за усопшего. Он не мог говорить о брате без слез и потому отказывался сообщить сведения, ему известные, о сокровенной, внутренней жизни покойного. Это осталось нераскрытым.

У преп. Антония было много духовных чад среди мирян, многие знали его в бытность его настоятелем Малоярославецкого монастыря. После кончины удалось собрать и издать сборник его писем к этим лицам. Выбраны были письма, содержавшие общее назидание. «Письма эти, – говорит его жизнеописатель, – отличались тем же естественным красноречием и сладкоречием, тою же назидательностью и своеобразной выразительностью и силою. Слог его совершенно особенный, свойственный одному

старцу Антонию. В них ясно отпечатались все высокие душевные свойства любвеобильного старца. Читая их, как будто слышишь самую его беседу». Преп. Антоний обладал даром прозорливости, и часто, не ожидая получения писем, писал утешения и наставления. Оптинский старец Макарий называл преп. Антония: «и по сану и по разуму старшим и мудрейшим себя».

Преп. Антоний непрерывно, почти всю жизнь жестоко страдал от ран на ногах. День преставления его 7 августа 1865 года. Он погребен рядом с братом – игуменом Моисеем.

Преподобный Антоний

ЧУДЕСА

Видение ученика старца Антония

Были основательные причины утверждать, что преп. Антоний имел великое дерзновение в молитве к Богу и сподоблялся духовных видений и других благодатных посещений.

Вот что поведал нам послушник Оптиной Пустыни П., духовный сын преподобного:

«8 ноября 1862 года, на память св. Архистратига Михаила, перед самой утреней слышал я во сне неизвестно чей голос, говоривший мне: старец твой о. Антоний человек святой жизни и великий старец Божий. Вслед за тем раздался звонок будильщика, и потому все слова таинственного голоса ясно напечатлелись в моей памяти. Размышляя о слышанном, пошел я к утрени. Не доходя до корпуса, где жил старец и мимо которого надобно мне было идти, вижу: над молитвенной его кельей, неизвестно откуда явилось светлое, белое, огненное облако, длиною около сажени, шириной аршина в два; тихо и медленно поднималось оно от самой крыши, шло кверху и скрылось в небесном пространстве воздуха. Явление это меня поразило, и потому, пришедши от утрени, я пожелал записать о сем себе на память. Объявить же о сем видении старцу не осмелился, а счел оное за вразумление мне, недостойному, иметь веру, преданность и послушание к своему старцу и за явное свидетельство его чистой, пламенной и богоприятной молитвы».

Дар исповеди

Бывало и то, что он некоторым из приходивших к нему напоминал о случаях, о которых они не только никогда ему не открывали, но и сами забыли, или заповедовал молиться о каком-нибудь грехе, которого они не сознавали в себе и даже вовсе не понимали или не считали за грех, и уже по времени, при внимательном испытании своей жизни, с удивлением открывали в себе указанное старцем.

Извещение свыше

Одна девица, прощаясь со старцем, шутя попросила его помолиться, чтобы Господь помог ей выйти замуж. «Да ведь вы не хотите идти замуж», – сказал он ей. «Хочу», – настаивала она на своем. Через несколько времени, посетив старца, была встречена им такими словами: «Зачем вы меня все обманываете? Я вам хотел даже писать». Когда та, забыв про свою шутку, которую она по светским понятиям считала невинной даже в разговоре с духовным мужем, в недоумении отвечала, что не помнит, чтобы обманывала его, старец Антоний напомнил ей о ее последней просьбе при прощании: «Я по вашему слову три раза принимался молиться о том и три раза слышал голос: «Не то ей нужно!» Зачем же вы меня обманываете?».

Смирение и прозорливость старца

Другая особа, когда однажды преп. Антоний устремил на нее испытующий пронизательный свой взор, чистосердечно объяснила ему, что она боится, когда он так на нее смотрит: «Вы видите все мои грехи», – прибавила она. «Напрасно вы так думаете, – возразил старец. – О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, то я и знаю, а если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю».

Ведение помыслов (прозорливость)

В один вечер, – так сообщает занимавшийся у преп. Антония письмоводством послушник, – застал я старца за перевязкой его больных ног, на которые без содрогания постороннему зрителю нельзя было смотреть. Сочувствуя старцу в его страданиях, сердце мое согревалось любовью к нему, и мыслил я так: вот, старец и не предполагает совсем и не знает, как я его сердечно люблю.

Только что успел я это про себя подумать, он мне и говорит: «Вот я знаю, что П. П. очень меня любит, – и спрашивает меня, – верно ли я это говорю?». На что я ему и отвечал: «Вы, батюшка, справедливо изволите говорить, что я вас очень сильно, сердечно люблю».

«Дивный старец! – вспоминает его ученица. – Кто может выразить всю его любовь, какую он имел к ближнему? Как он умел утешить, с какой бы скорбью кто ни приехал к нему? Что бы ни было на душе, все отлетало при его словах; даже, кажется, как только ступишь, бывало, на порог его кельи, как только взглянешь на это святое лицо, куда что денется. Он же и сам знал, кому что сказать и чем утешить, потому что имел дар прозорливости. Однажды я пришла к нему, смущаясь некоторыми помыслами, и вообще с какою-то грустью на душе, но не объяснила об этом старцу, потому что была не одна с ним. Старец, провожая всех нас, положил свою руку на мое плечо и сказал: «Не грусти! Промысл Божий устроит все к лучшему, положишься на Него». И все отлетело; я почувствовала неизъяснимое спокойствие духа, и не высказав того, что хотела. Видимо, старец и сам узнал, что у меня на душе.

Еще раз я была поражена его прозорливостью. Была я у него с братом моим и сестрою. Беседа началась и продолжалась о посторонних предметах, не интересных для меня. Я пороптала сначала на брата, что он с таким старцем говорит о таких пустяках и мучит больного старца, но видя, что и батюшка не переменяет разговора, я осмелилась пороптать и на самого старца. Что это? – помышляла я. – Батюшка ведь знает, что мы здесь ненадолго, хоть бы сказал что на пользу, а то что в этих беседах? Когда мы стали прощаться, батюшка благословил всех, а когда я подошла и поклонилась ему, батюшка сказал: «Уж вы меня простите, ведь я все не дело говорю». Я была поражена этими словами, но он с ласкою прибавил: «Приходи ко мне после вечерни». Да, много было случаев его прозорливости: иногда хочешь что спросить, да не знаешь как, а он сам, бывало, об этом и начнет, и прямо скажет на невысказанные мысли».

По молитвам старца Антония

«Когда я вышел в отставку, – рассказывал один из духовных чад о. Антония, – в нашем имении не было дома, и мы должны были жить в Калуге в наемной квартире. Хотя жили мы весьма ограниченно, но при нашем большом семействе нам не доставало на содержание одних доходов из имения и получаемой мною пенсии, так что мы входили в долги, а потому необходимо было выстроить дом в деревне. Поэтому я обратился к батюшке с просьбой: «Батюшка, благословите дом строить в деревне». – «Извольте, – отвечал он. – Бог благословит». – «Прошу и помолиться, чтоб Бог помог». – «Буду и молиться».

Надо знать, что в это время денег у нас было всего только четыреста рублей ассигнациями да заготовлена сотня бревен. С такими скудными средствами я начал строить порядочный дом. Что же? Через молитвы и по благословиению о. Антония, Бог

неожиданно невообразимо посылал нам так, что в лето дом вчерне был отстроен и покрыт. На другое лето были настланы полы, поставлены печи, рамы, двери и пр., и к осени мы уже могли перебраться в него и жить. По исчислении всего, один дом, кроме надворного строения, стоил нам более двух тысяч, а со службами более трех тысяч рублей серебром. Дом вышел теплый, покойный, поместительный и красивый. Видимо, что Господь помог нам за молитвы и благословение о. Антония».

«В 1860 году, пред Сырной неделей, я простудился и занемог в деревне тяжелой болезнью: у меня образовался на спине огромный фурункул. Я исповедался, причастился Св. Тайн. Из Калуги привезли доктора, который, осмотрев, велел немедленно везти меня в Калугу. Ужасно, что я претерпел в этом переезде по страшным ухабам, но, благодарение Богу, приехал. В это время наша соседка отправлялась в Оптину говеть. Я просил ее передать оптинским старцам о моей болезни и просить о. Моисея, о. Макария и о. Антония помолиться о моем выздоровлении. Все они приняли во мне живое участие, а о. Антоний прямо сказал: «Пусть молятся домашние, Бог милостив, он выздоровеет». И подлинно Бог услышал его молитвы. Мне было за семьдесят лет, и такая тяжкая болезнь; доктора мало имели надежды, сделали операцию, и Господь, по молитвам почтеннейшего о. Антония и за слезные мольбы семейства моего, воздвиг, можно даже сказать, воскресил меня со смертного одра».

«Объезжая училища, один раз ночью я ехал из Людинова завода на большую дорогу, в село Маклаки. Дорогой поднялась страшная метель и холод: места незнакомые, мы сбились с дороги и плутали; ни жилья, ни дороги не можем найти; дошли до отчаяния, оставалось замерзнуть. Я внутренне молился Богу, чтобы избавил от беды и указал мне путь, ради молитв раба Своего о. Антония. Вдруг являются двое: я прошу их указать дорогу на село Маклаки и обещаю им награду. Один пошел с кучером, а другой остался около повозки, и мы потихоньку поехали. Последний все высматривал, что лежит в повозке. Подле меня лежал заряженный мушкетон и сабля, мушкетон я взял рукой. Так мы с час проехали. Потом они было поворотили лошадей вдруг в сторону; я велел кучеру сесть и править так, чтобы ветер дул с правой стороны. Тогда провожатые мои вдруг кинули меня и бежали. Оказалось после, что это были разбойники. Вскоре мы услышали лай собак и подъехали к окраине с. Маклаков и, благодарение Богу, благополучно приехали на постоялый двор и ночевали. Там узнали, что в селе перед нами были разбойники и ограбили один дом. Так Господь, по молитвам о. Антония, послал воров указать мне дорогу. Много подобных случаев было со мною: ночью собьешься с дороги, помолитесь умом ко Господу, чтобы ради молитв о. Антония указал путь, и немедленно является помощь: или прохожий, или обоз наедет – и укажут».

«Один раз из деревни послан был человек в Калугу за покупками и привезти письма, газеты и пятьдесят рублей серебром денег. Это было осенью. На другой день вечером, человек должен был воротиться, но к вечеру пошел дождь и поднялся ветер; наступила ужасная темнота, дорога скверная, мостики плохи; человека нет, и я очень тревожился. Пробыло восемь часов, вот и девять, дождь все больше; лошадь слабая и человек не совсем надежный; вот одиннадцать часов ночи, все легли спать, а я стал на молитву, со слезами прошу милосердного Бога, чтобы ради молитв о. Антония помог благополучно возвратиться человеку. Верите ли? Честью заверяю: кладу только третий поклон, как слышу, что в передней отворяется дверь; беру свечу, выхожу и – какая радость и удивление! Человек промокший возвратился благополучно и привез все, не повредивши. Слезы благодарности у меня показались на глазах. Подобных случаев было несколько со мною, что по молитвам о. Антония я получал скорую помощь».

«Дочь моя, девица Е. очень долго была больна: простудилась, открылся кашель, лекарства не помогали; она исхудала, едва ходила, начиналась чахотка. Мы просили о. Антония помолиться о ней; он обещал, и с тех пор она видимо стала выздоравливать. Бог воскресил ее, она выздоровела совершенно и теперь здорова».

«Вот еще случай. Мы жили в деревне очень тихо и почти уединенно, но часто были в

нужде и в затруднительном положении. Один раз я очень грустил; такая напала печаль и от недостатков, и от наветов, даже от близких, что я угнетен был великой скорбью. Вдруг неожиданно получаю письмо от почтеннейшего о. Антония, который пишет: «Прочитайте вот такое-то житие, и Бог успокоит вас!» Это меня очень удивило. Как он за сто верст узнал скорбь мою и о чем я грустил? Потому что это житие именно соответствовало моей печали и обстоятельствам, и я поистине был утешен и успокоен. Прочитавши его, я получил великую надежду на помощь Божию. Утеши его, Господи, там, в будущей жизни, как он меня здесь утешил. А как он был гостеприимен и радушен! Когда приедем в Оптину и придем к нему, угощает нас чаем и, при его болезни, сам иногда подает и просит покушать, потчует всем, что ему подарят: сам не кушает, а все потчует. Нальет в стаканы бутылочного меду, угощает нас и говорит: «Кушайте! Это питье холодное, но от согретого любовью сердца». Подлинно, какое вкусное, приятное у него было это питье, и чай такой вкусный за его благословением».

Прозорливость

«Когда три мои дочери пожелали идти в монастырь, то сказали об этом о. Антонию и просили его, чтобы он за них попросил моего соизволения. Когда же он передал мне желание моих дочерей, это меня несколько смутило. Я говорю: «Батюшка, как же мы с женою на старости без подмоги останемся?». Он отвечал: «У вас останется еще одна дочь и сын». Я возражал, что состояние наше весьма ограниченное, я не могу им давать более двухсот рублей серебром в год на все их содержание, а этого им недостаточно. «Об этом не беспокойтесь, – сказал он. – Бог пошлет, лишь бы было доброе произволение». И подлинно, его слова сбываются. Бог невидимо помог и все устроил. Вскоре открылся случай купить им вместительную, удобную, почти новую келью. Когда позволили им одеться в монашеское платье, которое нужно было пошить на свой счет, и еще должно было внести вклад в монастырь, в это время денег у нас не было; мы находились в тесных обстоятельствах. Я давно уже публиковал к продаже всего своего имения, и особо одну небольшую отдельную пустошь в двадцать две десятины, но из покупателей никто не являлся. А тут, к великому нашему удивлению, по молитвам о. Антония, приехали в Калугу из Тульской губернии за сто тридцать верст торговать одну эту маленькую пустошь. В газетах опубликовано было: «Адресоваться в Калугу к сыну нашему такому-то». На этот раз сын уехал по делам в Рязанскую и Воронежскую губернии, следовательно, эта барыня, не заставши нашего сына, воротилась бы назад, и продажа не состоялась бы. Но смотрением Божиим случилось так, что мы с женою поехали в это время в Калугу, чтобы отслужить молебен и приложиться к чудотворной «Калужской» иконе Божией Матери, которая в это время принесена была в Калугу. И чудное дело: мы с этой покупательницей приехали в Калугу в один день, а на другой день она явилась к нам с предложением. Я повез ей показать пустошь. Пустошь ей очень понравилась, даже наклон и положение земли, все соответствовало ее желанию. Дело тотчас уладилось: покупательница дала почти ту цену, которую я желал. Таким образом, мы внесли вклад в монастырь, одели детей и еще удовлетворили кое-каким нуждам. Как они теперь счастливы, что Господь избавил их от мира, и еще тем, что не оставляет Ких!».

«Однажды, перед праздником Св. Пасхи, я писал к о. игумену Антонию: «Известные вам мои соседки А. и В. безнадежно больны: первая больна два года – рак на груди, и уже тело на этом месте сгнило, так что видны кости. Другая также опасно больна; доктора не надеются на ее выздоровление, а у нее семь человек малолетних детей. Помолитесь за них Богу». Он отвечал, что первая своею болезнью очистится от грехов, что надо ей потерпеть и не роптать, а вторую Бог помилует ради детей. Действительно, первая поболела и скончалась прекрасной христианской кончиной, а вторая, сверх ожидания докторов, стала поправляться. И странное дело, что в самый день, как писал письмо о. Антоний, ей стало лучше, и потом она поправилась и выезжала. Но в настоящее время она опять больна. Видно, так Господу Богу угодно и так нужно».

«По благословению и по молитвам о. Антония Господь привел меня для покаяния в святую обитель. Из многих случаев можно было видеть, что о. Антоний имел дар прозорливости. Несколько раз случалось со мной, что я думаю о чем-нибудь сказать ему и просить его совета, но он сам, узнавши мои мысли, предупредит меня: «Вы хотите то сделать, или о том-то спросить?» – и прямо выскажет все, что я думал, и даст совет. Когда бывало, отъезжаем домой, при прощании он всегда одарит все семейство разными вещицами: кому образок, кому подсвечничек, кому книжечку – что-нибудь всякому даст на память, потом благословит и проводит, иногда сойдет с крыльца и с больными ногами провожает нас до калитки и все благословляет. Иногда появлялись у него на глазах слезы, так он любил нас! В последний раз мы посетили его больного на смертном одре, в конце июля, а 1 августа, после Божественной Литургии мы в последний раз простились с ним, простились навеки. Как он ни был тяжело болен, но принял нас с великой любовью, даже несколько разговаривал. Сел на постели, каждого из семейства благословил. Которых не было, вспомнил всех и заочно благословил: каждому дал по образку. Наконец, мы со слезами расстались с ним, и он заплакал. Ангел, благодетель наш! Да внидет он в радость Господа своего! Единому Богу слава во веки. Аминь».

Избавление от томительного вражеского искушения

Наконец, считаем погрешительным умолчать об одном замечательном случае из жизни преп. Антония, в котором ясно обнаружилась и сила его молитвы, а также и то, каким нападениям со стороны врагов рода человеческого подвергаются духовные люди за свое попечение о душевном спасении ближних.

Благочестивая девица Р. (ныне послушница Т-ской девичьей обители) подверглась такому же искушению, как некогда св. мученица Иустина, т.е. преследованию одного человека, который, видя, что все его усилия возбудить в ней к себе взаимность остаются тщетными, обратился к чародею, и с его помощью стал наводить волхвования на нее. Предупрежденная о сем чрез верную служанку, начиная ощущать в себе действие вражеской силы, эта девица, кроме Бога, нигде не могла искать себе помощи, потому что не имела знакомства с лицами духовной жизни. В одну ночь вышеупомянутая служанка видит сон, что монах высокого роста, вошедши в комнату ее барышни, выводит ее в монашеской одежде. Вскоре после сего сна родные этой девицы, никогда не принимавшие монахов в своем доме, неожиданно выразили желание познакомиться с преп. Антонием. А вечером того же дня, по особенному устроению Промысла Божия, и сам о. Антоний, без приглашения, посетил это семейство, хотя прежде не был с ним знаком. Это посещение очень важно. В нем ясно выказались и Промысл Божий о сем семействе, и явное действие бесов, бессознательно многими ныне отвергаемое, и духовная сила самого о. Антония. Вот что подлинно о сем известно. При вступлении старца в дом целая толпа бесов видимо для о. Антония напала на него с бранью и угрозами, воспрещая ему вход. Но старец не убоился угрозы врагов рода человеческого, со смирением призвал в помощь имя Божие, и Бог разогнал бесов. Когда он вошел, всеми было замечено, что мертвенная бледность покрывала лицо его. Служанка же, увидав старца, узнала, что именно его видела во сне. Девица Р. с первого взгляда почувствовала к о. Антонию полное духовное расположение и доверие и решила письменно открыть ему историю всей своей жизни. Старец понял, что одно спасение для этой девицы – удалиться в монастырь, но об этом родные ее и слышать не хотели. Уговаривать же их о. Антоний находил невозможным и бесполезным, а потому только молился об избавлении девицы Р. от окружавших ее сетей вражеских и письмами своими укреплял ее в томлении от невидимой силы бесов, наведенных на нее чародеем. Чрез несколько времени о. Антоний посоветовал всему этому семейству отправиться в Н. монастырь, где должно было совершиться пострижение в монашество некоторых лиц. Предложение это было принято, и за молитвы преп. Антония обряд пострижения произвел такое глубокое впечатление на мать девицы Р., что при выходе из церкви она неожиданно объявила свое согласие на вступление ее дочери в монастырь. Девица Р. с великой

радостью и благодарением Бога поспешила воспользоваться дозволением матери и вступила в Т-ский монастырь, где и донныне находится. Однако чародей хвалился, что и из обители вытащит ее. Действительно, юная послушница продолжала ощущать в себе действие вражеской силы, не имея покоя ни днем, ни ночью, и опять находила подкрепление в молитвах и советах о. игумена Антония. Совершенное же избавление от томительного вражеского искушения юная страдальца получила чрез молитвенное содействие великого современного Святителя, имя коего благоговейно почитается во всех концах России и за пределами ее, ныне почившего Митрополита Московского Филарета. Однажды он явился в сонном видении девице Р., прочел шестидесятый псалом, велел ей повторять вслед за ним все стихи оногo и потом дал ей заповедь ежедневно читать этот псалом. Проснувшись, она почувствовала, что искушение, томившее ее в продолжение многих лет, совершенно отошло от нее.

Преподобный Антоний

ПОУЧЕНИЯ

Многие живописцы изображают на иконах Христа, но редкие уловляют сходство. Так, христиане суть одушевленные образа Христовы, и кто из них кроток есть, смирен сердцем и послушлив, тот более всех похож на Христа.

Проситься должно у игумении не настойчиво: если на первое слово скажет вам: «Бог благословит», тогда с благодарением грядите во имя Господне, а когда услышите: «Зачем?», тогда покоритесь в мирном духе и своей воли не ищите. Если же вынудить согласие настоятельницы, то неизбежно последует искушение.

Ропота на Бога остерегаться нужно и бояться как смерти, ибо Господь Бог, по великому милосердию Своему, все грехи наши долготерпеливо терпит, но ропотливости нашей не выносит милосердие Его.

Обетов и правил на себя не накладывайте никаких без одобрения отца духовного, с советом которого один поклон принесет вам более пользы, нежели тысяча поклонов своечинных.

Фарисей больше нашего и молился, и постился, но без смирения весь труд его был ничто, а посему ревнуйте наиболее мытареву смирению, которое обычно рождается от послушания, и довлеет вам.

Во всяком горе: и в болезни, и в скудости, и в тесноте, и в недоумении, и во всех неприятностях – лучше меньше думать и разговаривать с собою, а чаще с молитвою, хотя краткой, обращаться ко Христу Богу и к Пречистой Его Матери, чрез что и дух горького уныния отбежит, и сердце исполнится упования на Бога и радости.

Кротость и смирение сердца – такие добродетели, без которых не только Царства Небесного наследовать, но ни счастливым быть на земле, ни душевного спокойствия ощущать в себе невозможно.

Будем учиться себя мысленно за все укорять и осуждать, а не других, ибо чем смиреннее, тем прибыльнее; смиренных бо любит Бог и благодать Свою на них изливает.

Какое бы ни постигло тебя огорчение, какая бы ни случилась тебе неприятность, ты скажи: «Стерплю это я для Иисуса Христа!» Только скажи это, и тебе будет легче. Ибо имя Иисуса Христа сильно. При нем все неприятности утихают, бесы исчезают. Утихает и твоя досада, успокоится и твое малодушие, когда ты будешь повторять сладчайшее имя Его. Господи, даждь ми зрети моя согрешения; Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость.

Молитва преп. Антония

В руке Твоего превеликого милосердия, о, Боже мой, вручаю душу мою и многоболезненное тело. Ты будь Помощником моим и Покровителем во всей жизни моей, во исходе моем и по кончине, и во всем. Как в радости и печали, в счастье и несчастье, в болезни и здоровье, в жизни и смерти – во всем да будет с нами воля Твоя святая, яко на небеси, и на земли. Аминь.

Преподобный Иларион

ЖИТИЕ

Преподобный Иларион, в миру Родион Никитич Пономарев, родился в Пасхальную ночь с 8 на 9 апреля 1805 года в Ключах, от родителей Никиты Филимоновича и Евфимии Никифоровны, бывших крепостных. Днем рождения старца считалось 8 Капреля, посвященное памяти св. апостола Иродиона, в честь которого и наименован был новорожденный. Родион был третьим сыном у Пономаревых. После него родились еще сын и дочь, которая скончалась, будучи еще младенцем. Родион мало и редко видел своего отца до пятнадцатилетнего возраста, т.к. тот был портной и, кроме городской практики, имел много заказов и от окрестных помещиков, куда ему часто приходилось ездить. Надзор за семейством и домашним хозяйством лежал, преимущественно, на руках Евфимии Никифоровны.

Евфимия Никифоровна была женщина достопочтенная и богобоязненная и в таком духе воспитывала своих детей.

Родион Никитич в детстве был тихого, кроткого нрава. Он редко играл со своими сверстниками, часто удаляясь от их забав и увеселений. Как-то раз попробовал он покачаться на доске, где забавлялись прочие товарищи, но вышло неудачно: доска опрокинулась, и Родион ушибся; у него навсегда остался шрам на среднем пальце правой руки. Также однажды ехавши верхом, он ушибся о седельную луку. Эти ушибы впоследствии отзывались на его слабом здоровье. Старшие за такую неловкость дразнили Родиона. Видя его сосредоточенным и не понимая направления мыслей юноши, многие из домашних обращались с ним небрежно и неприветливо; он не был избалован ласкою и вниманием, что и усугубляло его сосредоточенность. Без сомнения, не без мудрой и благой цели так промышлял о нем Господь: таким путем воспитывая и приуготовляя в нем будущего проповедника и исполнителя святого наставления.

В 1820 году Родион переехал со своим семейством в Новохоперский уезд, Воронежской губернии, где жил до двадцатилетнего возраста. Он был полезным помощником отца, привыкая постепенно к ремеслу портного. Отец не хотел было его этому учить, не желала и мать его. Она с семилетнего возраста предрекала ему монашество. Но юноша сам хотел заняться отцовским ремеслом, потому особенно, что тоже с детства чувствовал в себе стремление к монашеству и думал, что там, в монастыре, занятие это ему пригодится. В праздничные дни он вместе с семьей непременно бывал на Богослужениях в церкви. Два раза ездил на богомолье к Киевским святыням.

Соответственно с наклонностью Родиона к уединению, любимым его развлечением в Новохоперске была охота. Для лучшего изучения портняжного ремесла Родион решил поехать в Москву. Выехав из Новохоперска 2 декабря 1825 года, Родион приехал в Москву. О своем пребывании в Москве старец рассказывал следующее: «В Москве мне с

самого начала не повезло. Приехав без средств, без денег, я долго нуждался в самом необходимом, искал места, а никто не принимал меня... Вообще много мне пришлось в Москве видеть скорбей, нужд и искушений». Он испробовал нескольких портных, но от напряженных усилий в работе и разных скорбей изнемог и заболел. «Нужда и грудная болезнь спасали меня от многих пороков и помогли удержаться в благочестивом направлении мыслей, но, наконец, стал я замечать, что мысли мои начали от непрестанных соблазнов понемногу ослабевать в благочестии и я, достаточно уже обучившись ремеслу, решил уехать из Москвы домой».

Пробыв в Москве три с половиной года, Родион вернулся домой и затем с семьей переехал в Саратов в 1829 году, где Пономаревы открыли свою мастерскую с артелью.

Во время пребывания Родиона в Саратове было относительно его два брачных предложения, но в судьбах Божиих было о нем предопределено иное, и оба эти предложения не состоялись: одно по особенному действию Промысла Божия, за неожиданной, после скоротечной болезни, кончиной девицы, а другое по нерасположению в этом случае самого Родиона.

Условия религиозной жизни в той местности, в которую Родион переселился, имели значительное влияние на дальнейшее направление его внутренней жизни. Город был наводнен раскольниками всяких сект, было немало и иноверцев: католики, лютеране, евреи и даже идолопоклонники. Несколько частных лиц направляли против раскола свои усилия. К этому кружку деятелей против раскола примкнул Родион Никитич. Он нашел для себя на этом поле поприще к широкой деятельности, в которой видел скорби и невзгоды. Особенно при обнаружении скопческой секты, когда он с единомышленными своими был, по недоразумению, привлечен к суду, от коего был освобожден лишь после четырехлетней тяжкой для духа подсудности. Таким образом, Промысл Божий скорбями и искушениями, терпением их, воспитывал будущего опытного наставника и старца. Миссионерская деятельность Родиона Никитича имела, по благословению Божию, благие результаты чрез возвращение в лоно матери св. Церкви многих и многих заблудившихся и погибавших душ.

Между тем, внимательное изучение Библии и святоотеческих писаний, при жизненном опыте, понемногу открывало чуткой душе Родиона Никитича, что хотя и в мирской жизни занятия его были дела благочестия и преданности делу веры Христовой, но что возможна на земле и другая жизнь, лучшая и высшая той, которою он до того времени жил. Это – жизнь монашеская, и жажда этой жизни, которая его еще с детства влекла к себе, все более и более усиливалась. Чтобы ближе присмотреться к ней и уяснить себе, который из монастырей избрать для вселения своего, Родион Никитич провел часть 1837-го и весь 1838-й год в посещении большей части монастырей. Он побывал в Сарове, монастырях Суздальских, Ростовских, Белозерских, Тихвинских, Ладужских, Олонецких, Соловецком, Московских, Воронежских, Киевских, в Почаеве, в Пустынях Софрониевой, Глинской, Площанской. И, наконец, дух его успокоился в своих исканиях, найдя в Козельской Оптиной Пустыни то, что влекло его искавшую своего усовершенствования, душу. В начале своего пребывания в скиту Родион Никитич жил рядом с кельей живущего тогда там «на покое» высокодуховного мужа, бывшего Валаамского игумена, о. Варлаама. Впоследствии старец Иларион с благодарной любовью вспоминал об игумене Варлааме и благодетельном на себя влиянии его мудрых советов и примера его строгого трезвения и подвижнической жизни, столь важных особенно для новоначальных. «Придешь, бывало, к нему, – рассказывал впоследствии Родион Никитич, – и начнешь передавать: то-то, батюшка, я слышал, то-то я видел...». А игумен в ответ: «Что же от этого пользы-то? Лучше ничего не видеть и не слышать; старайся чаще поверять свои мысли, свое сердца». Такие и подобные им замечания служили Родиону Никитичу одним из средств приучения себя к монашескому благочинию.

Делатель молитвы и безмолвия, старец игумен мирно скончался в 1849 году 26 декабря. Когда же, по переводе (1 декабря 1839 года) скитоначальника о. Антония в

Малый Ярославец, на его место назначен был духовник обители старец Макарий, Родион Никитич был им избран в келейники, и в этом послушании пробыл со старцем Макарием в течение двадцати лет, т.е. до дня его блаженной кончины, последовавшей 7 сентября 1860 года. Как и другая братия, Родион Никитич исповедовался у преп. Макария, вместе с тем он ходил ежедневно на откровение помыслов в монастырь к преп. Леониду. Уроки смирения, любви и кротости Родион Никитич получал от преп. Леонида до самой кончины старца. Будучи еще в миру деятелем по вопросам веры и благочестия, учителем и примером для многих, Родион Никитич отныне предпринял многотрудный подвиг очищения собственного своего сердца от самых тонких внутренних движений самолюбия, самомнения и прочих страстей, для чего и подъял на себя спасительный крест послушничества, вполне предав свою волю и помышления в подчинение обретенному им духовному отцу и непрелестному наставнику. Наставления старца Макария, его жизнь и деятельность глубоко западали в сердце молодого инока и служили руководительным началом в дальнейшей его иноческой жизни.

Старец Макарий держал себя с новоначальными строго, серьезно, воспитывая в братии беспрекословное монашеское послушание. Он не оставлял без взыскания ни одного, даже самого незначительного случая неповиновения старшим. Он также старался, по словам преп. Илариона, бывшего Родиона, «сохранить между учениками мир; заботился научить их любви к ближним и приучить к терпеливому несению неприятностей». Кроме послушаний, которые преп. Иларион нес как келейник своего старца, относившихся к личным потребам и успокоению своего старца, – послушаний, дававших преп. Илариону случай и возможность многое слышать и видеть, что не было слышно и видно другим, он, одновременно с этим, нес с терпением и любовью многие и другие послушания. Со дня поступления своего в скит и до принятия иеродиаконского сана, т.е. в течение двенадцати лет (1839-1852Кгоды), он, по требам скитской братии и хозяйства, был и огородником, и садовником, и варил квасы, и пек хлеб, и занимался на пасеке уходом за пчелами, не считая многих других отраслей хозяйства, по которым ему приходилось трудиться временно или постоянно.

Эта внешняя деятельность трудовой жизни преп. Илариона была видна для всех, труды же его и преуспевание во внутреннем делании сокровенны были в Бозе. Они имели, однако, внимательного и опытного ценителя: их наблюдало просвещенное духовным разумом око мудрого наставника, о чем и засвидетельствовал блаженный старец Макарий, передав в последние дни своей предсмертной болезни преп. Илариону, вместе с другим своим учеником, старцем Амвросием, продолжение после себя своей старческой деятельности, и вручив его духовному руководительству многих духовных детей своих.

Приняв на себя от своего старца это послушание, преп. Иларион нес его до последнего дня жизни своей – по 18 сентября 1873 года.

Долго пробыв ближайшим учеником преп. Макария, преп. Иларион, став скитоначальником и общим духовником обители через два с половиной года по смерти преп. Макария, старался и по управлению и по духовничеству поддерживать те порядки, которые были заведены его дорогим учителем.

Пять раз в году, во все посты совершалась им исповедь всем относившимся к нему братьям – исповедь не общая, а с подробным опросом каждого исповедывающегося о всем касающемся до его внутренней жизни и устройства. Каждый по своей нужде получал при этом наставление для дальнейшей деятельности. Несмотря на такой труд и слабое здоровье, старец все-таки выстаивал все церковные службы, как известно, особенно продолжительные на первой и седьмой седмицах Великого поста. Заканчивалась братская, начиналась исповедь женского пола. Сестер монастырского скотного двора, монахинь, или мирян обою пола, прибывших для того к старцу со стороны. Исповедь часто продолжалась до чтения правила «На сон грядущим». По субботам перед праздниками приходили для исповеди чередные иеромонахи и иеродиаконы.

Преимущественно после вечерней трапезы, старшие монахи или имевшие особенную

нужду, а многие почти ежедневно приходили к старцу, по заведенному порядку, для очищения совести откровением помыслов, покаянием и для получения себе от старца в руководство наставлений и совета, сообразно с устройством каждого. Старец говорил большей частью не от себя, а приводил слова и примеры из Св. Писания или святоотеческих писаний или припоминал, что в подобных случаях говаривал, советовал, или приказывал старец Макарий. Слова наставлений старца Илариона были кратки, ясны, просты и имели силу убедительности, потому что он сам первый исполнял то, что советовал братии, и сам уже опытно побывал в различных случаях, в которых приходилось наставлять братию.

При занятиях с братией обители у старца не было отказа никому из посторонних посетителей, приходивших поговорить с ним о своих духовных нуждах. Во всякое время к нему был свободный доступ и знатным, и незнатным; и богатым, и бедным; и ближним, и дальним; и монашествующим, и мирским. Всех принимал старец, со всеми был одинаково обходителен и внимателен. Мужчин принимал в своей приемной келье, а женский пол в так называвшейся хибарке, особой пристройке, состоящей из сеней и небольшой келейке с одним окном, с отдельным входом извне скита, близ скитских ворот. В переднем углу хибарки, пред иконами Христа Спасителя и св. апостола Петра, висела лампадка и стоял аналой с крестом, исповедной книжкой и епитрахилью, чтобы желающие могли тотчас же приступить к исповеди.

Многие из посетителей для того и являлись в обитель, чтобы поведать старцу Илариону о своих духовных нуждах как опытному наставнику. После обычных приветствий старец искусными вопросами вызывал откровенное объяснение посетителя о цели его посещения и составлял себе понятие о его душевном состоянии. Когда находил нужным, предлагал посетителю подготовиться к очищению своей совести, исповедованием, назначая для этого не менее трех дней, пересмотреть всю свою прежнюю жизнь с семилетнего возраста, припомнить и отыскать в себе преимущественно забытые грехи, в которых не было принесено покаяние, и в которых часто и таилась причина душевной болезни. Ежели же посетитель почему-либо не достигал этого, то старец сам на исповеди искусными вопросами уяснял, в чем дело, вызывал посетителя на воспоминание о нераскаянном грехе, по невниманию обратившемся в навык.

Возбудив сознание и сокрушение о грехах, старец иногда, по степени и важности их, налагал на кающихся епитимии, сообразуясь с родом жизни, званием, состоянием, занятиями, здоровьем, возрастом, причем требовал, чтобы кающийся исполнял ее в точности и неопустительно. Епитимия состояла из молитв, покаянного канона, чтения кафизм, поклонов, раздачи милостыни, в прощении обид и оскорблений, примирении с обидевшими, возвращении долгов или чего неправильно присвоенного, оставлении неприличных для христианина навыков, забав и удовольствий, праздного времяпрепровождения и т.п. По исповеди допускал к принятию Св. Тайн. Многие, получив на исповеди от старца ощутительную пользу душевную, продолжали и после жить по наставлениям старца, исправлялись от душевных недугов и жили за молитвами старца благочестиво и благополучно и имели его уже своим постоянным духовником и наставником. Также много приводили к старцу страдающих нервными и душевными болезнями, которые чудесным образом, силою благодати, пребывающей в нем, он исцелял.

Помимо устных сношений со старцем, многие обращались к нему письменно. Таким образом, последнее десятилетие своей деятельной и многоплодной жизни преп. Иларион провел не в упокоении и отдыхе, а в постоянных трудах как внешнего, так и внутреннего делания, оставаясь и по кончине своего старца его присным послушником и исполнителем его мудрых заветов и наставлений. Преп. Иларион был и продолжателем строительной деятельности своего старца. Он после смерти преп. Макария принял деятельное участие в перестройке скитской церкви. Последний искус, смотрением Божиим определенный старцу к усовершенствованию меры его духовного возраста, была тяжкая, почти

двухлетняя болезнь. Много трудов понес старец в этом новом мучительном испытании духовных сил его, усугубив тем самым, уже и до того обильно им умноженные, от Бога данные таланты. В своей болезни старец не о том просил Господа, «да взятием возмется искушение», но о том, да подаст ему Отец Небесный в сем искушении терпение. Врачей старец принимал, понуждаемый к тому лишь любовью к духовным своим детям, уступал их желанию и усердию, а также и потому, что, находя себя в обилии своего смирения много согрешившим пред Отцом своим Небесным, считал себя за то достойным понести и изреченное премудрым Сирахом наказание: согрешаяй пред Сотворшим его, впадет в руце врачу (Сир. 38, 15).

Видевшие старца Илариона на предсмертном болезненном одре, были свидетелями высоты его терпения, кротости и смирения, какой на земле и в мыслях не многие достигают. В течение болезни старец был два раза (13 марта 1872 года и 25 июня 1873 года) особорован св. елеем и часто приобщался Св. Христовых Тайн, а с 17-го августа, в последние тридцать три дня своей жизни, ежедневно освящался сим таинством. Четыре последние недели старец провел, томясь день и ночь без сна и возможности какого-либо движения на кресле, ибо высоко поднявшаяся в груди вода уже не позволяла ему принимать лежачее положение. До последних дней жизни старец не оставлял исполнения всех положенных в скиту келейных молитвенных правил, а равно, и полного правила для причащающихся. 18 сентября, выслушав в последний раз утреннее правило, и приняв в первом часу утра Св. Тайны, в шесть часов утра старец Иларион скончал свой многострадальный подвиг. Тихая, благодатно-мирная кончина последовала в полном сознании и памяти. Преподобный выпрямился на кресле и, после нескольких замедленных выдыханий, не озираясь ни направо, ни налево, предал Господу дух свой («Жизнеописание старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Илариона», 1897 г.).

Преподобный Иларион

ЧУДЕСА

Дар исцеления

Много приводили к преп. Илариону страдающих нервными и душевными болезнями, которых обычно называют «порченными». Преп. Иларион был твердо убежден, что полное искреннее покаяние, всепрощение обидевших и примирение со враждующими есть лучшее лекарство от недугов душевных, ибо причиной подобных болезней, как находил старец, бывает часто непримиримая вражда, раздоры семейные и тяжкие нераскаянные грехи. Эти различные причины болезней старец без затруднения распознавал чрез искусные расспросы болящего и иными ему ведомыми путями, иногда и по самому крику «порченных» и его свойствам, и при помощи Божией врачевал их благодатью таинства Покаяния. Старец указывал больным не мнимую, а действительно найденную им причину их болезни и приводил к сознанию, раскаянию и сокрушению о своих грехах. Если больные указывали на кого-либо, как на причину своей болезни, что часто бывало с нервными больными, то старец Иларион, советовал тогда испросить у того лица прощения, если оно живо, а если скончалось, то примириться с ним, отслужить на его могиле панихиду о его упокоении, подавать о поминовении на проскомидиях и дома за него молиться, принести покаяние и принять епитимию, и положить начало добродетельной жизни. Кроме таких советов, давал им на дом Богоявленскую воду, св. артос и масло из лампадок, горевших на могилках почивших старцев Льва и Макария.

Однажды старец что-то сверх обыкновения замедлил и долго не выходил из хибарки, в которой исповедовал женщин; его ожидало много посетителей и посетительниц. Пошли

узнать, с кем он там был занят, и узнали, что у него в это время была на исповеди упорнейшая душевнобольная. Старец заставлял ее налагать на себя крестное знамение и говорить свои грехи, но она крепко противилась и не хотела произносить их, кричала и ругала старца грубыми, непристойными словами. Преп. Иларион, не обращая внимания на ее брань, добивался только того, чтобы она пришла в полное сознание и покаялась в том грехе, за который так сильно страдает. Наконец, после многих усилий больная созналась, покаялась и обещала выполнить все то, что ей посоветовал старец. Отпуская, старец снабдил ее св. артосом и св. водой.

Одна сорокалетняя крестьянка Одоевского уезда, часто посещавшая обитель, сама рассказывала, что в продолжение многих лет сильно страдала припадками, сопровождавшимися корчами, судорогами, криком на разные голоса. В состоянии припадков она неистово кричала, бранилась и обнаруживала такую неестественную силу, что несколько мужчин не могли удержать ее. Много наслышавшись о преп. Иларионе, она обратилась к нему за помощью. Как всегда, так и в этом случае старец исповедал ее во всех грехах, особенно нераскаянных, и вот благодатной силою таинства Покаяния она получила чрез старца совершенное исцеление. Припадки не возвращались, и она стала здорова и покойна, глубоко признательная за полученную помощь. Она жива была еще в 1877 году и лично известна многим братьям.

Спасение от самоубийства

Один купеческий приказчик из Нижнего, средних лет, холостой, страдал несколько лет болезнью, не дававшей ему покоя. Он, по словам его, ощущал, что кто-то пошептывает ему мысли о самоубийстве. Подойдет он к воде, голос шепчет ему: «Зачем тебе больше жить на свете? Утопись!» Увидит он огонь, голос внушает ему кинуться в огонь. Увидит он нож или какое острое орудие, голос внушает ему зарезаться, так как незачем ему оставаться на свете. Исхудалый, изнуренный, со впалыми от душевного недуга глазами, он приехал с матерью своею в обитель, был у старца и на вопросе, отчего он страдает, объяснил, что, по его убеждению, он болен оттого, что, когда ему еще было два года, мать прокляла его. Старец долго занимался с ним, подробно расспросил его, о чем находил нужным, и заключил, что причина болезни не та, которую он приводит, а другая, и болезнь послана ему в наказание за ложные взгляды относительно своей матери. Мать была добрая старушка и очень его любила, и желала ему всякого блага, а он думал, что она сделала его несчастным на всю жизнь. Долго он не соглашался с мнением старца. Наконец, на исповеди старец, с помощью Божией, убедил его оставить ложное мнение, что его прокляла мать, и вместо того смириться перед нею и с чувством раскаяния испросить у нее прощения в оскорбительном мнении о ней. Исполнив наставление старца, он удостоился принятия Св. Таин и явился к старцу уже в обновленном виде – покойный и счастливый; погубительных внушений он уже не слышал; совесть его умиротворилась, и душа его, освященная таинствами Покаяния и Причащения, возвратилась к светлой жизни. Возвратясь в Нижний, он уже вел жизнь свою по наставлениям старца.

Тульской губернии, Богородицкого уезда купец, тридцати пяти лет, трезвый, более года страдал душевной болезнью: ему представлялось, что все насмеяются над ним и над его действиями и что какие-то незнакомые ему люди, куда бы он ни пошел, преследуют его и намереваются лишить его жизни. Эти мысли ни днем, ни ночью не давали ему покоя, и он уже несколько раз приходил к мысли о самоубийстве и тем самым наводил страх на все свое семейство. По убеждению матери, И. В. приехал в обитель и объяснил свое положение старцу Илариону. Старец несколько раз подолгу с ним занимался и нашел у него затаенный грех, который он не исповедал священнику, сомневаясь в прощении его. Старец убедил его, что нет греха, который бы не прощало человеколюбие Божие, если в нем каются, и купец на исповеди принес в нем покаяние и, получив разрешение, удостоен был причащения Св. Таин. При прощании старец сказал ему: «Ну, поезжай с Богом;

теперь тебя преследовать и вязать не будут». Так действительно и было: И. В. совершенно выздоровел от своего мучительного недуга.

Исцеление помешанного

Новосильского уезда купец был два года одержим недугом, не дававшим ему ни минуты покоя и доводившим его до безумия. Ему представлялось, будто со всех сторон его преследуют, хотят вязать и лишиться жизни. Не будучи поэтому в состоянии заниматься своим торговым делом, А. Е. бегал от людей с блуждающим взором, произнося бессмысленные слова. Домашние боялись, чтобы он в припадке безумия не лишил себя жизни. Более всех обезпокоена была этой болезнью его жена, придумавшая, наконец, свозить его в Оптину Пустынь. Прибыв в обитель, она объяснила старцу болезнь мужа и просила его помощи. Старец долго занимался с ним и из расспросов дознал, что главная причина болезни была его вражда и непокорность отцу, которую он таил в своем сердце. Старец долго убеждал А. Е. оставить злобу и просить у отца прощения, доказывая ему, что только в таком случае он может надеяться на помощь Божию и избавиться от болезни. Больной сперва долго упорствовал, оправдывал себя, а отца обвинял, но, наконец, изъявил готовность исполнить все, что приказывал ему старец. Старец исповедал его, и больной, пробыв в обители после принятия Св. Тайн еще три дня, поехал домой к отцу совершенно здоровым. Теперь, в душевном мире и спокойствии, он занимается в Москве своими торговыми делами, благодаря Бога и старца Илариона.

Избавление от безотчетного страха

Города Белева купеческий сын П. М., занимаясь у отца торговлей, долго страдал душевным расстройством, задумывался, подвергался безотчетному страху, причем часто и видимые предметы представлялись ему не такими, какими они на самом деле были. Наконец, он стал теряться рассудком. Прибыв в обитель, что сделать посоветовали ему родные, больной обратился к старцу Илариону. Старец исповедал его и помог ему советом. Больной с 1870 года совсем остался в обители и живет в ней и ныне мантийным монахом, хотя прежде не только желания, но и мысли у него не было о монашеской жизни.

Не одни нервные или душевнобольные получали, при помощи Божией, от старца облегчение; старец оказывал помощь многим и в других состояниях и обстоятельствах жизни, когда обращавшиеся к старцу добросовестно исполняли полученные от него наставления.

Избавление от неверия

Студент Московского университета, тульский помещик А. П. А. дошел почти до полного неверия в Бога. Быв проездом в обители, он имел продолжительные беседы со старцем. Полные искреннего участия и душевной доброты слова старца подействовали на молодого человека. Он согласился признать свои заблуждения, провел, по предложению старца, в обители несколько дней, исповедался, принес покаяние, сподобился принять Св. Тайны, к чему пред тем уже несколько лет не приступал, и поехал в Москву верующим и благочестивым христианином.

Прозорливость старца Илариона

Мать благочестивого семейства (Тульской губернии, Богородицкого уезда) Т., глубоко уважавшая советы старца – своего духовного отца, приехала в обитель просить его совета относительно вступления в брак своей дочери. К ней сватались три жениха, и они решили поступить в выборе так, как посоветует им старец. Три дня ходили они к старцу, желая услышать, что он им скажет. Казалось, что старец и выбрал одного из трех женихов, но три дня не объявлял им своего решения, и на их вопрос: «Как же вы, батюшка, нас благословите?», отвечал: «Ах, дочка, дочка! Жаль мне тебя, но как же мне с тобой быть?»

Погодим еще!» На четвертый день он им сказал: «Ну, дочка! Когда уж плыть, так плыть. Переплывешь – будешь человек. Видно, Богу так угодно». Преп. Иларион подразумевал под этими словами, что много скорбей придется перенести девице по выходе замуж. Слова старца сначала показались загадочными, но после, по вступлении девицы в брак, они оправдались. Вначале ей в семействе мужа было очень трудно; пришлось переносить много скорбей и огорчений, так что и крепкое здоровье ее порасстроилось, и духом начала она слабеть. Вспоминая слова старца, Т. ими себя укрепляла, ожидая изменения обстоятельств на более благоприятные. Тяжелое положение ее продолжалось года три. Наконец, неожиданно все изменилось: здоровье ее снова поправилось, и с этих пор она и доныне живет счастливо, благословляя память старца.

Молодой человек из купеческого семейства после четырехлетнего супружества овдовел. Ему стали сватать новую невесту. Когда родной брат его поехал в Оптину Пустынь, он поручил ему испросить у старца о. Илариона благословения на второй брак. Старец дал такой ответ: «Скажи брату, пусть он погодит еще годок, да приедет к нам, и мы посмотрим, не годится ли он нам». Сам съездить к старцу молодой человек не нашел времени, все откладывал, а между тем невесту ему сватали. Не повидавшись лично со старцем, он не исполнил его заочного совета и вторично женился. Но через три с половиной недели вторая жена тоже умерла. После того ему предлагали вступить в третий брак. Тогда он поехал в обитель лично благословиться у старца. Старец принял его с участием и сказал: «Что, не послушался? Вот тебе и женитьба!» Пробыв несколько дней в обители, он у старца на исповеди изъявил желание вместо женитьбы поступить в обитель. Старец спросил, давно ли у него явилось это желание? Тот отвечал: «Всего несколько часов». Старец сказал: «Нужно прежде испытать себя некоторое время». По окончании же исповеди с улыбкой сказал: «Ну, приезжай, приезжай, мы тебя примем». Вскоре тот оставил семью и в 1865 году поступил в скит, где и теперь живет мантийным монахом.

Родная племянница Белевского соборного протоиерея Ивана Васильевича Глаголева, находившегося в дружелюбном общении со старцами Леонидом и Макарием, очень благорасположенного к Белевской девичьей обители и к благочинному Белевского девичьего монастыря г. Белева (см. описание Белевского девичьего монастыря, 1863 г., стр. 97-98), с шести лет жила в монастыре игуменьи Павлины вместе с племянницей ее, монахиней М., была клиросной и имела приятный голос. Однажды две сестры из певчих вышли из Белева в один из Московских монастырей, впоследствии они увлекли с собою и Машу. Но в Москве она была недолго покойна, совесть ее не замолчала: с нею сделались нервные припадки. Некоторые Белевские сестры просили старца помолиться о ней. Старец говорил, что Господь силен обратить ее и возвратить в прежнюю обитель с сознанием и раскаянием. Слова старца оправдались: в июне 1871 года она возвратилась в Белевскую обитель.

Когда она пришла к старцу, в хибарке было много народу; она плакала у ног старца, который с обычной любовью принял ее, говоря: «Маша! Ты еще жива? Слава Богу! Верно, молитва матери игуменнии дошла до Бога». Она сказала старцу: «Милостивый батюшка! Ежели есть подобной мне грешнице милость у Господа, спасите меня! Вся моя надежда после Бога на вас и ваши молитвы, которым я давно и вручила себя!» Старец сказал: «Милостив Господь! Не отчаивайся, веруй и надейся; только бы принести истинное покаяние во всем, что тяготит твою совесть, и с помощью Божией положить благое начало!» Старец хотел, не откладывая, заняться с больной, но с нею повторился припадок. Бывшие с нею сестры, полагая, что она не скоро придет в себя, объяснили старцу, что с нею нередко бывают такие припадки, и предлагали, не угодно ли будет старцу оставить ее до следующего дня. Но старец, внимательно и озабоченно следивший за припадком, решил не откладывать. Он велел келейнику подать св. Богоявленской воды, благословил больную и дал ей выпить; больная выпила и стала спокойнее, наконец и совсем успокоилась. Нужно было видеть, с каким сердечным участием наблюдал за нею старец! Больная на несколько минут уснула легким сном. Старец велел одной из сестер наблюдать

за нею, чтобы, как только придет в чувство, исповедать ее, а сам, между тем, продолжал принимать других посетительниц, которых на этот раз было много. Спустя несколько времени, больная очнулась. Старец, оставив занятия с другими, спросил ее: «Что с тобой теперь?». Она отвечала: «За вашими св. молитвами со мной почти все прошло, только в глазах еще темно». «Ты все помнишь? Можешь исповедоваться?» – спросил старец. «Все помню, милостивый батюшка!» И просила, если можно, исповедать ее. Старец после этого занимался с нею более часа. По окончании исповеди утешал ее как дитя, дал ей свои четки, своего служения просфору, св. воды и артос. Воду благословил ей пить при появлении припадка. Отпуская больную, благословил ее и сказал: «Благодари Бога: теперь будешь ты жива, а ежели бы даже пришлось и умереть, – милостив Господь! Будь Его святая воля! Помни же, что лучше быть учеником ученика, нежели жить, полагаясь на свой разум и по своей воле», – и, обращаясь к сопровождавшим ее сестрам, приказал, чтобы не оставляли больную. По уходе больной старец очень был утешен тем, что она могла принести чистосердечное покаяние, и говорил: «Сестры хотя и думают, что она не так опасна, но Бог знает? И здоровые иногда умирают, а больная, да еще в таком страдальческом положении, тем более не безопасна. Мы не знаем, что с нами может случиться и в следующую ночь или завтра. Что только можно было сделать, чтобы помочь бедной, – все сделано. В подобных случаях не должно откладывать, а пользоваться каждой минутой, чтобы не упустить душу, ищущую спасения, без возможной помощи».

Возвращаясь в гостиницу, больная говорила сестрам: «Други мои! Как у меня теперь легко на душе. Давно не ощущало мое грешное сердце такого отрадного спокойствия духа и такого необъяснимого чувства, какое я вынесла от батюшки. Слава Богу за все!» Она попросила засветить лампадку, выпила св. воды, взяла четки, полученные ею от старца, и легла на койку, перекрестив и себя, и ее крестным знаменем. Сестры оставили больную и пошли ужинать. Поужинав и поговорив между собою о той утешительной перемене, которая в этот вечер произошла в состоянии больной, они возвратились к ней, чтобы вместе читать правило «На сон грядущим», но нашли Марию уже уснувшей вечным сном.

Узнав о кончине ее, старец сказал: «Этого нужно было ожидать, потому я и не решился вчера оставить ее без исповеди», – и привел повесть из Пролога (14 июля) о том, как одна сестра вышла из обители в мир (в Солуни) и потом чрез несколько времени греховной жизни пришла к воротам монастыря своего с чистосердечным намерением принести покаяние, но павши пред вратами, внезапно скончалась. Одному епископу было об ее кончине такое откровение: Ангелы защищали душу ее, говоря: «Она столько лет работала нам». Бесы возражали им: «Она и в монастырь-то шла с леностью, как же вы говорите: она покаялась?». На это Ангелы сказали: «Бог видел разум ее, на то уже преклонившийся, и принял ее покаяние, ибо покаянием она владела, сложившись с помыслом о нем, жизнью же владеет Владыка Бог».

К погребению приехали и игуменья Павлина с сестрами, между которыми были певчие. Старец пожелал сам отпевать усопшую, но неожиданно то же намерение возымел и о. игумен, так что отпевание совершали в кладбищенской церкви о. игумен, старец Иларион и совершавший Литургию о. казначей Флавиан. Умилительно было видеть старца, слабым и взволнованным голосом прочитавшего над усопшей Разрешительную молитву.

10 июня 1871 года в четверг, в седьмом часу вечера, больная была в хибарке на исповеди, а в одиннадцатом часу скончалась на двадцать втором году жизни; в воскресенье 13-го числа было совершено погребение усопшей на новом монастырском кладбище Всех Святых. (См. библиографический очерк белевской игуменьи Павлины, «Странник» 1880 г., декабрь).

Из записок белевской монахини Михайлы (Болотниковой)

Предсказание игуменства.

Мы – четыре родные сестры, поступили в разные времена в святую Белевскую обитель. Сначала одна сестра, до того проживавшая уже семнадцать лет в другой обители (в рясофоре – Серафима, а потом – игуменья Макария), перешла из Великолуцкой в Белевскую, для батюшки о. Макария; другая сестра, уже несколько лет спустя после нее, поступила к ней в сожителство из миру (потом – схимонахиня Илариона). А мы – две сестры (Михаила, в миру Александра, и Магдалина), вошли обе вместе с особую келью и еще позже того, кажется, в 1858 году. По кончине старца нашего о. Макария, мы – все четыре сестры, поступили по его благословию под руководство ближайшего ученика его, батюшки о. Илариона.

Перешедшая в Белев из другой обители (Великолуцкой), сестра, м. Макария, издавна болезненная, одну зиму хворала более обыкновенного, но по желанию повидать старца с трудом собрала силы, добралась до Оптиной и говорит батюшке о. Илариону: «Должно быть, мне, батюшка, уже недолго жить!» А батюшка отвечал: «Нет, ты не умрешь, а мы тебя еще игуменей сделаем». По возвращении в Белев сестра узнает, что наша м. игуменья получила известие о неожиданной кончине Тульской игуменьи, а вскоре владыка назначил больную сестру нашу на ее место. К этой внезапной скорби сестры владыка еще приказал, чтобы назначенная в игуменьи к Св. Пасхе была уже в Туле. Это было Великим постом – самая бездорожица. Сестра с этой неожиданной двойной скорбью опять приезжает к батюшке и говорит, что она теперь, по болезненному своему состоянию, не в силах выдержать такой дурной дороги, а батюшка, успокаивая ее, отвечал: «Зачем теперь? Когда будет сухо и тепло, тогда мы и повезем Макарию». Так и случилось. Владыка отложил потом приезд новоназначенной игуменьи до просухи: ее повезли в мае, и батюшкино предсказание сбылось. Ей было там очень трудно. Там она за святое послушание провела на невольном кресте шесть лет. Теперь она избавилась от одного и доживает болезненные дни свои на покое.

Когда уже эта сестра моя была на покое, то батюшка несколько раз повторял: «Смотри, чтобы тебя опять не выбрали в игуменьи!» Мы это считали за шутку, но, к удивлению, слово батюшки сбылось. Когда она еще слабее стала здоровьем и было ей за семьдесят лет, внезапно получает она письмо, в котором ей одно, как видно значительное, лицо той обители (не тульской) предлагало место игуменьи, прося известить, согласна она или нет на предложение, уверяя притом, что заботы сестре не будет никакой, а все нужные к ее определению шаги это лицо берет на себя. Сестра отказалась от предложения.

Теперь скажу о себе. Когда мы с сестрой приобрели в Белевском монастыре свою келью, то батюшка иносказательно намекал нам, как впоследствии объяснилось, что она, келья, непрочна; мы же в то время не поняли намеков и, получив средства, просили у батюшки благословения ее отделать внутри, а также и снаружи обить ее тесом и покрыть железом. Батюшка очень на это не соизволял, благословляя нас жить в ней, какая она есть; и только по неоднократной нашей просьбе, особенно моей нетерпеливой, неохотно согласился на означенные переделки, настрого нам притом наказав, чтобы отнюдь никаких более того поправок не затевать и не делать. Эта настойчивость на своей воле и послушание, оказанное св. старцу, остались мне, грешной, на всю жизнь мою за самоукорение.

Переделка эта обошлась нам около трехсот рублей. Когда же сестра отправилась на игуменство в Тулу, то мы, по благословию старца нашего и нашей матери игумении, последовали за нею, а келью свою продали за цену, за какую сами ее купили, так что отделка оной осталась нам в убыток.

В это время мы имели более средств, а кроме того, и надежды на будущее. В настоящее же время, когда средства наши пограниченнее стали, пооскудели, то и лишение это чувствительнее стало.

Вот и еще потеряла я от своей беспечности и медленности в исполнении воли старца. Батюшка о. Иларион благословил нас с сестрой передать на случай смерти одна другой, т.е. чтобы сестра передала мне свое достояние, а я, по беспечности, сестре о том не напоминала, все откладывала, думая, что еще успеем, как вдруг сестра внезапно занемогла и скончалась.

Так, перебирая многое из своего прошлого, невольно познаешь невозвратимую утрату дорогого времени, которым я, грешная, по своему нерадению не умела пользоваться.

При жизни сестры мы с нею очень желали поклониться угодникам Божиим, Святителям Тихону и Митрофану (Воронежским), но прежде по обстоятельствам этого сделать не могли, потому и не просились у батюшки. Получив же возможность и найдя дешевого извозчика, мы с этой приятной вестью приехали к батюшке попросить благословения пуститься в путь, в полной уверенности, что отказа с его стороны не будет, но, к удивлению нашему, батюшка нас не благословил ехать, сказав: «Подождите, еще дешевле и веселее съездите», что вскоре и сбылось; вовсе неожиданно съездили, не только дешевле, но совсем почти без всякого расхода и притом в этой поездке, за его святые молитвы, все решительно благоприятствовало к нашему утешению. Батюшка благословил нас возвратиться из Задонска опять через Оптину и очень нас утешил, особенно сестру; необыкновенно был к ней милостив, проводил нас до крыльца хибарки, смотря вслед нам, пока мы скрылись из виду по скитской, увы! – бывшей приятной дорожке, по которой некогда мы ходили в скит к батюшкам о. Макарию и о. Илариону (писано в 1876 г.), и уже очень поздно пришел, родимый, к нам в гостиницу, неожиданно сказав: «ЯКеще пришел с вами проститься!» Когда сестра благодарила за все милости и утешения, которые батюшка особенно ей оказывал, то он сказал: «Ну, а теперь готовься!» Может быть, батюшка и пояснил бы, но мы обе промолчали: должно быть сестра не поняла, а я, хотя и догадывалась о значении его слова, но, по искушению, поопасалась удостовериться. Батюшка уже по отеческой любви своей, желая, видно, вразумить, чтобы сестра готовилась к переходу в вечность, подождавши несколько, опять спросил ее: «Магдалина, будешь-то ты здорова?» – она отвечала: «Буду, батюшка, за ваши святые молитвы». В то время она совершенно была здорова, по приезде же в тульскую обитель вскоре занемогла тифозной горячкой и скончалась.

Много нас, батюшкиных деток, собралось ко дню его ангела; все стояли около него; ближе всех стояла сестра (м. Илариона), бывшая в то время здоровою. Была у нее только одна давнишняя болезнь, по случаю которой она тихонько, на ушко, спросила у батюшки благословения носить бандаж, а батюшка при всех вслух ей отвечал: «Зачем? Земля все покроет». Потом, как бы вообще, сказал: «На будущий год в этот день здесь кого-нибудь не достанет», – и, взглянув на сестру, прибавил: – Вот, может быть, и дерево уже срублено, привезено и гроб сделан». Это было сказано 21 октября, а на другой день 5 сентября сестра скончалась, и точно, неожиданно похоронили ее в готовом гробу.

Еще в девятый день по преставлении батюшки, во время панихиды одна женщина спросила меня: по ком это служат? Когда я отвечала, что служат по старце Иларионе, то она вдруг заплакала горько, потом сказала, что она много лет была душевно больна, а «он, мой кормилец, меня вылечил». Да и много подобных случаев встречалось, всего не могу припомнить. Мать Михаила (Болотникова), (~ 28 ноября 1889 г. (стр. 241-246)).

Извещение свыше старцу Илариону

Одна помещица страдала серьезным внутренним расстройством. В Москве ее болезнь признали очень опасной, трудно или почти неизлечимой, так как была сильно запущена, и помещица возвратилась из Москвы в трудном положении. В начале августа 1871 года она поехала в Киев, чтобы лечиться там у известного доктора. Однажды старцу выразили опасение относительно неисцелимости и вероятности плохого исхода ее болезни. Старец не отвергал это опасение; был, напротив, как бы тревожен, и сам разделял их. Но удалившись затем из своей приемной в спальную келью и пробыв в ней в удалении около

четверти часа, старец снова возвратился в приемную и уже стал положительно говорить в том смысле, что болезнь ее пройдет, и о том, что помещица, по возвращении из Киева, будет делать. Очевидно, старец в спальне по молитве получил извещение о благополучном исходе ее болезни.

Действительно, помещица после киевского лечения совсем поправилась.

Предсказание выздоровления

Около масленицы 1873 г., уже во время последней болезни старца, сильно заболел монах о. Василий; вследствие сильно развившегося острого ревматизма у него онемела вся левая половина тела, от темени головы до оконечности ноги; онемел нос, потерялся слух и способность движения левых членов. Лицо больного было как маска: правая половина оставалась в обыкновенном положении, а левая похудевшая, сморщенная, съезжившаяся. Доктор признавал положение больного очень опасным. Когда болезнь была уже в сильнейшем развитии, то старец положительно сказал мне (не выдав больного), что отец Василий останется жив. И, действительно, он оправился и жив был еще в восьмидесятых годах.

Разрешение бесплодства молитвами старца

Быв однажды в Оптиной Пустыни, я видела одну женщину, которая мне с благоговением рассказала следующее. Семнадцать лет уже не было у нее детей; жили они с мужем достаточно, но сильно горевали, что не имели детей. Пришла она со своим горем к батюшке о. Илариону. Он ей благословил сходить в Задонск и, кажется, в Воронеж и прибавил: «А на будущий год придешь сюда с ребенком».

И как раз в мае, через год, она пришла к батюшке с сыном.

Преподобный Иларион

ПОУЧЕНИЯ

Много учил преп. Иларион о незлобивом и безгневном перенесении оскорблений, учил принимать их с самоукорением, как посланные Промыслом Божиим за грехи наши для душевной пользы.

Не стыдись обнажать струпы твои духовному наставнику и будь готов принять от него за грехи свои и посрамление, чтобы чрез него избежать вечного стыда.

Церковь есть для нас земное небо, где Сам Бог невидимо присутствует и назирает предстоящих, поэтому в церкви должно стоять чинно, с великим благоговением. Будем любить Церковь и будем к ней усердны; она нам отрада и утешение в скорбях и радостях.

В ободрение скорбящих старец часто говаривал: Аще Господь по нас, кто на ны? (Рим. 8, 31).

Каждое дело необходимо начинать с призыванием в помощь имени Божия.

Часто говорил старец о хранении совести, о внимательном наблюдении за своими мыслями, действиями и словами, и о покаянии в них.

Учил немощи и недостатки подчиненных нести благодушно. «Замечания делай, – наставлял старец, – не давая пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого».

Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанной молитвой и самоукорением не утишится твое сердце.

Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а гордым Бог противится,

смиранным же дает благодать.

Часто старец приводил изречение апостола: «Истинная любовь не раздражается, не мыслит зла, николиже отпадает».

Преподобный Амвросий

ЖИТИЕ

Старец Амвросий родился 23 ноября 1812 года, в селе Большая Липовица Тамбовской губернии и того же уезда, от пономаря Михаила Феодоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых. Новорожденного назвали во св. крещении Александром, в честь благоверного великого князя Александра Невского, память которого пришлась в самый день рождения младенца. Имя это носил и благословенный царь Александр Павлович. В это самое время происходило отступление из России Наполеоновской армии, причинившей столько разрушений и горя, и многострадальная Русь особо праздновала память святого и день тезоименитства царя Александра Благословенного. Перед рождением младенца к деду его, священнику этого села, съехалось много гостей. Родильница была переведена в баню, потому что в доме о. Феодора была большая суматоха, и перед домом толпился народ. Старец Амвросий впоследствии шуточно приговаривал: «Как на людях я родился, так все на людях и живу».

У причетника Михаила Феодоровича всех детей было восемь человек – четыре сына и четыре дочери; Александр Михайлович был шестым из них.

В детстве Александр был очень бойкий, веселый и смелый мальчик. Он предан был детским забавам, так сказать, всем своим существом и потому в доме ему не сиделось. Поручала ему иногда мать покачать колыбель одного из младших детей своих. Мальчик садился за скучную для него работу, но лишь до тех пор, пока мать, занятая домашними делами, не упускала его из виду. Тогда осторожно пробирался он к окну, так же осторожно открывал его и мгновенно исчезал из комнаты, чтобы порезвиться со своими сверстниками. Рассказывал сам старец и еще о некоторых своих детских проказах. Однажды он было полез под крышу за голубями, но упал и ободрал себе спину. Между тем никому из домашних не посмел сказать об этом, боясь еще наказания за шалость. А в другой раз, несмотря на замечание матери, не переставал стегать у себя на дворе одну смиренную лошадку, которая, выйдя из терпения, поранила его копытом в голову. Понятно, что за подобное поведение Александра не любили в семье. К нему не имели особенного расположения ни дед, ни бабка, ни даже родная мать, которая более всего любила старшего своего сына Николая и младшего Петра.

Смелый Саша очень хорошо понимал свое неловкое положение среди нелюбившей его родной семьи, хотя может быть и не знал тому причины, а может быть отчасти и знал, да не мог и не умел вести себя так, чтобы заслужить любовь старших. Тем не менее по временам ему досадно было, что его младший братишка пользуется, сравнительно с ним, особенной всеобщей любовью.

«Однажды, – так впоследствии передавал сам старец, – очень раздосадованный этим я решил отомстить брату. Зная, что дед мой не любит шуму, и что, если мы, дети, бывало расшумимся, то он нас всех без разбора – и правого, и виноватого, отдерет за чуб, я, чтобы подвести своего братишку под тяжелую руку деда, раздражил его. Тот закричал, и выведенный из терпения дед отодрал и меня, и его. А последнее-то мне и нужно было. Впрочем мне и помимо деда досталось за это порядком и от матери, и от бабки».

Рассказывая про свои проделки, смиренный старец укорял себя перед слушателями: «Покаюсь перед вами, делал я то-то и то-то».

На самом деле он был просто живой ребенок, как ртуть, и не был в состоянии ходить «по струнке», как требовалось в строго-патриархальной семье.

По обычаю того времени учился он читать по славянскому букварю, Часослову и Псалтири. Каждый праздник он вместе с отцом пел и читал на клиросе. Он никогда не видел и не слышал ничего худого, т.к. воспитывался в строго церковной и религиозной среде.

При наступлении поры учения юноша был определен сначала в Духовное училище, а потом в семинарию. Из строгой семейной обстановки он попал, по тому времени, в еще более строгую – школьную. Способности его были исключительные. Его товарищ по семинарии вспоминал: «Тут, бывало, на последние деньги купишь свечку, твердишь, твердишь заданные уроки, он же (Гренков) и мало занимается, а придет в класс, станет наставнику отвечать, – точно как по писанному, – лучше всех». В июле 1836 года Александр Гренков прекрасно окончил курс наук при добром поведении.

Сначала Александр Михайлович служил домашним учителем, а потом поступил наставником в Липецкое духовное училище.

Вскоре он тяжело заболел. Надежды на поправление почти не было, и он дал обет в случае выздоровления пойти в монастырь.

Хотя он и выздоровел, но внутренняя борьба продолжалась еще долго. Александр Михайлович был по природе жизнерадостным, веселым – душою общества. Вот как сам старец рассказывает об этом периоде своей жизни: «После выздоровления я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости... Придешь домой – на душе беспокойно, и подумает: ну, теперь уже все кончено навсегда, совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости и опять наболтаешь. И так я мучился целых четыре года». Для облегчения душевного он стал по ночам уединяться и молиться, но это вызывало насмешки товарищей.

Летом 1839 года, по дороге на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, Александр Михайлович вместе с другом своим П. С. Покровским заехали в Троеруково к известному затворнику о. Илариону. Святой подвижник принял молодых людей отечески и дал Александру Михайловичу вполне определенное указание: «Иди в Оптину, ты там нужен». Сам старец Амвросий полагал, что о. Иларион указал на Оптину вследствие процветавшего там старчества. Как известно, у преп. Серафима, скончавшегося шесть лет до этого, не было учеников среди саровских монахов, и потому в Сарове не существовало преемственного старчества.

Покровского о. Иларион благословил еще пожить в миру. Он поступил в Оптину позднее.

Вернувшись в Липецк, Александр Михайлович, по его словам, продолжал еще «жаться» и не сразу мог решиться порвать с миром. Случилось это, однако, после одного вечера в гостях, когда он был особенно в ударе, смешил всех присутствующих до упаду. Все были веселы и довольны, и в прекрасном настроении разошлись по домам. Что же касается Александра Михайловича, если и раньше в таких случаях он чувствовал раскаяние, то теперь его воображению живо представился обет, данный Богу, вспомнилось ему горение духа в Троицкой Лавре, и прежние долгие молитвы, вздыхания и слезы, определение Божие, переданное через о. Илариона и, наряду с этим, почувствовал свою несостоятельность и шаткость своих намерений.

Наутро решимость твердо созрела. Александр Михайлович решил бежать в Оптину тайно от всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства. Он опасался, что уговоры родных и знакомых поколеблют его решимость, и потому ушел тайно.

Будучи уже в Оптиной, Александр доложил о своем намерении стать монахом Тамбовскому архиерею.

Мы видим из этого рассказа, какими чертами характера обладал по натуре преп. Амвросий: его невероятную живость, сметливость, выдающиеся способности все

схватывать на лету, общительность, остроумие. Это была сильная, творческая, богатая натура.

Впоследствии все эти качества, составлявшие его сущность, не исчезли в нем, но, по мере его духовного возрастания, преображались, одухотворялись, проникались Божией благодатью, давая ему возможность, подобно апостолу, стать «всем вся», чтобы приобрести многих.

Прибыв в Оптину, Александр Михайлович застал при жизни самый цвет ее монашества, таких ее столпов, как игумен Моисей, старцы Лев (Леонид) и Макарий. Начальником скита был равный им по духовной высоте преподобный Антоний, брат преп. Моисея, подвижник и прозорливец.

Кроме них, среди братии было немало выдающихся подвижников: архим. Мельхиседек, древний старец, в свое время удостоенный бесед со Святителем Тихоном Задонским, Флотский иеромонах Геннадий, подвижник, бывший дважды духовником императора Александра I, иеродиакон Мефодий прозорливый, лежавший двадцать лет на одре болезни, бывший валаамский игумен Варлаам, имевший дар слез и добродетель крайнего нестяжания. Про последнего рассказывали, что однажды, после того как в скиту побывали воры, спросили его: «А вас, батюшка, воры, обокрали?». – «Что же красть-то? Щепки что ли?», – улыбнулся старец. Он был сотаинник преп. Германа Аляскинского в юные их годы на Валааме. Жили в Оптиной также иеродиакон Палладий, тоже нестяжатель, созерцатель, знаток церковного чиноположения; иеросхимонах Иоанн – из раскольников, незлобивый, с детской простотой, с любовью давал советы, всеми любимый; иеромонах Иннокентий – духовник старца Макария, любитель безмолвия, и другие.

Вообще все иночество под руководством старцев носило на себе отпечаток духовных добродетелей: простота, кротость и смирение были отличительными признаками оптинского монашества. Младшая братия старалась всячески смиряться, не только перед старшими, но и перед равными, боясь даже взглядом оскорбить другого, и при малейшем поводе немедленно просили друг у друга прощения.

В такой высокого духовного уровня монашеской среде оказался новоприбывший молодой Гренков.

Сначала он жил на гостинице, переписывая для старца Льва книгу о борьбе со страстями: «Грешных спасение».

В январе 1840 года он перешел жить в монастырь, пока еще не одеваясь в подрясник.

В это время шла канцелярская переписка с епархиальными властями по поводу его исчезновения, и еще не последовал от калужского архиерея указ настоятелю Оптинскому о принятии в обитель учителя Гренкова.

В апреле 1840 года Александр Михайлович Гренков был, наконец, одет в монашеское платье. Он был некоторое время келейником старца Льва и его чтецом (правило и службы). Работал на хлебне, варил хмелины (дрожжи), пек булки и был здоров.

Затем в ноябре 1840 года его перевели в скит. Оттуда молодой послушник не переставал ходить к старцу Льву для назидания.

В скиту он был помощником повара целый год. Ему часто приходилось по службе приходить к старцу Макарию: то благословляться относительно кушаний, то ударять к трапезе, то по иным вопросам. При этом он имел возможность сказать старцу о своем душевном состоянии и получал ответы. Цель была та, чтобы не искушение побеждало человека, а чтобы человек побеждал искушение.

Старец Лев особенно любил молодого послушника, ласково называя его Сашей. Но из воспитательных побуждений испытывал при людях его смирение. Делал вид, что гремит против него гневом. С этой целью дал ему прозвище «химера». Под этим словом он подразумевал пустоцвет, который бывает на огурцах. Но за глаза про него говорил: «Великий будет человек».

При конце жизни старец Лев призвал старца Макария и сказал ему об Александре:

«Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь».

Думается, что эти полы великих старцев были для близкого к ним ученика подобием милоти Илииной, брошенной на Елисея.

После смерти старца Льва брат Александр стал келейником старца Макария (1841-1846 годы). В 1842 году он был пострижен в мантию и наречен Амвросием (память 7 декабря). Затем последовало иеродиаконство (1843 г.), а через два года – рукоположение в иеромонахи.

Для этой цели (посвящения) преп. Амвросий поехал в Калугу. Был сильный холод. Изнуренный постом, схватил он сильную простуду, отразившуюся на внутренних органах. С этих пор старец уже никогда не мог поправиться по настоящему.

Однажды, когда старец Амвросий еще как-то держался, приезжал в Оптину преосвященный Николай Калужский. Он сказал ему: «А ты помогай о. Макарию в духовничестве. Он уж стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». Преп. Амвросию было тогда 34 года. Ему часто приходилось иметь дело с посетителями, передавать старцу их вопросы и давать от старца ответы. Так было до 1846 года, когда после нового приступа своего недуга преподобный был вынужден по болезни выйти за штат, будучи признан неспособным к послушаниям, и стал числиться на иждивении обители как инвалид. Он с тех пор уже не мог совершать Литургии; еле передвигался, страдал от испарины, так что передевался и переобувался по несколько раз в сутки. Не выносил холода и сквозняков. Пищу употреблял жидкую, перетирал теркой, вкушал очень мало.

Несмотря на болезнь, преп. Амвросий остался по-прежнему в полном послушании у старца, даже в малейшей вещи давал отчет ему.

Теперь на него была возложена переводческая работа, приготовление к изданию святоотеческих книг. Им была переведена на русский язык «Лествица» Иоанна, игумена Синайской горы.

«Можно думать, – говорит составитель его жития, – что эти книжные занятия имели для старца Амвросия и весьма воспитательное значение в жизни духовной. Один из участников этих занятий, между прочим, пишет: «Как щедро были мы награждены за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы нескольких лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это – объяснения старца Макария, на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто не посмел бы и спросить его, а если бы и дерзнул на сие, то, несомненно, получил бы смиренный ответ: «Я не знаю сего, это не моей меры; может быть ты достиг ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце, тогда и поймешь».

Этот период жизни преп. Амвросия являлся как самый благоприятный для прохождения им искусства из искусств – умной молитвы. Однажды старец Макарий спросил своего любимого ученика: «Угадай, кто получил свое спасение без бед и скорбей?». Сам старец Амвросий приписывал такое спасение своему руководителю старцу Макарию, но в жизнеописании этого старца сказано, что «прохождение им умной молитвы, по степени тогдашнего духовного его возраста, было преждевременным и едва не повредило ему».

Главною причиною сего было то, что преп. Макарий не имел при себе постоянного руководителя в этом высоком духовном делании. Преподобный же Амвросий имел в лице старца Макария опытнейшего духовного наставника, восшедшего на высоту духовной жизни. Поэтому он мог обучаться умной молитве действительно «без бед», т.е. минуя козни врагии, вводящие подвижника в прелесть, и «без скорбей», приключаящихся вследствие наших ложно-благовидных желаний, которыми мы себя часто обманываем. Внешние же скорби (как болезни) считаются подвижниками полезными и душеспасительными. Да и вся, с самого начала, иноческая жизнь преп. Амвросия, под окормлением мудрых старцев, шла ровно, без особых преткновений, направляемая к

большему и большому совершенствованию духовному.

А что стяжание, при помощи Божией, высокой умной молитвы есть, так сказать, венец, или завершение спасения, содеваемого на земле человеком, можно видеть из слов преп. Иоанна Лествичника, который определил молитву «пребыванием и соединением человека с Богом, ибо кто соединился с Богом и пребывает в Нем, тот, хотя еще находится в сем бренном теле, но уже спасен».

То, что слова старца Макария относились к преп. Амвросию, можно видеть еще и из того, что преп. Амвросий в последние годы жизни своего старца достиг уже высокого совершенства в жизни духовной. Ибо, как в свое время старец Лев называл преп. Макария святым, так же теперь и старец Макарий относился к преп. Амвросию.

Но это не мешало ему подвергать его ударам по самолюбию, воспитывая в нем строгого подвижника нищеты, смирения, терпения и других иноческих добродетелей. Когда однажды за старца Амвросия заступились: «Батюшка, он человек больной!», то старец Макарий ответил: «А я разве хуже тебя знаю! Но ведь выговоры и замечания монаху – это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души, а без сего монах заржавеет».

Еще при жизни старца, с его благословения, некоторые из братии приходили к старцу Амвросию для откровения помыслов.

Вот как об этом рассказывает о. игумен Марк (впоследствии окончивший жизнь на покое в Оптиной). «Сколько мог я заметить, – говорит он, – о. Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему ежедневно для откровения помыслов, и почти всегда заставлял его за чтением святоотеческих книг. Если же не заставлял его в келье, то это значило, что он находится у старца Макария, которому помогал в корреспонденции с духовными чадами, или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставлял его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец всегда ходил перед Богом, или как бы всегда ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца: Предзрех Господа предо мною выну (Пс.К15,К8), а потому все, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Господу творить. Через сие он всегда был сетован, боясь как чем не оскорбить Господа, что отражалось и на лице его. Видя такую сосредоточенность своего старца, я в присутствии его всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Ставшему мне, по обыкновению, пред ним на колени и получившему благословение, он, бывало, весьма тихо сделает вопрос: «Что скажешь, брате, хорошенького?». Озадаченный его сосредоточенностью и благоумием, я, бывало, скажу: простите, Господа ради, батюшка, может быть я не вовремя пришел? – Нет, – скажет старец, – говори нужное, но вкратце. – И, выслушав меня со вниманием, преподаст полезное наставление с благословением и отпустит с любовью. Наставления же он преподавал не от своего мудрования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Если он учил духовно относившихся к нему, то в чине учащегося, и предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение св. отцов».

Если же о. Марк жаловался ему на кого-либо обидевшего его, старец, бывало, скажет плачевным тоном: «Брате, брате! Я человек умирающий». Или: «Я сегодня-завтра умру. Что я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться пред братом – и успокоишься». Такой ответ вызывал в душе о. Марка самоукорение и он, смиренно поклонившись старцу и испросив прощение, уходил успокоенный и утешенный, «как на крыльях улетал».

Кроме монахов, преп. Макарий сближал старца Амвросия и со своими мирскими духовными чадами. Видя его беседующего с ними, старец Макарий шутливо промолвит: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает».

Так старец Макарий постепенно готовил себе достойного преемника. Когда же преп. Макарий преставился (7 сентября 1860 года), хотя он не был прямо назначен, но постепенно обстоятельства так складывались, что старец Амвросий стал на его место.

После смерти преп. Моисея настоятелем был избран преп. Исаакий, который относился

к преп. Амвросию, как к своему старцу до самой его смерти. Таким образом, в Оптиной Пустыни не существовало никаких трений между начальствующими лицами.

Старец перешел на жительство в другой корпус, вблизи скитской ограды, с правой стороны колокольни. На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая «хибаркой», для приема женщин. И целых тридцать лет (до отъезда в Шамординскую женскую общину) он простоял на Божественной страже, предавшись служению ближним.

Преподобный был уже тайно пострижен в схиму, очевидно, в момент, когда во время его болезни жизнь его была в опасности.

При нем было два келейника: о. Михаил и о. Иосиф (будущий старец). Главным письмоводителем был о. Климент (Зедергольм), сын протестантского пастора, перешедший в Православие, ученейший человек, магистр греческой словесности.

Для слушания утреннего правила поначалу он вставал часа в четыре утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали утренние молитвы, двенадцать избранных псалмов и Первый час, после чего он наедине пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, старец слушал Часы: Третий, Шестой с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковые акафисты он выслушивал стоя.

После молитвы и чаепития начинался трудовой день с небольшим перерывом в обеденное время. Пища съедалась преподобным в таком количестве, какое дается трехлетнему ребенку. За едой келейники продолжали ему задавать вопросы по поручению посетителей, но иногда, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить загруженную голову, старец приказывал прочесть себе одну или две басни Крылова. После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся, и так до глубокого вечера. Несмотря на крайнее обезсилие и болезненность, день преп. Амвросий всегда заключал вечерним молитвенным правилом, состоявшим из Малого повечерия, канона Ангелу-Хранителю и вечерних молитв. От целодневных докладов келейники, то и дело приводившие к нему и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам старец временами лежал почти без чувств. После правила он испрашивал прощение «елика согреших делом, словом, помышлением». Келейники принимали благословение и направлялись к выходу. Зазвонят часы. «Сколько это? – спросит старец слабым голосом. Ему ответят: «Двенадцать». – «Запоздали», – скажет.

Через два года преподобного постигла новая болезнь. Здоровье его, и без того слабое, совсем ослабело. С тех пор он уже не мог ходить в храм Божий и должен был причащаться в келье. В 1868 году состояние его здоровья было столь плохо, что стали терять надежду на поправление. Была привезена «Калужская» чудотворная икона Божией Матери. После молебна и келейного бдения и затем соборования здоровье старца поддавалось лечению, но крайняя слабость не покидала его во всю его жизнь.

Такие тяжелые ухудшения повторялись не раз; старец говорил о себе: «Иногда так прижмет, что думаю, – вот, конец!»

Трудно представить себе, как он мог, будучи пригвожденный к такому страдальческому кресту, в полном изнеможении сил, принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем. На нем сбывались слова: «Сила Божия в немощи совершается». Не будь он избранным сосудом Божиим, через который Сам Бог вещал и действовал, такой подвиг, такой гигантский труд, не мог быть осуществим никакими человеческими силами. Животворящая Божественная благодать здесь ясно присутствовала и содействовала.

Таким просветленным, пронизанным насквозь Божией благодатью и был в действительности великий старец о. Амвросий. «Совершенно соединивший чувства свои с Богом, – говорит Лествичник, – тайно научается от Него словесам Его». Это живое общение с Богом и есть дар пророческий, та необыкновенная прозорливость, которой обладал преп. Амвросий. Об этом свидетельствовали тысячи его духовных чад. От него не

было сокрыто ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Приведем слова о старце одной его духовной дочери: «Как радостно забьется сердце, когда, идя по темному лесу, увидишь в конце дорожки скитскую колокольню, а с правой стороны убогую келейку смиренного подвижника! Как легко на душе, когда сидишь в этой тесной и душной хибарке, и как светло кажется при ее таинственном полусвете. Сколько людей перебивало здесь! И приходили сюда, обливаясь слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные утешенными и ободренными, неверующие и сомневающиеся верными чадами Церкви. Здесь жил «батюшка» – источник стольких благодеяний и утешений. Ни звание человека, ни состояние не имели никакого значения в его глазах. Ему нужна была только душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь. С утра и до вечера удрученный недугом старец принимал посетителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались с верою и были законом. Благословение его или особое внимание считалось великим счастьем, и удостоившиеся этого выходили крестясь и благодаря Бога за полученное утешение.

С утра и до вечера к нему приходили люди с самыми жгучими вопросами, которые он усваивал себе, которыми в минуту беседы жил. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъясняя его и давая ответ. Но в продолжение десяти-пятнадцати минут такой беседы решался не один вопрос: в это время преподобный вмещал в своем сердце всего человека – со всеми его привязанностями, желаниями – всем его миром внутренним и внешним. Из его слов и его указаний было видно, что он любит не одного того, с кем говорит, но и всех любимых этим человеком, его жизнь, все, что ему дорого. Предлагая свое решение, старец Амвросий имел в виду не просто одно само по себе дело, не зависимость могущих возникнуть от него последствий как для лица, так и для других, но имел в виду все стороны жизни, с которыми это дело сколько-нибудь соприкасалось. Каково же должно быть умственное напряжение, чтобы разрешать такие задачи? А такие вопросы предлагали ему десятки мирян, не считая монахов и полсотни писем, приходивших и отсылавшихся ежедневно. Слово старца было со властью, основанной на близости к Богу, давшего ему всезнание. Это было пророческое служение.

Для него не существовало тайн: он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь и его обстоятельства, и зачем он сюда пришел. Преп. Амвросий расспрашивал своих посетителей, но внимательному человеку по тому, как и какие вопросы он ставит, было ясно, что ему все известно. Но иногда, по живости природы, это знание обнаруживалось, что всегда приводило старца в смущение. Однажды к нему подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. У старца был еще один монах и несколько мирян. Не успел тот договорить: «...болит, шибко болит...», – как старец его перебил: «И будет болеть, зачем мать обидел?». Но сразу смутился и продолжал: «Ты ведешь-то себя хорошо ли? Хороший ли ты сын?»

Старца Амвросия нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как-то весело, тепло и хорошо, без заботливого взора, который говорит, что вот он сейчас для вас придумывает и скажет что-нибудь очень хорошее; без того оживления во всем – в движениях, в горящих глазах – с которым он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живет и что вы ему ближе, чем сами себе.

От живости старца выражение лица его постоянно менялось. То он с лаской глядел на вас, то смеялся с вами одушевленным молодым смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление. Когда вы хотели, чтобы он сказал, как вам поступить, то решительно принимался качать головой, когда он отсоветывал какую-нибудь вещь, то разумно и подробно глядя на вас, все ли вы понимаете, начинал объяснять, как надо устроить ваше дело.

Во все время беседы на вас зорко глядят выразительные черные глаза старца. Вы чувствуете, что эти глаза видят вас насквозь, со всем, что в вас дурного и хорошего, и вас радуется, что это так, что в вас не может быть для него тайны.

Голос у него был тихий, слабый, а за последние месяцы он переходил в еле слышный шепот.

Чтоб понять, хоть сколько-нибудь, подвижничество преп. Амвросия, надо себе представить, какой труд говорить более двенадцати часов в день, когда язык от усталости отказывается действовать, голос переходит в шепот и слова вылетают с усилием, еле выговариваемые. Нельзя было спокойно смотреть на страшно утомленного старца, видя его голову, падающую на подушку; слыша, как язык его еле говорит, когда он при этом старался подняться, подробно рассуждать о том, с чем к нему приходили.

Созидающая деятельность у него была в крови. Он часто научал других предпринять какое-нибудь дело, и когда к нему приходили сами за благословением на подобную вещь частные люди, с горячностью принимался обсуждать и давать свои пояснения. Старец любил бодрых, сообразительных людей, соблюдающих слова «Сам не плошай», и давал благословение, а с ним и веру в удачу самым смелым предприятиям.

Один помещик, зять оптинского монаха, часто посещавший Оптину и преп. Амвросия, однажды пришел к нему. Старец обратился со словами: «Говорят (батюшка очень любил употреблять слово «говорят» для прикрытия своей прозорливости), говорят, около тебя выгодное имение продается, купи».

Помещик удивился. «Продается, батюшка, и как бы хорошо купить, да это мечта одна: имение большое, просят чистыми деньгами – хоть дешево, а у меня денег нет».

«Денег...», – повторил тихо старец, – деньги-то будут». Потом они перешли к другим разговорам. На прощание преп. Амвросий сказал: «Слышишь – имение-то купи». Помещик отправился домой на своих лошадях. По дороге жил его дядя, богатый, но страшно жадный старик, избегаемый всей родней. Так случилось, что пристать было негде и пришлось заехать к дяде. Во время беседы дядя спрашивает: «Отчего ты не купишь имение, которое около тебя продается: хорошая покупка!» А тот отвечает: «Что спрашиваешь, дядюшка! Откуда мне столько денег взять?». – «А если деньги найдутся: хочешь займы дам?». Племянник принял это за шутку, но дядя не шутил. Имение было куплено, и новый владелец приехал распорядиться. Не прошло еще и недели, барину докладывают, что пришли купцы торговать лес. Лес этого имения они хотели купить не весь, а часть его. Стали говорить о цене: «Мы с тобой, барин, торговаться не будем – цену сразу поставим», – и назвали ту цену, за которую было куплено все имение.

Приходит к преподобному состоятельный орловский помещик и, между прочим, объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблонево-садах. Старец уже весь охвачен этим водопроводом. «Люди говорят, – начинает он со своих обычных в подобных случаях слов, – люди говорят, что вот как всего лучше», – и подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать об этом предмете; оказывается, что старец описал последние изобретения по этой части. Помещик снова в Оптиной. «Ну, что водопровод?», – спрашивает преподобный. Вокруг яблоки гнили, а у этого помещика был богатый урожай яблок.

Приехала к старцу почетная женщина, о которой сочли нужным немедленно доложить ему. «УКменя все равны, – сказал преподобный, – мышка и маленькая, да пойдешь, поймай ее».

Мелочей для старца не существовало. Он знал, что все в жизни имеет цену и свои последствия, и потому не было вопроса, на который бы он не отвечал с участием и желанием добра. Однажды остановила старца женщина, которая была нанята помещицей ходить за индюшками, но индюшки у нее почему-то умирали и хозяйка хотела ее рассчитать. «Батюшка, – обратилась она к нему со слезами, – сил моих нет; сама над ними не доедаю, пуще глаз берегу, а колют. Согнать меня барыня хочет. Пожалей меня, родимый». Присутствующие смеялись над ней, а старец с участием спросил ее, как она их

кормит, и дал ей совет, как их содержать иначе, благословил ее и отпустил. Тем же, которые смеялись над ней, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. После сделалось известным, что индюшки у бабы уже не умирали.

Что касается исцелений, им не было числа и перечислить их в этом кратком очерке невозможно. Эти исцеления старец всячески прикрывал. Посылал больных в Пустынь к преп. Тихону Калужскому, где был источник. До старца Амвросия в этой Пустыни не было слышно об исцеленных. Можно думать, что преп. Тихон стал исцелять по молитве старца. Иногда преп. Амвросий посылал больных к Святителю Митрофану Воронежскому. Бывало, что исцелялись по пути туда и возвращались назад благодарить старца. Иногда он, как бы в шутку, стукнет рукой по голове – и болезнь проходит. Так однажды чтец, читавший молитвы, страдал сильной зубной болью. Вдруг старец ударил его. Присутствующие усмехнулись, думая, что чтец, верно, сделал ошибку в чтении. На деле же у него прекратилась зубная боль. Зная такую привычку старца, некоторые бабы обращались к нему: «Батюшка Абросим! Побей меня, у меня голова болит».

Люди исцелялись не только от немощей, но и от неизлечимых болезней.

Приведем один случай. Рассказывала монахиня Шамординской общины Агриппина. «Весной 1882 года на Пасху заболело у меня горло, образовалась в нем рана, и я не могла ни есть, ни пить. Доктор объявил, что у меня горловая чахотка и я должна ожидать смерти. Отправилась к батюшке, он и говорит мне: «Из колодезя, что за скитом, бери в рот воды, и ежедневно полощи горло до трех раз». Через три дня он сам позвал меня к себе. Достав из под подушки три яйца и скушав желтки, вложил белки один в другой. Потом благословил о. Иосифу, келейнику, принести воды из колодезя. Благословив воду, он велел ею растереться, вернувшись к себе в келью, а яичные белки съесть.

По приходе в келью меня растерли водой и дали мне яичные белки, которые я проглотила без боли. После этого я спала целые сутки и, проснувшись, почувствовала, что болезнь моя прошла и я совершенно выздоровела. Не медля, я отправилась к старцу. Монахини меня не узнали, подумав, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же меня встретил и благословил, сказал, что меня исцелил св. Тихон Калужский. С тех пор я не страдала горлом. Когда я объявила доктору о своем исцелении, он сказал, что это совершилось надо мною чудо, и что болезнь моя естественными средствами не могла быть вылечена».

Иван Михайлович Концевич во время войны в 1915 году провел летние каникулы в Оптиной Пустыни. Ежедневное хождение в скит всегда было поучительно для молодого студента, но старцы, занятые приезжими посетителями, которые к ним приходили со всякими скорбями, специально не уделяли времени юному пришельцу. Они отдали его «на воспитание» отцу Иосифу (Полевому), опытному в духовной жизни, прожившему в Оптиной десятки лет. В миру директор банка, он был широко образованным человеком. В течение двух месяцев, проведенных Иван Михайловичем в Оптиной, часто после церковных служб о. Иосиф приглашал его в свою келью. В беседе с ним перед молодым студентом раскрывался духовный мир.

От о. Иосифа Иван Михайлович услышал случай из жизни старца Амвросия, не попавший в его жизнеописание.

Однажды старец Амвросий, согбенный, опираясь на палочку, откуда-то шел по дороге в скит. Вдруг ему представилась картина: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней плачет крестьянин. Потеря лошади-кормилицы в крестьянском быту ведь сущая беда! Приблизившись к павшей лошади, старец стал трижды медленно ее обходить. Потом, взяв хворостину, он стегнул лошадь, прикрикнув на ее: «Вставай, лентяйка!», – и лошадь послушно поднялась на ноги.

Старец поучал народ народными же пословицами и поговорками с присущим ему юмором. Самую глубокую мудрость вкладывал он в меткие и остроумные слова, для более легкого усвоения и запоминания.

Например: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного».

«Не хвались горох, что ты лучше бобов: размокнешь, сам лопнешь».

«Отчего человек бывает плох? – оттого, что забывает, что над ним Бог».

«Кто мнит о себе, что имеет нечто, тот потеряет».

«Благое говорить – серебро рассыпать, а благоразумное молчание – золото».

Одной особе, стыдившейся признаться в грехе, он сказал: «Сидор да Карп в Коломне проживают, а грех да беда с кем не бывают?». Она залилась слезами, бросилась старцу в ноги и призналась в своем грехе.

«Праведных ведет в Царство Божие апостол Петр, а грешных – Сама Царица Небесная».

В день всех святых старец сказал: «Все они были, как и мы, грешные люди, но покались и, принявшись за дело спасения, не оглядывались назад, как жена Лотова». На замечание, что мы все смотрим назад, батюшка пояснил: «За то и подгоняют нас розгами и бичом, т.е. скорбями да неприятностями, чтобы не оглядывались».

Осуждавшей других преподобный говорил: «...у них, может быть, есть такое тайное добро, которое выкупает все другие в них недостатки и которых ты не видишь. В тебе же много способности к жертве. Но Господь сказал: Милости хочу, а не жертвы (Ос. 6, 6). А милости-то у тебя и мало... Свои жертвы видишь и ими превозносишься. Смиряться больше духом – смирение и дела заменяет. Терпи все невзгоды и предавайся Богу».

Таковыми и многими другими словами поучал и спасал он приходящий к нему народ.

Старцу, как и другим святым, было свойственно являться, по мере нужды, людям, находившимся в обстоянии, или наяву, или во сне, для оказания им помощи. Вот несколько случаев.

Прибыл к старцу в Шамордино человек Божий именем Гаврюша, лет сорока от роду, один из тех, кого Господь уподобил детям, сказав, что таковых есть Царствие Божие (Лк.К18, 16). Он жил в Ливенском уезде Орловской губернии и был расслаблен: трясся всем телом и еле мог говорить и принимать пищу; ноги его не действовали. Он лежал и молился Богу. Замечали, что ему многое открыто. Последнюю весну ему явился старец Амвросий, и он встал на ноги и объявил, что идет в Шамордино. Но так как ноги его были весьма слабы и походка неровная, то мать хотела его возить по железной дороге, но он пошел пешком. Старца он встретил под Шамординым. Тот тихо ехал откуда-то. Вокруг него был народ. «Батюшка, – закричал Гаврюша своим малопонятным языком, – ты меня звал, я пришел». Преподобный тотчас вышел из экипажа, подошел к нему и сказал: «Здорово, гость дорогой! Ну, живи тут»...

Передавал скитский иеромонах Венедикт: «Госпожа Карбоньер была тяжело больна и лежала на одре несколько дней не вставая. В одно время она увидела, что старец Амвросий входит в ее комнату, подходит к постели, берет ее за руку и говорит: «Вставай, полно тебе болеть». Она в то же время почувствовала себя настолько крепкой, что могла встать, и на следующий день отправилась пешком из г. Козельска в Шамордино, где проживал тогда батюшка, поблагодарить его за исцеление. Батюшка ее принял, но разглашать об этом до кончины своей не благословил».

Другой рассказ: «Выйдя из ограды, я обратил внимание на какое-то особое движение в группе женщин. Какая-то, довольно пожилая, женщина с болезненным лицом, сидя на пне, рассказывала, что она шла с больными ногами пешком из Воронежа, надеясь, что старец Амвросий исцелит ее, и что, пройдя пчельник, в семи верстах от монастыря, она заблудилась, выбилась из сил, попав на занесенные снегом тропинки, и в слезах упала на сваленное бревно, но что к ней подошел какой-то старичок в подряснике и скуфейке, спросил о причине ее слез и указал ей клюкой направление пути. Она пошла в указанную сторону и, повернув за кусты, тотчас увидела монастырь. Все решили, что это монастырский лесник; в это время на крыльце показался келейник, который спросил: «Где тут Авдотья из Воронежа?». Все молчали, переглядываясь. Келейник повторил свой вопрос громче, прибавив, что ее зовет батюшка. «Голубушки мои! Да ведь Авдотья из Воронежа я сама и есть!», – воскликнула рассказчица с больными ногами. Все

расступились, и странница, проковыляв до крылечка, скрылась в его дверях.

Она вышла через пятнадцать минут и на вопросы, рыдая, отвечала, что старичок, указавший ей дорогу в лесу, был не кто иной, как сам о. Амвросий или кто-либо уж очень похожий на него. Что ж это такое? Сам о. Амвросий зимой никогда не выходил из кельи, а похожего на него в монастыре нет. И как он мог в самый момент ее прихода к его «хибарке» знать, кто она и откуда пришла?» – спрашивал себя очевидец.

Преп. Амвросий, явившийся наяву, трижды настойчиво будил одну сельскую матушку, говоря, что сейчас ее мужа убьют. Бросившись к мужу, ей действительно удалось помешать совершиться убийству. Этот рассказ стал известен в Оптиной Пустыни от нее лично, когда она приехала благодарить старца за спасение.

А вот рассказ слепого монаха о. Иакова, взятый из дневника С. Нилуса «На берегу Божией реки», печатавшегося в Троице-Сергиевой Лавре.

«Было это, – говорит он, – лет двадцать пять тому назад. В то время я еще был только рясофорным послушником и нес послушание канонарха. Как-то раз случилось мне сильно смутиться духом да так смутиться, что хоть уходи из монастыря. Как всегда бывает в таких случаях, вместо того, чтобы открыть свою душевную смуту старцу, а тогда у нас старцем был великий батюшка о. Амвросий, я затаил ее в своем сердце и тем дал ей такое развитие, что почти порешил в уме уйти и с послушания, и даже вовсе расстаться с обителью. День ото дня помысел этот все более и более укреплялся в моем сердце и, наконец, созрел в определенное решение: уйду! Здесь меня не только не ценят, но еще и преследуют: нет мне здесь места, нет и спасения! На этом решении я и остановился, а старцу, конечно, решения своего открыть и не подумал. В таких случаях, подобных моему, теряется и вера к старцам – такие-ж, мол, люди, как и мы все грешные... И, вот, придя в келью от вечернего правила, – дело было летом, – я в невыразимой тоске прилег на свою койку и сам не заметил как задремал. И увидел я во сне, что пришел я в наш Введенский собор, а собор весь переполнен богомольцами, и все богомольцы, вижу я, толпятся и жмутся к правому углу трапезной собора, – туда, где у нас обычно стоит круглый год Плащаница до выноса ее к Страстям Господним.

– Куда, – спрашиваю, – устремляется этот народ?

– К мощам святителя Тихона Задонского! – отвечают.

Да, разве, – думаю я, – святитель у нас почивает? Ведь он в Задонске! Тем не менее и я направляюсь вслед за другими богомольцами к тому углу, чтобы приложиться к мощам великого угодника Божия. Подхожу и вижу: стоит передо мною на возвышении рака; гробовая крышка закрыта, и народ прикладывается к ней с великим благоговением. Дошла очередь и до меня. Положил я перед ракой земной поклон и только стал восходить на возвышение, чтобы приложиться, смотрю – открывается передо мной гробовая крышка и во всем святительском облачении из раки подымается сам Святитель Тихон. В благоговейном ужасе падаю я ниц и, пока падаю, вижу, что это не Святитель Тихон, а наш старец Амвросий, и что он уже не стоит, а сидит и спускает ноги на землю, как бы желая встать мне навстречу...

– Ты что это? – прогремел надо мной грозный старческий голос.

– Простите, батюшка, Бога ради, – пролепетал я в страшном испуге.

– Надоел ты мне со своими «простите»! – гневно воскликнул старец.

Передать невозможно, какой объял в ту минуту ужас мое сердце, и в ужасе этом я проснулся.

Вскочил я тут со своей койки, перекрестился... В ту же минуту ударили в колокол к заутрени, и я отправился в храм, едва придя в себя от виденного и испытанного.

Отстоял я утрению, пришел в келью и все думаю: что бы значил поразивший меня сон? Заблаговестили к ранней обедне, а сон у меня все не выходит из головы. Я даже и отдохнуть не прилег в междучасие между утреней и ранней обедней. Все, что таилось во мне и угнетало мое сердце столько времени, все это от меня отступило, как будто и не бывало и только виденный мною сон один занимал все мои мысли.

После ранней обедни я отправился в скит к старцу. Народу у него в это утро было, кажется, еще более обыкновенного. Кое-как добрался я до его келейника о. Иосифа, и говорю ему:

– Мне очень нужно батюшку видеть.

– Ну, – отвечает он, – вряд ли, друг, ты ныне до него доберешься: сам видишь, сколько народу! Да и батюшка что-то слаб сегодня.

Я решил просидеть хоть целый день, только бы добиться батюшки. Комнатку, в которой, изнемогая от трудов и болезней, принимал народ на благословение старец, отделяла от меня непроницаемая стена богомольцев. Казалось, что очередь до меня никогда не дойдет. Помысел мне стал нашептывать: «Уйди! Все равно не дождешься!..», – Вдруг слышу голос батюшки:

– Иван (меня в рясофоре Иваном звали), – Иван, пойд скорей ко мне сюда!

Толпа расступилась и дала мне дорогу. Старец лежал, весь изнемогши от слабости, на своем диванчике.

– Запри дверь, – сказал он мне еле слышным голосом. Я запер дверь и опустился на колени перед старцем.

– Ну, – сказал мне батюшка, – а теперь расскажи мне, что ты во сне видел!

Я обомлел: ведь о сне этом только и знали, что грудь моя и подоплека. И при этих словах изнемогший старец точно ожил: приподнялся на своем страдальческом ложе и бодрый и веселый стал спускать свои ноги с дивана на пол совсем так, как он их спускал в моем сновидении. Я до того был поражен прозорливостью батюшки, особенно тем способом, которым он открыл мне этот дар благодати Божией, что я вновь, но уже наяву, пережил то же чувство благоговейного ужаса и упал головой в ноги старца. И над головой услышал я его голос:

– Ты что это?

– Батюшка, – чуть слышно прошептал я, – простите, Бога ради!

И вновь услышал я голос старца:

– Надоел ты мне со своими «простите!»

Но не грозным укором, как в сновидении, прозвучал надо мною голос батюшки, а той дивной лаской, на которую он один и был способен, благодатный старец.

Я поднял от земли свое мокрое от слез лицо, а рука отца Амвросия с отеческой нежностью уже опустилась на мою бедную голову и кроткий голос его ласково мне выговаривал:

– Ну и как мне было иначе вразумить тебя, дурака? – кончил такими словами свой выговор батюшка.

А сон так и остался ему не рассказанным: да что его было и рассказывать, когда он сам собою рассказался в лицах! И с тех пор и до самой кончины великого нашего старца я помыслам вражиим об уходе из Оптиной не давал воли».

«Батюшка, – обратился к о. Иакову слушатель его повествования, – ну, а после о. Амвросия, к кому вы прибегаете со своими скорбями и помыслами?»

«Куда теперь ходить убогому Иакову? – ответил он на этот вопрос, – храм Божий да келья – только и есть у слепого две привычные дороги, по которым он ходит с палочкой и не спотыкается. А в больших скорбях Сам Бог не оставляет Своею милостью. Было это, скажу я вам, осенью позапрошлого года. В моей монашеской жизни совершилось нечто, что крайне расстроило весь мой духовный мир. В крайнем смущении, даже в гневе, провел этот день, когда мне эта скорбь приключилась, и в таком состоянии духа достиг я время совершения своего келейного правила. Приблизительно в девять часов вечера того памятного дня, нимало не успокоившись и не умиротворившись, я без всякого чувства, только лишь по 36-летней привычке, надел на себя полумантию, взял в руки четки и стал на молитву в святом углу, перед образницей. К тому времени, когда со мной случилась эта скорбь, я уже почти совсем ослеп – мог видеть только дневной свет, а предметов уже не видел... Так вот, стал я на молитву, чтобы совершить свое правило, хочу собраться с

мыслями, хочу привести себя в молитвенное настроение, но чувствую, что никакая молитва мне не идет и не пойдет на ум. Настроение моего духа было, приблизительно, такое же, как тогда, двадцать пять лет тому назад, о чем я вам только что рассказывал. – Но тогда жив был еще о. Амвросий, – думал я, – старец мой от дня моего поступления в обитель; ему была дана власть надо мной, а теперь я и убог, и совершенно одинок духовно; что мне делать? Оставалось одно: изливать свои гневные чувства в жестоких словах негодования, что я и делал. Укорял я себя в этом всячески, но оставить своего гнева не мог.

И вот, совершилось тут со мною нечто странное и необычайное: стоял я перед образами, перебирая левой рукой четки, и внезапно увидел какой-то необыкновенный ослепительный свет. Глазам моим представился ярко освещенный этим светом цветущий луг. И вижу я, что иду по этому лугу сам, и трепещет мое сердце от прилива неизведанного еще мною сладкого чувства мира души, радости, совершеннейшего покоя и восхищения от красоты и этого света, и этого неизобразимо прекрасного луга. И когда я в восторге сердечном созерцал всю радость и счастье неземной красоты этой, глазам моим в конце луга представилась невероятно крутая, высочайшая, совсем отвесная гора. И пожелало мое сердце подняться на самую вершину горы этой, но я не дал воли своему желанию, сказав себе, что человеческими усилиями не преодолеть страшной крутизны этой. И как я только помыслил, в то же мгновение очутился на вершине горы и из вида моего пропал тот прекрасный луг, по которому я шел, а с горы мне открылось иное зрелище: насколько мог объять мой взор открывшееся передо мной пространство, оно все было покрыто чудной рощей, красоты столь же неизобразимой человеческим языком, сколь и виденный ранее луг. И по роще этой были рассеяны храмы разной архитектуры и величины, начиная от обширных и величественных соборов и кончая маленькими часовнями, даже памятниками, увенчанными крестами. Все это сияло от блеска того же яркого, ослепительного света, при появлении которого предстало восхищенным глазам моим это зрелище. Дивясь великолепию этому, иду по горе и вижу, что предо мною вьется, прихотливо изгибаясь, узкая горная тропинка. И говорит мне внутреннее чувство сердца моего: тебе эта тропинка хорошо знакома, – иди по ней смело, не заблудишься! Я иду и вдруг, на одном из поворотов, вижу: сидит на камне незнакомый мне благообразный старец – таких на иконах пишут. Я подхожу и спрашиваю:

– Батюшка, благословите мне сказать, что это за удивительная такая роща и что это за храмы?

– Это, – ответил мне старец, – обители Царя Небесного, ихже уготова Господь любящим Его.

И когда говорил со мною старец, я увидел, что из всех этих храмов ближе всех стоит ко мне в этой дивной роще великолепный, огромных размеров храм, весь залитый сиянием дневного света. Я спросил старца:

– Чей это, батюшка, храм?

– Этот храм, – ответил он мне, – оптинского старца Амвросия.

В это мгновение я почувствовал, что из рук моих выпали четки и, падая, ударили меня по ноге.

Я очнулся.

И как стал я в девять часов на молитву, в том же положении я и очнулся от бывшего мне видения: стою в полумантии пред своими иконами, только стенные часы мои мерно постукивают маятником. Заблаговестили к заутрени: был час по полуночи.

Видение мое продолжалось, таким образом, четыре часа. И отпала от меня всякая скорбь, и со слезами возблагодарил я Господа, утешившего меня за молитвы того приснопамятного, чей храм в обителях Царя Небесного стоял ко мне ближе всех остальных виденных мною храмов».

Далеко не всем давалось видеть старца Амвросия во время его жизни в ореоле его святости и понимать все его действия, как совершаемые по наитию свыше. Требовалась

духовная восприимчивость. Но вот несколько рассказов тех лиц, которые сподобились видеть старца в состоянии благодатного озарения.

«Преподобный не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Читали молебный канон Богородице. Один из скитских иеромонахов решил в это время подойти к батюшке. Глаза о. Амвросия были устремлены на небо, лицо сияло радостью, яркое сияние почил на нем, так что этот священноинок не мог его вынести».

Такие случаи, когда исполненное дивной доброты лицо старца чудесно преображалось, озаряясь благодатным светом, почти всегда происходили в утренние часы, во время или после его молитвенного правила.

Однажды старец с вечера назначил прийти к себе двум супругам, имевшим до него важное дело, в тот час утра, когда он не начинал еще приема. Они вошли к нему в келью. Старец сидел на постели в белом монашеском балахоне и в шапочке. В руках у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно как-то просветлело и все в кельи его приняло вид какой-то торжественности. Пришедшие почувствовали трепет и вместе с тем их охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить слова и долго стояли в забытьи, созерцая лик старца. Вокруг было тихо, и преподобный молчал. Они подошли под благословение. Он безмолвно осенил их крестным знаменем. Они еще раз окинули взором эту картину, чтобы навсегда сохранить ее в сердце. Старец, все с тем же преображенным ликом, был погружен в созерцание. Так они и вышли от него, не сказав ни слова.

Другой случай. Пришел, по обычаю, к старцу, в конце утреннего правила его письмоводитель – скитский иеромонах Венедикт. Старец, отслушав правило, сел на свою кровать. Отец Венедикт подходит под благословение и, к великому своему удивлению, видит лицо старца светящимся. Но лишь только он получил благословение, как этот дивный свет скрылся.

Спустя немного времени, о. Венедикт опять подошел к старцу, когда уже тот находился в другой келье и занимался с народом, и в простоте своей спросил: «Или вы, батюшка, видели какое видение?». Старец не сказал ему ни слова, только слегка стукнул по голове его рукой: знак старческого благоволения.

Еще рассказ о игумена Марка. «В бытность старца в Шамординской обители, – пишет он, – однажды, на Страстной неделе я, как готовившийся к причастию Божественных Таин, вхожу к нему в келью для исповеди и, к изумлению моему, вижу на его лице полную сосредоточенность, глубокое внимание к чему-то им созерцаемому и трепетное благоговение. Лицо его при этом было покрыто радостным румянцем. Увидев сие, я подался обратно из кельи и только спустя некоторое время вошел к старцу».

А Шамординские монахини рассказывают, что им нередко приходилось видеть лицо старца прославленным неземной славой.

Преданная духовная дочь записала следующее:

«Батюшка говорил с кем-то в толпе и смотрел прямо на кого-то. Вдруг я вижу, из глаз его, на кого-то устремленных, вышли два луча, как бы солнечных. Я замерла на месте. И все время так было, пока старец смотрел на кого-то».

«В десятом часу вечера, уже перед отпуском всего народа, батюшка позвал меня, но не одну, а с дочерью. Когда я стала пред ним на колени, он обернулся ко мне и сказал: «Спите и почивайте, покойной вам ночи». Я испугалась: «Родной мой батюшка! Оставьте меня одну, хотя на минутку, я ничего вам не сказала». Батюшка оставил. В келье его горели лампадка и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: «Батюшка! Что сказать вам еще? В чем покаяться? – забыла». Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постели, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей кельи. Я невольно, на коленях, повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост, поднял голову и воздел руки свои вверх, как бы в молитвенном положении. Мне

представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его голову и лицо. Помню, что потолка в келье как будто не было – он разошелся, а голова старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: «Помни – вот до чего может довести покаяние. Ступай!» Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь горько проплакала о своем неразумии и нерадении. Рано утром нам подали почтовых лошадей, и мы уехали. При жизни старца я не смела никому рассказать этого. Он мне раз и навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозой: «А то лишишься моей помощи и благодати».

Основание Шамординского монастыря и кончина старца

Шамордино расположено в восхитительной местности – на широкой луговине над крутым обрывом. Густой лиственный лес лепится по почти отвесному скату. А там, глубоко внизу, изгибается серебряной лентой речка Сирена. За нею привольные луга, а дальше взбегающая кое-где холмистыми перекатами равнина сливается с горизонтом, оттенками в иных местах далекими борами или перелесками.

Усадьба Шамордино в версте от деревни того же имени и в стороне от большой калужской дороги. Она принадлежала небогатому помещику Калыгину, жившему здесь со старушкой-женой. В 1871 г. имение это в двести десятин земли было куплено послушницею старца вдовою богатого помещика Ключаревой (в иночестве Амвросией). И она, и покойный ее муж, чрезвычайно уважали старца и во всем ему подчинялись. Они, по благословию старца, разлучась друг с другом, проходили жизнь иноческую. Вот эта мать Амвросия и стала владелицей Шамордина. За год до продажи имения старику Калыгину было видение: ему представлялась в его имении церковь в облаках. У матери Амвросии были две внучки-близнецы от ее единственного сына. Потеряв первую жену – мать этих девочек, молодой Ключарев женился вторично, а девочки жили у бабушки. Для этих внучек мать Амвросия и отвела Шамординскую усадьбу, где все было поновлено, поставлен новый дом. Мать Амвросия часто приезжала в Шамордино из Оптиной, где она постоянно жила в особом корпусе в окрестностях монастыря. Посещал усадьбу и старец, от которого не раз слышали тут слово: «У нас здесь будет монастырь». Ходит, бывало, старец по усадьбе, осматривает все, вдруг остановится на каком-нибудь месте, велит вымерить его длину и ширину и поставит колышки. Уже тогда, зная, по прозорливости своей, что здесь возникнет обитель, старец обдумывал и прикидывал, где какие будут постройки.

В Шамордине вместе с маленькими барышнями Ключаревыми поселились некоторые бывшие крепостные матери Амвросии, искавшие тишины и молитвы, так что жизнь здесь шла вроде монашеской.

Бабушка, уверенная, что внучки ее будут жить в миру, старалась дать им хорошее светское воспитание. Когда они стали подрастать, бабушка просила старца благословить ей приискать для них французенку, чтобы их обучить бегло говорить по-французски и следить, чтобы они одевались наряднее. Но старец не позволил ей этого сделать, что ее сильно огорчило.

Девочки были крестницами преподобного и с раннего детства отличались глубокой набожностью. Они часто молились, очень любили оптинские длинные службы и так твердо знали порядок Богослужения, что сами проводили всенощные. Они подвижничили, отказывались от мяса и ели лишь по убеждению старца Амвросия. Бабушка выражала опасения, что они повредят тем свое здоровье, а преподобный отвечал ей: «Пусть молятся – они слабого здоровья». Старушка не понимала слов прозорливого старца, который другим прямо говорил о своих крестницах: «Ничего, они знают, что готовятся туда».

Желая обезпечить благосостояние внучек и вследствие настойчивых советов старца, мать Амвросия приобрела еще три дачи: Руднево, Преображенское и Акатово, не совсем понимая, к чему покупается такое количество леса, точно собираются строить целый

город. Положила она на имя внучек и капиталец, причем было оговорено, что в случае смерти их в Шамординской усадьбе должна быть устроена женская община, и для обеспечения ее дела послужат три упомянутые дачи и капитал, положенный на имя барышень Ключаревых.

13 марта 1881 года мать Амвросия скончалась, и оставшиеся после нее в еще большем сиротстве десятилетние внучки, унаследовав эти имения, продолжали жить со своими нянями, воспитательницей и сестрами-послушницами в Шамордине.

Так прошел год. Сиротки-сестры Вера и Любовь жили той же тихою жизнью, горячо любя друг друга и никогда не расставаясь. Они не знали детских шалостей, одевались просто, ценили иноческую жизнь, монашеское Богослужение. В крестницах старца все сильнее разгорался огонек любви к Богу. Не раз говорили они своим няням: «Мы не хотим жить более двенадцати лет: что хорошего в этой жизни?»

Между тем отец их не одобрял уединенную жизнь сестер и определил их в Орел в пансион; на лето 1883 года была приготовлена для них дача. Всей душой рвались сиротки из непривычного для них мира под крылышко старца Амвросия. В мае они, прежде чем поселиться на даче, приехали в Оптину. Тридцать первого мая обе они заболели дифтеритом. Их положили в разных комнатах, исповедовали, приобщили. Пока хватало у них сил, они часто писали батюшке записочки, в которых просили его св. молитв и благословения.

4 июня скончалась Вера, а за нею последовала Любовь.

Теперь нужно было, во исполнение воли матери Амвросии, учредить в Шамордине женскую общину.

Шамординская обитель прежде всего удовлетворяла ту горячую жажду милосердия к страждущим, которою всегда полон был преп. Амвросий. Сюда он посылал многих беспомощных.

Приходит к батюшке молодая женщина, оставшаяся больною вдовою в чужой семье. Свекровь ее гонит и говорит: «Ты, горемычная, хоть бы удавилась: тебе не грех». Старец выслушивает ее, всматриваясь в нее, и говорит: «Ступай в Шамордино». Муж бросил тяжело больную жену: ее летом привезли к старцу. Преподобный вышел к ней, благословил и шутливо проговорил: «Ну, этот хлам-то у нас сойдет: отвезите ее в Шамордино».

Из безприютных детей составилась обширный Шамординский приют. Старец любил, бывая в Шамордине, приходить в этот приют. Дети нежно теснились к нему, и он садился среди них на лавку. Они запевали ему сочиненную в честь него песнь: «Отец родной» или пели тропарь «Казанской» иконе, которой посвящена обитель. При детском пении переполненное любовью сердце старца трепетало, и слезы ручьем текли по бледным, впавшим щекам его.

Число сестер старцевой обители под конец превысило пять сотен. Был воздвигнут громадный многоглавый храм, замечательная трапезная, и благотворительная деятельность все более и более расширялась.

Первой настоятельницей обители была Софья Михайловна Астафьева, урожденная Болотова, окончившая жизнь в подвигах. Затем игумения Евфросиния, усердная послушница старца. Последней настоятельницей была мать Валентина.

Скажем несколько слов о первой шамординской игумении Софии, сестре оптинского иеромонаха-художника о. Даниила (Болотова).

Мать София была незаменимой помощницей старца по устройению юной обители, его, что называется, «правой рукой». К сожалению, ее управление продолжалось недолго. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную, и дела хозяйственные, всю душой преданная старцу, она, под его непосредственным руководством вступив на путь иноческой жизни и приняв самое тяжелое в обители послушание начальницы, стала подвизаться с великой ревностью. В мокрую, холодную погоду в осеннее время, случалось, по целому дню, с утра и до вечера, ходила она сама по всей обители, следя за

различными монастырскими работами, и уж к ночи возвращалась в свою келью, вся промокшая и прозябая. Эти труды и заботы, в соединении со строгой подвижнической жизнью, вскоре сломили ее крепкое здоровье. Кроме того, мать София несла еще личный крест: отрекшись от мира, она пожертвовала своим материнским чувством к дочери, которую теперь уже не она воспитывала. Много было ею пролито слез в ночной тиши. Она постепенно стала чахнуть и, мало-помалу таяла, как свеча; наконец, 24 января 1888 года уснула вечным сном праведницы, получив от Господа воздаяние, соответствующее ее великой ревности и трудам. Старец Амвросий при воспоминании о ней говаривал нередко с особенным чувством умиления: «Ах мать! Обрела милость у Бога!»

Ввиду увеличивающегося все время числа сестер в обители, старец Амвросий не мог сам быть духовником каждой из них. Потому он передал многих духовничеству преподобного Анатолия (Зерцалова), который относился к ним с самой заботливой отеческой любовью, как это видно из его «Писем к монахиням».

В начале ее деятельности мать София нашла в Шамордине всего лишь очень скромные строения: деревянный дом с домашней церковью и несколько изб для жилья сестер – вот и все! Ни денег, ни имущества, ни запасов. А между тем население обители с каждым днем увеличивалось. Старец посылал в обитель не только работоспособных сестер, но еще больше больных и калек. Кроме того, к нему приносили детей, брошенных на произвол судьбы. Бедные дети, покрытые грязными тряпками, часто с золотушными ранами на теле – всех их он посылал в Шамордино. Население все увеличивалось, а средства уменьшались, но мать София не падала духом. Как магнит притягивает железо, так обаятельная личность матери Софии стала привлекать в обитель самых разнообразных лиц: дворян, купцов, ремесленников, благотворительниц, в том числе занимавших заметное положение в обществе. Постепенно Шамордино стало отстраиваться, украшаться зданиями; твердо водворился устав Оптиной Пустыни. Но, увы, как выше сказано, недолго наслаждалась обитель миром и духовной радостью под ее водительством.

По кончине матери Софии, преподобным Амвросием была избрана настоятельницей мать Евфросиния Розова. Столь же глубоко верующая, столь же преданная старцу, она не имела блестящих талантов администратора и духовного вождя, какими отличалась мать София, и преподобному пришлось взять на себя все хлопоты по устройству обители, для чего он не один раз лично посещал обитель, где и скончался в 1891 году 10 октября, зазимовав там по случаю болезни.

Старец отбыл в Шамордино летом 1890 года. Жизнь его там была сопряжена с многими трудностями. «Матери и сестры, я у вас здесь на кресте!», – говорил он монахиням. И действительно, жизнь его, по словам близких лиц, была в это время невозможно трудная. Ни днем, ни ночью он не имел покоя: и по неудобству помещения, которое до самой его кончины все только устраивалось и подготавливалось, и от множества дел и окружавшего его народа. Болело сердце его и за оптинцев, оставшихся без своего духовного руководителя. Когда являлся к нему кто-нибудь из них, батюшка уже не заставлял его долго ждать, а с особенной любовью принимал и утешал. После Пасхи 1891 года настоятельница обители тяжело заболела и ослепла. Она хотела подать в отставку, но старец не благословил: «Сама не подавай, а если велит подать начальство, то подай». К довершению всех скорбей, епархиальное начальство негодовало на него за его отлучку из Оптиной. Были придуманы всякие клеветы на старца. Уже в начале 1891 года преподобный знал, что ему предстоит скоро умереть.

– Первого января, – рассказывают сестры, – в самый первый день 1891 года, утром, после обедни, старец вышел к сестрам особенно задумчивым, серьезным: сев на диван, он неожиданно начал читать стихотворение: «Лебедь на берегах Меандра песнь последнюю поет».

– А мы, – шутливо заметил старец, – могли бы переделать так: «Лебедь на берегах Шамандра песнь последнюю поет». И объяснил, что лебедь поет только одну песнь – это

перед своей кончиной.

Тогда никто не понял, что он говорил о себе, о своей кончине в том году. Предчувствуя ее, преподобный особенно поспешно старался устроить монастырь. Так, было построено много новых келий в Шамордине, благоустроен хутор в Руднево, в котором старец предсказал, что будет церковь, что и совершилось после его кончины. В конце сентября он заболел болезнью ушей, соединенной с простудой, и постепенно начал таять... Между тем, недовольный архиерей собирался лично явиться в Шамордино и в своей карете вывезти старца. Сестры обращались к преподобному с вопросами:

– Батюшка! Как нам встречать владыку?

Он отвечал:

– Не мы его, а он нас будет встречать!

– Что для владыки петь?

Старец сказал:

– Мы ему пропоем «аллилуия».

И действительно, архиерей застал его уже в гробу и вошел в церковь под пение «аллилуия».

Траурная процессия с гробом старца сопровождалась более чем тысячной толпой. Шел дождь, но свечи не гасли. По дороге из Шамордина в Оптину Пустынь останавливались у каждой деревни и служили литию. На другой день было совершено отпевание архиерейским служением и произнесен ряд знаменательных слов. Смерть старца была всероссийским горем, но для Оптиной и Шамордина и для всех духовных чад оно было безмерно.

Шамординский монастырь со строящимся собором, с его множеством насельниц, детским приютом и призреваемыми калеками остался без своего попечителя и прилива средств. Но вот, что нам стало известно из бесед с шамординской монахиней Александрой (Гурко). Чайный торговец Перлов с семьей были в числе духовных чад старца. Ему явилась во сне Божия Матерь и велела принять на себя попечение о Шамординской обители. Перлов отвечал, что на нем лежит бремя чайной торговли, но Матерь Божия обещала ему взять на Себя эту торговлю. После этого Перлов уже не щадил ни сил, ни средств для помощи Шамординской обители. Туда потек его капитал.

В Оптиной Пустыни было принято пить перловский чай, этому следовали и верные оптинские посетители.

Пишущие эти строки обратились к прот. о. Иоанну Григору-Клочко, который хоронил в Париже госпожу Перлову, с просьбой написать нам все, что ему о ней известно. Ответ был такой: «Письмо от 5 сентября 1956 года. Относительно старушки Перловой (она была в тайном постриге), умершей от молниеносной грудной жабы, то она, как мне рассказывали дети, в течение получаса разговаривала с необычайной радостью на лице с оптинскими старцами, называя их поименно. Дети думали, что она бредит, и всячески лаской старались успокоить ее, а она, переводя на них совершенно ясный взгляд, говорила: «Ну как вы не понимаете, как там хорошо». И опять устремляла взгляд в неведомую даль и продолжала восторженную беседу. Я немало видел покойниц, старых людей, но такого светлого лица, как было у этой покойной, не помню: оно точно светилось, как освещенный фарфор».

Преподобный Амвросий

ЧУДЕСА

Случаи прозорливости старца из рассказов монашествующих

Случаи прозорливости старца Амвросия были многочисленные и нередко

поражительные. Ознакомимся с некоторыми из них. Нижеприводимые случаи взяты из «Жизнеописания в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия», в двух частях, 1900 г.

Преосвященнейший епископ Калужский Макарий изволил передать о себе следующее. Когда он был еще мирским священником, законоучителем в Орловском институте благородных девиц, пришлось ему, вместе с о. ректором Орловской Духовной семинарии архимандритом Н., быть в Оптиной Пустыни у старца Амвросия. Побеседовав с гостями, старец на прощание подарил им обоим по книжке одинакового содержания, именно – о монашестве. «Я, как священник, – говорил владыка, – подумал тогда, к чему мне такая книга?». И старец, как бы опомнившись, сказал: «Да, вам бы не то, – но затем присовокупил: – Ну, да так и быть». По времени овдовев, бывший священник и законоучитель, как известно, принял монашество.

Рассказывал бывший благочинный Оптиной Пустыни иеросхимонах Иларион: «Живя в миру, я ежегодно ездил в Оптину Пустынь, где в числе братства находился мой брат иеродиакон Пафнутий. В каждый из таких приездов я считал долгом быть у батюшки Амвросия и принять от него благословение. Однажды старец и говорит мне: «Пора к нам». Отвечаю ему: «Узы держат, батюшка – я женат». На это старец сказал: «Еще не созрел!» В тот же год померла моя мать, а чрез два года я поступил в Оптину. Так исполнилось приглашение старца «пора к нам». Вместе со мною прибыла и жена моя, и жила почти тринадцать лет на скотном дворе монастыря. Скончалась в 1882 году, приняв келейно постриг в схиму».

Был в скиту уставщик иеромонах о. Палладий. Отслужил он, однажды, в скитской церкви в воскресный день Литургию, чувствуя себя здоровым. Но вот батюшка в тот же день присылает к нему келейника и велит ему немедленно собороваться и постричься в схиму. О. Палладий был очень этим удивлен и сказал келейнику, что он здоров. Батюшка еще в другой и третий раз присылает к нему келейника с тем же предложением, но тот продолжал отказываться. Наступил понедельник. Утром в этот день батюшка в четвертый и последний раз присылает к о. Палладию келейника опять с тем же предложением. Но пока он делал приготовления к соборованию, с ним сделался удар. Впрочем, хотя отнялся у него язык, однако он был в памяти. Его успели особоровать и причастить Св. Христовых Тайн. Вечером в тот же день он и скончался.

После кончины моего брата я, по благословию батюшки Амвросия, отправился домой и привез с собой двух сирот – племянника лет десяти и племянницу лет семи. Мальчика определил в монастырскую рухлядную, а девочку поместил в приют Шамординской общины. Спустя года полтора после этого, получил я из Шамордина известие, что девочка опасно заболела. Прихожу к старцу и сказываю ему свою печаль. Старец спрашивает об этом у сестер, приехавших в тот же день из Шамордина, но они сказали, что девочке лучше, и опасности никакой нет. Так я и ушел от батюшки. Но после узнал от других, что в тот же день, по уходе от старца братии, часов около одиннадцати вечера, он вдруг подошел к иконе и начал петь: «Со святыми упокой». Оказалось, что в это самое время скончалась моя племянница в Шамординском приюте.

Прозорливость старца Амвросия по рассказам мирских лиц

«В Тамбовской губернии, – пишет г-жа Шишкова, – родственница о. Амвросия была замужем за священником Троекуровского женского монастыря в двадцати верстах от нашего имения. При назначении мужа ее в эту обитель священником она ездила к батюшке испросить благословения постройиться там, ибо до тех пор находилась в наемном неудобном помещении. Батюшка не дал ей на это благословения, сказав: «Подожди еще десять лет, а там – что Бог даст». Жена священника с нетерпением ожидала приближения этого десятого года. Ей прискучило жить в чужом доме, и она неоднократно говорила монахиням: «Что-то будет в нынешнем году, ведь это десятый год, не случилось бы чего с нами, как бы не умер муж мой». Он был болезненный. Но вот приблизился конец десятого

года, и внезапно заболевает жена священника; делается жар, горячка, а на третьи сутки ее уже не стало. Священник, как вдовец, должен был оставить женскую обитель».

Приезжают к старцу из Петербурга две сестры. Младшая – невеста, с веселым настроением; старшая – тихая, задумчивая, богомольная. Одна просит благословения вступить в брак, а другая в монастырь. Старец невесте подает четки, а старшей говорит: «Какой монастырь? – Ты замуж выйдешь, да не дома – вот тебе что», – и назвал губернию, куда они никогда не ездили. Обе возвращаются в столицу. Невеста узнает, что жених ей изменил. Это произвело в ней страшную перемену, потому что ее привязанность была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ее мысли обратились к Богу, и вскоре она поступила в монастырь. Между тем старшая получила письмо из дальней губернии от забытой тетки, набожной женщины, жившей по соседству с женским монастырем. Она звала ее присмотреться к жизни монахинь. Но вышло иначе: живши у тетки, племянница познакомилась с человеком уже немолодым, очень подходящим к ней по характеру, и вышла за него замуж.

Случаи непослушаний старцу и последствия их

Молодой крестьянин из-под Тихоновой Пустыни, что около Калуги (верст шестьдесят от Оптиной), задумал жениться, потому что старуха-мать ослабела, а других женщин в доме не было. Пошел он на праздник Успения к старцу, а тот посоветовал ему подождать до Покрова, между тем, мать очень недовольна была советом старца. Пришел на Покров, а батюшка говорит: «Обожди до Крещения, тогда посмотрим». Старуха очень расстроилась – малому покоя от нее нет. Пришел он к старцу на Крещение и объявляет, что брани матери уже не может терпеть. А батюшка ему в ответ: «Боюсь, что не послушаешь меня, а мой совет: никак тебе жениться не надо, обожди». Но крестьянин ушел и женился, а через два месяца после свадьбы умер.

Приведем теперь рассказ о жителе г. Козельска Капитоне. У него был единственный сын – взрослый юноша, ловкий, красивый. Отец решил отдать его в люди и привел его к старцу, чтобы получить от него благословение на задуманное дело. Сидят оба в коридоре и около них несколько монахов. Выходит к ним старец. Капитон, получив с сыном благословение, объясняет, что хочет сына отдать в люди. Старец одобряет намерение и советует отправляться сыну в Курск. Капитон начинает старца оспаривать: «В Курске, – говорит, – у нас нет знакомых, а благословите, батюшка, в Москву». Старец в шутовском тоне отвечает: «Москва бьет с носка и колотит досками; пусть едет в Курск». Но Капитон все-таки не послушал старца и отправил сына в Москву, где тот вскоре поступил на хорошее место. У хозяина строилось в это время какое-то здание, где находился только что нанявшийся к нему юноша. Вдруг упало сверху несколько досок, которые и раздробили ему обе ноги. Тотчас же телеграммой уведомлен был о сем отец. С горькими слезами пришел он к старцу поведать о своем горе, но горю этому помочь уже нельзя было. Больного сына привезли из Москвы. Долго он хворал, и хотя раны закрылись, но он уже остался на весь век калекой, неспособным ни к какой работе.

Исцеление сына учительницы от брюшного тифа и чудесное избавление от катастрофы

Московская учительница г-жа М. П-а имела к старцу великую веру. Ее единственный сын был при смерти от брюшного тифа. Оторвавшись от него, она полетела в Оптину и умоляла батюшку помолиться о сыне. «Помолимтесь вместе», – сказал ей старец, и оба стали рядом на колени. Через несколько дней мать вернулась к сыну, который встретил ее на ногах. В тот самый час, как старец молился за него, наступила перемена и выздоровление пошло быстро.

Опять эта госпожа, уже с выздоровевшим сыном, летом 1881 года была в Оптиной и прожила там более, чем думала. Ее муж, находившийся в южных губерниях, безпокоился о них и, наконец, назначил телеграммой день, когда за ними вышлет лошадей на станцию.

М. П-а пошла проститься с батюшкой. О. Амвросий, никогда и никого без особенной причины не задерживавший, объявил, что не благословляет ей ехать. Она стала доказывать, что не может больше жить в Оптиной, а он сказал: «Я не благословляю ехать сегодня. Завтра праздник; отстойте позднюю обедню и тогда увидим». Она вернулась на гостиницу, где ожидавший ее сын был очень недоволен батюшкиным решением, тем более что не было никаких причин оставаться, но мать послушалась старца. На следующий день батюшка сказал: «Теперь с Богом, поезжайте». За Курском они узнали, что с поездом, который шел накануне и которым они хотели было ехать, случилась Кукуевская катастрофа.

Случай исцеления

Иногда старец Амвросий, во избежание людской славы, по примеру своего предшественника старца Льва, придерживался несколько как бы полуюродства. Если кому что предсказывал, то нередко, как выше было упомянуто, в шутовском тоне, так что слушатели смеялись; если хотел подать помощь кому-либо в болезни, ударял по больному месту рукой или иногда палкой, и болезнь проходила. Пришел, например, к старцу один монах с ужасной зубной болью. Проходя мимо него, старец ударил его изо всей силы кулаком в зубы и еще весело спросил: «Ловко?» – «Ловко, батюшка, – отвечал монах при общем смехе, – да уж больно очень». Но выходя от старца, он ощутил, что боль его прошла да и после уже не возвращалась.

Явление во сне и исцеление больной монахини

Монахиня Каширского женского монастыря Тульской губернии Илариона Пономарева передавала о себе письменно следующее: «Будучи сильно больна, дня за два до Николаина дня (6 декабря 1888 г.), я скорбела и плакала о том, что в настоящий праздник, по болезни, буду сидеть в келье, не имея возможности пойти в храм Божий. И так сильно вся я разболелась, что в десять часов вечера легла в постель и заснула. Но вот вижу во сне: подходит ко мне батюшка о. Амвросий и говорит: «Что ты прежде времени скорбишь?». С тем вместе он так сильно ударил меня в правое ухо, что у меня кровь потекла из него. «Ступай, – прибавил он, – в церковь, дура, на праздники!» Проснувшись, я увидела, что подушка, на которой я лежала, и халат, в котором была одета, были залиты кровью. Но в тот же час я почувствовала себя совершенно здоровой – и следов болезни моей не оставалось».

Посмертное явление и исцеление

Отрывок из ненапечатанного письма к Людмиле Осиповне Раевской, живущей в Шамординской общине, от 23 февраля 1898 года:

«Вчера приезжал В. и рассказывал, что одна дама, родственница Л-го, ему писала из Москвы, что у нее муж был очень болен. Доктора отказались лечить, и он совсем умирал. В одну ночь видит он около себя у постели старца, который над ним молился, и говорит: «Отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому», – и скрылся. Больной сказал это жене, и они отслужили молебен. Он приобщился, и с тех пор начал поправляться, даже встал с постели, но никому не говорил об этом явлении старца. Когда же стал чувствовать себя совсем хорошо, ему опять явился этот же старец (бывший больным его узнал) и говорит: «Ты теперь совсем здоров, зачем же ты скрываешь и не говоришь о своем исцелении? Надо говорить, а старец пред тобой – Оптинский Амвросий», – и скрылся. Когда В. рассказывал, я позавидовала, а на душе какая-то радость стала, – я не могу высказать. Родной наш и нас, может быть, не оставляет».

Преподобный Амвросий

ПОУЧЕНИЯ

Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем «мое почтение».

Для мирских корень всех зол – сребролюбие, для монашествующих – самолюбие.

Уныние от тщеславия и от диавола. Уныние бывает от тщеславия, когда не по нашему делается, другие толкуют о нас не так, как бы нам хотелось, а также от непосильного рвения – трудов, понуждения.

Человек, как жук: когда теплый день и играет солнце, летит он, гордится собою и жужжит: «Все мои леса, все мои луга! Все мои луга, все мои леса!» А как солнце скроется, дохнет холодом и загуляет ветер, забудет жук свою удаль, прижмется к листку и пищит: «Не спихни!»

Смущение есть признак тайной гордости и доказывает неопытность и неискусство человека.

Если кто телом немощен, а соделал многие согрешения, тот да шествует путем смирения.

Разум духовный достигается смирением, страхом Божиим, хранением совести и терпением и находящих скорбей.

Дом души – терпение, пища души – смирение. Когда пищи в доме не достает, тогда душа выходит вон, т.е. из терпения.

Древних христиан враг искушал мучениями, а нынешних – болезнями и помыслами.

Будите убо мудри, яко змии (Мф. 10, 16). Змея, когда нужно ей переменить старую свою кожу на новую, проходить через очень тесное, узкое место, и таким образом ей удобно бывает оставить свою прежнюю кожу. Так и человек, желая совлечь свою ветхость (ветхого человека), должен идти узким путем исполнения евангельских заповедей.

Господь в Гефсиманском саду плакал о том, что знал, что не многие воспользуются Его крестными страданиями, но многие по злой воле уклонятся от спасения.

Если кто надеется быть там, где Святая Троица, тот да постарается не лишиться лицезрения воплотившегося Христа. Достигшие безстрастия будут там, где Троица, а получившие прощение грехов сподобятся быть внутри райской ограды и не лишатся лицезрения Христова.

Из писем преп. Амвросия

«Вообще знай, как и сама ты читала в книгах отеческих, что ни против чего враг так не восстает, как против молитвы Иисусовой. Поэтому, как начала ты держаться молитвы Иисусовой, то и не оставляй ее, а продолжай, уповая на милость и помощь Божию. Силен Господь и Царица Небесная сохранить нас от зол и бед, наносимых врагами душевными».

«От устной молитвы никто не впадал в прелесть, а умную, сердечную молитву без наставления проходить опасно. Такая молитва требует наставления, безгневия, молчания и смиренного самоукорения во всяком неприятном случае. Поэтому безопасней всего держаться молитвы устной, так как мы скудны в терпении, смирении и безгневию».

«Устную молитву как бы кто ни проходил, не было примеров, чтобы впадал в прелесть вражескую. А умную и сердечную молитву проходящие неправильно нередко впадают в прелесть вражескую. И потому прежде всего должно держаться крепче устной молитвы, а потом – умной, со смирением, а затем уже, кому удобно и кому благоволит Господь, переходить к сердечной, по указанию св. отцов, опытом прошедших все это».

«Жалуешься, что молва мешает тебе упражняться в молитве Иисусовой. Что делать. Живя в общежитии, нельзя совершенно избавиться от молвы и попечения. Также пишешь, что ты устную молитву не в силах всегда творить, а за умную молитву приняться опасаясь, как бы не впасть в прелесть. Св. Григорий Синаит в «Добротолубии» в 7-й и

последней главе о прелести пишет так: «Мы не должны бояться или воздыхать, Бога призывая. Если же некоторые совратились, повредившись в уме, то знай, что они пострадали от самочиния и гордости. Ибо в послушании с вопрошением и смиренномудрием ищущий Бога никогда не потерпит вреда благодатию Христа, всем человеком спастися хотящего. Если же и случается с таким искушение, то это бывает для испытания и увенчания, и сопровождается скорою помощью от Бога, попускающего сие, имиже весть судьбами. Ибо кто право живет и безукоризненно обращается со всеми, удаляясь от человекоугодия и высокоумия, тому, хотя бы и безчисленные против него поднял искушения весь бесовский полк, это не повредит, как говорят отцы. Которые же самонадеянно и самовольно действуют, эти и вреду удобно подвергаются».

«Пишешь, что ты проходишь молитву Иисусову устную и умную, а о сердечной молитве не имеешь и понятия. Сердечная молитва требует наставника. Впрочем, кто сначала проходит правильно устную молитву, заключая ум в слова молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного (или грешную)», а потом будет проходить правильно и умную молитву, со смирением держа внимание ума в персях, то по времени и без наставника у некоторых умная молитва сама переходит в сердечную».

«Три добродетели подобает опасно соблюдать: воздержание, молчание и самоукорение, т.е. смирение».

О таинстве Елеосвящения

Достопочтеннейшая о Господе!

При немощи моей, среди обычного недосуга, понуждаюсь отвечать на письмо ваше. Вы просите меня помолиться за скорбящую мать и за болящего сына ее, составляющего главную опору семейства, и, с тем вместе, утешить их в общей скорби их. Хотя я недостоин и грешен, но не могу от сего отказываться по заповеди апостола, который говорит: молитесь друг за друга, яко да изцелеете (Иак. 5, 16). В утешение же им могу предложить совет св. апостола Иакова, который говорит там: болит ли кто в вас; да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавшие его елеем во имя Господне: и молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь: и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему (Иак.К5, 14-15). Неизвестно почему в России вкоренилось такое мнение, будто бы к таинству Елеосвящения тогда только нужно прибегать, когда в человеке не остается надежды к продолжению жизни. Напротив, в Греции и здоровые люди принимают таинство Елеосвящения в Великий четверг, по тамошнему обычаю, и делают это ради неизвестности смерти. Да и выше сказанные слова апостола показывают совсем противное вкоренившемуся неправильному мнению в России, так как ясно в них говорится: и молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь: и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему. Сила таинства Елеосвящения состоит в том, что им прощаются в особенности грехи забвенные по немощи человеческой, а по прощении грехов даруется и здравие телесное, аще воля Божия будет на сие. Будем молиться Господу, да исцелит Он прежде души наши, а с сим и да дарует благопотребное здравие, как будет угодно Его святой воле.

Смирение

Из писем твоих видно, что ты предаешься подозрительности так, что, говоришь, что убедить тебя никто не может. Это нехорошо. Пожалуй, скажешь, и не нужно, чтобы кто разубеждал тебя в этом. Это значит, что ты уж очень уверена в непогрешимости своих воззрений и умозаключений. А это черта нехорошая, это – признак великой гордости.

Всегда ты просишь, чтобы Господь даровал тебе смирение. Но ведь оно даром Господом не дается. Господь готов помогать человеку в приобретении смирения, как и во всем добром, но нужно, чтобы и сам человек заботился о себе. Сказано у св. отцов: «Даждь кровь и приими дух». Это значит: потрудись до пролития крови – и получишь духовное дарование. А ты дарований духовных ищешь и просишь, а кровь тебе проливать

жаль, т.е. все хочется тебе, чтобы тебя никто не трогал, не беспокоил. Да при спокойной жизни как же можно приобрести смирение? Ведь смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех – не только людей, но и безсловесных животных, и даже самых духов злобы. И вот когда люди тревожат тебя, а ты видишь, что не терпишь сего и гневаешься на людей, то и поневоле будешь себя считать плохой. Или, например, осуждать, подозревать других, опять по неволе будешь себя считать плохой. Если при этом будешь о плохоте своей и неисправности сожалеть и укорять себя в неисправности, и искренно каяться в этом пред Богом и духовным отцом, то вот ты уже и на пути смирения. Одно тут нам кажется нехорошо, что и больно, и беспокоит, и неприятно. Это правда, зато для души полезно. Да еще скажу тебе, что нам кажется, – и для души то бесполезно. Все это с тобой так бывает потому, что ты не понимаешь духовной жизни. Ведь и Господь путь в Царствие Небесное назвал узким путем. А если бы никто тебя не трогал, и ты оставалась бы в покое, как же бы ты могла сознать свою худость? Как могла бы увидеть свои пороки? Никак не могла бы счесть себя плохой, а скорее стала бы считать себя праведницей, и, может быть, дошла бы до того, что и с ума бы сошла, как и было много подобных примеров даже на наших глазах. Ты скорбишь, что, по твоему замечанию, все тебя стараются унижить. Если стараются унижить, значит хотят смирить тебя, а ты и сама просишь у Бога смирения. Зачем же после этого скорбеть на людей? Ты жалуешься на несправедливости людей, окружающих тебя, по отношению к тебе. Но если ты добиваешься того, чтобы царствовать со Христом Господом, то посмотри на Него, как Он поступал с окружающими Его врагами: Иудею, Анною, Каиафою, книжниками и фарисеями, требовавшими Его смерти. Кажется, Он никому не жаловался, что враги Его несправедливо поступают с Ним, а во всех ужасных скорбях, наносимых Ему врагами Его, Он видел единственно волю Отца Своего Небесного, которой и решился следовать и следовал до последнего Своего издыхания, несмотря на то, что орудиями исполнения воли Отца Его были самые пребеззаконные люди. Он видел, что они действовали слепо, в неведении, и потому не ненавидел их, а молился: «Отче, отпусти им: не ведают бо что творят».

Не входи в рассмотрение поступков людей, не суди, не говори: «зачем так, для чего это?». Лучше говори себе: «А мне какое до них дело? Не мне за них отвечать на Страшном суде Божиим». Отвлекай всячески мысль свою от пересуд дел людских и молись с усердием ко Господу, чтобы Он Сам тебе помог в этом, потому что без помощи Божией мы ничего доброго не можем сделать, как и Сам Господь сказал: «Без Мене не можете творить ничесоже». Подозрительности берегись как огня, потому что враг рода человеческого тем и уловляет людей в свою сеть, что все старается представить в извращенном виде – белое черным и черное белым, как поступил он с прародителями Адамом и Евою в Раю.

Искание покойного пути жизни

В том-то и вся ошибка с нашей стороны, что не хотим покоряться воле всеблагого Промысла Божия, указующего нам чрез обстоятельства душеполезный путь, а все ищем своего какого-то покойного пути, который существует только в мечтательности, а на самом деле его на земле нет; не всем, а некоторым только будет покой тогда, когда пропоют: «Со святыми упокой». Земной же удел человеческий – скорбь, труд, болезни, подвиг, печали, недоумения, теснота, лишение того или другого, оскорбления, смущения, восстание страстей, борьба с ними, одоление или изнеможение, или безнадежие и подобное сим. Не напрасно сказал пророк Давид: «Несть мира в костях моих от лица грех моих». И праведный Иов взывал: «Не искушение ли есть человеку житие сие». А мы все путаемся на том: нельзя ли как устроиться в покое и на покое, и часто думаем: если бы не такое-то неудобство, и не такие-то обстоятельства, и не такой-то поперечный человек, то может быть было бы мне удобнее и покойнее, а забываем, что неудобства сии часто исходят изнутри нас, как и злые помышления. Где лежат страсти, оттуда исходят и все

наши неудобства, неладицы, неурядицы и неустройства. Но да упразднит все сие Пришедый грешные спасти, аще восхощем покаяться, смириться и покориться.

Как подражать Богу

Святой апостол Павел в Послании к Ефесеям, пишет: Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленные (Еф. 5, 1).

Истинные христиане могут подражать Богу исполнением особенно следующих трех Евангельских заповедей:

1. Господь глаголет в Евангелии: Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть, Иже солнце Свое сияет на злые и благие, и дождит на праведные, и на неправедные (Лк.К6, 36; Мф. 5, 45).

Заповедь эта, во-первых, означает, что человек должен быть сострадательным к ближним касательно подавания милостыни, не различая достойных от недостойных, а во-вторых, требует от нас снисхождения и к ближним и прощения им всяких недостатков, обид и досаждений.

2. Св. апостол Петр пишет: Яко чада послушания не преобразующесе первыми неведения вашего похотении, но по Звавшему вы святому, и сами святы во всем житии будите, зане писано есть: святы будите, яко Аз свят есмь (1КПетр. 1, 14-16).

Эта заповедь означает, что человек должен хранить целомудрие и чистоту телесную и душевную не только относительно блудной страсти, но и относительно других страстей, потому что и зависть, и ненависть, и злопамятство также составляют нечистоту души.

3. Сказано в Евангелии от Матфея: Будьте убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть (Мф. 5, 48).

Совершенство христианское, по слову св. Исаака Сирина, состоит в глубине смирения: фарисей, как сам о себе свидетельствует, не был подвержен никакому пороку, но за то, что вознесся, осудил и уничижил мытаря, не только потерял все, но и отвержен был Богом. По этой-то причине Господь говорит: Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы, яко еже должни бехом сотворити сотворихом (Лк. 17, 10).

Как бы кто-либо из христиан ни был тверд и точен в исполнении христианских своих обязанностей, это исполнение его и духовное делание, по слову св. отцов, может уподобляться только малой купели, или самомалейшему озерцу, заповеди же Божии подобны великому морю, как и св. пророк Давид говорит: заповедь Твоя широка зело (Пс. 118, 26).

Перед этою-то широтой невольно смирялись и великие святые, называя себя землею и пеплом, и считая себя хуже всякой твари. Или, как выразился мудрейший из апостолов, святой Павел: задняя убо забывая, в передняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе. Елицы убо совершеннии сие да мудрствуим (Флп.К3, 13-15).

Скорби не убивают, а спасают, если терпеливо и с надеждою на Бога переносим их

Скорбное письмо твое получил. Пишешь, что ты готова сейчас же бросить все и бежать куда-либо. Погоди, прежде дождись конца, может быть, будет и не так, как ты предполагаешь.

Напрасно ты думаешь, что люди от скорбей погибают. Напротив, из Священного Писания видим, что скорби приближают людей ко спасению, если кто не малодушествует и не отчаивается, а вооружается терпением со смирением и преданностью воле Божией. И ты еще подожди, как и чем кончится дело.

Молись поусердней Царице Небесной, Святителю Николаю, Иоанну-воину и священномученику Фоке. Молитвы их сильны защитить тебя от чрезмерных нападений. В меру потерпи, памятуя апостольское слово: «Скорбь соделывает терпение, терпение – искусство, искусство – упование, упование же не посрамит».

Наставление пословицами

...Слышу, что ты желала бы слышать от меня что-либо человеческое, а тексты Св. Писания сама знаешь.

Ежели Сын Божий ничего от Себя не говорил, но якоже приях заповедь от Отца, что реку и что возглаголю, после этого что может сказать тебе от себя человек грешный и недугующий телом и душою? Пожалуй, по желанию твоему слушай.

«Сидор да Карп в Коломне проживают, а грех да беда с кем не бывает».

«Если бы на хмель – не мороз, то он и дуб перерос».

«В пресном молоке, как в дураке, толку мало». Иное дело сливки и сметана, и особенно из них хорошо сбитое масло и хорошо очищенное, и хорошо соблюденное.

«За битого двух небитых дают, да еще не берут».

«Чего не досмотришь, карманом доплотишь».

«Что стерпитя, то после слюбится».

«Адамовы лета с начала света». Сделал Адам ошибку и пришлось ему после много потерпеть; так бывает и со всеми делающими ошибки.

«Слово не воробей – вылетит не поймаешь». Нередко от неосторожных слов бывает более бед, нежели от самых дел. Человек словесным потому и называется, чтобы произносил слова разумно, обдуманно. Вот я тебе наговорил целую кучу человеческих слов, не знаю, выберешь ли ты из них что-либо для себя толковое и пригодное к делу.

Искус полезен

Искус вещь хорошая и самая полезная. Бывших в искусе и апостол похваляет, глаголя: Искушени быша, скитающиеся, лишени, скорбяще, озлоблени. В заключение прибавляет: их же не бе достоин весь мир. Если и такие не избегли скорбных искушений, ради пользы их душевной, то нам, немощным, никак не следует отречься и избегать душеполезных искусств.

Еще пишешь, что иногда от брани хульных помыслов не можешь взглянуть на икону. Чтобы помыслы меньше стужали тебе, можешь изредка только взглядывать на иконы, но должна знать, что иконы – только для глаз внешних и потому, стоя на молитве, мы должны помнить, что предстоим пред Богом. Икону же воображать в уме ни в каком случае не следует.

Преподобный Анатолий ст.

ЖИТИЕ

Когда великий старец Макарий был уже на склоне лет жизни своей, Господь, по молитвам святого Иоанна Крестителя – покровителя скита, привел и того, которого избрал быть сначала помощником, а потом и преемником великому старцу Амвросию.

Старец Анатолий (Зерцалов) родился 6 марта 1824 года в селе Боболи Калужской губернии, в семье диакона, и в святом крещении был назван Алексеем, в честь св. Алексея, человека Божия.

Благочестивые родители имели святое желание, чтобы их сын стал иноком, и воспитывали его в известной строгости. В свое время Алексей был отдан в Боровское духовное училище, а когда окончил курс учения, был переведен в семинарию в Калугу. Четырнадцати лет он заболел горячкой и пропустил год учения. Здоровьем он не отличался. Стремление к монашеству в нем было развито рано, и Алексей чуть не ушел в Рославльские леса к пустынникам.

Когда был окончен курс семинарии, то будущему подвижнику предлагали несколько священнических мест, но он уклонялся от этих предложений. Поступив на службу в казенную палату, жил дома. С матерью, любившей ходить к святым местам, и с сестрой Анной ходили на богомолье к преподобному Сергию и заходили в Хотьково. В Хотькове им очень понравилось, и молодой человек уговорил свою сестру поступить в эту обитель.

Но вскоре Алексей заболел, и доктор определил чахотку. Тогда больной дал обещание, что если выздоровеет, то поступит в обитель. Родители радостно благословили его на этот подвиг.

В Оптиной он с любовью был принят преп. Моисеем. 17 ноября 1862 года был пострижен с именем Анатолий в честь св. Анатолия, Патриарха Цареградского (память которого 3 июля).

Старец Макарий любил нового пришельца из суетного мира и опытным духовным взором провидел в нем будущую ревность о спасении, а потому с особенной любовью стал руководить новоначальным иноком. Когда мать приехала проведать преп. Анатолия, старец Макарий с любовью принял эту благоговейную жену, и глубоко утешилась она такими словами наставника иноков: «Благословенна ты, добрая женщина: на какой хороший путь отпустила ты сына!». Старец сам обучал преп. Анатолия молитве Иисусовой, и он уходил далеко в лес, где и молился в уединении. Так как у старца Макария было очень много дел, то он благословил преп. Анатолию, кроме него, по своим духовным запросам обращаться еще к преп. Амвросию. Старец так объяснял свой выбор: «Он пошустрее». И преп. Анатолий был одним из самых первых учеников о. Амвросия, преемника Макария. Так, неисповедимыми путями, приведены были в самое тесное общение эти два инока, столь много потом вместе потрудившиеся для Шамординской Пустыни.

Под мудрым старческим окормлением преп. Макария и преп. Амвросия Анатолий, путем бдительного и неустанного духовного делания, назидался чтением слова Божия и аскетических писаний, быстро преуспевал в духовном своем развитии, и уже тогда можно было видеть его будущее нравственное величие.

Оказывая особенную любовь и заботливость к преп. Анатолию, старец Макарий суровою тропою иноческого подвига вел его, и тому немало пришлось перенести скорбей и тягостей пустынного жития. Во всякой доле есть свои скорби, есть они и в иноческой жизни, и мудрый наставник не отнимал этих скорбей от усердного ученика, напротив, он обогащал его ими. Делалось же это с благой целью, чтобы создать в нем доброе иноческое устройство и закалить его на будущее время. В монастыре преп. Анатолию пришлось в первые годы очень скорбно. Скит особенно строг по уставу жизни иноческой. К этому суровому строю самой жизни прибавилась другая тягота. Первым послушанием его была кухня, где ему, после непривычных трудов тяжелых, и спать-то приходилось мало, да и то прямо на дровах. Его часто затем переводили из кельи в келью. Он был очень аккуратный и любил чистоту. Куда его назначат жить, он, как только перейдет, вымоет, вычистит свою келью, начнет жить, ходить на ежедневное откровение помыслов, читать аскетические книги, его опять переводят в другую келью. Чуть там устроится – опять в новую; опять чистка, опять мытье, опять и уход. Он же, ничего не возражая, брал свои пожитки: иконочки, войлок, бумагу и чернила – и шел, куда велят.

Однажды приехал в Оптину преосвященный Игнатий (Брянчанинов). Он пожелал видеть и беседовать с тем из иноков, кто опытно проходит святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Ему указали на преп. Анатолия. Епископ долго беседовал с ним. Беседа эта очень ему понравилась. Прощаясь с преп. Анатолием, преосвященный не мог не выразить своего удивления и говорил, что рад был встретить такого образованного инока: и опытного в духовных предметах, и знакомого со светскими науками.

Возвращаясь к себе после беседы с епископом Игнатием (а пошел к нему только после двукратного приглашения, и то по приказанию старцев), преп. Анатолий встретился со старцем Макарием, который шел к скиту, окруженный инокинями и другими лицами.

Старец спросил преподобного: «Ну, что тебе сказал преосвященный?». Преп. Анатолий в простоте все передал ему. Тогда преп. Макарий стал его при всех бить палкой и говорить: «Ах ты, негодяй, вообразил о себе, что он такой хороший! Ведь преосвященный – аристократ, на комплиментах вырос, он из любезности и сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая, что это правда!». Со стыдом пошел потом к себе инок. А старец Макарий, как только преп. Анатолий отошел от него, сказал бывшим с ним: «Ведь как вот не пробрать? Он монах внимательный, умный, образованный, и вот – уважаемый такими людьми. Долго ли загордиться». В это время преп. Анатолий был уже иеродиаконем.

Когда умер старец Макарий, преп. Анатолий и преп. Амвросий особенно сблизились между собой, потеряв любимого ими обоими старца и руководителя. Старец Амвросий, увидев, что преп. Анатолий стал уже достигать меры высокого духовного устроения и созрел, чтобы наставлять других, постепенно стал вводить его в свой старческий труд, делая своим сотрудником, подобно тому, как его вел в свое время о. Макарий.

В 1870 году преп. Анатолий был посвящен в иеромонахи. В следующем году он был назначен указом Синода от 3 августа 1871 года настоятелем Спасо-Орловского монастыря, Вятской губернии, с возведением в сан архимандрита, но, ради трудов старчества и послушания старцу Амвросию, преп. Анатолий отказался от служебной карьеры.

Почивший старец о. Макарий иногда называл преп. Анатолия «высочайшим», с одной стороны, обращая как бы внимание на его высокий рост, с другой же, – указывая на высоту его духовного устроения. Ввиду-то этого устроения преп. Амвросий скоро и выпросил преп. Анатолия себе сначала в помощники, потом в благочинные, наконец, – в скитона начальники. Благочинным преп. Анатолий был назначен вскоре после посвящения в иеромонахи. В помощники себе преп. Амвросий преп. Анатолия выпросил у преосвященного архиепископа Григория в один из его приездов в Оптину, а назначение скитона начальником состоялось 13 февраля 1874 года, после смерти преп. Илариона; по желанию преп. Амвросия, его представил к утверждению в этой должности о. архимандрит. Преп. Анатолий все эти назначения принимал из послушания своему старцу и нес их смиренно и трудолюбиво. Сам он впоследствии рассказывал, что про его назначение благочинным многие и не знали долгое время. Однажды он увидел, что братия делают что-то неладное. Преп. Анатолий сделал выговор, ему же в ответ вопрос: «А вам какое дело?», – и очень смутились, когда кто-то подошедший сказал им, что это благочинный. Те стали просить прощения, просили, чтобы не говорил архимандриту. Преп. Анатолий отцу архимандриту не сказал, да и вообще он, прежде чем доложить начальнику что-либо из проступков братий, спрашивал совета у преп. Амвросия; он не любил выставляться, не требовал себе почета.

К старцу же Амвросию и после того, как он был сделан скитона начальником, продолжал относиться с прежним почтением и, в частности, как и прочие, когда бывал у старца, становился на колени. Однажды старец Амвросий побеседовал с ним, стоявшим на коленях, позвал туда же одну особу и, показывая на преп. Анатолия, сказал: «Рекомендую: мой начальник», преподав этим поучительный урок смирения.

По должности духовника, скитона начальника, преп. Анатолий был великим и самоотверженным тружеником, и в этих должностях был поистине достойным преемником своих присноблаженных предшественников. Ничто не ускользало от его взора, и он ревностно заботился как о духовном преуспевании братии, так и покоил их, устраивая лучше их жизнь с ее несложными и строгими порядками скитской жизни.

Когда же к преп. Амвросию обращались с просьбами по делам скита, то он всегда отсылал их к своему начальнику, как называл он преп. Анатолия. Преп. Анатолий своих духовных детей по всем важным делам за советом направлял к старцу Амвросию, но старец Амвросий при таких случаях всегда спрашивал: «А что сказал Анатолий?». И когда узнавал, что тот не советовал так делать, как просили, и сам не давал своего благословения.

Наступило время основания Шамординской обители. Преп. Амвросий, прикованный болезненным состоянием к одру и к своей келье, особенно стал нуждаться в своем помощнике – преп. Анатолий, который и стал ему самым верным и преданным сотрудником. Его труды охватывали все стороны жизни обители и ее насельниц.

Когда в Шамордине была устроена церковь, то старец Анатолий сам учил сестер уставу Богослужения и привез «Типикон». Когда же храм был уже освящен, то он две недели жил и служил, приучая сестер к порядкам службы, учил их петь. Ежедневно он присутствовал при каждой службе, сам же учил сестер совершать пятисотницу*) и, стоя на правом клиросе, наблюдал за ее совершением.

Игуменья Шамординской Пустыни мать София о старце Анатолии всегда отзывалась с глубоким почтением. Она не раз говаривала, что хороший монах ничем не отличается в приемах обращения от самого благовоспитанного аристократа. Но разница между ними есть, и большая: аристократ держит себя с тактом из приличия, а примерный монах – из убеждения и любви к ближним. И как на образец для подражания указывала в этом случае на преп. Анатолия.

Преп. Амвросия она называла великим, а преп. Анатолия большим, и еще «нашим апостолом».

К преп. Амвросию инокини обращались как к старцу, а к преп. Анатолию – как к отцу, который входил всегда во все их нужды и редко кому при встрече не задавал вопроса: «А у тебя все есть?». Старец Амвросий не раз говаривал Шамординским насельницам: «Я редко вас беру к себе не беседу потому, что я за вас спокоен: вы с о. Анатолием».

Преподобный имел характер необыкновенно добрый, был очень милостив. Двадцать один год служил старец своим чадам – насельницам юной обители. Он же, верный сподвижник великого старца – основателя обители, весь был предан святому делу водительства душ ко спасению, и на это дело положил все силы свои.

Видя изнеможение и близость смерти игуменнии Софии, преп. Анатолий в успокоение сестер указывал на то, что если Господь ее возьмет, то, значит, она созрела для вечности, ибо Господь, когда человек созреет для блаженной доли, не медлит ни минуты взять его к Себе, как бы он ни был нужен здесь. И в пример указывал на св. Василия Великого, которого Господь, несмотря на нужду для Церкви, взял очень молодым, всего сорока девяти лет.

По благословию преп. Амвросия к старцу Анатолию обращались монашествующие сестры, подвизавшиеся в целом ряде епархий: Калужской, Московской, Смоленской, Тульской, Орловской, Курской, может быть, других.

Сам пламенный молитвенник, делатель молитвы Иисусовой, преп. Анатолий всегда внушал сестрам непрестанно творить эту молитву и при этом напоминал им о необходимости соблюдать чистоту сердца.

Ни смирения, ни терпения нельзя достигнуть без молитвенного обращения к Богу. Молитву Иисусову он почитал главным средством ко спасению.

Во дни говения, поучал старец Анатолий, особенно прилежно нужно читать эту молитву, а в обедню, когда приобщаешься, смотреть за собой, ни с кем не говорить и никуда не обращать своих помыслов. «Лучше всего, – писал он, – вырисовывать на мягком юном сердце сладчайшее имя – светозарную молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную. Вот тогда-то будет верх радостей, безконечное веселие! Тогда, т.е. когда утвердится в сердце Иисус, не захочешь ни Рима, ни Иерусалима. Ибо Сам Царь, со всепетюю Своею Матерью и всеми ангелами и святыми, придут к тебе и будут жить у тебя. Аз и Отец к нему приидема и обитель у него сотворима».

Преп. Анатолий учил чтить царские дни как большие праздники и внушал сестрам мысль о необходимости ежедневной молитвы за государя. Когда он учил одну сестру чтению Псалтири, и та жаловалась, что трудно это ей, старец утешал ее, говоря: «Что трудно дается, то полезно будет, а что легко, то легко и забывается». А двенадцать

псалмов он велел читать ежедневно и еще чаще псалом со словами: «Готово сердце мое, Боже...» При этом давал такие наставления: «Читай непрестанно молитву Иисусову, и никто тебе мешать не станет. Даже когда и много людей будет, ты не станешь замечать. Не ходи по кельям, не заводи разговоров без нужды. В церкви стой, как ангел, не разговаривай и не оглядывайся: церковь есть земное небо. Идя из церкви, читай: «Богородице Дево, радуйся...» и ни с кем не заговаривай, а то будешь подобна сосуду, который был полон, да дорогой расплескался. Когда говеешь, тогда особенно прилежно читай молитву Иисусову. Когда идешь приобщаться, то в эту обедню особенно смотри за собой, ни с кем не говори и никуда не обращай своих помыслов. Иди приобщаться со спокойной душой, призывая молитвы своего духовного отца».

О молитве он говорил: «Надо так молиться Богу, чтобы между душой молящегося и Богом ничего не было и никого. Только Бог и душа. Чтобы молящийся не чувствовал ни неба, ни земли и ничего кроме Бога, а то молитва будет несовершенная. Когда молишься под впечатлением хорошего пения или чтения, эта молитва еще не есть истинная молитва. Вот истинная молитва: пророк Илия положил голову на колени, молясь, и в несколько минут умолил Господа изменить гнев Свой на милость».

Преп. Амвросий называл преп. Анатолия великим старцем и делателем молитвы Иисусовой: «Ему такая дана молитва (умно-сердечная) и благодать, – говорил он, – какая единому из тысячи дается». Преп. Анатолий на склоне дней своих имел те же дары духовного совета, прозрения в тайники души человеческой и знания будущего, какими были так богаты его наставники, великие старцы Макарий и Амвросий.

Преп. Анатолий не благословлял садиться в церкви во время первой кафизмы (в начале воскресной всенощной) и говорил: «Отец игумен Антоний строго заповедовал стоять; у него были ноги больные, в ранах, но он никогда не садился». Еще приказывал не выходить из церкви во время кафизм, говоря: волки бегают, могут тебя утащить. Если нужно пойти, то раньше, или после, но не в кафизмы.

Преподобный был очень добр и милостив, все прощал, только строго взыскивал, когда в церкви разговаривали.

Еще он говорил: «Когда в церкви беспокоят дурные помыслы, то ущипни себя побольнее, чтобы помнить, где стоишь». Однажды монахиня сказала преподобному: «Очень боюсь, что со мною будут искушения». Батюшка ответил: «Живи, не осуждай, гляди на всех в хорошую сторону, не заирай за людьми, и Бог покроет тебя. А еще скажу: кто читает молитву Иисусову, у того не бывает искушений». Бывало, начнет преподобный учить, как можно привыкнуть читать молитву Иисусову: «Кто читает ее, то Бог вселяется в сердце. Тут Отец, и Сын, и Дух Святой, и святые ангелы, а святые и не отходят».

Жившим на дачах монастырских на послушаниях он советовал: «На даче живите, хоть спите, да не ропщите, да тайно не ешьте. А то заведется у человека как змея: сколько ни будет есть, все сыт не будет. Ведь вы не по своей охоте живете на даче. Живите и спасены будете». Больным сестрам, скорбевшим, что не могут бывать за Богослужением, старец в утешение говаривал, что им зачтется и прежняя молитва, а теперь довольно одной домашней молитвы, только надо следить внимательно за сердцем: не по лености ли, более чем по болезни, остаешься дома.

Он советовал постоянно приносить сердечное покаяние Господу, а от отца духовного ничего не скрывать. Пользу откровения помыслов он, в частности, определял в том, что это откровение развивает сознание и болезнование о своей греховности, отчего и развивается столь нужное для дела спасения смирение. Когда советов старца не исполняли или делали наоборот, не имели мира душевного и получали вред, а не пользу.

Относительно пути подвижнического старец говорил сестрам: «Держись середины, вперед не забегай и назад не отставай».

Одна сестра раз в скорби пришла к преп. Анатолию и в горести высказалась: «Ах, зачем я пошла в монастырь?». На это он сказал ей: «Если бы в миру знали, как трудно жить в монастыре, то, хотя бы их палкой били, не пошли бы в монастырь: лучше бы босые

ходили, да в миру, а если бы знали, какая награда монашествующим на небе, все бы бросили и ушли бы в монастырь». Он очень не любил, когда кто в скорби желал себе смерти, и обличал, а одну припугнул: «А хочешь я помолюсь, и ты умрешь?». Та, конечно: «Нет, нет!», – и стала просить прощения. Увидала, как мало она подготовлена к смерти, которой так легкомысленно просила себе.

Сострадателен преп. Анатолий был в высшей степени; когда он узнавал о чем-нибудь горе, долго волновался, до нервной боли головы. Оттого, по замечанию врачей, у него произошла болезнь сердца, от которой начались и другие болезни. Иногда, узнав о каком-нибудь грустном событии, даже и в другом государстве, преподобный, бывало, долго вспоминал и жалел.

Один посетитель так отозвался о преподобном: «Это необыкновенно умный, необыкновенно добрый и вполне русский человек».

После смерти старца Амвросия преп. Анатолий стал быстро слабеть. Задумчивый и грустный, он тяжело чувствовал свое духовное сиротство и сам быстро приближался к закату своей жизни.

В конце 1892 года он ездил в С.-Петербург и Кронштадт повидаться со св. Иоанном, которого давно чтил, и посоветоваться с врачами. Вместе со св. Иоанном преп. Анатолий служил в память старца Амвросия 10 Октября, и утешился беседой с ним. Врачи же нашли у него слабость сердца и отек легких. Согласно их советам, он начал было лечиться, но это лечение, требовавшее прогулок, скоро прекратилось: ноги старца стали пухнуть, перестали входить в обувь, и он не смог больше ходить.

Во время предсмертной болезни он, беседуя о молитве Иисусовой, указал, что есть и другие краткие молитвы, но из них лучшая эта; она самая главная и верный путь ко спасению. В пояснение своих слов он нередко приводил и примеры из житий святых и из Прологов. И во время своей предсмертной болезни не раз его внимание останавливалось на молитве Иисусовой, о ней он давал наставления, после которых в изнеможении его глава бессильно опускалась на грудь, и слабеющие уста шептали ту же молитву Иисусову.

Старец Анатолий кротко переносил недуг. 15 декабря 1893 года он тайно принял схиму, о чем знал только его духовник о. Геронтий да несколько близких лиц. Через три с половиной месяца после этого, 25 января 1894 года, во время чтения отходной, старец преп. Анатолий тихо почил на семьдесят первом году своей жизни.

Глубокая скорбь охватила сердца преданных ему иноков и инокинь, и лишь сознание, что старец наследовал долю праведных, да молитвы, облегчали перенесение тяжелой утраты, столь близкой к другой великой утрате: смерти преп. Амвросия. Многие из сестер после этого видали старца во сне: то в священных облачениях, то утешающим, то исповедывающим, то врачующим, – и после этих снов чувствовали утешение, отраду, а некоторые и облегчение от недугов своих.

Преп. Анатолий покоится среди своих наставников. Справа, в Казанской церкви почивают преп. Моисей, преп. Антоний и преп. Исаакий, а впереди его, несколько слева, преп. Лев, преп. Макарий и преп. Амвросий.

«Подавай нам истее Тебе причащаться, в невечернем дни Царствия Твоего, – писал старец о. Анатолий. – Отчего этот день невечерний? Оттого, что его Солнце не тварь – а Иисус Христос. Взойдет это Солнце единожды и уже во веки безконечные не зайдет, не померкнет, ни облачко Его не затенит, ни луч не опалит! Там немерцающий свет! Красота непостижимая. Веселие вечное».

Преподобный Анатолий ст.

ЧУДЕСА

Исцеление от чахотки молитвами старца

Я, по поступлении в монастырь, – рассказывала одна из шамординских сестер, – заболела. Мне было пятнадцать лет, доктора нашли у меня порок сердца и горловую чахотку и сказали, что я скоро умру, но мне не хотелось умирать; батюшка сказал мне: «Читай, как можешь: и сидя, и лежа – молитву Иисусову, и все пройдет». Так я и сделала, и за святые его молитвы выздоровела. И с тех пор прошло двадцать три года, и я живу: и послушание несу по силам, и по келье делаю все для себя, хотя и не имею большого здоровья, но прежде не могла и по келье ходить.

Дары прозрения

Все немощное и слабое, как вянет подкошенная трава под лучами палящего солнца, увяло в нем под действием поста, послушания и строгой жизни вообще, а огонь молитвы, столь пламенеющий в почившем, возгрел его дух и, очистив, укрепил. Преп. Анатолий на склоне дней своих имел те же дары Духа Святого – прозрения в тайники души человеческой и знания будущего, какими были так богаты его наставники – великие старцы преп. Макарий и преп. Амвросий. Он предугадывал о смерти близких его духовных детей, их болезни и невзгоды, и осторожно предупреждал тех, к кому приближалось испытание. Воспоминания его духовных детей полны описаний подобных событий. Упомянем о некоторых. Одной инокине и одному иноку еще задолго он преуказал на ожидавшие их настоятельства; одной девушке приоткрыл скорую смерть, а инокине – болезнь ног, предупреждал о готовящихся испытаниях и освобождении от постигших скорбей.

Преподобный Анатолий ст.

ПОУЧЕНИЯ

Оставаясь наедине, должно упражняться в Иисусовой молитве

Письмо твое, многоболезненная сестра А., получил. Пишешь не без скорби, что сидишь, как заключенная, в келье, тогда как другие идут в церковь. Значит, ты, матушка, забываешь о моем желании и напоминании, чтоб ты как можно больше держала устную молитву Иисусову. И особенно, когда остаешься одна. Это самое дорогое время укоренять ее в памяти. А ты, значит, умом блуждаешь – вот и делается скучно. А молитва Иисусова веселит сердце...

Что живешь плохо, не унывай, а смирайся – и Господь призрит на смирение твое паче подвигов великих, но не смиренных. Мир тебе и благословение Господне.

Смерти полезно бояться, но не должно унывать

Матушка ты моя преподобная!..

Письма твои все получил. Что смерти боишься, это очень правильно и полезно. У кого есть хоть немножко грехов, не может не бояться смерти. Но ты, матушка, не из числа отчаянных грешных, а из доброго стада кающихся и укоряющих себя, и сокрушающихся о грехах. А потому не унывай! Я во сто раз хуже тебя. А все вопию: «Ты, Господи, пришел грешники спасти, а не праведные призвать к покаянию. А потому и меня, яко грешного, спаси!»

Так и ты молись! Мир ти!

Воскресший Христос всех воскрешает

Христос Воскресе, Г.! Воскресе Христос и мертвый ни один во гробе. Если мертвого ни одного, то неужели больные будут? Нет!

Ныне смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало, и играюще поем Виновного.

А как же Саша-то, Маша-то и иные больные? Это решил Сам Господь, когда Апостолы, услышав о болезни Лазаря, стали горевать, т.е. приняли по-человечески. А вечная Истина рекла: «Сие не к смерти, но к славе Божией. Радуюсь вас ради».

Служи с любовью больным. Иисус сказал: «Елика послужите сим малым, Мне послужите».

О молитве Иисусовой

Мир тебе, сестра А.! Ты желаешь получить от меня строчку: вот тебе пять! Если хочешь быть благодарною, то воздай за них пятью словами: 1-е – Господи, 2-е – Иисусе, 3-е – Христе, 4-е – Сыне, 5-е – Божий. И к ним прибавляй: «помилуй мя, грешную». Так все и тверди. Этим и Богу угодишь, и меня отблагодаришь, и себя спасешь.

Чаще размышляй о будущем блаженстве и будущей муке

Вот то-то и есть, матушка, как жалко расставаться, даже на время, с близкими своими! А что будет с теми, которые станут ошуюю своего Спасителя и Бога в последнюю минуту. И когда навеки, невозвратно, безнадежно, наша Радость, наш Свет, наша Жизнь–Спас наш, окруженный вечною славою, безчисленными сонмами ангелов и святых, пойдет в райские врата в горный Иерусалим, а те тогда воззрят на лики и красование спасенных, а сами пойдут в бездны и закроют их горы, сквозь которые не проникнет никогда ни малейший луч света, ни малейшего звука сладчайшего Иисуса!.. Размышляй о сем! Если будешь об этом чаще размышлять, то не будешь так раздражительна и так капризна. И милостивее будешь к сестрам!

Дух Святой утешает нас в скорбях

Не забыл я тебя, малодушная! Помню, всегда помню я тебя! Но утешить не в моей власти, ибо Утешитель наш – Дух Святой. Обращайся к Нему чаще сердцем, и Он непременно придет к тебе. Только не тогда, когда ты сама захочешь, и когда срок назначишь. А что помыслы мутят, и ропот, и малодушие, то это обычный плод неправильной и слабой жизни. Но придет час, и ныне есть, егда мертвые (т.е. духом) услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут, т.е. Духом Святым.

Надо жить мирно

...Ты все с Настей воюешь. Это уж так вечно: два медведя в одной рукодельной. А ты вот что сделай: в благоприятную минуту поговори с Настей, чтобы начать с нею жить мирно. Но только знай, что тогда нужно будет ей уступать: «Честью друг друга больше себе творяще». А без любви к ближнему трудно спастись. Да и все-таки придется взяться за эту добродетель, а то и вовсе не спасемся.

Блудная страсть всех воюет. Труды наши оценятся в день Страшного суда.

Не забыл я тебя, да самому-то пришлось тошно. Весь пост без отдыху был. Блудная страсть всех воюет, и на мытарствах бес блуда похваляется пред всеми князьями тьмы, что он больше всех дал добычи аду. Терпи и проси Божией помощи. Говорить сестрам на пользу хорошо, а молчать еще лучше. А, себя укоряя, за них молиться – еще того лучше.

Начальство учись чтить и любить, а труды наши оценятся достойно и праведно в день общего суда. Понуждай себя, сестра, ибо нудящих себя есть Царство Небесное. Помыслы нужно открывать те, которые особенно часто докучают. Об умной молитве тебе еще рано знать. Твори пока устную: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную.

О Богоявлении Господнем

Поздравляю тебя и всех единокоренных наших матушек и сестриц со вступлением в новое лето и наступающим великим праздником Богоявления Господня. Великое дело – Богоявление. Оно празднуется Св. Церковью во вселенной. Празднуется и всякой православной душой (особенно монашеской), когда душа скорбями, терпением, покаянием и смирением поочистится от страстей, и особенно демонской гордости, обрящет мир, тогда она и сподобляется Богоявления, т.е. Бог Сам видим бывает душою и живет в ней: «В мире место Его». А следующие слова: «и жилище Его в Сионе». Это от вас еще далеко. Много надо ума и подвигов, чтобы вознестись до сего. А мир вы можете найти; сначала в своей душе, а потом с сестрами, а потом и с Богом. Тогда и будет у нас Богоявление. А потому и старайтесь снискать мир вожделенный. Конечно, сами не можете, а попросите Бога – и даст вам «мир, всяк ум превосходящий».

Полюби противных

Воистину Христос Воскрес!

М., не ярись! М., смирись! Ты просто чудишь! Переругала всех девчонок и спрашиваешь: может, это от врага? А неужели, думаешь, от благодати? Ах ты, монахиня! С деревенщины, с девчонок взыскивает по закону, и сама закон монашеский попирает: зуб за зуб. Матушка ты моя, преподобная ты моя, серебряная, позолоченная! Ну, они не хороши, а ты-то зело хороша? Трах-тарарах, этакие, такие, противные, смотреть не хочу. Да чем же ты лучше-то их? Этак ругаться и они умеют и сердиться. За что ж тебе почет-то? За то, что ты постарше? Да это еще хуже для тебя! Господь сказал: «Аще кто хочет быти старей, да будет всем раб и всем слуга». А ты – как барыня сердитая: «Противные, глядеть не хочу». Смирись! Не обезумь от гордости и гнева... А ты, по милости Божией, по-христиански, по-монашески, потерпи, дай девочкам хороший пример, полюби противных – и Господь полюбит нас, грешных!

Страсти смиряют

Мир тебе и благословение Господне! Из письма твоего вижу жалобу по-прежнему, – т.е., что ты стареешь, а страсти не отходят, даже несмотря на твои почтенные двадцать пять лет. Очень жаль, что ты столько лет прожила на свете и не истребила страстей! Впрочем, и то сказать: что ж бы ты теперь стала делать в свои почтенные двадцать пять лет? Чем бы тебя можно было смирить? А то вот теперь, копаясь в этой вонючей навозной куче страстей, не поднимешь высоко бровей. И уж особенно нужно умудриться, чтоб погордиться.

Будь же, хоть и грешна, но смиренна, – и будешь мирна. А на смиренных-то Господь и призирает.

О высоком звании невесты Христовой. Ищи мира душевного.

Поздравляю тебя, С., со вступлением в избранное и возлюбленное Господом нашим стадо, в число невест Божиих. Блуди себя, живи достойно новому своему званию, а звание сие высоко. О нем говорит апостол: «Вы есте граждане Иерусалима Небесного, царское священство, язык свят, люди обновления». «Жительство ваше на небесах есть». А небесное жительство, вернее, небесное царствование чем достигается? Святое Писание говорит: «Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное».

А потому, если обьмут тя скорби – радуйся, ибо ты тогда идешь истинным путем. А кто не отбегает от скорбей и несет оные по силе, тот и получит Царство вечное.

На возвратном пути мать твоя была у нас и порадовалась, что ты мирна и даже весела. Старайся по силе быть в мире душевном, ибо о Боге сказано: «В мире место Его».

То есть, Бог Сам живет в том человеке, у которого мирное сердце. Главное, считай себя хуже всех, не ищи ни любви, ни чести ни от кого, а сама ко всем оные имей – вот и получишь мир! А как только начнешь искать, чтобы другие тебя заметили, да отыскали

бы в тебе достоинства и некоторые добродетели, тогда прощай мир душевный!

Батюшка о. Амвросий посылает тебе благословение!

Страдающие со Христом, с ним и прославляются

Христос Воскресе! Что ты заскучала? Или не веруешь в Бога, посещающего нас? Кто умер за тебя, ужели Тот еще мало любит тебя? Ты Ему еще ничем не доказала любви, а Он доказал словом, и делом, и обетованием; Сам учил нас терпеть скорби и шел скорбным путем, и умер за нас позорною смертию. И оставил возлюбленным своим такое завещание: «В мире скорбь иметь будете. Но скорбь ваша в радость претворится. И радости вашей никтоже возьмет от вас». А здешние радости мимолетны. И потому радуйся, состражди с Женихом своим Иисусом.

«Вчера спогребохся Тебе, Христе: совостаю днесь, воскресшу Тебе. Сраспинахся Тебе вчера – (за это) Сам мя спрослави во Царствии Твоем».

Понимаешь ли, «спрослави»? То есть осияй меня тем же светом, каким Сам Вседержитель сияет! Одень меня тою же царственной одеждою божественною, в какой Сам сияешь, сидя одесную Отца Твоего на престоле величества на небесах.

И Сам Иисус того просит у Отца Своего: «Отче! Их же дал еси Мне, да будут с Нами едино, яко же и Мы с Тобою. Ты во Мне, и Аз в Тебе, и тии будут с Нами едино». Аминь.

Как избавиться от злых людей

Ты спрашиваешь, чем можно избавиться от злых людей? Простым образом мыслей и чувств, что ты пришла работать не демону, но Богу. И что Владыка неба и земли, и всей вселенной – не демон, а Бог, повелевающий и ангелам, и демонам, а душам нашим мир дающий. На приписку твою ответствую припиской: «Если скорби твои смиряют тебя, дают духу спокойствие, и влекут к молитве, то знай: чувство твое не обманчиво. Потому св. Марк Подвижник говорит: «В скорбях сокровенна есть милость Божия».

Надо нести крест послушания и быть снисходительной к немощным

Взаимно и вас поздравляю с Новым годом при желании обновления жизни, яже ко спасению. Разумеется, все сие не безтрудно достается, а с большими скорбями и терпением при достождном несении своего послушания. Кому бы не хотелось почить от дел? Я вот уже двадцать лет ношу тяготу своего служения на пользу ближнего, а в настоящее время и слаб здоровьем, страдаю одышкой и бессонницей, но кто может самолично снять с себя то послушание, которое Всеблагий Господь возложил на пользу души нашей и других? Хотя мы не должны видеть и, может быть, мало пользы доставляем себе и другим, но Господь един ведает все, и не лишит мзды Своея и доброго произволения, и расположения сердца.

Сказать нужно без сомнения, что всякому дается свой евангельский крест для спасения, и он вырос на почве нашего сердца, и этим крестом только можем мы спастись. Отсюда следует, что если мы отрицаемся нести свой крест послушания без благословной вины, то мы отрицаемся идти путем Христовым, путем спасительным, и хотим для себя сочинить иной путь – безтрудный к восхищению Царства Небесного, а этого быть не может: нудится Царствие Божие и нуждницы восхищают оное.

Любить ближнего и удовлетворять потребностям сестринским и снисходить немощам их – дело благое и спасительное. Но если же игумения идет вразрез этому, то более благотворите втайне и успокаивайте кого чем можете, а в споре толку мало, – скорее повредит обеим сторонам, чем попользует... Не отвечал вам долго и по болезни, и по крайнему недосугу. Прошу великодушно простить моему многонедужию...

Наставление, как жить и спасаться

Благословите меня, святии матери и сестры! И во-первых, преподобнейшая наша мать Т. и все преподобные матери и сестры!

Хотел я лично явиться к вам, но немощь одолела...
Погода сырая, а здоровье мое вам известно; простите меня!
Благодарю вас за привет ваш и любовь о Господе. Вы порадовали меня много.
Повезу весть добрую нашему отцу и старцу; подвизайтесь!
Прежде всего, покоряйтесь старшим, несть власть, аще не от Бога; противляющиеся власти – Божию велению противляются, а таковые грех приемлют.
Посещайте неопустительно, кто может, храм Божий – в нем наша жизнь.
Не оставляйте общей трапезы. «На общей трапезе возлеже возлюбленный, – говорит св. Исаак Сириянин, – а тайная трапеза есть блудная трапеза».
Держитесь отеческих преданий: не ходите по кельям, не принимайте мирских, особенно мужчин, не заводите дружбы между собою – мы все родные, и особенные приятели всегда беззаконны.
Простите меня, недостойного и грешного, и аз, слуга ваш, вас прощаю во имя Господа Иисуса. Не посетуйте, что беседую с вами не лицом к лицу, верьте: сердце мое с вами, и будет с вами, пока будете держаться заветов блаженных отцов наших Макария и Леониды. Мир вам и спасение!

Преподобный Исаакий I

ЖИТИЕ

Предки преп. Исаакия (в миру Ивана Ивановича Антимонова) происходили из именитого зажиточного купеческого рода города Курска и имели звание почетных граждан.

Семья Антимоновых придерживалась самого строгого и сурового патриархального образа жизни старого русского купечества.

Иван Иванович, родившийся в 1810 году 31 мая, был пятым и вместе последним ребенком от первого брака его отца Ивана Васильевича с девицей Анной Пузановой. Благочестивый дед Ивана Ивановича был особенно расположен к своему маленькому внуку и часто брал его с собой в храм Божий, куда имел обыкновение ходить ежедневно к утрени и обедне. Отец Ивана Ивановича, воспитанный в строго христианском духе, унаследовал добродетели своего родителя. Его простота и смирение производили благоприятное впечатление на всех, сталкивавшихся с ним в жизни. Сохранилось известие о путешествии его в Киев в 1809 году к старцу иеромонаху отцу Парфению, который, говорят, при входе приветствовал его словами: «Блаженно чрево, родившее монаха».

Семейство Антимоновых пользовалось большим уважением в городе за любовь к дому Божию, строгость христианской жизни, безукоризненную честность, усердие к служителям алтаря и монашеству и милосердие к бедным; для раздачи милостыни у них был назначен даже особый день в неделе. Иван Васильевич – человек простой, но по своему образованный, в воспитании детей придерживался старых обычаев и требовал от них безпрекословного повиновения и такого уважения к родительскому авторитету, что дети не осмеливались садиться пред ним без позволения. Впрочем, он не прибегал к обычным в то время мерам строгости и никогда не поднимал на детей руки, потому и не удивительно, что они, при невольном страхе пред властью родителя, сердечно его любили.

Иван Иванович еще в ранней юности отличался скромностью, любил уединение и старался уклоняться от товарищеских игр и увеселений.

Молчаливость, не позволявшая ему сказать пустого слова, не мешала, однако, подчас

проявляться его природной веселости.

Простота при ясном уме давала Ивану Ивановичу возможность быть в самых близких отношениях с простым народом, с которым он имел дело, когда, по достижении зрелого возраста, начал помогать отцу в его торговых занятиях. Он имел на подчиненных ему рабочих людей самое благоприятное влияние в нравственном отношении, внушая им страх Божий, когда при расчете вступал с ними в беседу. Так, он отучал их от божбы. Сердечная доброта и справедливость самым лучшим образом уживались в душе его, проявляясь во всех более или менее важных обстоятельствах его жизни.

Твердость его характера выразилась особенно в мужественном перенесении всяких лишений и подвигов во имя религиозных целей в продолжение девятнадцати лет до поступления в монастырь. Сохранилось предание, что он в то время, ежедневно становясь на молитву, полагал по тысяче поклонов. Но воздержание свое и подвиги он старался тщательно скрывать от домашних и успевал в этом. В скоромные дни он умел обходиться без мяса, не будучи замеченным. Особенная ревность к посещению храма Божия, поощряемая благочестивым дедом, возбудила в нем любовь к церковному пению, в котором он принимал участие, стоя на клиросе, а для большего упражнения собирал по праздникам певчих на дом, устраивал хоры и изучал ноты, из которых некоторые впоследствии даже взял с собой в монастырь.

Твердая вера в Промысл Божий возгревалась в нем многими знаменательными событиями в его жизни. Так однажды, когда в праздник пришлось ему по необходимости перевесить товар, внезапно обрушилась перекладина, на которой были утверждены весы, и Ивану Ивановичу грозила смерть, но тяжелое железное коромысло, весом в пятнадцать пудов, не задев его, упало к его ногам. С тех пор он дал обет не работать более по праздникам.

Послушание воле родительской было у него всегда на первом плане. При нарождавшемся желании удалиться от мирских соблазнов, не скоро, впрочем, Иван Иванович последовал влечению своего сердца. Препятствием к тому служило для молодого человека, во-первых, то, что родителем его возложены были теперь на него все хозяйственные дела, и потому отец его никак не согласился бы отпустить его в монастырь, хотя бы тот и стал проситься, а во-вторых, перемена жизни приводила его в недоумение: как это сделать, и послужит ли это ему на пользу. Так он колебался до 36-летнего возраста и ожидал особенного указания Промысла Божия.

Таким указанием он счел неудачное свое сватовство. Неоднократно родитель Ивана Ивановича предлагал ему вступить в брак. Находились и невесты, но каждый раз сватовство его, по некоторым причинам, расстраивалось. После этого он уже окончательно решился привести в исполнение свое заветное решение идти в монастырь.

Нужно заметить, что незадолго перед тем старший брат его Михаил Иванович уже вступил в монашество в знаменитую своими духовно опытными старцами Оптиную Пустынь. И вот Иван Иванович обратился теперь к нему с просьбой, дать ему совет насчет поступления в обитель. Брат решительно отказался исполнить его желание, считая необходимым, чтобы в таком важном деле каждый сам был решителем своей судьбы, действуя свободно, по призванию Божию. С тех пор как Михаил Иванович устроился в Оптиной, Иван Иванович, посещая брата, имел случай лично познакомиться с ее великими старцами. Впоследствии он сам рассказывал, какое глубокое впечатление произвела на него прозорливость старца Льва. Старец, выслушав его с отеческой любовью, очень утешил своей беседой и, отпуская, предсказал, что со временем и он будет в монашестве. Такое же расположение было у него и к другим оптинским старцам, настоятелю преп. Моисею и братскому духовнику преп. Макарию, с которым Иван Иванович был даже в переписке. Старцы, в свою очередь, питали к Ивану Ивановичу любовь за его доверие к ним и простоту.

В 1847 году, когда родитель послал Ивана Ивановича по торговым делам на Украину, последний, исполнив возложенное на него поручение, решился уже безповоротно бежать

в Оптину Пустынь, и таким образом сразу порвал привязанность к родным. Написав письмо к родителю с известием о своем решении, он отправился в Оптину. Как гром поразила Ивана Васильевича весть о решении сына.

Прибыв в Оптину, Иван Иванович не застал в ней более ни своего брата (он был переведен в то время в Тихонову Пустынь, а затем перешел в Киево-Печерскую Лавру, где был в сане архимандрита и наместника Лавры и почил о Господе), ни первого своего старца преп. Льва, скончавшегося 11 октября 1841 года. Обителью управлял преп. Моисей. По совету преп. Макария и с позволения отца игумена, Иван Иванович поступил первоначально в скит. Не трудно было Ивану Ивановичу подчинить свою волю старцу, которого он знал, уважал и сердечно любил, еще будучи в миру.

По поступлении в скит, молодого послушника Иоанна поместили сначала на пасеке и, по монастырскому обыкновению, назначили ему послушание печь хлебы, которое он выполнял с ревностью около года, затем некоторое время был поваром. Обладая необыкновенно крепким здоровьем и наделенный от природы большой телесной силой, Иван Иванович никогда не отказывался от общих братских послушаний, и вместе с братией убирал покос, в свое время рыл картофель, рубил капусту и пр.

Но оставив жизнь мирскую, ради Бога и спасения своей души, без родительского соизволения и благословения, Иван Иванович не мог быть вполне спокоен, а потому, прожив в скиту с год, он, по совету старца Макария и даже с ним вместе, отправился к Курск для испрошения у своего отца прощения в самовольном поступке. По молитвам старца и при его содействии, Господь помог восстановить мирные отношения между родителем и сыном.

Переведенный в другую келью, внутрь скита, он вместе с соседом своим отцом Ю., к которому питал постоянную любовь и дружбу, занимался келейно переплетом книг, продолжая, вместе с тем, ходить и на общие братские послушания. Неся с усердием внешние труды, новоначальный послушник не забывал и внутреннего своего устройства, неопустительно посещал все службы Божии, отправлявшиеся в скиту, и делал это с таким усердием, что всегда являлся первым и уходил последним, сохраняя, большей частью, свойственное ему молчание до начала правила или церковной службы, возгревая дух свой молитвой. Молодой подвижник старался в то же время сохранять мир ко всей братии, чем, в свою очередь, заслужил общую любовь и уважение. Особенной дружбы он не имел ни с кем, за исключением одного лишь вышеуказанного соседа, отца Ю., да жившего в то время на покое в скиту игумена Варлаама, отличавшегося высокоподвижнической жизнью, делателя умной молитвы Иисусовой.

Не без искушений, конечно, жил молодой подвижник в скитском безмолвии. Сам он рассказывал, что исконный враг рода человеческого сильно возмущал его душу помыслами – оставить святую обитель.

Вместе с усердной молитвой молодому подвижнику помогало низлагать хитрости врага непрестанное откровение помыслов старцу. Так однажды, боримый помыслом тщеславия о своем приятном голосе, он поспешил исповедать его старцу, но последний смирил его указанием на пример быка, который, обладая гораздо более громким басом, не гордится Ким.

Смирная дух, молодой подвижник непрестанно поработал ему тело, удручая его подвигами поста.

Обстановка его кельи отличалась необыкновенной простотой. Даже сколько-нибудь ценных икон у него в келье не было. Постепенно, с облечением в рясофор, пострижением в мантию, а затем и посвящением в священный сан, он усугублял строгость своего поведения.

В 1854 году 5 октября он принял постриг в мантию, а вместе и новое имя Исаакий. С этого времени он оставил даже невинные шутки, к которым имел способность по своему природному остроумию и которыми прежде любил иногда увеселять братию, и вообще заметно уклонялся от всяких излишних бесед. Смирный подвижник, думавший лишь о

спасении души своей, всеми силами старался избегать славы мира сего, уклоняясь даже от принятия сана священства, и только по убеждению своего духовного отца, старца Макария, против воли, со слезами согласился на посвящение. Вследствие чего и рукоположен был сначала в иеродиакона, в 1855 году 19 июня, а затем и во иеромонаха, 8 июля 1858 года.

Приняв сан священства, преп. Исаакий нисколько не изменил своей подвижнической жизни.

В 1860 году старец отец Макарий, предвидя близкую кончину настоятеля Оптиной Пустыни престарелого подвижника преп. Моисея и сам чувствуя оскудение сил телесных, отправился в Москву к Московскому митрополиту Филарету. Милостиво принятый митрополитом преп. Макарий, между прочим, выразил ему свое желание, чтобы место настоятеля в Оптиной Пустыни, по кончине преп. Моисея, занял скитский иеромонах Исаакий, описав при этом его нравственный облик. Владыка вполне одобрил мнение старца Макария, и с тех пор избрание преп. Исаакия в настоятели было уже делом решенным. Когда слух об этом дошел до смиренного преп. Исаакия, он тотчас отправился к старцу, прося в этом деле его совета и стараясь отклонить состоявшееся назначение. Но преп. Макарий ответил ему: «Ну что ж, что ж? Если воля Божия будет на это, и будут тебя избирать, то не отказывайся. Только не гордись! Иди!» Такое же расположение в пользу преп. Исаакия было заметно и в самом настоятеле преп. Моисее.

В конце 1860 года 7 сентября великий старец о. Макарий, после долгих трудов и подвигов, в Бозе почил, оставив преп. Исаакия на попечение своего присного ученика и преемника великого старца Амвросия.

Два года спустя после кончины старца Макария, в 1862 году, скончался и преп. Моисей, и преп. Исаакию пришлось заместить его в управлении обителью. Трудно было смиренному подвижнику, любителю безмолвия, проводившему большую часть времени в чтении творений св. отцов-подвижников, в которые он любил углубляться и размышлять в уединении, принять на себя бремя правления обителью, сопряженное с постоянными заботами и пребыванием в молве. Горькие жалобы его на свою участь вызвали высокодуховное послание со стороны его старшего брата, бывшего в то время уже наместником Киево-Печерской Лавры, о. архимандрита Мелетия, полное мудрых советов о достойном управлении обителью после такого примерного пастыря, каковым был приснопамятный преп. Моисей. И преп. Исаакий во всю свою жизнь строго соблюдать заветы своего брата, особенно его совет не читать писем, получаемых братией, и очень благодарил его за сердечное к себе участие.

С самого же вступления в должность настоятеля преп. Исаакий поощряем был от высшего начальства наградами. Именно: 16 июня 1863 года он был награжден набедренником; в 1864 году 8 сентября, вследствие определения Св. Синода, возведен архиепископом Григорием в сан игумена, а в 1868 году 31 марта награжден был наперсным, от Св. Синода выдаваемым, крестом.

Оптинский настоятель преп. Исаакий говорил: «Я принял обитель с одним гривенником». Действительно, по кончине нестяжательного преп. Моисея, как рассказывали старожилы, в денежном его ящике нашли наличных денег только один гривенник, и то потому только, что он завалился где-то в трещине.

Первые дни начальства были тяжелым испытанием для преп. Исаакия и послужили к утверждению его веры в Промысл Божий о святой обители. Приходилось ему нередко плакать о невозможности содержать братию, но вдруг известие об уплате долгов ее и еще о завещании одного благочестивого жертвователя в ее пользу пятнадцати тысяч рублей рассеяли его печаль. Он возблагодарил Господа, воскликнув: «Господи, я, неблагодарный, не имея на Тебя надежды, стал было сетовать, а вот уже и помощь Тобою послана». С тех пор преп. Исаакий уже не переставал возлагать упование свое на Господа и нужд материальных более не встречал, ибо доходы монастырские видимо стали увеличиваться и уже не прекращались почти во все время его управления обителью. Причиной тому был

великий старец Оптиной Пустыни преп. Амвросий, к которому во множестве стекались посетители со всех концов России и несли в обитель посильные жертвы. И еще другой старец, тогдашний скитоначальник преп. Иларион, имевший много духовных детей, из коих некоторые были весьма состоятельны, также немало помогал настоятелю в материальном отношении.

Прежде всего преп. Исаакий занялся достройкой не оконченного при преп. Моисее храма во имя Всех Святых, что на новом кладбище. Затем, в конце шестидесятых годов, он в Казанском соборе вновь устроил иконостас, а в Введенском перестроил старый и сделал новые полы. Впоследствии он значительно расширил Казанский собор со стороны паперти, устроив во вновь приделанной части его хоры и помещение для ризницы, а внизу – подвал. Вся стенная живопись в обоих храмах, как и в верхних ярусах обоих иконостасов, была произведена вновь.

В 1874 году, по завещанию скитоначальника, преп. Илариона, скончавшегося в 1873 году, преп. Исаакий приступил к постройке новой больницы и на пожертвованные, отчасти самим преп. Иларионом, отчасти его почитателями, деньги выстроил вне монастырских стен большое здание для больницы, с церковью во имя св. Илариона Великого. Впоследствии она была расписана внутри. При больнице имелась аптека, снабженная всеми необходимыми медицинскими средствами, для общего бесплатного пользования братии и посетителей обители, находящаяся под непосредственным ведением врачей из числа братства.

В том же году, по совету старца преп. Амвросия, преп. игумен Исаакий обратил внимание на книжную лавку.

В начале восьмидесятых годов пришла старцу Амвросию мысль, вследствие его великого усердия к своим двум ангелам – монашескому и мирскому, т.е. Святителю Амвросию Медиоланскому и благоверному князю Александру Невскому, устроить в монастыре в честь этих святых особые приделы. Удобнее для сего места не представлялось, кроме рухлядного корпуса. И вот старец и настоятель, по обоюдному согласию, решились: первый перестроить рухлядный корпус на церковь, а последний, на счет монастырских сумм, устроить новое, более удобное помещение для рухлядной, тем более что прежнее помещение было уже и тесно. Вскоре слова их перешли в дело.

Преп. Исаакием затем dokonчена была постройка водопровода и воздвигнуты здания, новой гостиницы, хлебной, настоятельской кухни, братской, прачечной; переделаны булочная, братский корпус против Казанского собора, настоятельские покои, скотный двор и старые гостиницы по обеим сторонам св. ворот. При нем же в скиту, впрочем на скитские средства, устроен был придел во имя преп. Макария Египетского, в память почившего старца о. Макария, а впоследствии в монастыре, при деятельном участии монаха Оптиной Пустыни Иринарха (Субботина), приобретен большой колокол в семьсот пятьдесят пудов. Сверх всего исчисленного, преп. Исаакий, по благословению преосвященного Григория II, на пожертвованные в обитель деньги озаботился обеспечить ее строевым лесом и топливом, в которых Оптина Пустынь очень нуждалась. Была в обители такая скудость и нужда, что каждый брат сам для себя приобретал дрова на целый год, собирая их в прилегающем к монастырю помещичьем лесу. Чтобы увеличить припасы, необходимые для содержания рогатого скота и лошадей, преп. Исаакий разработал болотистую почву по реке Жиздре, пожертвованную обители еще прежде от казны и носящую название рыбной ловли, где вследствие этой разработки образовались богатые луга; прикупил к сему и еще пятьдесят десятин. Им же приобретены луговые участки на Болховской мельнице, пожертвованные в монастырь одной благодетельницей.

Большую нужду терпела обитель в восковых свечах для церковного употребления. Тогда преп. Исаакий пришел к мысли о необходимости устроить в монастыре собственный свечной завод, где можно было бы готовить свечи, согласно требованиям церковных правил, т.е. из чистого воска. Завод начал действовать с 1865 года, получая воск самого лучшего качества из Курска через посредство родственников

преп. Исаакия. Дело пошло очень хорошо, вполне удовлетворяя потребности оптинских храмов Божиих в монастыре и скиту.

К чести преп. Исаакия относится и то еще, что он поощрял усердие о. казначей Флавиана разводить в обители сады и огороды. Этот о. казначей был деятельным помощником преп. Исаакия во всех его трудах и заботах о материальном благоустройении и обеспечении обители. О. Флавиан был неутомимый труженик на ниве Божией, которого преподобный ценил весьма высоко, любил и уважал до самой его кончины, последовавшей 30 мая 1890 года. В отношении же письмоводства главным помощником преп. Исаакия был его письмоводитель иеромонах о. Макарий Струков, впоследствии архимандрит, настоятель Можайского Лужецкого монастыря. И о. Исаакий до конца жизни своей относился к нему с благодарностью и сердечным расположением, высоко ценя его 25-летние труды для обители. Таким образом, деятельность преп. Исаакия на пользу св. обители с внешней стороны почти не отличалась от деятельности предшественника его, преп. Моисея. Разница только в том, что при преп. Исаакии обитель внешне устроилась, когда у нее уже были достаточные средства, а преп. Моисей во все время своего настоятельства, по его собственному выражению, был «богат только нищетою».

Но, если преп. Исаакий обращал такое большое внимание на внешнее благоустройство монастыря, то тем большее попечение имел он о внутреннем благоустройении насельников его, которое после преп. Моисея было в цветущем состоянии, причем духовные силы преимущественно сосредоточены были в скиту, откуда, как светлое солнце, сияло самое старчество, столь прославившее Оптину Пустынь. Здесь во главе духовных подвижников стоял великий ученик блаженного старца Макария – старец о. Амвросий.

Преп. Амвросий вполне заменил для преп. Исаакия его духовного отца и руководителя, покойного старца Макария. Мир и согласие, царствовавшие в обители, свидетельствовали о благотворном влиянии, которое имело старчество среди ее сынов, насаждая в них добродетели любви и послушания.

Возлагая на старца духовное окормление братии, преп. Исаакий и сам не оставлял руководствовать их к добродетельной жизни и с этой целью, при каждом удобном случае, обращался к ним с приличными наставлениями. Наставления эти были просты, тем не менее назидательны и действенны.

Глубоко сознавал тяжкую ответственность настоятеля пред судом Божиим за каждого брата, оставленного им без вразумления. Если в ком-либо замечалось ослабление усердия к иноческим подвигам, преп. Исаакий призывал его к себе, напоминал ему обязанность инока и цель, с которой каждый оставляет мирскую жизнь, а равно обеты, данные им при пострижении, и возбуждал в нем усердие к дальнейшему прохождению принятого на себя подвига.

Особенное внимание обращал преп. Исаакий на неопустительное посещение братьями храма Божия. Еще живя в скиту, в разговорах с насельниками, тех, кои без нужды выходили из храма не дождавшись окончания службы, он уподоблял предателю Иуде.

Возгревая же ревность братии к общественной молитве, преп. Исаакий говорил: «За это вас Царица Небесная не оставит и пошлет Свою милость», причем собственным исправным посещением церковных служб сам первый подавал всем добрый пример.

За неопустительным соблюдением церковного устава, а равно за благоговейным отправлением служб церковных, неспешным чтением и чинным стоянием братий в храме преп. Исаакий наблюдал и сам непосредственно, и чрез уставщика и благочинного. Считая праздность матерью пороков, он ревностных поощрял, а ленивым угрожал праведным судом Божиим. «Бог накажет за леность», – говорил он, возбуждая их усердие. Если кто-либо изъявлял свое неудовольствие тяжестью или неудобством порученного ему послушания и роптал на монастырские порядки, преп. Исаакий обыкновенно отвечал: «Брат! Возьми мои ключи и начальствуй, а я пойду исполнять твое послушание», – и таким образом усовещивал и вразумлял непокорного. Вообще преподобный требовал от

братии безпрекословного повиновения воле начальства, считая послушание высшею добродетелью инока.

Стяжав долгим навыком благодатное смирение и считая это необходимым для спасения, преп. Исаакий не благоволил к тем из братий, в ком замечал гордость или тщеславие: желание выказать свои таланты пред ним или пред братией.

Особенно преследовал преп. Исаакий дерзость и упрямство, причем, если брат после старческих внушений и наложенного на него наказания не исправлялся, то он высылал его из обители.

Забываясь о нравственном преуспейнии братства, преподобный Исаакий не любил отпускать кого-либо из стен обители даже на богомолье, особенно на долгий срок.

Обращая, таким образом, главное внимание на внутреннюю жизнь инока, преп. Исаакий требовал исполнения и наружного благочиния.

Излишнего винопития терпеть не мог.

Не любя свободного обращения братии с мирянами, а равно празднословных бесед, он строго воспрещал, особенно молодым послушникам, ходить без нужды в гостиницу, принимать по кельям мирских посетителей.

Для лучшего наблюдения за поведением братии, преп. Исаакий посещал иногда кельи, преследуя при этом всякое излишество. Так раз, войдя к одному монаху и увидев постланный у его кровати половик из серого сукна, он сказал: «Это излишество, достаточно постлать рядно».

Простота обращения преп. Исаакия с братиями была поразительна. Вне начальственных отношений он считал всех как бы равными себе; не стеснялся сажать своих монахов рядом с собою пить чай или беседовать. Если во время своих неоднократных поездок на монастырские дачи встречал там кого-либо из иноков, приехавших туда же по делу, иногда с ними шутил. «Что, разве со мною конфузно?», – бывало, скажет он монаху, если тот из почтения к настоятелю хочет удалиться в отдельное помещение. Отличаясь же в отношении к братии простотой и смирением, преп. Исаакий нередко выказывал нежную отеческую заботливость.

Впрочем, особенной любви к кому-либо старался не выказывать, дабы не возбудить зависти в других, а отличаемого брата не привести в гордость. Оценивая столь мудрое и любвеобильное отношение к себе старца-настоятеля, братия, в свою очередь, питала к нему нелицемерную любовь и уважение как к строгому начальнику и любвеобильному отцу, называя его в домашних беседах не иначе как «дедушкой». Веря в благодатную силу молитв своего «дедушки», некоторые иноки случавшийся благополучный исход из тесных обстоятельств приписывали ей. Так, один монах, будучи в опасности погибнуть при переправе через реку осенью, когда лед был еще не крепок, призвав на помощь молитвы своего «дедушки», избавился от опасности. Многие признавали силу действенности его слова, по которой иноки, входя к нему часто очень расстроенными, выходили вполне покойными, забыв все свои скорби. «Какие у нас скорби? – говорил при этом преп. Исаакий, – у нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру так скорби: жена, дети, обо всем забота, а у нас что? Полно Бога гневать, надо только благодарить Его – живем на всем готовом».

При приеме в монастырь желавшего поступить в число братства преп. Исаакий руководствовался обычаем, установившимся еще при преподобном Моисее, по которому они принимались по благословению старца и с согласия настоятеля. Послушников из других монастырей, по совету старца и собственному убеждению, преп. Исаакий принимал только в самых исключительных случаях, зная, что поступающие из чужих обителей или не могут свыкнуться с оптинскими порядками, или, что еще хуже, станут возмущать мир братии, который для настоятеля был дороже всего. Престарелых и немощных, но состоятельных людей принимал с денежным вкладом, будучи убежден, что монах сам должен питать себя или трудами рук, или взносом в обитель приличного обеспечения; к неимущим же, в ком замечал горячее усердие и ревность к иночеству,

оказывал снисхождение. Относясь с искренним расположением к каждому сыну обители, как своему чаду духовному, преп. Исаакий не делал резких сословных различий, хотя и снисходил, по возможности, к немощам брата, и старался с каждым поступать сообразно его духовному устроению и даже мирским привычкам. Впрочем, при случае он не стеснялся делать всем замечания и выговоры, иногда довольно в резкой форме.

При постриге в монашество или посвящении в священный сан преп. Исаакий опять руководствовался советами старца, без которого не приступал никогда ни к какому важному делу по обители.

К присылаемым в Оптину Пустынь под начало на исправление преподобный относился с отеческим попечением и заботливостью.

Таким образом, в продолжение своего долгого, почти 32-летнего, управления обителью преп. Исаакий всячески старался поддерживать все доброе, завещанное оптинскими старцами предания, заботясь о духовном преуспевании вверенной его попечению братии.

Оптина Пустынь, прославленная старчеством, привлекала в недра свои толпы богомольцев разных состояний. И если старец Амвросий с христианской любовью относился ко всем посетителям: утешал скорбящих, наставлял сомневавшихся в вере, разрешал житейские недоумения и вообще старался благотворить всякому нуждающемуся, то настоятель преп. Исаакий, со своей стороны, заботился о том, чтобы доставлять старцу всевозможные удобства для его многотрудного и многопольного служения людям. С этой целью, для лучшего помещения посетителей, он выстроил новую гостиницу, переделал старые, снабдив их возможными удобствами.

Дабы успокоить монахинь из разных монастырей, находившихся под духовным руководством старца и во множестве посещавших обитель, преп. Исаакий прибавил лишний корпус к бывшим прежде и благословлял им жить по несколько дней безвозмездно. Для странников, убогих и неимущих преподобный построил особое здание странноприимной, где, по его распоряжению, кормили их каждую субботу человек по триста, раздавая при этом милостыню. Кроме того, каждый день, после братской трапезы, предлагалась безвозмездно другая трапеза посетителям. Бедных же жителей Козельска преп. Исаакий ежегодно снабжал лесом для устройства домов, так что большая часть их, построенная возле реки, воздвигнута с помощью о. Исаакия. Он же благословлял им собирать сучья для топлива в монастырском лесу. Облагодетельствованные жители города относились к нему и к обители с благодарностью, любовью и уважением.

Проживали тут же и семейные люди: иные временно, а иные и совсем оставались, внося в обитель за помещение установленную плату. Настоятель относился к ним с большим почтением и предупредительностью, не стесняя ни в чем необходимом и изредка навещая их, в особенности в великие праздники, – Рождества Христова и Пасхи.

К местным епархиальным архипастырям преп. Исаакий относился с примерной покорностью и сыновней преданностью. Особенное благоговение он питал к архиепископу Григорию II, каждое слово которого считал выражением воли Божией.

К мысли старца Амвросия об устройстве Шамординской женской общины преп. Исаакий на первых порах отнесся было не совсем благоприятно, опасаясь близости общины к Оптиной Пустыни. Но успокоенный преосвященным Владимиром, который сам ездил осматривать место, предназначавшееся для обители, и не нашел его слишком близким, преп. Исаакий совершенно переменял свой взгляд. Назначенный же благочинным Шамординской общины и утешенный доверием владыки при ее открытии, когда последний поручил ему наблюдение за установлением в ней монастырского порядка, он начал относиться к ней с теплым чувством. Снисходительным к Шамордину и попечительным оставался преп. Исаакий до самой своей кончины. Так, когда преосвященный Виталий, под влиянием доносов и разных неосновательных толков против преп. Амвросия, решился воспрепятствовать всякому общению Шамординской общины с Оптиной, преп. Исаакий, несмотря на неудовольствие владыки, первый подал голос в защиту сестер, объяснив преосвященному, что они не могут обходиться без

старческого руководства, особенно если обитель их основана на началах старчества, а потому просил разрешения послать к ним духовника из Оптиной. Из внимания к его ходатайству и по другим соображениям владыка впоследствии отменил свое распоряжение. Но еще и до этого преп. Исаакий не стеснялся посылать в общину монахов, понимающих хозяйство, для окончания некоторых начатых дел, о чем просили его сестры и завещал покойный старец.

Преп. Исаакий вставал в двенадцать часов ночи, исполнял положенное в скиту келейное правило, и затем уже шел к утрени. К ранней обедне он ходил постоянно, причем не любил, чтобы служба начиналась без него. Обыкновенно он поминал во время проскомидии всех своих родственников и благодетелей обители. Во время поздней обедни и после полуденного краткого отдыха принимал посетителей или ходил по работам, а при первом ударе колокола к вечерне спешил опять в храм Божий. Когда по воскресным, великим праздникам и торжественным дням преп. Исаакий совершал Божественную службу, сослужившие с ним замечали, что во время главных моментов Богослужения он исполнялся чувством особенного благоговения, причем голос его от умиления прерывался.

Только за год до кончины, при истощении телесных сил, стал присаживаться во время причастного стиха и при разоблачении, когда служил. Относясь сам с примерным благоговением к Божественной службе, он не любил, чтобы и другие совершали ее поспешно и невнимательно. Великим постом, несмотря на старость и слабость свою, канон св. Андрея Критского на первой седмице, первые Евангелия на часах Страстной и утренний канон преп. Исаакий читал всегда сам, причем с умилением, твердым голосом, пел светилен: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...» Несмотря на глубокую старость, голос его был настолько тверд и силен, что каждое слово, произносимое им при чтении, например, молитвы в день святой Пятидесятницы, внятно раздавалось по всему храму, и чтение его было глубоко прочувствовано.

В одежде преп. Исаакий не отличался от прочей братии. Простой поношенный подрясник, в котором он обыкновенно всегда одет был дома, мухояровая ряса и такая же мантия, в которой ходил для служения служб церковных, были обычным его одеянием. Сам чинил себе носки. Между тем, ноги его всегда покрыты были значительными мозолями, на которые он, впрочем, не обращал большого внимания.

В пище преп. Исаакий был очень воздержен, не допуская себе послабления. Он всегда ходил вместе с братьями, в общую трапезу.

Посты он соблюдал очень строго. Сохраняя обычную свою молчаливость, преп. Исаакий не нарушал ее даже и при многолюдных собраниях. Так однажды, в присутствии архиерея, на обеде в Шамордине, когда он, по своему обыкновению, молчал, владыка предложил ему принять участие в беседе. Он же отвечал, что принимает участие тем, что слушает других, ибо надо же кому-нибудь исполнять и эту обязанность.

Каждую субботу накануне служения, он, по обычаю, отправлялся для исповеди в скит, и здесь, сидя в приемной старца преп. Амвросия вместе с другими посетителями, смиренно дожидался очереди, которая иногда доходила до него нескоро. Не изменил он своему обыкновению и после кончины уважаемого старца, продолжая, несмотря на ослабление своих телесных сил, аккуратно посещать его преемника преп. Иосифа, хотя он был из числа постриженников преподобного. Только незадолго до кончины, когда уже силы совсем стали оставлять его, он стал приглашать нового старца к себе. Каждое важное монастырское дело преп. Исаакий решал не иначе, как с советом старца, отсекая при этом собственную волю. Таким глубоким смирением преп. Исаакий подавал пример братии.

Нестязательность преподобного особенно выказалась после блаженной его кончины: от него ничего не осталось, тогда как он в свое время был человек богатый и имел свои порядочные средства.

Кроме общего благотворения нищим от обители, преп. Исаакий и сам от себя раздавал щедрую милостыню, стараясь всячески утаить свое доброе дело.

Вполне отрекшись от мира и всех его прелестей, преп. Исаакий относился к наградам и повышениям совершенно равнодушно, и даже иногда уклонялся от них. Так, когда в начале семидесятых годов ему предложили сан архимандрита, он, по своему смирению, отказался от него, и потому, вместо архимандритства, был награжден палицей 9 июня 1872 года.

В 1885 году преп. Исаакий был представлен и возведен в сан архимандрита уже без предварительного его согласия. В свое время он получал и ордена: св. Анны 3-й и 2-й степени и св. Владимира 4-й и 3-й степеней. Последняя награда была пожалована ему за несколько месяцев до его блаженной кончины.

31 мая 1890 года скончался неутомимый сотрудник преп. Исаакия, казначей обители иеромонах Флавиан, помогавший ему в управлении монастырем почти все время его настоятельства, и с тех пор престарелому настоятелю пришлось испытать много разных скорбей. Думая видеть достойного преемника почившему о. казначею и деятельного себе помощника в лице своего письмоводителя, иеромонаха о. Макария, преп. Исаакий желал поручить ему казначейскую должность, но братство избрало другого, чему не мог противоречить и старец Амвросий. Это было первым поводом к огорчению для престарелого начальника. Затем сильно подействовал на него отъезд старца Амвросия в Шамординскую общину. К этим скорбям преп. Исаакия присоединялись и еще следующие: по удалении старца из Оптиной, доходы ее тотчас же стали сокращаться, так что настоятель по необходимости стал входить в долги, которых к концу его жизни накопилось уже тысяч до десяти. В разговорах с некоторыми преп. Исаакий высказывался так: «Двадцать девять лет провел я настоятелем при старце, и скорбей не видал, теперь же, должно быть, угодно Господу посетить меня, грешного, скорбями».

Здоровье его начало понемногу надламываться. Он пожелал келейно принять пострижение в схиму, которое и совершил над ним братский духовник, скитоначальник преп. Анатолий.

Вскоре затем на преп. Исаакия последовали тайные доносы, что будто бы он, по преклонности лет, не способен управлять монастырем. Введенный этими доносами в заблуждение, преосвященный Виталий распорядился, чтобы составлен был собор из семи старших иеромонахов, который разделял бы с преп. Исаакием бремя правления. Огорченный таким недоверием владыки, преподобный хотел было совсем оставить начальство, и только усиленные просьбы братии удержали его от этого намерения. Собор этот в скором времени был упразднен. Следствие же, произведенное благочинным монастырей, настоятелем Тихоновой Пустыни архимандритом Моисеем, показало единодушное признание всего братства, что настоятель их, преп. Исаакий, всегда был и есть примерного поведения и к управлению монастырем способен. Почему преосвященный Виталий снова стал оказывать свое благоволение преподобному.

Искушаемый столь тяжкими скорбями, твердый подвижник, благодушным терпением их приготавливался в последние годы к переселению в вечность, и лишь за год до кончины, вполне успокоенный, в мире доживал дни своего земного странствования.

В июне 1894 года началась у него предсмертная болезнь – дизентерия.

Утешение его составляли молитва и св. иконы, которые по временам приносили к нему из Козельска и из своей обители. Он был покоен духом, впрочем, готовился к исходу из сей жизни не без страха, который был постоянным спутником его жизни. «Страшно умирать. Как явлюсь пред лицом Божиим и на Страшный суд Его, а сего не минуешь», – говаривал он всегда. За месяц до кончины он передал управление монастырем отцу казначею.

Стекались для прощания с ним как братия, так и посторонние посетители. Последнее его наставление ко всем вообще братьям, из которых многие спрашивали его: «Как, батюшка, жить после вас?», – было следующее: «Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо». Многие из прощавшихся с ним плакали.

20 августа с преп. Исаакием случился удар и с этих пор он уже не мог говорить. К

вечеру 22 августа дыхание его сделалось реже, а в восемь часов вечера он мирно почил о Господе, в глубокой старости, восьмидесяти пяти лет от роду.

Преподобный Исаакий I

ЧУДЕСА

Чудесное избавление от гибели

Вера о. Исаакия в Промысл Божий укреплялась неоднократно посещением его во время настоятельства милостью и помощью Божией. Преп. Исаакий рассказывал о себе следующее. Поехал он однажды на монастырскую мельницу, под г. Болховым. Время было зимнее. Переночевав в г. Белеве, он, по обыкновению, сел в возок, и лошади тронулись далее. Неизвестно отчего, только вдруг они быстро понеслись и начали бить. Кучер успел соскочить с облучка и только, смотря вслед бешено удалявшейся тройке, видел, как возок с сидевшим в нем настоятелем подпрыгивал по дороге. Чувствовал о. Исаакий постигшую его беду, но не имел возможности освободиться из закрытого со всех сторон возка и потому мысленно обратился с усердной молитвой о помиловании к Св. Николаю Чудотворцу. Вдруг лошади моментально остановились. О. Исаакий вылез из возка, подошел к ним и начал их поглаживать. Оказалось, что тройка остановилась на самом краю глубочайшего оврага. Еще бы одна минута, и уже негде было бы искать настоятеля с возком и лошадьми. Кучер, бежавший вслед за возком, воскликнул: «Батюшка, вы целы?» – «Как видишь», – отвечал о. Исаакий. «А я думал, – продолжал тот, – что и косточек ваших не соберешь». Так, по молитвам Святителя Христова Николая, о. Исаакий остался жив и не чувствовал даже боли от толчков в возку, а уже после, через некоторое время, стал ощущать боль в теле и несколько похворал. С того времени о. Исаакий особенно благоговел к скорому заступнику в бедах Святителю Николаю Чудотворцу.

Явление старца Исаакия епископу Александру

На погребение о. Исаакия прибыл Калужский епископ Александр. 23 августа он слушал зауспокойное всенощное бдение, а на следующий день, 24 числа, по совершении Божественной Литургии, совершил и чин погребения. Замечательно, что в ночь с 23 на 24 число, когда епископ Александр лег в постель и, быть может, задремал, вдруг перед ним явился о. Исаакий в схимнической одежде и строгим голосом спросил: «Ты зачем сюда пришел?». Епископ Александр встал с постели и перешел в зал; там лег на подрыснике, но и там опять был потревожен видением о. Исаакия. Так он провел всю ночь без сна. Это явление крайне встревожило епископа Александра, и он не мог утерпеть, чтобы не рассказать об этом странном явлении княгине О. и вслух всем на другой день, 24 августа за обедом. По отъезде из Оптиной Пустыни он простудился, серьезно заболел и 8 октября 1895 года скончался.

Преподобный Иосиф

ЖИТИЕ

Старец Иосиф, в миру Иван Литовкин, родился 2 ноября 1837 года, умер 9 мая 1911 года. Это был ближайший ученик великого старца Амвросия, – ближайший не по внешности только, но и по духу, по силе послушания, преданности и любви. Это было поистине «чадо любимое» старца Амвросия. Это чадо послушания воспитывалось в стенах смиренной убогой «хибарки» преп. Амвросия, проникнутой заветами великих старцев Льва и Макария и молитвами их продолжателя старца Амвросия. Здесь, в этой тесной келье, сделавшейся для него училищем благочестия, он прошел делом самую высшую из наук – монашество, и стал в свое время сам наставником монахов. И как это было все просто, скромно, даже для многих незаметно!

Отличительной чертой характера преп. Иосифа была необыкновенная скромность, деликатность, уступчивость, а со временем эти качества глубоко проникли все его существо и претворились в великие добродетели смирения, любви и ангельской кротости. Смирренная поступь,

опущенные глаза, краткий ответ с поклоном и всегда неизменно скромная, приветливая улыбка... Еще в бытность его келейником старца Амвросия, все как-то безотчетно проникались к нему особым уважением; в нем чувствовалось что-то особенное.

Иван родился в Харьковской губернии. Родители его были люди простые, но благочестивые. Они очень любили читать духовные книги и ходить в храм Божий. Мать водила детей с собой в церковь и дома заставляла их молиться. Маленький Иван пел на клиросе.

Он рос веселым, резвым и ласковым ребенком. Своей чуткой душой он чувствовал чужое горе, но по застенчивости не мог выразить свое сочувствие. Ване было восемь лет. Однажды, играя во дворе, он вдруг изменился в лице, поднял голову и руки кверху и упал без чувств. Когда он пришел в себя, его стали спрашивать, что с ним случилось. Он ответил, что видел в воздухе Царицу Небесную, около Которой было солнце. Законоучитель Вани говорил, что из него выйдет что-то необыкновенное. Отец его хотел, чтобы кто-нибудь из детей пошел в монастырь. Первой ушла его старшая сестра Александра – монахиня Леонида.

Ване было четыре года, когда у него умер отец. Матери он лишился будучи одиннадцати лет – она умерла от холеры. Он остался круглым сиротой и поселился у старшего брата Семена. Но Семен страдал запоями и скоро, спустив все отцовское имущество, должен был идти работать в чужие люди. Брата Ивана он тоже определил на место. Много мест пришлось переменить юному Ивану. Он испытал и холод, и голод, иногда побои и разные опасности.

Хотя он жил в развращенной и грубой среде, ничто плохое не пристало к нему. Молитва была неизменной спутницей его скорбной жизни, а храм – единственным местом утешения. Наконец, ему удалось попасть на хорошее место к купцу Рафаилу, который полюбил Ивана за его кроткий нрав, и даже хотел выдать за него замуж свою дочь, но

земные привязанности были далеки от Ивана. Его чистую душу влекло в монастырь. Любимым чтением его с детства было чтение житий святых. Он собирался пойти на богомолье в Киев на поклонение святым местам. Когда купец предложил ему жениться на его дочери, он повторил свою просьбу отпустить его помолиться, остальное он предоставил воле Божией. Добрый его хозяин, видя горячее стремление юноши к Богу, не посмел его удерживать. И вот Иван отправился к святым местам. По дороге он зашел в святые Горы, а затем в Борисовскую женскую Пустынь, где его сестра была монахиней. Эта обитель отличалась строгостью устава. Там схимонахиня Алипия посоветовала ему не ходить в Киев, а пойти в Оптину, к старцам. Иван послушался ее совета и поехал в Оптину. Придя к старцу Амвросию, он рассказал ему всю свою жизнь и просил благословения на поездку в Киев, но преподобный посоветовал ему остаться в Оптиной. Иван верил, что в словах старца заключается указание воли Божией, и остался. Это было 1 марта 1861 года.

Первым его послушанием в Оптиной была работа на кухне. Но уже вскоре ему предложили перейти к старцу Амвросию, оценив его добрые качества: беспрекословное послушание, скромность и молчаливость. В «хибарке» старца Амвросия он прожил ровно пятьдесят лет. Первое время близость к старцу, с одной стороны, утешала его, а с другой, постоянная суета и прием посетителей смущали и тяготили его. Он опять стал мечтать о Киеве и об Афоне. Однажды преп. Амвросий застал его за такими размышлениями. Читая его мысли, он сказал: «Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне, оставайся с нами». Эти слова так поразили молодого послушника, что он понял, что его помыслы были только искушением. С этих пор он стал самым преданным и любимым учеником преп. Амвросия. Не только воля старца, но каждое его слово было для него законом.

Старшим келейником преп. Амвросия был человек суровый и угрюмый, который не показывал новичку, как и что надо делать, а когда тот ошибался, он укорял его. Вот эта-то школа терпения и сделала старца Иосифа таким кротким и смиренным. Она же выработала в нем самоукорение. Несправедливость раздражает обыкновенно человека, но когда он, через внимание к своей совести научается находить вину в себе, тогда он прежде всего осуждает себя и принимает суд ближнего как заслуженное от Бога за грехи наказание, и не раздражается, но еще и благодарит ближнего.

Неизменно благодушное настроение преп. Иосифа влияло на всех. Он со всеми был мирен и умел всех смирять своим смирением, кротостью и уступчивостью.

В 1872 году он был пострижен в монашество с именем Иосифа. Его серьезное настроение с той поры стало еще более сосредоточенным и глубоким. Он сохранил полное послушание своему старцу и без его благословения ничего не делал.

Через пять лет он был посвящен в иеродиаконья. Его жизнь не изменилась после этого, наоборот, прибавилось еще работы и забот.

Спал он в приемной старца Амвросия. Эта комната иногда освобождалась от приема посетителей поздно ночью, так что преп. Иосиф не имел времени отдохнуть. Нередко старец Амвросий, по завету св. Иоанна Лествичника, испытывал терпение и смирение своего ученика, предоставляя ему показать случай монашеского безгневия.

В 1884 году была торжественно открыта Шамординская женская обитель, находившаяся недалеко от Оптиной. За Литургией преп. Иосиф был посвящен в иеромонахи. С первого же дня он начал свое священнослужение твердо, внятно, неторопливо и благоговейно. Сам он в дни служения делался каким-то радостным.

По болезни старец Амвросий не выходил в церковь. Преп. Иосиф начал служить в его келье всенощные бдения. Он стал старшим келейником и получил келью вместе с другим келейником. Как старший келейник он считал своей главной обязанностью заботиться о спокойствии старца Амвросия. Поэтому он часто выходил в приемную и внимательно выслушивал посетителей. Ответ старца он передавал в точности, ничего не прибавляя от себя. Этим он заслужил уважение и любовь всех приезжающих. Прием у старца иногда затягивался до одиннадцати часов ночи. Видя усталость старца, преп. Иосиф деликатно

начинал заводить часы в его комнате, напоминая этим, что пора кончать.

Несмотря на большую занятость, преп. Иосиф находил время для чтения творений св. отцов, особенно «Добротолубия». Он был человек глубокого, внутреннего делания, проходивший Иисусову молитву. Старец же Амвросий постепенно подготовлял его к старческому служению, уча его словом и собственным примером. Преп. Амвросий любил его и доверял ему, называя своей правой рукой и никогда не разлучался с ним в течение тридцати лет. После смерти преп. Амвросия старец Иосиф остался таким же смиренным, как был. Он никогда не придавал себе никакого значения и говорил: «Что я значу без батюшки? Нуль и больше ничего».

Старец Иосиф был слабого здоровья и очень воздержан в пище. Он никогда и ничем не выдавался. Тихо и скромно он делал свое дело. Он был истинным помощником старца Амвросия, но держал себя так, как будто и не был так высоко поставлен. Обращение его было непринужденно и духовно просто. Любовь его к старцу Амвросию была так глубока, что он готов был отдать за него свою жизнь. Ни словом, ни делом, ни мыслью он не противоречил старцу.

В последние годы жизни преп. Амвросия к нему стало приходиться так много посетителей, что он не мог принять всех. Многих он посылал к старцу Иосифу. В 1888 году преп. Иосиф сильно заболел и готовился к смерти. Ему уже прочитали отходную. Старец Амвросий очень скорбел о своем любимом ученике и, конечно, горячо молился о нем. Наконец, преп. Иосиф поправился. После выздоровления он стал помогать старцу Амвросию тем, что исповедовал народ. В этом же году летом преп. Амвросий благословил его съездить в Киев, куда он так стремился тридцать лет тому назад. Проездом туда он заехал в монастырь, где жила его сестра монахиня Леонида. Радости ее не было конца при виде своего «братика».

Через два года старец Амвросий совсем переселился в обитель Шамордино, а преп. Иосифу он велел оставаться в Оптиной. Последний сильно скучал без старца, но, покорный воле Божией и старца, примирился со своим новым положением. Еще через год, в 1891 году, старец Амвросий тяжело заболел и скоро умер. Все близко знавшие преп. Амвросия тяжело переносили эту смерть, но тяжелее всех ее переносил старец Иосиф. Однако он не потерялся и не упал духом, а еще утешал других. После смерти старца Амвросия духовное окормление Шамординской обители перешло к преп. Иосифу. А вскоре после смерти скитонаачальника о. Анатолия старец Иосиф занял и эту должность и с нею стал старцем для всей братии Оптиной Пустыни.

Итак, «хибарка» старца Амвросия, свидетельница стольких молитв и подвигов, не опустела. Духовные чада преп. Амвросия видели в старце Иосифе его преемника.

Распорядок дня преп. Иосифа был заведен раз и навсегда. С утра он принимал посетителей. После трапезы немного отдыхал, а затем опять принимал народ. К себе он был всегда строг и никогда не позволял себе никаких послаблений. В обращении он был ровен со всеми. Его краткие ответы и сжатые наставления были действительнее самых продолжительных бесед. Кроме влияния своим благодатным словом на душевное расположение человека, старец Иосиф имел еще несомненный дар исцеления болезней душевных и телесных. Случаев, в которых ясно обнаруживался его дар прозорливости, так много, что невозможно их передать. Вот пример.

В книге С. Нилуса «На берегу Божьей реки», изданной в Троице-Сергиевой Лавре в 1916 году, написано следующее:

«25 сентября, день преподобного Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. День моего ангела. Вчера с вечера у нас в доме служили всенощную, и как же это было умирительно! Весь сегодняшней день сердце праздновало какую-то особенную праздничную радость».

Ходили к старцам. Старец Иосиф поразил меня некоей неожиданностью, какой я от него никогда не видел и ожидать не мог. Принял он нас в своей комнатке. Сидел он слабенький, но очень благодушный, на своем диване, одетый в теплый подрясник серого

цвета из какого-то очень мягкого пушистого сукна. Подрясник был опоясан довольно тонким шнурком, сплетенным из нескольких шнурков – белых и красных. Мы стали перед старцем на колени, чтобы принять его благословение. Батюшка благословил и вдруг порывистым движением снял с себя шнурок и со словами: «Ну вот, на – тебе», – надел мне его на шею и ловко завязал его мне на груди узлом, на редкость красивым и искусным.

Что бы это могло значить?»

Автор книги недоумевал и спрашивал себя, что значит это действие старца? Объяснение пришло гораздо позднее. Связывание поясом символически обозначало темничное заключение Нилуса приблизительно через двадцать лет. В Деяниях пророк Агав поясом апостола Павла связал себе руки и ноги: Мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников (Деян. 21, 11).

Уча других терпению, смирению, незлобию, старец Иосиф сам первый подавал пример в исполнении всех этих добродетелей. Всякие скорби он переносил с таким благодушием и спокойствием, что посторонние не догадывались о переживаемых им испытаниях. Он призывал своих духовных чад к творению Иисусовой молитвы, указывая, что при этой молитве необходимо смиренно вести себя во всем: во взгляде, в походке, в одежде. Молитвой достигается даже сама молитва.

Преп. Иосиф пробыл на своем посту скитона начальника и старца братии двенадцать лет. Последние пять лет он стал ослабевать и иногда по два дня не принимал никого. С 1905 года он стал особенно часто прихварывать, но духом был все так же бодр и ясен. Напоследок ему пришлось отказаться от должности скитона начальника. В Шамординской обители умерла умная и способная настоятельница. Сразу усилился приток дел, вопросов и хлопот. Старец Иосиф слег и больше уже не вставал. Простившись с оптинской братией и с шамординскими и белевскими сестрами, он скончался 9 мая 1911 года.

В жизнеописании старца Иосифа, переизданном Св.-Троицким монастырем в Джорданвилле в 1962 году, приведен рассказ прот. Павла Левашева, который сподобился видеть преп. Иосифа, озаренного фаворским светом, сопровождающим высокую степень умно-сердечной молитвы, как о том пишут святые отцы в «Добротолюбии». Вот прямой текст рассказа отца Павла:

«В 1907 году я первый раз посетил Оптину Пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился. Кое-что слышал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провел бессонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились в храм на Богослужение, я же поспешил в скит, чтобы иметь возможность побеседовать, когда всего менее было посетителей. Расспросив дорогу в скит, а там в келью старца Иосифа, я, наконец, пришел в приемную хибарки. Приемная – это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями св. отцов. Когда я пришел, там был только один посетитель – чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник старца и пригласил чиновника к батюшке, сказав мне: «Этот господин давно ждет». Чиновник побыл минуты три и возвратился; я увидел: от головы его отлетали клочки необыкновенного света, а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из скита выносили чудотворный образ «Калужской» Божьей Матери, батюшка выходил из хибарки и молился. Тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него молящегося. Через несколько минут и меня позвали к старцу. Вошел я в убогую его келейку полумрачную, с бедной, только деревянной, обстановкой. В это время я увидел старца, изможденного непрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались; чрез мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высоты, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы; лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я

не ожидал, а потому был так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове, и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости, – это отличительные качества старца – стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я, пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного видения. Наконец я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться, и начал, сказав: «Батюшка! Я великий грешник». Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал его голову, скрылся. Предо мной опять стоял обыкновенный старец, которого я увидел в тот момент, когда вошел в келью. Так продолжалось недолго. Опять заблестал свет вокруг головы и опять такой же луч света появился, но теперь в несколько раз ярче и сильнее. Исповедовать меня он отказался по болезни своей. Спросил я совета его об открытии в своем приходе попечительства и просил его св. молитв. Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. После еще три года я ездил в Оптину Пустынь, много раз был у батюшки Иосифа, но таким уже более никогда не видел его.

Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как-то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т.д.; подобного в видимой природе я не видел.

Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия видимо сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи, и похвалиться могу только немощами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей.

Мой рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти к старцу, подобного чувства у меня не было. Прошло уже четыре года после того, но и теперь при одном воспоминании о сем переживаю умиление и восторг. Мой рассказ «иудеям будет соблазн, эллинам безумие», маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере выдумкой, фантазией и, в лучшем случае, галлюцинацией. В наше время неверия, безверия и религиозного развала подобные сказания вызывают только улыбку, а иногда и озлобление. Что ж? Молчать ли нам, служителям истины, – да не будет! Приснопамятный старец Иосиф – поистине светильник горящий и светящий, светильник же не ставят под спудом, а на свещнице, чтобы он светил всем, находящимся в истинной Церкви Христовой. Прошу всех верующих христиан молиться за него, чтобы и он помолился за нас пред престолом Божиим.

Все вышесказанное передаю, как чистую истину: нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью»[*].

Примечания

[*] Отец Павел действительно посетил тогда Оптину Пустынь "как-то случайно", - пишет одна из современниц этих событий. Он там оказался, будучи в гостях у моей тетушки, которая в то время с мужем своим жила там постоянно. Отца Павла я помню еще в детстве, когда он приезжал на праздник со святой водой к той самой моей тете Елене Александровне Озеровой, жене С. А. Нилуса, бывшей тогда попечительницей Рождественских фельдшерских женских курсов, где о Павел был настоятелем церкви. К ней-то он и поехал погостить в Оптину Пустынь. Отец Павел был прекрасным

священником, но, как и большинство в России белого духовенства, был противником монашества. И вот какое потрясение ожидало его по прибытии в Оптину Пустынь! Он стал тогда послушником оптинских старцев.

В 1916 году мне пришлось зимовать в Петербурге и там я ходила на исповедь к о Павлу. Передо мной был человек необычайно углубленный, сосредоточенный, боящийся произнести лишнее слово. Это был строгий монах, хотя и без пострига. Он часто участвовал в всенощных бдениях, которые совершались ночью на Карповке в церкви-гробнице о Иоанна Кронштадтского. Там же он служил еженедельно акафисты в странноприимнице. Во время упоминания имени Божией Матери принимались выть злые духи, сидевшие в одержимых, приходивших туда в надежде исцеления. Вой этот тончайший, мистический, не похожий на голос человеческий. Он неопишуем, острый и ледяной, леденящий ужасом душу. Я еле могла удержаться от крика ужаса, когда они выпускали свой вой. Душа трепещет, как птица, слыша голос своего лютого врага.

В описываемое время о Павел был настоятелем церкви при Главном штабе После революции он переехал в Москву и священствовал в Ново-Девичьем монастыре. Дальше я не знаю.

Преподобный Иосиф

ЧУДЕСА

Спасение дома от пожара по молитве маленького Иоанна, будущего старца Иосифа

В селе случился большой пожар. Семья маленького Иоанна Литовкина незадолго до этого перешла в новый, только что отстроенный дом. Ребенок видел испуг домашних и сам понимал опасность. Не зная, к кому обратиться за помощью, он стал протягивать ручки к находящейся вблизи их дома церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы и кричать: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем новенький!» Детская молитва эта была услышана: все кругом сгорело, а дом Литовкиных остался цел.

Исцеление болящей послушницы

Одна послушница передает о себе следующее: «Еще при жизни батюшки у меня были большие скорби. Невыразимо тяжело было мне, и не было среди окружающих сочувствующего человека. Наконец, дошло до того, что у меня заболела грудь и пошла кровь горлом, и я с большим трудом исполняла свое послушание, скрывая от всех свою слабость. Между тем подошло время покоса, я должна была идти наравне с другими, хотя и чувствовала свою полную слабость. Я совсем упала духом и с вечера горячо просила Царицу Небесную, чтобы Она мне помогла. Уснув, вижу, что я в хибарке около иконы Божией Матери «Достойно есть». Я жду, но батюшка меня не принимает. Наконец, выходит покойная мать игуменья, к которой я была близка, и я ей говорю: «Матушка, люди за своих близких просят батюшку, что же вы за меня не попросили?» – «Нет, я просила батюшку за тебя», – ответила она. Только что она сказала это, из двери вышел сам батюшка в беленьком балахончике и три раза сказал: «Христос Воскресе!». Я начала читать во сне: «Достойно есть...» –и, прочитав до конца, кинулась к батюшке, рассказывая ему свои скорби и как у меня болит грудь. Тогда батюшка свернул комом низ своего подрясника и прижал им больное место на груди, сказав, помнится: «Бог милостив», – потом приласкал меня, и я проснулась совершенно здоровой».

Чудо прозорливости старца

Богатая Козловская помещица, прочитав с увлечением жизнеописание старца

Амвросия, предложила своим двум дочерям, только что окончившим институт, поехать в Оптину Пустынь. Младшая дочь охотно согласилась, а старшей не хотелось, так как они ждали к себе в имение большое общество гостей и молодежи, и предполагалось весело проводить время. Мать пробовала ее уговорить, но она упростила оставить ее дома с гувернанткой.

Помещица с младшей дочерью приехали в Оптину, где им обоим так понравилось, что захотелось побыть подольше. Гостиник посоветовал им сходить к о. архимандриту и затем посмотреть свободные помещения. Придя на благословение к старцу, они сказали ему, что им здесь так нравится, что хотелось бы погостить подольше. Но батюшка так решительно и серьезно сказал на это: «Нет, надо ехать скорее домой». Ответ этот очень удивил их и они недоумевали, почему батюшка так неприветливо к ним отнесся, и даже точно гонит. На следующий день они опять пошли в хибарку. Старец, выйдя на благословение и увидя их, строго сказал: «Как, вы еще здесь? Скорее поезжайте, – и, быстро повернувшись, пошел к себе, проговорив, уже поднимаясь по ступенькам, – а то, пожалуй, и гроба не застанете». Многие, находившиеся в хибарке, слышали эти слова, которые на всех произвели тяжелое впечатление. Помещица, наконец, очень встревожилась и, несмотря на уговоры гостиника, тотчас же собралась и уехала.

Подъезжая к своему дому, они были удивлены, увидя у крыльца большое стечение народа, а вскоре из дверей показался гроб. Оказалось, что старшая дочь, отказавшаяся от поездки в Оптину, катаясь верхом, упала с лошади и убила на смерть.

* * *

Рясофорная послушница М. говорит о себе: «Поступила я в монастырь с искренним желанием, но я была очень бедная. Жить было совершенно нечем. Я думала так и говорила своим монахиням: «Поеду в мир, поступлю на место, заработаю себе денег и тогда приеду и оденусь в черное». В монастыре я прожила почти год, пригляделась к монастырской жизни и увидела, что без средств нельзя жить, но оставила это решение до батюшки. Приезжаем мы к батюшке, входим к нему все трое, а он говорит: «Вот, приехали ко мне две монахини, одна мирская. Мирская эта живет в монастыре долго, сестры говорят ей: «Одевайся», – а одеваться не на что. Она говорит: «Ну что же, поеду в мир, заработаю себе денег и тогда оденусь»».

Посмертные явления и чудеса

На девятый день после смерти старца Иосифа на его могилке совершенно исцелилась одна бесноватая. Она долго болела непонятной болезнью, и сколько ни лечилась, ничто не помогало, и никто не мог определить, чем она больна. Случайно придя в Оптину в то время, когда скончался старец Иосиф, она в церкви приложилась к его мертвой руке и тотчас же начала кричать. После она никак не могла спокойно проходить мимо могилы старца, всякий раз упиралась и кричала: «Боюсь, боюсь его!». Наконец, сопровождавшие ее крестьянки решили насильно подвести ее к могиле; больная упиралась, неистово кричала, но те все-таки ее нагнули и положили на могилу. Тогда она вдруг успокоилась и, полежав несколько времени, поднялась совсем здоровая. Пробыв в Оптиной довольно долгое время, она говела, причащалась, и болезненные припадки больше к ней не возвращались.

Благодатное излучение из глаз старца

Одна очень преданная старцу особа, будучи вполне свободной, поселилась вблизи Оптиной Пустыни, чтоб быть ближе к батюшке Иосифу. Одно время она сильно поддавалась смущающему ее помыслу, что она напрасно только беспокоит старца и что ей вовсе не к чему здесь жить. С этими мыслями пошла она в скит, решив в душе, что идет в хибарку последний раз. Старец принял ее на благословение, и только что она хотела

сказать ему, зачем пришла, как была поражена видом старца: из его глаз лились потоки лучей благодатного света.

Исцеление женщины от винопития

Получила я от одной знакомой из Севастополя письмо, – рассказывает одна из современниц старца, – что она подверглась сильному винопитию. Бывши в Оптиной, объясняю батюшке про нее, но он не верит. Я ему показываю письмо. Тогда батюшка говорит: «Ну, если она пьет, то надо отслужить молебен Спасителю, Божией Матери и мученику Вонифатию». Дал ей картиночку и уверенно прибавил: «Она больше не будет больна этой болезнью». Действительно, в короткое время она перестала пить и прислала благодарное письмо.

* * *

В ту ночь, когда старец скончался, одна белевская монахиня, жившая по своей бедности лишь помощью старца и очень скорбевшая, как она теперь будет жить, видит его во сне. Батюшка приходит к ней светлый, радостный и говорит ей: «Не скорби. Вот тебе батюшка Амвросий посылает на нужды двадцать пять рублей». Проснувшись и узнав, что батюшка Иосиф скончался в эту ночь, она подумала, что не только батюшка Амвросий, но и батюшка Иосиф теперь уже никогда не пришлет ей ничего, и больше получать ей неоткуда. Но каково же было ее удивление, когда через несколько дней она получила повестку на двадцать пять рублей. Вскоре та же благодетельница прислала ей еще двадцать пять рублей, вспомнив, что когда-то о. Иосиф просил ее помочь этой бедной монахине.

Преподобный Иосиф

ПОУЧЕНИЯ

Все наставления преп. Иосифа проникнуты духом святоотеческого и старческого учения. При этом он всегда с любовью старался внушить, что всякий человек должен иметь терпение во всем, на всяком месте, до конца.

Если за что взялся, того и держись, и терпи все находящее, только с места не сходи и всегда себя укоряй – и спасешься.

Скорби – наш путь; будем идти, пока дойдем до назначенного нам отечества вечности, но только то горе, что мало заботимся о вечности и не терпим и малого упрека словом. Мы сами увеличиваем свои скорби, когда начнем роптать.

Кто победил страсти и стяжал разум духовный, тот и без образования внешнего имеет доступ к сердцу каждого.

Наложное правило всегда трудно, а делание со смирением еще труднее.

Что трудом приобретается, то и бывает полезно.

Вопрошаемый не должен сам говорить, а только отвечать вопросившему, чтобы доброе было по свободному произволению.

Если видишь погрешность ближнего, которую ты бы хотел исправить, если она нарушает твой душевный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь и, следовательно, не исправишь погрешности погрешностью – она исправляется кротостью.

Есть несовершенства неизбежные, есть и полезные; бывает, что злом искушается добро.

Совесть человека похожа на будильник. Если будильник позвонил, и, зная, что надо идти на послушание, сейчас же встанешь, то и после всегда будешь его слышать, а если

сразу не встанешь несколько дней подряд, говоря: «Полежу еще немножко», – то в конце концов просыпаться от звона его не будешь.

Что легко для тела, то бесполезно для души, а что полезно для души, то трудно для тела.

Молитва сама учит.

Терпение есть мать утешения.

Спасение – терпеть с благодарением.

Много есть плачущих, но не о том, о чем нужно; много скорбящих, но не о грехах; много есть как бы смиренных, но не истинно. Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие.

Преподобный Варсонофий

ЖИТИЕ

Одновременно с преп. Иосифом и преп. Анатолием и после их кончины старчествовал в Оптиной Пустыни скитоначальник преп. Варсонофий, впоследствии схиархимандрит.

Старец Варсонофий, в миру Павел Иванович Плиханков, из потомственных дворян, родился 5 июля 1845 года. По окончании образования в Полоцком кадетском корпусе, он вступил на военную службу и дослужился уже до чина полковника Оренбургского казачьего войска в должности начальника мобилизационного отделения и старшего адъютанта Казанского военного округа. Но духовное направление, привитое ему благочестивыми родителями еще в детстве, получило перевес над другими интересами, и он решил посвятить себя Богу.

Впоследствии преп. Варсонофий рассказывал о себе: «Я каждый день ходил к ранней обедне. Так приучила меня мачеха, и как я теперь ей благодарен! Бывало, в деревне, когда мне было только пять лет, она каждый день будила меня в шесть часов утра. Мне вставать не хотелось, но она сдергивала одеяло и заставляла подниматься; и нужно было идти, какова бы ни была погода, полторы версты к обедне. Спасибо ей за такое воспитание! Она показала свою настойчивость благоую, воспитала во мне любовь к Церкви, так как сама всегда усердно молилась».

Когда старец был еще офицером, посчастливилось ему попасть на Литургию, которую служил св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Павел Иванович прошел в алтарь. В то время св. Иоанн переносил Св. Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, св. Иоанн быстро подошел к нему, поцеловал руку и, не сказав ничего, отошел опять к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что, вероятно, он будет священником. А Павел Иванович и не помышлял тогда об этом.

И вот однажды, тяжело заболев воспалением легких и почувствовав приближение смерти, он велел денщику читать вслух Евангелие, а сам забылся... И в это время ему последовало чудесное видение: он увидел открытыми небеса и содрогнулся весь от великого страха и света. Вся жизнь пронеслась мгновенно перед ним. Он был глубоко проникнут сознанием покаяния за всю свою жизнь, и услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину Пустынь. В его душе произошел переворот, у него открылось духовное зрение, он уразумел всю глубину слов Евангелия. По отзыву старца Нектария, «из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал великим старцем». Он носил в миру имя Павла, и это чудо, с ним бывшее, напоминает чудесное призвание его небесного покровителя – апостола Павла. Сам же Павел Иванович, родившись в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, считал его своим покровителем.

К удивлению всех, больной полковник стал быстро поправляться, выздоровел и уехал в Оптину Пустынь. Старцем в Оптиной был в это время преп. Амвросий, который велел ему покончить все дела в три месяца, сказав, что если он не придет к сроку, то погибнет. И тут начались различные препятствия. Приехал полковник Плиханков в Петербург за отставкой, а ему предложили более блестящее положение и задержали отставку. Товарищи смеялись над ним, уплата денег задерживалась, он не мог расплатиться со всеми, с кем нужно, искал денег взаймы и не находил. Но его выручил старец Варнава из Гефсиманского скита: указал ему, где достать денег, и торопил исполнить Божие повеление. Люди, противясь его уходу, находили ему даже невесту... Только мачеха его радовалась и благословила его на иноческий подвиг. С Божией помощью он преодолел все препятствия и явился в Оптину в последний день своего трехмесячного срока. Старец Амвросий лежал в гробу, и он приник к его гробу.

В декабре 1891 года Павел Иванович был принят в число братства Предтеченского скита. И преемник старца Амвросия, преп. Анатолий (Зерцалов), дал ему послушание быть келейником при преп. старце Нектарии. Около старца Нектария преп. Варсонофий прошел в течение десяти лет все степени иноческие, вплоть до иеромонаха, и изучил теоретически и практически святых отцов. Три года каждый вечер ходил он для долгих бесед к старцу Анатолию, а затем к старцу Иосифу.

В 1903 году высокопреосвященный Антоний, митрополит С.-Петербургский, вызвал его для высшего назначения, но преп. Варсонофий, по смирению и любви к уединенной жизни, уклонился от предложения владыки и остался в Оптиной, где в 1907 году был назначен скитоначальником с возведением в сан игумена и награжден палицей. На него возложено было духовное окормление братства и всех посетителей, с которыми затем у него установилось непрерывное духовное общение, плодом чего была ежедневная переписка, доходившая не менее, чем до четырех тысяч писем ежегодно.

Строгость жизни, богословская начитанность и редкая рассудительность очень скоро привлекли к нему внимание многих. С кончиной св. Иоанна Кронштадтского и старца Варнавы Гефсиманского прилив богомольцев в Оптину заметно увеличился. Среди них было много лиц из высших классов, а также учащейся молодежи обою пола высших учебных заведений. Волнуемые различными чувствами и сбиваемые сомнениями они прибегали к помощи и руководству старца Варсонофия, и у него, при содействии благодати Божией, находили соответствующее врачевание.

У преп. Варсонофия был характер, несколько сходный с характером великих оптинских старцев Льва и Анатолия. Неподкупная справедливость, простота и прямота его были нестерпимы для всех гордецов, самочинников и нераскаявшихся грешников. Он никогда не мог лукавить и ни в чем не выносил двоедушия.

Преп. Варсонофий обладал даром прозорливости не менее других старцев. В нем этот дар особенно открыто выражался. Он видел человеческую душу, а это давало возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни душевные и телесные, изгонять бесов.

Старец, облаченный в полумантию, в епитрахили и поручах, пред исповедью проводил беседы. В них он, открывая души присутствующих при помощи различных случаев в жизни, указывал на забытые или сомнительные грехи, при этом он и не смотрел ни на кого, чтобы не смутить, и явно не указывать. Так что одна девушка потом говорила: «Да ведь это батюшка меня описал! Это была моя тайна, откуда он мог узнать?!»

После общей исповеди старец уже исповедовал каждого отдельно. Он не спеша задавал вопросы, выслушивал и давал наставления. При этом он имел совершенно одинаковое отношение как к старшим, так и к самым последним. Относясь очень внимательно и с любовью, он врачевал души, ибо знал до тонкости душевное устройство каждого.

Благословляя говеющих, он советовал после повечерия, на котором читают каноны, не вкушать ничего до принятия Св. Тайн. В исключительных случаях разрешал выпить одного чая. «Иногда в день причастия бывает тягостное настроение, но на это не надо

обращать внимания и не надо отчаиваться, так как в этот день диавол особенно ополчается на человека и действует на него гипнозом. Гипноз – злая, не христианская сила. Благодаря этому гипнозу диавол смущает нас, священнослужителей, когда мы совершаем Литургию», – говорил старец. Ложиться днем спать в день, когда причащался, не советовал.

Преп. Варсонофий говорил: «Не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом. Вот у нас в церкви читают шестопсалмие, и люди часто выходят на это время из храма. А ведь не понимают и не чувствуют они, что шестопсалмие есть духовная симфония, жизнь души, которая захватывает всю душу и дает ей высочайшее наслаждение».

За все время пребывания в Оптиной старец никуда не отлучался из обители и выезжал из нее только по послушанию. Последний выезд его был в 1910 году на станцию Астапово для обращения и напутствия умирающего графа Л. Толстого. Но его, как всем известно, не допустили окружающие графа, к общему сожалению всех православных и самого преп. Варсонофия, который с грустью говорил: «Не допустили к Толстому. Молил врачей, родных, ничего не помогло... Железным кольцом сковало покойного Толстого; хотя и Лев был, но ни разорвать, ни выйти из него не мог...»

Несмотря на великие духовные дарования преп. Варсонофия и его административные способности, нашлись люди, недовольные его деятельностью. В основном это были новые монахи, пришедшие в обитель из духовно опустившейся предреволюционной среды. Они не понимали сущности монашеского подвига вообще и идеи старчества, в частности. Им хотелось провести изменения в монастыре, закрыть скит, и для этого они хотели занять начальственные должности. Дело дошло до открытого бунта. К сожалению, путем жалоб и клеветнических доносов они ввели в заблуждение архиерея – епископа Серафима Чичагова, по ходатайству которого старец Варсонофий был удален из Оптиной Пустыни и назначен игуменом Голутвинского монастыря, одного из самых бедных монастырей в России. Это произошло в апреле 1912 года. Голутвинский монастырь преп. Варсонофий нашел в запущенном состоянии как с внешней, так и с внутренней стороны. Но, несмотря на свою старость, болезни и тяжелые переживания последних дней, он не упал духом. Со свойственной ему энергией принялся он за настоятельские труды, заботясь о внешнем и внутреннем благоустройстве обители. Труды его были непомерно велики и сопряжены с большими скорбями, главным образом, при соприкосновении с распущенной братией.

В самое непродолжительное время монастырь начал обновляться и процветать. Между тем, как православный верующий народ отовсюду стекался к старцу за получением облегчения душевных и телесных недугов, самого преп. Варсонофия подтачивал недуг. Кое-как перемогался он весь 1912 год, но уже с начала 1913 года начал быстро слабеть... Истекало 365 дней с выезда из Оптиной Пустыни, с которым была должна совпасть и кончина батюшки по прикровенному пророчеству блаженной Параскевы Саровской.

Батюшка сильно страдал и иногда даже стонал. Кроме святых угодников Божиих и Матери Божией, к Которой имел любовь, он призывал и оптинских старцев, говоря: «Батюшка Лев, батюшка Макарий, батюшка Амвросий, батюшка Иларион, батюшка Анатолий, батюшка Иосиф, помогите мне вашими святыми молитвами!».

Первого апреля 1913 года в семь часов семь минут утра он предал свою чистую душу в руке Господа, Которого так возлюбил и ради Которого всю свою жизнь распинал себя до последней минуты. Тотчас тело старца было облечено в схиму, которую он имел с 1910 года тайно и в которой завещал положить себя в гроб.

К великому утешению духовных чад, Священный Синод разрешил хоронить старца в Оптиной Пустыни, куда и перевезли тело его. Здесь, близ гробниц великих оптинских старцев, против могилы иеросхимонаха Пимена и рядом с великим старцем о. Анатолием (старшим), своим возлюбленным духовным отцом и руководителем, и нашел место своего

последнего упокоения преп. Варсонофий. Угас великий старец и упокоился в своей любимой Оптиной Пустыни.

Епископ Трифон, знавший старца еще в то далекое время, когда он был послушником, и глубоко читавший его, сказал следующее: «Ты умел только любить, только творить добро, и какое море злобы и клеветы вылилось на тебя! Ты все принимал с покорностью, как многострадальный Иов. Я свидетель, что ни одного слова осуждения кому бы то ни было я не слышал от тебя... Я, как пастырь, знаю, что в наше время значат такие старцы. Его наставления тем более ценны, что с образованием он соединил высоту монашеской жизни...»

Преподобный Варсонофий

ЧУДЕСА

Прозорливость старца Варсонофия

Преподобный Варсонофий обладал даром прозорливости не менее других старцев. В нем этот дар как-то особенно открыто выражался. Во всем его облике есть что-то подобное великим пророкам или апостолам, отражавшим ярким светом славу Божию.

О внутреннем облике его в двух словах сказать трудно. Истинный старец, а он был таковым, является носителем пророческого дара. Господь ему непосредственно открывает прошлое, настоящее и будущее людей. Это и есть прозорливость. Этот дар – видеть человеческую душу – дает возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни душевные и телесные, изгонять бесов. Все это было свойственно о. Варсонофию. Такой дар требует непрерывного пребывания в подвиге, святости жизни. Многие видели старцев, озаренных светом при их молитве. Видели и старца Варсонофия как бы в пламени во время Божественной Литургии. Об этом нам было передано изустно живой свидетельницей...

Поистине он уподобился своим великим предшественникам и «встал в победные ряды великой рати воинства Христова». Как писал сам старец, еще в 1903 году:

Давно в душе моей желание таится
Все связи с миром суетным прервать,
Иную жизнь – жизнь подвига начать:
В обитель иноков навеки удалиться,
Где мог бы я и плакать, и молиться!
Избегнувши среды мятежной и суровой,
Безропотно нести там скорби и труды
И жажду утолять духовной жизни новой,
Раскаянья принести достойные плоды,
И мужественно встать в победные ряды
Великой рати воинства Христова.

Прозорливость о. Варсонофия была исключительна. Многие случаи описаны о. Василием Шустиним в его воспоминаниях. Мария Васильевна Шустина, сестра протоиерея, прислала нам следующий рассказ, касающийся их покойной сестры:

«Моей девятилетней сестре Анне батюшка о. Варсонофий продекламировал стихотворение:

«Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долголетнего гнезда».

Затем он продолжал: «К старцу Амвросию приехала богатая помещица со своей красавицей-дочкой, чтобы испросить его благословение на брак с гусаром. Старец Амвросий ответил: «У нее будет Жених более прекрасный, более достойный. Вот увидите. Он Сам придет в пасхальную ночь». Наступила Пасха. Все в волнении, всего напекли, нажарили. Когда вернулись из церкви, столы ломились от яств. Мать девицы села на веранду, с которой открывался чудный вид. Солнышко начало всходить. «Вот едет тройка по дороге, – воскликнула она, – наверно жених». Но тройка промчалась мимо. За ней показалась вторая тройка, но и та мимо проехала. Дочь вышла на веранду и говорит: «Мне что-то грустно!». Послышались бубенцы. Мать бросилась распорядиться, но тут же услышала громкий возглас дочери: «Вот мой прекрасный Жених!». Она вбежала обратно, и что же представилось ее взору: дочь ее воздела руки к небу и упала замертво.

Этот рассказ, как и стихи о птичке Божией, которая «не свивает долголетнего гнезда», явились пророческими для Ани. Когда ей минуло девятнадцать лет, ей нравился один молодой человек, затем второй, еще лучше, но счастью ее не было дано осуществиться: во время гражданской войны ей с родителями пришлось покинуть хутор в Полтавской губернии и двинуться на юг. По дороге, приближаясь к Крыму, Аня захворала брюшным тифом и скончалась. Перед смертью ей удалось приобщиться Св. Тайн. Вот как сбылось предсказание о Варсонофия.

В другой раз, – пишет та же Мария Васильевна, – старец предупредил одну молодую монахиню не быть самоуверенной. Но вскоре она сама вызвалась читать Псалтирь в церкви по умершему и отказалась от сотрудничества других монахинь. В полночь она почувствовала страх, бросилась бежать и защемила дверью свою одежду. Утром ее нашли на полу в нервной горячке. Пришлось ее поместить в лечебницу, где она пробыла год и вернулась с седой головой».

Нам известно несколько случаев прозорливости старца Варсонофия, проявившейся при исповеди его духовных чад.

Елена Александровна Нилус рассказывала нам, что однажды, когда они пришли с мужем исповедоваться с старцу (а он их исповедовал одновременно, зная, что у них нет тайн друг от друга), он спросил Сергея Александровича, совершил ли он такой-то грех. «Да, – ответил он, – но я это и за грех не считал». Тут старец объяснил Нилусу грешность его деяния или помысла и воскликнул: «Ну и векселек же вы разорвали, Сергей Александрович».

Молодая девица Софья Константиновна, приехавшая гостить к Нилусам в Оптину Пустынь, на исповеди пожаловалась старцу, что, живя в чужом доме, она лишена возможности соблюдать посты. «Ну, а зачем же вы теперь в пути в постный день соблазнились колбасой?», – спросил ее старец. С. К. ужаснулась: «Как мог это узнать старец?»

Подобный случай произошел с Софией Михайловной Лопухиной, рожденной Осоргиной. Она рассказывает, что в Оптину Пустынь она приехала шестнадцатилетней девицей. Ее поразила тысячная толпа вокруг старческой «хибарки», как там назывались деревянные домики, где жили старцы. Она встала на пень, чтобы взглянуть на старца, когда он выйдет. Вскоре старец показался и сразу ее поманил. Он ввел ее в келью и рассказал ей всю ее жизнь год за годом, перечисляя все ее проступки, когда и где она их совершила, и назвал действующих лиц по их именам. А потом сказал: «Завтра ты придешь ко мне и повторишь мне все, что я тебе сказал. Я захотел тебя научить, как надо

исповедоваться».

Больше Софья Михайловна не была в Оптиной Пустыни. В следующий раз она увидела старца, когда он остановился в Москве, проездом в Голутвин. Он сильно постарел, осунулся, стал согбенным... Он сказал, что, видно, Бог его любит, если послал такое испытание. Прошел год. Она уже вышла замуж за Лопухина. Старец скончался. Неожиданно в ее квартире раздался звонок; вошел монах очень высокого роста. Он передал ей от покойного батюшки две иконы; они по его распоряжению были положены в его гроб и завещаны ей и ее двоюродной сестре С. Ф. КСамариной. Со своей иконой «Казанской» Божией Матери Лопухина не расставалась никогда. Исключительный случай был только тогда, когда она ее дала мужу, сидевшему в тюрьме.

Третий случай столь же чудесной исповеди произошел в Голутвине с Николаем Архиповичем Жуковским, ныне преклонного возраста, но еще здравствующим и живущим во Франции, также как здравствует С. М. КЛопухина, которая дала полное разрешение на обнародование рассказа о ее общении со старцем (сообщено монахиней Таисией).

Отец игумен Иннокентий Павлов, положивший начало своего монашества в Оптиной с конца 1908Кгода, поведал нам о своей первой исповеди у старца. В то время начальником скита и старцем был о. Варсонофий. Из Бразилии, ныне покойный, о. игумен писал:

«Это был замечательный старец, имевший дар прозорливости, каковую я сам на себе испытал, когда он принимал меня в монастырь и первый раз исповедовал. Я онемел от ужаса, видя пред собой не человека, а ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл, лиц и пр. Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: «Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить».

В последних строках этого повествования старец сам раскрывает благодатный Источник своих дарований.

«Со мной был один случай, – вспоминает современник старца. – Наша семья имела свой абонемент в Петербурге на оперные спектакли в Мариинском театре. И вот – это было за год до моего приезда в Оптину, на наш абонемент давали «Фауста» с Шаляпиным, как раз накануне 6 декабря, дня Святителя Николая Чудотворца. Мне чрезвычайно захотелось прослушать эту оперу с Шаляпиным. Ну, думаю, ко всемогущей мне не придется идти, так встану пораньше на следующий день и схожу к утрени. И вошел я в такой компромисс сам с собой. Побывал в опере, а утром, с опозданием, отслушал утреню, а затем раннюю обедню и думал: «Ну, почтил я сегодня память угодника Божия Святителя Николая». Хотя что-то в душе кольнуло, но это забылось. И вот батюшка перед исповедью и говорит, что бывают случаи, когда и не подозреваешь своих прегрешений. Как, например, вместо того, чтобы почтить память такого великого угодника Божия, как Свт. Николай Чудотворец, и сходить ко всемогущей, идут в театр для самоуслаждения. Угодник же Божий на задний план отодвигается, вот и грех совершен.

Затем другой случай был в Голутвином монастыре. Там женщины и мужчины говели вместе, и батюшка беседовал в одной приемной. Говело, должно быть, человек пятнадцать мужчин и женщин. И вот батюшка говорит: полюбила одна барышня молодого человека, а он не отвечал ей взаимностью и ухаживал за другой. Тогда в барышне возникло чувство ревности, и она захотела отомстить молодому человеку. Она воспользовалась тем обстоятельством, что он ходил постоянно кататься на коньках на тот же каток, куда ходила и она. У нее пронеслась мысль: «Искалечу его, пускай он не достанется и моей сопернице». И вот, когда он раскатился, она ловко подставляет ему подножку, тот упал назад и сломал себе руку. Но это еще слава Богу: мог бы получить сотрясение мозга и умереть, и было бы смертное убийство. И такие случаи часто забываются на исповеди. Во время этого рассказа я почувствовал, что в мои плечи впились чьи-то пальцы. Я оглянулся и увидел, что ухватилась за меня одна девушка восемнадцати лет, моя родственница,

побледневшая как полотно. Я подумал, что ей просто дурно сделалось от духоты, и поддержал ее. А она потом мне говорит: «Да ведь это батюшка меня описал! Это была моя тайна, откуда он мог узнать?!»...

«Ты теперь знаешь?»

Монахине Таисии мы также обязаны сообщением, слышанных ею, еще в бытность ее в России, рассказов шамординской монахини Александры Гурко – тоже духовной дочери старца о. Варсонофия. В миру она была помещицей Смоленской губернии. «Собрал однажды, – рассказывала мать Александра, – батюшка Варсонофий несколько монахинь, своих духовных дочерей, и повел с ними беседу о брани с духами поднебесной. Меня почему-то посадил рядом с собой, даже настоял, чтобы я села поближе к нему. Во время беседы, когда батюшка говорил о том, каким страхованиям бывают подвержены монашествующие, я вдруг увидела реально стоявшего неподалеку беса, столь ужасного видом, что я неистово закричала. Батюшка взял меня за руку и сказал: «Ну, что же? Ты теперь знаешь?». Прочие же сестры ничего не видели и не понимали того, что произошло».

Сияние старца во время служения Литургии

Другой рассказ матери Александры: «Однажды я присутствовала при служении о. Варсонофием Литургии. В этот раз мне пришлось увидеть и испытать нечто неопишное. Батюшка был просветлен ярким светом. Он сам был как бы средоточием этого огня и испускал лучи. Лучом исходившего от него света было озарено лицо служившего с ним диакона».

После службы я была с другими монахинями у батюшки. Он имел очень утомленный вид. Обращаясь к одной из нас, он спросил: «Можешь ли ты сказать: «Слава Богу»? Монахиня была озадачена этим вопросом и сказала: «Ну, слава Богу». «Да разве так говорят – слава Богу!», – воскликнул батюшка. Тогда я подошла к батюшке и говорю: «А я могу сказать: слава Богу!» – «Слава Богу, слава Богу!», – радостно повторил батюшка».

Вникая в все эти дивные свидетельства, так и рвется из сердца – воистину «слава Богу!».

Свидетельства старца о себе

Ниже приводимые свидетельства старца о себе удивляют нас не только высотой дарований, но более скромностью и смирением, с которыми старец их принимал.

«Говорил мне старец о. Варсонофий, – пишет С. Нилус, – у меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и все наше с ним общение обычно ограничивалось сухой официальностью, и то только по делу. В день же его смерти, после благословения, я, не знаю почему, обратился вдруг к нему с таким вопросом: «А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь?». Вопрос был так неожидан и для меня, и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал, что ответить. Я же захватил с подноса леденцов – праздничное монашеское утешение – и сунул ему в руку со словами: «Это тебе на дорогу!».

И подумайте, какая ему вышла дорога!

Старец рассказывал мне это, как бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя так близко от Оптиной святыни, я многому перестал удивляться».

«Эти могилки – моих духовных детей. Вот здесь похоронен приват-доцент Московского университета Л. Он был математик и астроном! Изучая высшие науки, он преклонился перед величием творения и их Создателя. Товарищ профессора и его жена, которая была доктором медицины, насмеялись над ним. Он был ученик знаменитого профессора Лебедева. Жена Л., работая в клинике, влюбилась в одного профессора и бежала в Париж вместе со своими детьми. Л. очень горевал и, по прошествии нескольких лет, приехал к нам, чтобы найти здесь облегчение своему горю, и здесь он, по Божию соизволению, опасно заболел воспалением легких. Случай был очень тяжелый. Я видел,

что он скоро умрет, и предложил ему удалиться совсем от мира и принять пострижение. Уже очень много времени он не имел никаких сведений о семье. Л. подумал и согласился. Через несколько месяцев явилась в скит одна очень экзальтированная дама и стала кричать: «Дайте мне моего супруга!», Сначала я не понял, что она хочет, но потом разобрал, что она говорит о Л. Я сказал ей, что муж находится среди ангелов. Она с раздражением изъявила желание посмотреть на могилу своего супруга. Но я сказал, что вход в скит женщинам воспрещен и поэтому я не могу ей позволить войти сюда. Тогда она, гордясь, начала говорить о себе и своих знаниях: «Я изучила двенадцать иностранных языков и приобрела известность своими работами за границей». Она думала, что ее научный ценз откроет двери скита. Я ей сказал, что хотя она и знает много языков, но одного, самого главного, языка не знает – это языка ангельского. Она иронически спросила: «Где же можно узнать такой язык?» – «Чтобы знать его, – сказал я, – нужно читать Священное Писание. Это и есть язык ангельский». Она объявила, что здесь ей более нечего делать и что она сейчас же отправляется за границу читать лекции в швейцарском университете. Я просил ее прислать мне письмо, когда жизнь ее будет для нее тяжела, и сказал, что она еще раз приедет сюда. Она засмеялась и удалилась. Через несколько месяцев она прислала мне письмо из Швейцарии, где писала, что она очень несчастна. Ее гражданский муж изменил ей и покинул ее, уведя с собой ее детей. Она уже, по моему совету, начала читать Евангелие и нашла много интересного. В письме она предложила мне несколько вопросов. Для разрешения их я предложил ей приехать к нам. Она приехала и прожила у нас довольно долгое время, а затем стала приезжать по несколько раз в год. И сделалась верующей, доброй».

«Впоследствии я видел ее, – вспоминает С. Нилус, – она сделалась очень скромной и, когда батюшка входил в приемную, она всегда подходила к нему, бросалась в ноги. Она была очень богата и все имущество раздала бедным. Какая перемена произошла в ней!».

Духовная связь между св. праведным Иоанном Кронштадтским и преп. Варсонофием

О. Иоанн Кронштадтский провидел духом в лице о. Варсонофия истинного подвижника. В воспоминаниях о. Василия Шустина передано, как о. Иоанн поцеловал в алтаре Андреевского собора в Кронштадте руку молодому офицеру – будущему старцу и схимнику.

Мы узнаем из проповеди архиепископа Феофана Полтавского, произнесенной им 21 августа 1929 года в Болгарии в г. Варне, о том, как св. Иоанн, явившись посмертно Павлу Ильину, посылает его для полного исцеления в Оптину Пустынь к старцу Варсонофию, и этим самым прославляет его, указывая, что ему дан Богом дар чудотворения.

Пропускаем описание болезни и одержимости Павла Ильина, приводим лишь конец его, в котором больному в безпамятном состоянии у гробницы о. Иоанна Кронштадтского является последний.

Св. праведный о. Иоанн Кронштадтский подошел к брату Павлу и сказал: «А теперь выйди из тела и душой последуй за нами». Весьма трудно было исполнить это повеление Павлу, но он исполнил его и последовал за святыми отцами. «Они мне показывали первоначально, – говорил Павел, – райские обители и наслаждения, предназначенные для добродетельных, а затем мучения грешников. Как слава и блаженство праведников, так и мучения грешников не поддаются описанию. Когда было все показано, о. Иоанн Кронштадтский стал наставлять меня, как жить, и для получения окончательного исцеления повелел мне вновь войти в свое тело и отправиться в Оптину Пустынь к старцу о. Варсонофию». Такими словами закончил свое повествование о виденном им в состоянии восхищения брат Павел. В ноябре того же 1911 года он ездил к о. Варсонофию в сопровождении валаамского иеродиакона, именем Варсонофий. Старец был предупрежден о приезде больного, принял его, исповедал и причастил, и после этого последовало окончательное исцеление.

Явление во сне св. Иоанна Кронштадтского старцу Варсонофию

Говоря о духовной связи между о. Иоанном и о. Варсонофием, нельзя не привести сон старца, переданный им Елене Андреевне Вороновой, председателнице тюремного комитета в Санкт-Петербурге, близкой его духовной дочери. Он берется опять-таки из Оптинского дневника С. А. Нилуса:

«Ходили с женой на благословение к о. Варсонофию. Е. А. Воронова слышала от него, что он в ночь со среды 17 февраля на четверг 18-го видел сон, оставивший по себе сильное впечатление на нашего батюшку.

– Не люблю я, – говорил он Елене Андреевне, – когда кто начинает мне рассказывать свои сны, да я сам своим снам не доверяю. Но бывают иногда и такие, которых нельзя не признать благодатными. Таких снов и забыть нельзя. Вот что мне приснилось в ночь с 17-го на 18-е февраля. Видите, какой сон, – числа даже помню!... Снится мне, что я иду по какой-то прекрасной местности, и знаю, что цель моего путешествия – получить благословение о. Иоанна Кронштадтского. И вот взору моему представляется величественное здание, вроде храма, красоты неизобразимой и белизны ослепительной. И я знаю, что здание это принадлежит о. Иоанну. Вхожу я в него и вижу огромный как бы зал из белого мрамора, посреди которого возвышается дивной красоты беломраморная лестница, широкая и величественная, как и вся храмина великого Кронштадтского пастыря. Лестница от земли начинается площадкой, и ступени ее, перемежаясь такими же площадками, устремляются, как стрела прямая, в бесконечную высь и уходят на самое небо. На нижней площадке стоит сам о. Иоанн в белоснежных, ярким светом сияющих ризах. Я подхожу к нему и принимаю его благословение. О. Иоанн берет меня за руку и говорит:

– Нам надобно с тобою подняться по этой лестнице!

И мы стали подниматься. И вдруг мне пришло в голову: как же это так? Ведь о. Иоанн умер: как же это я иду с ним, как с живым? С этой мыслью я и говорю ему:

– Батюшка! Да вы ведь умерли?

– Что ты говоришь? – воскликнул он мне в ответ: – Отец Иоанн жив, отец Иоанн жив!

На этом и проснулся... «Не правда ли, какой удивительный сон, – спросил Елену Андреевну о. Варсонофий, – и какая это радость услышать из уст самого о. Иоанна свидетельство непреложной истинности нашей веры!»

Дар изгнания бесов

Близкие чада старца были не раз свидетелями проявления его духовных дарований. Вот пример. Чета Нилусов, придя однажды на благословение к старцу Варсонофию, присутствовала при изгнании им беса из приведенного к нему человека. В этот раз потребовалось от старца немало духовных сил. Бесноватый был в неистовой ярости, изрыгал на о. Варсонофия злейшую брань, называя его все время полковником, и готов был наброситься на него. Старец потом объяснил Нилусам, что это был редкий и трудный случай, когда пришлось иметь дело с бесом «полуденным», который является одним из наиболее лютых и трудно изгоняемых. Об этом бесе упоминается в девяностом псалме в славянском тексте: «...и сряца, и беса полуденнаго». В русском переводе текст изменен, там сказано: «...и заразы, опустошающей в полдень» (Пс. 90, 6).

Случаи исцеления по молитве старца Варсонофия

Перед отъездом из Оптиной обратно в Петербург приходит Елена Андреевна попрощаться с о. Варсонофием и принять его благословение на путь, а батюшка выносит ей в приемную из своей кельи, подает икону Божией Матери и говорит:

– Отвезите эту икону от меня в благословение княжне Марии Михайловне и скажите ей, что я сегодня, как раз перед вашим приходом, пред этой иконой помолился о даровании ей душевного и телесного здравия.

– Да застану ли я ее еще в живых? – возразила Елена Андреевна.

– Бог даст, – ответил о. Варсонофий, – за молитвы Царицы Небесной не только живой, но и здоровой застанете.

Вернулась Елена Андреевна в Петербург и первым долгом к княжне. Звонит. Дверь открывается, и в ней княжна: сама и дверь отворила, веселая, бодрая и как не болевшая.

– Да вы ли это? – глазам своим не веря, восклицала Елена Андреевна. – Кто же это воскресил вас?

– Вы, – говорит, – уехали, мне было совсем плохо, а там все хуже, и вдруг третьего дня, около десяти часов утра, мне, ни с того ни с сего, стало сразу лучше, а сегодня, как видите, и совсем здорова.

– В котором часу, говорите вы, это чудо случилось?

– В десятом часу третьего дня.

Это был день и час, когда о. Варсонофий молился пред иконой Божией Матери, присланной княжне в благословение.

Эта княжна Мария Михайловна Дандукова-Корсакова, известная всему Петербургу своей благотворительной деятельностью женщина, посвятившая всю свою жизнь служению страдающим ближним: бедным, больным, заключенным в темницах – имела несчастье заразиться сектантскими идеями, отрицающими веру в святых угодников Божиих и даже Саму Пречистую Богоматерь. После этого события княжна вполне уверовала в святость Пречистой и угодников Божиих. Так она получила исцеление не только телесного, но и душевного своего недуга.

«Пожила Елена Андреевна Воронова дня три-четыре в Оптиной, – пишет С. А.КНилус, – отговелась, причастилась, пособоровалась. Уезжает, прощается с нами и говорит:

– А наш батюшка (о. Варсонофий) благословил мне по пути заехать в Тихонову Пустынь и там искупаться в источнике преподобного Тихона Калужского.

Если бы мы не знали великого дерзновения крепкой веры Елены Андреевны, было бы с чего прийти в ужас, да к тому же и Оптина от своего духа успела нас многому научить, и потому мы без всякого протеста перекрестили друг друга, распрощались, прося помянуть нас у преп. Тихона.

Вскоре после отъезда Елены Андреевны получаем от нее письмо из Петербурга, где она пишет:

«Дивен Бог наш и велика наша Православная вера! За молитвы нашего батюшки отца Варсонофия, я купалась в источнике преподобного Тихона при десяти градусах Реомюра в купальне. Когда надевала белье, оно от мороза стояло колом, как туго накрахмаленное. Двенадцать верст от источника до станции железной дороги извозчик вез меня в той же шубке, в которой вы меня видели. Волосы мои, мокрые от купанья, превратились в ледяные сосульки. Насилу оттаяла я в теплом вокзале и в вагоне, и – даже ни насморка! От плеврита не осталось и следа. Но что воистину чудо великое милости Божией и угодника преп. Тихона – это то, что не только выздоровел мой заболевший глаз, но и другой, давно погибший, и я теперь прекрасно вижу обоими глазами!...».

«Женщина, которая стояла посреди комнаты, бросилась к батюшке со словами: «Батюшка, помолитесь! Измучилась я со своим сыном: истратила на него все состояние, а он все остается глухонемым, и так сделалось с ним с двенадцати лет». Батюшка благословил, посмотрел на него и говорит: «Согрешил он одним великим грехом, и ему покаяться и говеть нужно, и снова он будет слышать и говорить». Мать даже огорчилась тут за сына: «Как! Ведь он примерный мальчик; мог ли он согрешить в двенадцать лет!». Батюшка обратился к юноше и спросил: «Ты помнишь, что ты сделал?». Тот в недоумении качал головой. «Да ведь он, батюшка, не слышит», – говорит мать. «Да, тебя не слышит, а меня слышит». Тогда батюшка наклонился и шепнул ему что-то на ухо, и у него широко раскрылись глаза – он вспомнил. Через неделю юноша был здоров».

Посмертное явление старца умирающему духовному чаду о. Василию Шустину

Его сестра об этом пишет. «Странно! Батюшку (о. Василия) два раза хоронили, и он два

раза умирал. В первый раз он умер в России после третьего тифа. У него была большая температура и он лежал без сознания. Видит он доктора, который щупал пульс, и сестру. Доктор сказал: «Умер». Душа брата летела ввысь, он очутился в чудном саду, где его встретил о. Варсонофий Оптинский, говоря: «Хочешь быть в этом саду после смерти?» – «Да». – «Тогда возвращайся обратно – ты не готов; перемучайся, переживи все, тогда вернешься сюда». Брат со страхом вошел в свое тело. Пришли его обмыть, принесли гроб и поразились, что теперь он жив». На сороковой день Мария Васильевна увидела во сне своего брата в том саду, куда его призывал о. Варсонофий. «Иду я в саду по дорожке одна, но чувствую, что о. Василий идет сзади. Дорожка заворачивает вправо, образуя угол. Брат меня перегоняет, подходит к углу, где растут необыкновенные цветы, срывает распустившийся цветок, а мне пальцем указывает на другой, наполовину распустившийся. Я протягиваю руку, чтобы сорвать, – и все исчезает».

Преподобный Варсонофий

ПОУЧЕНИЯ

Поучая о том, каким должен быть настоящий монах, старец Варсонофий говорит, что всей основой монашеской жизни должна быть молитва, а ее сущность – борьба со страстями, послушание, смирение и любовь.

Первым вашим делом, как только проснетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми вашими словами – слова молитвы Иисусовой. Когда это возможно, творите молитву Иисусову по четкам, а когда заняты делом, то без четок. Когда у вас бывают какие-либо мечтания, вы им не противоречьте сами, а бросайте в них, камнем. Камень же есть имя Христово, Иисусова молитва... Помыслы отгонять не в вашей силе, а не принять их – в вашей, – имя Иисусово отгонит их. Если молитва иногда бывает невнимательная, рассеянная, – унывать не надо. Во время молитвы уста наши освящаются именем Господа Иисуса Христа. Постоянно имейте при себе Иисусову молитву – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Имя Иисусово разрушает все дьявольские приращения. Они не могут противиться силе имени Христова. Все козни дьявольские разлетаются в прах. Почему это так и как это происходит, мы не знаем. Знаем только, что это действительно так.

Некоторые считали меня находящимся в прелести, когда я жил внимательно, занимался Иисусовой молитвой... Теперь решают так: «Молись, не молись – все равно не достигнешь молитвы. Прошли те времена». Это, конечно, мысль, внушенная дьяволом. Иисусова молитва необходима для входа в Царство Небесное.

Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а когда начинаешь жить хорошо, сразу – скорби и искушения.

Пророк Давид сказал: «Оскуде преподобный». Почему он оскудел? Потому что «умалишася истины, суетная глаголаша кийждо», потому что не говорят о душеполезном, а празднословят, говорят о пустяках. Пророк Давид сказал еще: «Смирися и спасе мя Господь». Для спасения достаточно одного смирения. И опять сказано в другом псалме: «Виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя». Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда... Путь смирения, терпение унижений – тяжел. Многие брались за него, решались идти им и не выдерживали...

«Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь, то и никогда не соединится с Ним», – говорит преп. Симеон Новый Богослов.

Сочинения свт. Игнатия Брянчанинова незаменимы. Они, если можно так сказать, – азбука, слоги. Сочинения свт. Феофана Затворника суть уже грамматика. Они глубже. Их

даже преуспевшие читают с некоторыми затруднениями...

Есть грехи смертные и есть не смертные. Смертный грех – это такой грех, в котором человек не кается. Смертным он называется потому, что от него душа умирает и после смерти телесной идет в Кад.

Женщина без веры жить не может. Она, после временного неверия, опять возвращается к Богу.

В отношениях ученика к старцу главное – вера ученика. Если спрашивают старца с верой, то Господь по вере спрашивающего и открывает ученику Свою волю.

Если бы желающие поступить в монастырь знали, какие скорби ожидают их, то никто бы не пошел в монастырь. Господь скрывает эти скорби. А если бы люди знали, какое блаженство ожидает иноков, то весь мир бы побежал в монастырь. Сущность нашего монашеского жития – борьба со страстями...

Смирение и любовь – самые высокие добродетели. Они должны быть отличительными чертами монаха... Не думайте, что можно сразу на небо взлететь. Нет. Нужно претерпеть всякие скорби, унижения и озлобления внутри себя, от диавола, и извне – от неразумных братий. Сначала надо пройти весь искус. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и потом уже... Иногда будете чувствовать даже отвращение и ненависть к монашеской жизни... Все это надо претерпеть...

Современные монахи стремятся во всем исполнять свою волю. Авва Дорофей говорит: «Я не знаю для монаха иного падения, как последование своей воле...» Монашество уклонилось от своего пути. Однако диаволу монашество и наших дней не нравится, если он так восстает на него. Монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, тогда настанет Страшный суд...

В своих поучениях преп. Варсонофий часто предостерегает от тех опасностей, которые ожидают монаха, вставшего на путь спасения.

Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы – тяжелое, болезненное состояние. Про эти муки говорится и в псалме: «Объяша мя болезни, яко рождающую». Всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Эти «болезни» заключаются в борьбе со страстями. Страсти будут восставать на вас. Враг вас не оставит. Здесь нужно терпение. Нужно терпеть самого себя и не слагать оружия, зная, что это неизбежно. Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, есть признак особого Божия промышления о нас. Цель скорбей различна. Они посылаются или для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы в будущей жизни, или же в наказание за прежде содеянные грехи. Все несут свой крест.

Всякому доброму делу или предшествует или последует искушение. При наплыве скорбей надо говорить себе: «Наверно, я достоин всех этих скорбей. Значит, все они нужны, чтобы очистить меня от страстей, а наипаче от гордыни». Мало перенести оскорбления, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление. Скорби всегда будут, но внутреннее состояние человека будет другое. Хотя скорби и будут, но достигший внутренней молитвы будет легко их переносить, ибо с ним будет Христос. Он будет наполнять неизреченной радостью сердце подвижника, и эту радость о Господе не сможет преодолеть никакая скорбь. Когда беспокоят помыслы страха о предстоящих скорбях, то не надо входить в разговор с ними, а просто говорить: «Да будет воля Божия!» Это очень успокаивает.

Из бесед преп. Варсонофия с духовными детьми

«Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя», – вот теперь, как сказать можно. От разных мест в поисках Христа съехались сюда вы, детки мои. Да вознаградит вас Господь за это и пошлет мир и радость о Дусе Святе в ваши сердца.

А может быть кто-нибудь из вас впоследствии и сподобится ангельского чина. Я не

зову вас в монастырь, и в миру можно спастись, только Бога не забывать, но в монастыри идут для достижения высшего совершенства.

Правда, здесь больше искушений, но зато дается и большая помощь от Господа. Один святой желал узнать, как Господь помогает инокам, и ему было видение: он видел инока, окруженного целым сонмом Ангелов с горящими светильниками.

Говорят, в миру искушений меньше, но представим себе человека, за которым гонится злодей. Положим, он успел ускользнуть от него, но тот грозит ему издали кулаком со словами: «Смотри, только попадись мне». А, положим, идет человек, и на него нападают целой толпой враги. Бежать некуда. Но вдруг, откуда ни возьмись, – полк солдат, и бросаются в защиту ему, а враги разбегаются с окровавленными физиономиями. Не правда ли, пожалуй, последний находится в большей безопасности, чем первый.

Трудно спастись, живя среди развращенного общества.

В Св. Писании говорится: С преподобным преподобен будешь, и с мужем неповинным неповинен будешь, и со избранным избран будешь, и со строптивым развратишься (Пс. 17,26-27).

Греховные страсти губительно действуют и на душу, и на тело. Читая св. отцов, я, уже находясь в монастыре, впервые узнал, что страсти так же заразительны, как заразные болезни, и как последние могут передаваться через предметы, так и первые. Когда св. Спиридон, епископ Тримифунтский, ехал на Вселенский собор, то на пути остановился в одной гостинице. Сопровождавший святого инок, войдя к нему, сказал: «Отче, не могу понять, отчего это наша лошадь не ест». «Оттого, – ответил св. Спиридон, – что животное чувствует нестерпимый смрад, исходящий от капусты, который происходит от того, что хозяин наш заражен страстью скупости».

Человек, не просвещенный Духом Божиим, этого не замечает, но святые имеют дар Божий распознавать страсти. От вещей человека страстного можно заразиться его страстью.

Много назидательного дает нам и окружающая нас природа. Все знают растение подсолнечник. Свою желтую головку он всегда обращает к солнцу, тянется к нему, отчего и получил свое название. Но случается, что подсолнечник перестает поворачиваться к солнцу, тогда опытные в этом деле люди говорят: «Он начал портиться, в нем завелся червь; надо срезать его».

Душа, алчущая оправдания Божия, подобно подсолнечнику, стремится, тянется к Богу – Источнику света, если же она перестала искать Его, следовательно, такая душа гибнет. Необходимо в этой жизни ощутить Христа; кто не узрел Его здесь, тот никогда не увидит и там, в будущей жизни.

Но как увидеть Христа? Путь к этому – возможно непрерывная молитва Иисусова, которая способна вселить Христа в души наши.

Верный признак омертвения души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего начинает избегать ходить в церковь, сначала старается прийти к службе попозже, а затем и совсем перестает посещать храм Божий.

Есть разные пути ко спасению. Одних Господь спасает в монастыре, других в миру. Святитель Николай Мирликийский ушел в пустыню, чтобы подвизаться там в посте и молитве, но Господь приказал идти в мир: «Это не та нива, на которой ты принесешь Мне плод», сказал Спаситель. Святые Таисия, Мария Египетская, Евдокия также не жили в монастырях. Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову –и Христос не оставит вас.

Да, великие наши дни. И в миру радуются в эти дни, но не по-духовному: один радуется, что получил деньги, другой – чины и ордена, третий по другим причинам. Некоторые радуются, что пост прошел и наступило разрешение на все – это, пожалуй, законная радость, если только в пище не полагать главного счастья. Но в святых обителях радость о воскресшем Иисусе. Не оставляйте посещать, особенно в праздники, святых обителей, когда и меня не будет: здесь таится духовная жизнь, которая согревает душу

человека.

Мне вспоминается такой случай. В одном богатом семействе был праздничный вечер. На нем одна талантливая девушка исполнила удивительно хорошо лучшее произведение Моцарта. Все были в восхищении, а у притолоки стоял лакей, подававший папиросы и вообще прислуживавший гостям, и позевывал: «И что это господа слушают такую скучнейшую музыку, вот если бы поиграли на балалаечке!». Он был прав в своем суждении, так как серьезная музыка была для него совершенно непонятна. Чтобы понимать произведения, даже земного искусства, надо иметь художественный вкус.

Напев пасхального канона составлен Иоанном Дамаскиным, и так дивно величественно составлен, что он только возвышает душу и исполняет духовной радости по мере восприимлемости каждого. Но является вопрос: где ключ для открытия радостей духовных? На это ответ один: в молитве Иисусовой.

Великую силу имеет эта молитва. Она имеет разные степени: самая первая – это простое произнесение слов: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». На высших же ступенях она достигает такой силы, что может и горы переставлять: Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй мя, грешную, – каждому нетрудно, а польза громадная. Это сильнейшее оружие для борьбы со страстями.

Нынче радостное время – Пасха. «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Кто это – «сущие во гробех»? Это – все люди грешники, раньше мертвые для Бога, но воскресенные к новой жизни смертью Христа Спасителя.

Ищущие Христа обретают Его, по неложному евангельскому слову: «Голцыте и отверзется вам, ищите и обрящете»; «В дому Отца Моего обители многи суть».

И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и земных обителях, и не только о внутренних, но и о внешних.

Каждую душу ставит Господь в такое положение, окружает такой обстановкой, которая наиболее способствует ее преуспеянию. Это и есть внешняя обитель, исполняет же душу покой мира и радования – внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его.

Хорошо в Раю! Достоевский, который бывал здесь и сживал на это кресле, говорил о. Макарию, что раньше он ни во что не верил. «Что же заставило вас повернуть к вере?», – спрашивал его батюшка о. Макарий. «Видел Рай. Ах, как там хорошо, как светло и радостно! И насельники его так прекрасны, так полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу забыть я того, что пережил там, и с тех пор повернул к Богу!».

Нынче христиан не мучают на площадях, не сжигают на кострах, храмы открыты, в них совершается Богослужение, но вот грустное явление – многие и без мук отрекаются от Христа. Преследует мир рабов Христовых насмешками и презрением, и они не переносят сего. «А ты стала что-то часто в церковь ходить!», – замечают язвительно. Молчит. «Конечно, отчего не сходить в праздник, но ты, кажется, чуть ли не каждый день ходишь да и посты начала соблюдать». Снова молчит. А иная начнет приставать: «Ты вот все читаешь святые книги, а читала ли ты Ницше и т.д., вот почитай только и сама увидишь, что они говорят», да так и засыплет неопытную именами своих богов (у них ведь тоже свои боги). «Если ты религиозна, то должна рассмотреть вопрос со всех сторон, а не бояться услышать противоположное мнение».

Не надо слушать их. Не читайте безбожных книг, оставайтесь верными Христу. Если спросят о вере, отвечайте смело. «Ты, кажется, зачастила в церковь?» – «Да, потому что нахожу в этом удовлетворение». – «Уж не в святые ли хочешь?» – «Каждому этого хочется, но не от нас это зависит, а от Господа». Таким образом вы отразите врага.

Нужно помнить, что Господь всех любит и о всех печется, но, если по-людски, – нельзя нищему дать миллион потому, что он и сам погибнет, и других погубит, а рублей сто

могут его поставить на ноги. И Господь лучше знает, кому что на пользу.

Нельзя научиться исполнять заповеди Божии без труда, и труд этот трехчастичный – молитва, пост и трезвение.

Старец Макарий обладал в высшей степени даром властного слова, и речи его оказывали громадное влияние на душу слушателя.

Выйдя от старца, Гоголь говорит: «Да, мне сказали правду, это единственный из всех до сих пор известных мне людей, кто имеет власть и силу повести на источники воды живой». И Гоголь переродился, он сам говорил: «Пошел я к старцу одним, вышел другим».

Умер Гоголь истинным христианином. Есть предание, что незадолго до смерти он говорил своему близкому другу: «Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...» – «Чего? Отчего потеряли вы?» – «Оттого, что не поступил в монахи... Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит...»

Мне приходится слышать жалобы на то, что мы переживаем теперь трудные времена, что теперь дана полная свобода всяким еретическим и безбожным учениям, что Церковь со всех сторон подвергается нападкам врагов и страшно за нее становится, что одолеют ее эти мутные волны неверия и ересей. Я всегда отвечаю: «Не беспокойтесь! За Церковь не бойтесь! Она не погибнет: врата адовы не одолеют ее до самого Страшного суда. За нее не бойтесь, а вот за себя бояться надо, и правда, что наше время очень трудное. Отчего? Да оттого, что теперь особенно легко отпасть от Христа, а тогда – гибель».

Посмертное завещание преп. Варсонофия

Отлагая, наконец, все попечения мира сего, так угнетавшие и томившие дух мой, кратко скажу мое последнее слово и мои последние заветы дорогим бывшим моим духовным чадам.

И, во-первых, смиренно прошу: простите мне все мои вольные и невольные согрешения, которыми согрешил я против вас, и вас взаимно всех прощаю за все скорби и огорчения, которые подъял я через некоторых, по наущению исконного врага спасения нашего.

Веру мне имейте, святые отцы и братия, что все мои действия и желания сводились к одному – охранить святые заветы и установления древних отцов-подвижников и великих наших старцев, во всей Божественной и чудной их красоте, от разных тлетворных влияний века сего, которых начало – гордыня сатанинская, а конец – огонь неугасимый и мука безконечная!

Может быть, плохо исполнил я это – каюсь в том и повергаю себя пред благостью Божией, умоляя о помиловании. А вас всех, возлюбивших меня о Господе, прошу и молю – соблюдайте мои смиренные глаголы. Не угашайте духа, но паче возгревайте его терпеливо молитвой и прилежным чтением святоотеческих творений и Священного Писания, очищая сердце от страстей.

Преподобный Анатолий мл.

ЖИТИЕ

С юных лет преподобный Анатолий, в миру Александр Потапов, возжелал стать монахом и уйти в монастырь, но мать его этого не хотела, и он, подобно преп. Сергию Радонежскому, поступил в монастырь только после ее смерти. Многие годы провел в скиту келейником у великого старца Амвросия. После его смерти, будучи еще

иеродиакон, старчествовал в скиту, и вскоре стал общепризнанным старцем Оптиной Пустыни.

Он впитал дух оптинского подвижничества – суровое, напряженное бодрствование духа, скрытое в своей келлии, той «расселины в скале, где Господь говорил к Моисею», по выражению преп. Исаака Сирина, простое искреннее отношение ко всему внешнему, видимому, – к братии, посетителям, природе, свету Божию. Уставной ход жизни обители, с ее Богослужением, старцами, насыщенный духовно-просветительной деятельностью, воспитали в нем великого аскета, делателя Иисусовой молитвы, проводившего ночи напролет в молитве, искусного борца с врагом рода человеческого, выдающегося общественного деятеля, воспитавшего тысячи русских душ в духе истинно христианского благочестия. Неспроста он высоко ценил Святителя Тихона Задонского, и как величайшую драгоценность дарил людям его книгу «Об истинном христианстве». Почти полвека спустя один его духовный сын с трепетом вспоминает: «Еще в 1921 году, благословляя меня на пастырство, старец Анатолий сказал мне: «Возьми «Истинное Христианство» Тихона Задонского и живи по его указаниям».

Усвоив основы монашеского духовничества у великого Амвросия, старец Анатолий властно руководил монашеской внутренней жизнью. Откровение помыслов – самое сильное оружие в руках духовника и старца. Пишущему эти строки не раз приходилось присутствовать в Оптиной Пустыни, когда старец Анатолий принимал от монахов исповедание помыслов. Эта сцена производила сильное впечатление. Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним несколькими короткими фразами. Некоторые быстро, другие немного задерживались. Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу, склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивое приращение помыслов. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось два раза в день, утром и вечером. Поистине, «житие» в Оптиной было безпечальное и, действительно, все монахи были ласково-умилненные, радостные или сосредоточенно-углубленные. Нужно видеть своими глазами результат откровения помыслов, чтобы понять все его значение. Настроение святой радости, охватывающее все существо принесшего исповедь старцу, описывает один древний инок в таких словах: «ЯКисполнился неизглаголанной радости, чувствуя свой рассудок очищенным от всякой скверной похоти. Я наслаждался такой чистотой, что невозможно сказать. Свидетельствует об этом сама истина, и я укрепился твердой верой в Бога и мноюю любовью... Я был безстрастным и безплотным, осененным Божиим просвещением и созданным Его велением» (Палестинский Патерик, вып. II, стр. 95-96).

К мирянам преподобный обычно выходил в сени и благословлял каждого коротким, быстрым крестным знаменем, слегка ударяя вначале несколько раз по лбу пальцами, как бы внедряя и запечатлевая крестное знамение. Маленького роста, необычайно живой и быстрый в движениях, он, обходя всех, отвечал на задаваемые вопросы, а затем принимал некоторых отдельно для беседы у себя в келлии. Любовь и ласковость обращения привлекали всегда к старцу толпы людей. Помню, как во время своей болезни преп. Анатолий, не выходя из келлии, только подошел к окну и сквозь стекло благословлял народ, собравшийся снаружи у окна. Увидев его, вся толпа припала к земле.

У него была грыжа, и часто он принимал сидя на маленькой скамеечке, а люди наклонялись, подходя по очереди. Старец постучит по лбу: «цок, цок, цок», и благословит. Тем временем на дворе опять набралось народу, ждут благословения. Ему келейники говорят: «Батюшка, отпустите людей». Встанет к окошку своей келлии и благословит. Народ молча и чинно с благоговением расходится. И на сердце тихо, тихо и мирно.

В 1903 году, – вспоминает архимандрит Амвросий Коновалов, – я должен был ехать на призыв в воинское звание из Петербурга на родину, в Белев Тульской области. Поехал я со своим сверстником и товарищем Ильюшей Картошкиным. Добрый он был юноша, но

не знал духовной жизни, а тем паче монашеской. Говорю ему: «Ильюша, хочешь со мною заехать в Оптину Пустынь, посмотреть монастырь, монашество, великих старцев?». Тот отвечает: «Да. Я ничего ни о монашестве, ни о старцах не знаю, я готов».

Прибыв в город Козельск Калужской губ. в пяти верстах от Оптиной, мы пошли пешком через прекрасный, покрытый зеленью, луг. Он раскинулся перед нашим взором, как прекрасный ковер, украшенный разноцветными цветами. А на склоне горы над рекой Жиздрой виднелась Оптина – эта великая Пустынь, «Фиваида» наша, «Заиорданье»...

Подшли к Жиздре. Там паром нас ждал, готовый переправить нас через реку. Его обслуживали смиренные иноки Оптиной. И вот вступаем на почву святой обители, где все овеяно трудами, подвигами оптинских пустынножителей, их слезами и молитвой – непрестанной... Сойдя с парома, идем по шоссе к гостиницам, их было шесть. Все было занято, но так как у нас было рекомендательное письмо от баронессы О. П. Менгден, почитательницы старцев, то отвели нам скромный номер, на всякий случай оставленный. Спрашиваем, – как пройти в скит к старцу Анатолию. Тогда он был еще иеродиаконем, но к нему уже ходили за советами и указаниями. Идем к старцу чрез монастырский фруктовый сад, минуем ограду монастырскую, попадаем в монастырский лес – сосновый, величественный, деревья в два-три обхвата. Идем дорожкой, ведущей прямо в скит.

Вот, наконец, подходим. Видим колокольню скита. Направо – хибарка. Это – дом, где жили великие старцы Оптинские. Еще направо – домик скитоначальника. Подходим к воротам. Стучим. Выходит согбенный монах: «Что вам надо?». Мы отвечаем, что пришли передать письмо от О. П. Менгден старцу Анатолию.

Последний принял нас с любовью. В беседе с ним открылся нам дар его прозорливости... На всю жизнь осталась память об этой беседе...

После сего я каждый год посещал Оптину и старцев Пустыни, и память об этих посещениях до сего времени укрепляет и утверждает меня, грешного, в вере и благочестии».

От этого радостного впечатления будущего канадского миссионера архимандрита Амвросия (Коновалова), веет свежестью полевых цветов, солнцем, юностью и жизнерадостностью. Таков и духовный облик великого оптинского подвижника старца Анатолия, по прозванию «младшего», в отличие от скитоначальника Анатолия «старшего» Зерцалова.

Прот. Сергей Четвериков в своей книге об Оптиной Пустыни, пишет о старце Анатолии: «Мне пришлось быть у него в 1905 году в его маленькой, тесной келлии в глубине скита. Рядом с ним, в другой келлии, помещался о. Нектарий. Мы сидели втроем, за самоваром, у о. Анатолия. Небольшого роста, немного сгорбленный, с чрезвычайно быстрой речью, увлекающийся, любвеобильный, о. Анатолий уже тогда оставил во мне неизгладимое впечатление.

Шесть лет спустя я снова увидел о. Анатолия уже в сане иеромонаха. Он жил уже не в скиту, а в монастыре, при церкви «Владимирской» иконы Божией Матери, и пользовался уже большой известностью, как общепризнанный старец. Около него создавалась та особенная духовная атмосфера любви и почитания, которая окружает истинных старцев и в которой нет ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходит к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостнолюбовному и смиренному обращению с людьми, напоминал преп. Серафима Саровского. Обращала на себя внимание его особенная, благоговейная манера благословлять, с удержанием некоторое время благословляющей руки около чела благословляемого. В нем ясно чувствовались дух и сила первых оптинских старцев. С каждым годом возрастала его слава и умножалось число посетителей».

«Возле келлии Анатолия толпился народ, – описывает князь Н. Д. Жевахов, посетивший Оптину Пустынь почти накануне революции в связи со своим назначением товарищем обер-прокурора Св. Синода, – там были преимущественно крестьяне, прибывшие из окрестных сел и соседних губерний. Они привели с собой своих больных и

искалеченных детей и жаловались, что потратили без пользы много денег на лечение... Одна надежда на батюшку Анатолия, что вымолит у Господа здоровье неповинным.

С болью в сердце смотрел я на этих действительно неповинных, несчастных детей, с запущенными болезнями, горбатых, искалеченных, слепых... Все они были жертвами недосмотра родительского, все они росли без присмотра со стороны старших, являлись живым укором темноте, косности и невежеству деревни... В некотором отдалении от них стояла другая группа крестьян, человек восемнадцать, с зажженными свечами в руках. Они ждали «собороваться» и были одеты по праздничному. Я был несколько удивлен, видя перед собой молодых и здоровых людей, и искал среди них больного. Но больных не было: все оказались здоровыми. Только позднее я узнал, что в Оптину ходили собороваться совершенно здоровые физически, но больные духом люди, придавленные горем, житейскими невзгодами, страдающие запоем... Глядя на эту массу верующего народа, я видел в ней одновременно сочетание грубого невежества и темноты с глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, где истинный врач душ и телес: они тянулись в монастырь, как в духовную лечебницу и никогда их вера не посрамляла их: всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвой и беседами со старцами.

Вдруг толпа заволновалась; все бросились к дверям келлии. У порога показался о. Анатолий. Маленький, сгорбленный старичок, с удивительно юным лицом, чистыми, ясными, детскими глазами, о. Анатолий чрезвычайно располагал к себе. Я давно уже знал батюшку и любил его. Он был воплощением любви, отличался удивительным смирением и кротостью, и беседы с ним буквально возрождали человека. Казалось, не было вопроса, который бы о. Анатолий не разрешил; не было положения, из которого этот старец Божий не вывел своею опытною рукою заблудившихся в дебрях жизни, запутавшихся в сетях сатанинских... Это был воистину старец – великий учитель жизни. При виде о. Анатолия толпа бросилась к нему за благословением, и старец медленно, протискиваясь сквозь толпу народа, направился к крестьянам, ожидавшим соборования, и приступил к Таинству елеосвящения».

* * *

Последние годы старец жил недалеко от церкви, почти напротив, в ограде монастырской. Много народу ходило к нему. Преп. Нектарий, живший в скиту, завидит народ издали и спрашивает: «Вы к кому?», а сам ведет к старцу Анатолию.

Смятенье в народе, вызванное революционным безбожием, устремляло верующих к старцам за духовной поддержкой.

Пришла череда страданий и к старцу Анатолию. Его красноармейцы обрили, мучили и издевались над ним. Он много страдал, но когда возможно было, принимал своих чад. К вечеру 29 июля 1922 года приехала комиссия, долго расспрашивали и должны были старца арестовать. Но он, не противясь, скромно попросил себе отсрочку на сутки, дабы подготовиться. Келейнику, горбатенькому о. Варнаве, грозно сказали, чтобы готовил старца к отъезду, т.к. завтра увезут, и на этом уехали. Воцарилась тишина, и преподобный начал готовиться в путь. На другой день утром приезжает комиссия. Выходят из машины и спрашивают келейника о. Варнаву: «Старец готов?» – «Да, – отвечает келейник, – готов», и, отворив дверь, вводит в покои преподобного. Каково же было их удивление, когда взору их предстала такая картина: посреди келлии в гробу лежал «приготовившийся» мертвый старец! Не попустил Господь надругаться над Своим верным рабом и в ту же ночь принял Своего готового раба, это было 30 июля 1922 года, в память перенесения мощей преп. Германа, Чудотворца Соловецкого.

Духовная дочь преп. Анатолия Е. Г. Р. свидетельствует: «В 1922 году, перед Успенским постом, получаю от батюшки Анатолия письмо, которое оканчивается так: «Хорошо было бы тебе приехать отдохнуть в нашей обители». Сразу не собралась, не поняла, почему батюшка зовет приехать, а когда приехала в Оптину, то было уже поздно:

на другой день был девятый день со дня смерти дорогого батюшки. Грустно было: чувствовалась потеря близкого человека, которого никто заменить не может. К девятому дню съехались различные лица, в разговоре с которыми я узнала, что не я одна опоздала: были и другие опоздавшие, которых батюшка вызывал или письмом, или явившись во сне. Но были и такие, кто застали еще батюшку живым».

О погребении старца Анатолия сведений у нас нет, но известно, что его положили рядом с могилой старца Макария.

В заключение приведем несколько строчек другой духовной дочери старца Анатолия, монахини Марии, писавшей в Бар-град монахине Матроне, тоже духовной дочери преподобного: «Как хочется вернуть хоть на месяц то блаженное времечко дорогой и незабвенной духовной моей родины – Оптиной. Когда, будучи уже взрослой, гостя там месяца по два с половиной, чувствовала себе безмятежно счастливой, как ребенок под нежно любящей опекой старца-отца, заменяющего одновременно и мать, и брата, и друга, и няню, с тою лишь разницей, что в нем, в этом старце-отце, все скреплено и покрыто неземной любовью.

Вспомните, родная, вспомните Владимирскую церковь, а в ней толпу богомольцев 70-80 человек. Кто не был утешен его словом, отеческой улыбкой, взглядом, истовым преподанием св. благословения, его смиренным видом. Кто?... Только вышел батюшка, у всех уже лица просияли, несмотря на гнетущее настроение – с радостью редко кто приезжал туда. Ушел батюшка – все то же сияние у всех. Крестясь, с сердечным, успокоенным вздохом, с благодарностью к Богу, уходят богомольцы в путь часто далекий, приходя к нему иногда только лишь за тем, чтобы принять благословение и получить в наставление что-нибудь, сказанное на ходу. Шестнадцать лет жила под руководством незабвенного батюшки Анатолия. Шестнадцать лет сплошной духовной радости. Слава Богу, давшему испытать мир, неземную радость здесь еще, на земле, видеть небесного ангела. В этой тяжелой скорбной жизни часто живые воспоминания, хоть на минуту, дают успокоение, и за то благодарение Создателю».

Преподобный Анатолий мл.

ЧУДЕСА

По молитвам старца

«Вот, направо, – вслушиваемся в рассказ одного крестьянина. Рассказчик, очевидно, здешний ямщик, – всегда обращаюсь к этому дорогому батюшке. Он мне в трудные минуты все равно, что Ангел Хранитель: как скажет, так уж точно отрежет. Все правильно, по его так и бывает. Я никогда не забуду такой случай. Отделился я от отца, вышел из дому. Всего в кармане денег пятьдесят рублей. Жена, ребятишки, а сам не знаю, куда и голову приклонить. Пошел к эконому здешнего монастыря, леску на срок попросить; обитель-то здешняя, дай им Бог доброго здоровья, все-таки поддерживает нас. Возьму, думаю, у него, это, леску, да кое-как и построюсь. Пришел к эконому, но, оказывается, не тут-то было. Что ему попритчилось, Господь его знает. Не могу – да и только. Я, было, и так, и сяк, ничего не выходит. Ну, знамо дело, пришел домой, говорю жене: «Одно нам теперь бесплатное удовольствие предоставлено – ложись и умирай». Сильно я закручинился, и первым, это, делом, по нашему, по-деревенскому, рассчитал пропить все эти деньги, оставив бабу с ребятами в деревне, а самому в Москву в работники. Но недаром говорят – утро вечера мудренее. Наутро встал, и первая мысль в голову: «сходи к старцу Анатолию, да и только». Делать нечего; встал, оделся, иду. Прихожу вот так, как сейчас, только народо видимо и невидимо. Где, думаю, тут

добраться, да побеседовать; хоть бы под благословение-то подойти. Только это я подумал, ан, глядь, отворяется дверь из кельи, и выходит старец Анатолий. Все двинулись к нему под благословение. Протискаюсь и я. А у него, у старца-то, такой уже обычай: когда осеняет святым благословением, то он в лобик-то, так, как будто, два раза ударяет и кладет благословение медленно, чинно, так что иногда за это время несколько словечек ему сказать можно. Так я решил сделать и здесь. Он благословляет, а я говорю в это время: «Погибаю я, батюшка, совсем хоть умирай». – «Что так?» – «Да вот так и так», – говорю насчет дома. Покаялся ему, что и деньги пропить решил. Ведь сами знаете, если хочешь правильный ответ от старца получить, должен все ему сказать по порядку. Остановился, это, старец, как будто задумался, а потом и говорит: «Не падай духом; через три недели в свой дом войдешь». Еще раз благословил меня, и, верите ли, вышел я от него, как встрепанный. Совсем другим человеком стал. Ожил. Откуда и как это может случиться, что я через три недели в свой дом войду? Я и не раздумывал, а знал, что это непременно будет, потому что старец Анатолий так сказал. Так что же бы вы думали: вечером этого дня нанимает меня седок в Шамордино. Еду через деревню, и вдруг меня окликает чей-то голос: «Слушай, скажи там своим в деревне, не хочет ли кто сруб у меня купить... Хороший сруб, отдам за четвертую и деньги в рассрочку».

Понимаете, чудо-то какое?

Конечно, сруб я оставил за собой, а на другой день опять к отцу эконому; тот на этот раз был помягче, согласился. И через три недели (на четвертую-то), мы с женой ходили уже благодарить старца Анатолия из своего собственного дома... Вот он какой, старец Анатолий-то!..».

И много таких рассказов раздается вокруг святой келлии этого подвижника духа.

Духовное окормление

Старец подарил мне, – вспоминает один из его посетителей, – деревянную чашу работы оптинских монахов с весьма знаменательной надписью на ней: «Бог Господь простирает тебе Свою руку, дай Ему свою». Затем дал мне книжечку: «Некоторые черты из жизни приснопамятного основателя Алтайской Духовной Миссии архимандрита Макария Глухарева», «Учение о благих делах, необходимых для вечного спасения», «Не осуждать, а молчать – труда мало, а пользы много», «Как живет и работает Государь Император Николай Александрович», «Молитвы ко Пресвятой Богородице преп. Нила Сорского».

И все эти книги, когда я их потом просмотрел, действительно оказались чрезвычайно полезными и безусловно необходимыми именно мне. Для примера, укажу на следующее. Имея страшную массу работы по переписке, по подготовке к лекциям, к беседам частного характера, благодаря почти непрерывным посещениям людей, интересующихся совершившимся во мне переворотом, равно как и другими вопросами, –я всегда затруднялся, как распределять свое рабочее время и свою работу, и нигде не мог найти на этот предмет прямого указания. Каково же было мое удовольствие, когда в книжке «Как живет и работает Государь Император», я увидел способ равномерного распределения работ в виде записи в начале дня их распорядка. Это сразу устроило меня и избавило от чрезвычайно неприятных затруднений».

Прозорливость старца Анатолия

Мать Матрона (Зайцева), постриженная в мантию с именем Николая, ныне здравствующая в Бар-граде в Италии, сообщила нам следующее:

«Восьми лет я осиротела, четырнадцати я ушла в монастырь по благословению одного прозорливого старца о. Афанасия. Монастырь был бедный, а я еще беднее. Там прожила я пять лет. Поехала в Оптину Пустынь за благословением переменить обитель. В то время был еще жив о. Иосиф. Я спросила его, как и куда лучше, а батюшка Иосиф сидел на диване в белом подряснике, как ангел, и смотрел на крест своих четок, и говорит, что нет благословения менять обитель, а надо продолжать жить на месте. И я успокоилась,

получив благословение и у о. Анатолия.

Потом приехала в Оптину в 1909 году и от радости сказала о. Анатолию: «Видите, батюшка, я опять приехала». А батюшка мой ответил: «Это что, что приехала к нам, вот через четыре года поедешь в Италию». Вот тут я ничего не ответила, решив хранить это, как тайну, спросить же не смела, а думать еще больше. Вот прошло два года. Поехала опять. Заехала в Калугу, там встретила блаженного Никитушку, который мне сказал, что я два года как-нибудь проживу, и велел сказать батюшке Анатолию, что я его встретила. Батюшка удивился и сказал, что он великий человек. А я говорю: «Вот, блаженный Никитушка мне сказал, что я проживу два года, видимо, я умру». А батюшка Анатолий отвечает: «Нет, это не к смерти, а к перемене: через два года будет перемена. Вот наш архимандрит Варсонофий прожил здесь одиннадцать лет, и его перевели в Голутвин. Так и тебе будет перемена». Но и тут я не смела спросить, так ведь я помнила о четырех годах, как было ранее сказано, терпела и ждала.

Вот в 1913 году комитет решил приступить к постройке подворья в Бари. Решили взять меня туда. В это время одна семья поехала в Оптину Пустынь, с нею батюшка о. Анатолий прислал мне иконку и сказал: «Скажите ей: ведь не верила, а вот, Бог благословит, пусть едет». Батюшка показал мне адрес, где я буду жить, но я, конечно, не помню.

Прожила год с большим трудом, пишу: «Батюшка, благословите приехать. Здесь очень трудно, ведь я привыкла быть в монастыре». Батюшка мне ответил: «Бог благословит, приезжай». Я так обрадовалась и даже не стала ждать разрешения от Палестинского Общества, так, думаю, зачем? Ведь я больше не вернусь в Бари. В то время там были наши Тульские паломники, я с ними уехала в Иерусалим, а потом домой.

Через три дня была уже в Оптиной Пустыни. Прихожу к батюшке Анатолию. Первое его слово было: «Ну, что, побывала в Иерусалиме?» – «Да, батюшка. Вашими святыми молитвами». – «Ну, вот, побудешь у нас, а потом обратно». – «Обратно? Нет, батюшка, я больше не поеду в Бари. Я уже сдала свой паспорт, да я теперь больше не состою на службе. Ведь я уехала, не получив разрешения». Батюшка ответил: «Это ничего, все будет хорошо». Прожила я в Оптиной почти две недели, и все время батюшка говорил: «Ведь твой дом в Бари». А я все говорю: «Нет, нет! Я не поеду в Бари!» Наконец, решилась сказать: «Батюшка, ведь вы меня благословили приехать, а теперь вот надо обратно ехать». Батюшка ответил: «Да, очень хорошо, что приехала – нас повидаете и своих родных. Ведь ничего не знаешь, что будет». И батюшка сказал, подойдя к образу Божией Матери: «Мать Божия! Тебе ее поручаю. Управь Ты Сама». После этих слов я не смела ничего говорить, а только слушала, и я стала просить благословения уехать. Батюшка спрашивает: «Куда?». Я отвечаю: «В Тулу». – «Не в Тулу, а в Бари. Но теперь вот я скажу день, когда надо ехать в Москву к моим духовным детям, войти в три дома, но только не заезжая в Тулу». Я, конечно, по неопытности заехала на один день в Тулу, а когда приехала в Москву, мне говорят: «А как жалко, что не приехали вчера, так как был ваш председатель тут». Стали спрашивать, как и что. Я сказала, что не хотела возвращаться в Бари. Тут, конечно, детки батюшки стали уговаривать, что они все устроят, по-старому все будет. Хорошо. Пришлось взять обратно паспорт и ехать. Батюшка говорил, что там князь поможет во всем. «Где, батюшка, князь? Ведь князь в Петербурге, а я еду в Бари!» И мы приехали с князем в один день, как будто сговорились».

Рассказ Елены Карцовой (1916 г., осень).

Написали мне, что старец Анатолий Оптинский собирается в Петербург и остановится у купца Усова.

Все мы втроем – брат, сестра и я, в положенный день отправились к Усовым. Купец Усов был известным благотворителем, мирским послушником оптинских старцев. Когда мы вошли в дом Усовых, мы увидели огромную очередь людей, пришедших получить старческое благословение. Очередь шла по лестнице, до квартиры Усовых, и по залам и

комнатам их дома. Все ждали выхода старца.

Когда мы шли к Усовым, брат и сестра заявили, что им нужно от старца только его благословение. Я же сказала им, что очень бы хотела с ним поговорить. Когда до нас дошла очередь, старец благословил брата и сестру, а мне говорит: «А ведь ты поговорить со мной хотела? Я сейчас не могу; приходи вечером». Старец уразумел мое горячее желание, хотя я не выразила его словами!

Рассказ О. Н. Т. из Австралии

Одна молодая девица, дав слово своему жениху тайно от родных, рвется на курсы сестер милосердия, чтобы попасть на войну. Мать решила поехать к старцам, дабы поступить так, как они посоветуют. Осенью 1915 года они приехали в Оптину. «Отдохнув с дороги, – говорит О. Н. Т., – я подошла к келье батюшки, вошла и села в приемной, а в душе думаю: как хорошо, что я одна попаду к старцу без мамы. Старец, конечно, меня благословит идти на войну, когда я попрошу его, а мама, поневоле, отпустит меня. Вижу, дверь из кельи в приемную открывается и входит маленький старичок-монах в подряснике и кожаном широком поясе, и прямо направляется ко мне со словами: «А ну-ка, иди ко мне». У меня, что называется, «душа в пятки ушла» при этих словах батюшки. Но я вижу, у него необычайно ласковая улыбка, описать которую нельзя! Надо видеть! Я пошла за ним в келлию. Он закрыл за нами дверь, посмотрел на меня, и я вмиг поняла, что скрыть что-либо я не могу: он видит меня насквозь. Я почувствовала себя какой-то прозрачной; смотрю на него и молчу. А он все так же ласково улыбается и говорит: «А ты почему мать не слушаешься?». Я продолжаю молчать. «Вот что я тебе скажу: мать твоя тебя лучше знает, тебе на войне не место, там не одни солдаты, там и офицеры; это тебе не по характеру. Когда я был молод, я хотел быть монахом, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вот что мне скажи: замуж хочешь?». Молчу. «Ты сейчас любишь его за его красоту! Выходи за него замуж тогда, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой: муж был на войне, его убили. Жена в этот же час умирает дома. Вот тогда только и выходи». С этими словами старец взял стул, влез на него и достал с верхней полки деревянную иконку – так, с четверть аршина в квадрате, «Казанской» Божией Матери; поставил меня на колени и благословил. Потом сказал: «Когда приедешь в Петроград, не думай, что тебе нечего будет делать – будешь занята». Слова батюшки точно оправдались. В первый день по приезде ей предложили работать в госпитале для солдат, и вышла замуж она за адъютанта штаба дивизии.

Из частных писем И. М. Концевича

«В 1922 году, когда мы с мамочкой в первый раз были в Оптиной, – рассказывал О., – жив был еще старец о. Анатолий. О тебе мы еще не имели никаких сведений, и мамочка спросила у о. Анатолия, как о тебе молиться: о здравии, или о упокоении? О. Анатолий спросил маму, не снился ли ты ей как-нибудь? Мама ответила, что видела во сне сыновей, едущими на конях: сначала покойного Володю, а потом тебя, но кони были разных мастей. О. Анатолий сказал: «Ну, что ж! Бог милостив, молись о здравии, Бог милостив!» Мама подумала, что о. Анатолий только ее утешает.

После посещения о. Анатолия мы были у батюшки о. Нектария. Мамочка задает старцу ряд вопросов о дочерях, о себе, обо мне, а о тебе ничего не говорит, так как знает, что нельзя по одному и тому же вопросу обращаться к двум старцам. Я этого не знал и полагая, что мамочка забыла о тебе спросить, все время тереблю мамочку и говорю ей: «А Ваня? А Ваня?». Мамочка продолжает не спрашивать. Тогда батюшка ей и говорит после одного из моих: «А Ваня?» – «Он жив. Молись о здравии. Скоро получишь о нем известие. Тебе было бесполезно о нем знать». Приезжаем домой, и мамочка спешит к о. Николаю Загоровскому сообщить, что Ваня жив. Матушка же Екатерина Ивановна, увидев мамочку в окно, выходит к ней навстречу со словами: «Вам письмо от Ванечки».

Из воспоминаний матушки Евгении Григорьевны Рымаренко

Перед своим рукоположением во священники в 1921 году, о. Адриан тоже побывал в Оптиной. О. Анатолий сказал ему: «Тебе надо будет поступить на курсы». И действительно, ему архиепископ Парфений (Полтавский) сказал: «У вас хотя и высшее образование, но светское, и потому надо держать экзамен». О. Адриан жил в Полтаве один месяц, готовясь к экзамену и занимаясь у профессоров.

О. Адриан спрашивал у батюшки благословения на приход в одно село Евлоши под Ромнами, где была чудотворная икона Божией Матери «Казанской».

Батюшка же дал ему яичко для меня; на нем с одной стороны был нарисован храм, а с другой – икона Божией Матери. Батюшка спросил: «Какая это иконка?». О. Адриан сказал: «Смоленская», кажется», а батюшка ответил: «Нет, «Иверская».

Первый приход о. Адриана был в Ромнах, в храме, в котором был очень чтимый всеми, в большой дорогой ризе, под балдахином, образ «Иверской» Божией Матери.

Преподобный Анатолий мл.

ПОУЧЕНИЯ

«Гордость бывает разная. Есть гордость мирская – это мудрование, а есть гордость духовная – это самолюбие. Оно и точно: люди воистину с ума сходят, если на свой ум полагаются, да от него всего ожидают. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, братья не за свое дело.

Бери от него то, что он может дать, а большего не требуй... Наш учитель – смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, а благодать Божия это все... Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смиришься и скажи себе: «Хотя я и песчинка земная, но и обо мне печется Господь, и да свершается надо мной воля Божия». Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем, и действительно смело, как подобает истинному христианину, положишься на Господа, с твердым намерением безропотно подчиниться воле Божией, какова бы она не была, тогда рассеются пред тобою тучи и выглянет солнышко, и осветит тебя и согреет, и познаешь ты истинную радость от Господа и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет тебе на душе».

«Трудно было бы жить на земле, если бы и точно никого не было, кто бы помог нам разбираться в жизни... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Чего же нам бояться, да сокрушаться, зачем разбираться в трудностях жизни, загадывать, да разгадывать... Чем сложнее и труднее жить, тем меньше нужно это делать... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Положись не словами, а делами... Оттого и трудной стала жизнь, что люди запутали ее своим мудрованием, что, вместо того, чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться к своему разуму, да на него полагаться... Не бойся ни горя, ни страданий, ни всяких испытаний: все это – посещения Божии, тебе же на пользу... Пред кончиной своей будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу».

Преподобный Нектарий

ЖИТИЕ

Последним оптинским старцем был преп. Нектарий (Тихонов). Он был учеником скитоначальника преп. Анатолия (Зерцалова) и старца Амвросия, а впоследствии архим. Агапита, широко образованного и духовно опытного монаха. В период его старчества в Оптиной были еще старцы – Варсонофий и Феодосий, а позже преп. Анатолий (Потапов).

Преп. Нектарий родился в г.Кельце в 1857 или 1858 году у бедных родителей Василия и Елены Тихоновых. Крещен в Елецкой церкви преп. Сергия; при крещении назван был Николаем; крестных его звали Николай и Матрона. О них и о родителях своих он всегда молился. Отец был рабочим на мельнице, скончался он тогда, когда сыну исполнилось семь лет. Мальчик был умным и любознательным, но учиться ему пришлось только в сельской школе: помешала нужда.

Из раннего его детства известен только один случай. Однажды он играл около матери, а рядом сидела кошка, и глаза у нее ярко светились. Мальчик схватил иголку и вздумал проколоть глаз животного, чтобы посмотреть, что там светится, но мать ударила его по руке: «Ах, ты! Вот как выколешь глаз кошке, сам потом без глаза останешься!»

Через много лет, уже монахом, старец вспомнил этот случай. Он пошел к скитскому колодцу, где был подвешен ковш с заостренной рукояткой. Другой монах, не заметив батюшки, поднял ковш так, что острие пришлось прямо против батюшкиного глаза, и лишь в последнее мгновение старцу удалось оттолкнуть острие. «Если бы я тогда кошке выколол глаз, и я был бы сейчас без глаза, – говорил он, – видно, всему этому надо было быть, чтобы напомнить моему недостоинству, как все в жизни от колыбели до могилы находится у Бога на самом строгом учете».

С матерью у Николая была самая глубокая душевная близость. Она была строга с ним, но больше действовала кротостью и умела тронуть его сердце. Одиннадцати лет устроила Николая в лавку купца Хамова и там к семнадцати годам он дослужился до младшего приказчика. Выростал юноша тихим, богомольным, любящим чтение. Лицом он был очень красив, с румянцем нежным, как у девушки, с русыми кудрями, – так рассказывали старейшие оптинцы, помнившие его в молодости. О дальнейшей жизни своей он тогда не загадывал. Как стукнуло ему восемнадцать лет, старший приказчик Хамова задумал женить его на своей дочери, и хозяин этому сочувствовал. Девушка была очень хороша, и Николаю по сердцу. Даже через десять лет, вспоминая свою нареченную невесту, батюшка растроганно улыбался, а одной монашке, которую он очень ласково принимал, говорил: «Ты мне мою давнишнюю невесту напоминаешь».

В то время была в Ельце благочестивая старица, тогда уже почти столетняя – схимница Феоктиста, духовная дочь Свт. Тихона Задонского. К ней елецкие горожане ходили на совет. И хозяин посоветовал Николаю пойти к ней благословиться на брак. Схимница, когда он пришел, сказала ему: «Юноша, пойдешь в Оптину к Илариону, он тебе скажет, что делать». Перекрестила его и дала ему на дорогу чаю. Тот поцеловал ей руку и пошел к хозяину, – так и так, посылает меня матушка Феоктиста в Оптину. Хозяин – ничего, даже денег ему дал на дорогу. Простился Николай с невестой и ушел, и больше никогда в жизни им не пришлось увидеться.

Когда подошел к Оптиной, было лето, а летом кругом Оптиной красота несказанная. Все луга в цветах, среди лугов серебряная Жиздра, над ней ивы и дубы, а дальше, на том берегу, – сады монастырские и огромный Оптинский мачтовый лес. Монастырь белой стеной опоясан, по углам башни, а на каждой башне флюгер – ангел с трубой.

Пошел Николай в скит – народу множество – все к великому старцу Амвросию, и думает: «Какая красота здесь, Господи! Солнышко, ведь, тут с самой зарей, и какие цветы! Словно в Раю!», – так вспоминал старец о своем первом впечатлении от Оптиной.

А как найти Илариона, не знает, и не знает даже, кто такой Иларион. Спросил он одного монаха, а тот улыбнулся на простоту его и говорит: «Хорошо, покажу тебе Илариона, только уж не знаю, тот ли это, что нужен тебе». И привел его к скитона начальнику преп. Илариону. Рассказал ему Николай о матушке Феоктисте, просил решения своей судьбы, а тот говорит: «Сам я ничего не могу сказать тебе, а пойдешь ты к батюшке Амвросию, и что он тебе скажет, так ты и сделай».

В то время народу к старцу Амвросию шло столько, что приема у него ждали неделями, но Николая старец принял сразу же и говорил с ним два часа. О чем была эта беседа старец о. Нектарий никому не открывал, но после нее Николай навсегда остался в скиту, и домой уже не возвращался ни на один день.

Увидев, однажды, в руках у посетителя книгу «Жизнеописание старца Илариона», батюшка сказал: «Я ему всем обязан. Он меня и принял в скит пятьдесят лет тому назад, когда я пришел, не имея, где главу приклонить. Круглый сирота, совершенно нищий, а братия тогда вся была – много образованных. И вот я был самым что ни на есть последним, – батюшка показал рукой от пола аршина полтора, чтобы сделать наглядным свое тогдашнее убожество и ничтожество, – а старец Иларион тогда уже проходил и знал путь земной, и путь небесный. Путь земной – это просто, а путь небесный...», – и батюшка не договорил.

Первое послушание, данное ему в Оптиной, было ходить за цветами, которые так ему полубились, а потом назначено ему было пономарить. На этом послушании он часто опаздывал в церковь и ходил с красными опухшими, словно застывшими, глазами. Братия жаловались на него старцу Амвросию, а тот отвечал, как было у него в обычае, в рифму: «Подождите, Николка проспится, всем пригодится».

Стал он духовным сыном преп. Анатолия (Зерцалова), впоследствии скитона начальником, а на совет ходил к преп. Амвросию. В «Жизнеописании в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия», составленном архим. Агапитом, приводятся воспоминания преп. Нектария: «В скит я поступил в 1876 году. Через год после сего батюшка о. Амвросий благословил меня обращаться как к духовному отцу к начальнику скита, иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины последнего в 1894 году. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны старца нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их недостойно. На вопрос мой об этом духовный отец мой, иеромонах Анатолий, отвечал, что причиной сему – моя вера и любовь к старцу, и что, если он относится к другим не с такой любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу: как человек относится к старцу, так точно и старец относится к нему».

Дальше батюшка Нектарий вспоминает: «К сожалению, были среди братства некоторые, порицавшие старца. Приходилось мне иногда выслушивать дерзкие и бессмысленные речи таких людей, хотя я всегда старался защищать старца. Помню, что после одного из подобных разговоров, явился мне во сне духовный мой отец иеромонах Анатолий и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководясь своим недомыслием и дерзостью. Старец за свои действия даст отчет Богу. Значения их мы не постигаем». Так преп. Нектарию объясняли духовные отцы и учителя высокое значение и духовные законы старчества.

Поступив в скит в 1876 году, преп. Нектарий получил мантию в 1887 году. Было это для него великой радостью. Он вспоминал в старости: «Целый год после этого я словно крылышки за плечами чувствовал». О постриге он говорил одной монастырской послушнице: «Когда ты поступила в монастырь, ты давала обещание Господу, и Господь все принял и записал все твои обещания. И ты получила монашество. А это только обряд монастырский. И когда ты будешь жить по-монашески, то все получишь в будущей

жизни, а когда ты получишь мантию, а жить по-монашески не будешь, с тебя в будущей жизни ее снимут». Мать А., слушавшая это поучение, говорит батюшке: «Я очень плохо живу». А он в ответ: «Когда учатся хоть какому искусству, то всегда сначала портят, а потом уже начинают делать хорошо. Ты скорбишь, что у тебя ничего не выходит. Так вот, матушка, когда Господь сподобит тебя ангельского образа, тогда благодать тебя во всем укрепит». Мать А. возражает: «Батюшка, ведь вы только что говорили, что не нужно стремиться к мантии». – «Матушка, таков духовный закон: не нужно ни проситься, ни отказываться».

Монашество он ставил очень высоко. Оптинскому рясофорному монаху о. Я. (впоследствии о. Георгий) он говорил: «У тебя три страха: первый страх отречения от монашества бояться; второй страх – начальства бояться; третий страх – молодости своей бояться. Какого же страха надо тебе больше всего бояться? Я тебе заповедую монашество больше всего хранить. Если тебе револьвер приставят, и то монашества не отрекайся».

И преп. Амвросий, и преп. Анатолий вели о. Нектария строго истинным монашеским путем. Преп. Нектарий так рассказывал о том старческом окормлении: «Вот, некоторые ропщут на старца, что он в положение не входит, не принимает, а не обернутся на себя и не подумают: а не грешны ли мы? Может быть, старец потому меня не принимает, что ждет моего покаяния и испытывает? Вот я, грешный, о себе скажу. Бывало, приду я к батюшке о. Амвросию, а тот мне: «Ты чего без дела ходишь? Сидел бы в своей келлии, да молился!» Больно мне станет, но я не ропщу, а иду к духовному отцу своему батюшке Анатолию. А тот грозно встречает меня: «Ты чего без дела шатаешься? Празднословить пришел?». Так и уйду я в келлию. А там у меня большой во весь рост образ Спасителя; бывало, упаду я перед Ним и всю ночь плачу: «Господи, какой же я великий грешник, если и старцы меня не принимают!».

Однажды старца спросили, не возмущался ли он против своих учителей. Тот ответил: «Нет! Мне это и в голову не могло прийти. Только раз провинился я чем-то и прислали меня к старцу Амвросию на вразумление. А у того палочка была. Как провинишься, он и побьет (не так, как я вас!). А я, конечно, не хочу, чтобы меня били. Как увидел, что старец за палку берется, я бежать, а потом прощения просил».

Про преп. Анатолия (Зерцалова) старец рассказывал: «Я к нему двадцать лет относился и был самым последним сыном и учеником, о чем и сейчас плачу». И, обращаясь к посетительнице, прибавил: «Так вот, матушка, если хочешь быть монашенкой, так и ты считай себя последней дочерью и плохой ученицей. Нужно всегда думать о себе, что находишься в новоначалии».

Преп. Нектарий был строг, проникновенен и своеобразен. Он испытывал сердца проходящих к нему, давал им не столько утешение, сколько путь подвига, он смирял и ставил человека перед духовными трудностями, не боясь и не жалея его малой человеческой жалостью, потому что верил в достоинство и разумение души и великую силу благодати, помогающей ищущему правды. Основными чертами преп. Нектария были смирение и мудрость. И свет его был, как светлый меч, рассекающий душу. К каждому человеку он подходил лично, индивидуально, с особой мерой, и говорил: «Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы. Каждому человеку надо давать по его мерке. Нельзя всем одинаково».

Одна монахиня рассказывала, как однажды старец спросил ее: «Что же, матушка, благоденствуешь?». «Очень хорошо, батюшка!», – по простоте ответила она. «Хорошо!», – повторил он. Потом ушел к себе и через несколько времени вернулся суровый, сердитый. Она его спрашивает о житейском, о доме, о разных вопросах, что тут решить надо, а он молчит. Потом сказал, направляя к другому духовнику: «А ко мне и не ходите! Отказываюсь я от вас!» Она – плакать, а он не глядит. Других батюшка принимает, а с ней и не занимается, отчаянные помыслы пошли у нее. Тогда он взял ее за руку и подвел к иконам: «Говори, хочешь в Царство Небесное!», – и так сурово, только что не кулаком толкает. Та молчит. – «Говори, хочешь?». Та сквозь слезы: «Хочу!». – «Ну, вот! Лучшего

и не ожидай. Я другой дороги туда не знаю. А если ты хочешь, то поищи сама», – и опять ушел. А у нее от скорби все в голове мутится. Тогда он словно смягчился немного и дал в книжке прочесть жизнеописания двух саровских старцев, одного очень сурового, а другого мягкого, и как новоначальных суровый больше посылал к мягкому, а то они его суровости не выдерживали и отпадали. Так сурово воспитывали преп. Нектария его старцы, и так же вел он ближайших своих учеников. Он не натягивал тетиву, а временами давал как бы отдых, чтобы силы не перенапрягались. Он сказал одной своей ученице: «Уверю тебя, что у нас будут экзамены и маневры, а после экзаменов у нас духовная радость будет». А та возражала: «Батюшка, я уже взрослая, какие у меня будут экзамены?». Батюшка улыбнулся: «Нет, нет! Обязательно у нас будут экзамены и переэкзаменовки».

Послушанию старец придавал величайшее значение. «Самая высшая и первая добродетель – послушание. Это самое главное приобретение для человека. Христос ради послушания пришел в мир, и жизнь человека на земле есть послушание Богу. В послушании нужно разумение и достоинство, иначе может выйти большая поломка жизни».

«Без послушания человека охватывает порыв и как бы жар, а потом бывает расслабление, охлаждение и окаменение, и человек не может двинуться дальше. А в послушании сначала трудно – все время точка и запятая, точка и запятая, а потом сглаживаются все препинания».

«Нашим прародителям дано было обетование, которое они ждали от Каина. Каин был первенец, но предпочтение они оказывали Авелю, потому что он был кроток, смирен и послушлив, а Каин был первенец, но был жесток и груб и творил свою волю. Ему было досадно, что Авелю отдают предпочтение, и он омрачился и опустил лицо свое. А Господь сказал ему: «Каин, грех лежит у порога. Властвуй над ним, а то он обратится и сокрушит тебя». А он не вник, не послушался Бога: грех лежал у порога сердца его, а он не вник, и посмотрел на порог дома, видит, там никто не лежит, он и не стал об этом думать, и пошел, убил брата своего, отказался от послушания Богу и попал в послушание греху. А уж как он мучился потом! Господи! Он всегда бежал отовсюду и всегда боялся и трясся». Так старец в образной форме учил разумению и внимательности в послушании. Он указывал, что нельзя принимать духовных указаний буквально и поверхностно, ограничиваясь внешним; надо смотреть не только на порог дома, но, главным образом, на порог своего сердца.

Приводя какой-нибудь текст или пример из Священного Писания, он обычно говорил и о прямом, буквальном и об иносказательном значении. Например: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Со стороны внешней это значит, что ублажается человек, избегающий нечестивых собраний, не принимающий участия в еретических или антицерковных учениях, но мужем называется и ум, когда он не принимает приходящих от врага помыслов. Запретить приходить помыслам нельзя, но можно не вступать с ними в совещание в разговоры, а вместо этого говорить: «Господи, помилуй!» Вот поступающий таким образом и называется мужем».

Назначая какое-нибудь послушание, он с величайшей точностью и заботливостью разъяснял его, указывал, как лучше исполнить, соразмерял с силами человека, но, раз назначив, требовал исполнения неукоснительного и безотлагательного. Однажды, он послал одну свою духовную дочь с поручением. Она задержалась в хибарке, с кем-то разговаривая. Старец вышел и сказал: «Две минуты прошло, а ты еще здесь!»

В 1894 году преп. Нектарий был посвящен в иеродиаконы, а в 1898 году рукоположен калужским архиереем в иеромонахи.

О своем рукоположении он рассказывал П. Р.: «Когда меня посвящал в иеромонахи бывший наш благостнейший владыка Макарий, то он, святительским своим оком прозревая мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем краткое, но сильное слово, и настолько было сильно слово это, что я до сих пор помню, – сколько уже

лет прошло, – и до конца дней моих не забуду. И много ли всего-то он и сказал мне! Подозвал к себе в алтарь, да и говорит: «Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, то ты только одно тверди: «Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего иеромонаха Нектария». Только всего ведь сказал владыка, но слово его спасло меня не раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властью».

От какой беды спасло его это слово, осталось прикровенным, но о нескольких искушениях своих старец, однажды, рассказал. Одно было в первые годы его послушничества.

В молодости у него был прекрасный голос, а музыкальный слух оставался и в старости. В те первые годы своего жительства в Оптиной он пел в скитской церкви на правом клиросе и даже должен был петь «Разбойника благоразумного». Но в скиту был обычай: раз в год, как раз в Великом посту, приходил в скит монастырский регент и отбирал лучшие голоса для монастырского хора. Брату Николаю тоже грозил перевод из скита в монастырь, а этого ему не хотелось. Но и петь «Разбойника благоразумного» было утешительно и лестно. И все же он в присутствии регента стал немилосердно фальшивить, – настолько, что его перевели на левый клирос, и, конечно, больше вопрос о его переводе не подымался.

Второе искушение обуяло его, когда он был уже иеромонахом и полузатворником. Получив мантию, он почти совсем перестал выходить из своей келлии, не говоря уже об ограде скита. Даже были годы, когда окна в келлии его были заклеены синей сахарной бумагой. Сам он любил повторять, что для монаха есть только два выхода из келлии – в храм, да в могилу. Но в эти же годы он учился и читал. Читал он не только святоотеческую и духовную литературу, но и научную, занимался математикой, историей, географией, русской и иностранной классической литературой. Все это для того, чтобы лучше понимать приходивших к нему людей, среди которых было много образованных.

Изучал языки: латынь и французский (по-французски он даже говорил, познакомившись с одним французом, принявшим в Оптиной Православие; по-латыни он часто цитировал). Был близок с Константином Леонтьевым; тот, живя в Оптиной, читал ему в рукописи свои произведения. У художника Болотова, принявшего монашество, он учился живописи. Художник Болотов, окончивший Петербургскую Академию Художеств, товарищ Репина и Васнецова, основал в Оптиной иконописную мастерскую, в которой преподавал по методам Академии, и преп. Нектарий сохранил интерес к живописи до конца жизни.

В это время вдруг обуяло преп. Нектария желание поехать путешествовать, поглядеть дальние страны. Тут как раз пришло в Оптину требование откомандировать иеромонаха во флот для кругосветного путешествия, и о. архимандрит предложил это назначение батюшке Нектарию. Тот с радостью стал собираться. Только уже перед самым отъездом он пошел за напутственным благословением к старцу Иосифу, а тот не благословил. Так и пришлось батюшке остаться в Оптиной.

Третье искушение было, когда батюшка уже сам был старцем. Ему, почти семидесятилетнему, захотелось бросить старчество и уйти странником. «Только здесь я уже сам понял, что это искушение, поборол себя и остался», – рассказывал он.

В эти же годы учения и духовного возрастания старец начал юродствовать. Он носил цветные кофты сверх подрясника, сливал в один котел все кушанья, подаваемые на трапезе, – и кислое, и сладкое, и соленое, ходил по скиту – валенок на одной ноге, башмак на другой. Еще более смущал он монахов не только в это время, но и в период своего старчества своими игрушками. У него были игрушечные автомобили, парходики, поезда и самолетки. По игрушкам он составлял себе представление о современной технике. Еще были у него музыкальные ящики, и он даже завел граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство не позволило. Для него характерен был этот интерес к общему течению жизни. До последнего года своей жизни он знакомился с современной литературой, прося привозить ему книжные новинки, расспрашивая о постановке

образования в школах и вузах, знал обо всем, что интересовало интеллигенцию. Но все это знание нужно ему было для его служения Богу и людям. Он рассказывал, как однажды, еще до революции, пришли к нему семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать им слово на пользу. «Юноши! – обратился он к ним, – если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша научность не портила нравственности, а нравственность научности, то получится полный успех в вашей жизни».

Как-то одна его духовная дочь горестно говорила своей подруге в батюшкиной приемной: «Не знаю, может быть, образование совсем не нужно, и от этого только вред. Как это совместить с Православием?». Старец возразил, выходя из своей келлии: «Ко мне однажды пришел человек, который никак не мог поверить в то, что был потоп. Тогда я рассказал ему, что на самых высоких горах в песке находят раковины и другие остатки морского дна, и как геология свидетельствует о потопе, и он уразумел. Видишь, как нужна иногда научность».

Часто он говорил: «Я к научности приникаю». Об истории он говорил: «Она показывает нам, как Бог руководит народами и дает как бы нравственные уроки вселенной». Говоря о математике, он любил спрашивать: может ли быть треугольник равен кругу, и часто приводил святоотеческий пример: «Бог – центр круга, люди – радиусы. При приближении к центру они сближаются между собой». О внешнем делании он говорил: «Внешнее принадлежит вам, а внутреннее благодати Божией. А потому делайте, делайте внешнее, и, когда оно все будет в исправности, то и внутреннее образуется. Не надо ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная Литургия. Это величайшее чудо, к нему нужно приникать».

Он учил внимательности в мысли: «Перестаньте думать, начните мыслить. Думать – это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. Отбросьте думанье, займитесь мышлением. Была «Дума», которая думала, а не мыслила государственно. Наполеон думал, а Кутузов мыслил. Мысли выше дум».

О жизни он говорил: «Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время, вес. Самое доброе, прекрасное дело, если оно выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано чувство меры. Помни эти три смысла. Ими определяется вся жизнь».

Однажды старец сказал: «Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям... И ты работай. В работе незаметно пройдут годы». В это время лицо его было необыкновенно светлым, таким, что трудно было смотреть на него.

В другой раз он сказал: «Одному пророку было явление Божие не в светлом окружении, а в треугольнике. И это было знамением того, что к неисследимой глубине Божией человек не может приближаться и испытывать ее. Человеку позволено испытывать окружение Божества, но, если он дерзает проникнуть за черту, он гибнет от острия треугольника».

Все наставления эти были плодом внутреннего духовного опыта преп. Нектария. Неся служение старца, он делился с людьми своими знаниями. Но переход из уединенной келлии к общественному служению дался ему нелегко. В 1913 году, по настоянию о. Венедикта, настоятеля Боровского монастыря и благочинного всех монастырей Калужской епархии, оптинская братия собралась, чтобы избрать старца. Сначала старчество предложили о. архимандриту Агапиту, жившему в Оптиной на покое. Это был человек обширных познаний и высокого духа, автор лучшего жизнеописания старца Амвросия. Он решительно уклонялся от архиерейства, не раз ему предлагаемого, и от старчества отказался наотрез. Он спасался, имея лишь несколько близких учеников. Одним из них был преп. Нектарий. Когда братия стала просить его указать им достойного, он назвал преп. Нектария. Тот, по смирению своему, на соборе братии не присутствовал.

Когда его избрали, послали за ним о. Аверкия. Тот приходит и говорит: «Батюшка, вас просят на собрание». А преп. Нектарий отказывается: «Они там и без меня выберут, кого надо». – «Отец архимандрит послал меня за вами и просит прийти!», – говорит о. Аверкий. Тогда батюшка сразу же надел рясу, и как был – одна нога в туфле, другая в валенке, пошел на собрание. «Батюшка, вас избрали духовником нашей обители и старцем», – встречают его. – «Нет, отцы и братие! Я скудоумен и такой тяготы понести не могу», – отказывался батюшка. Но о. архимандрит сказал ему: «Отец Нектарий, приими послушание». И тогда батюшка согласился.

Отец Венедикт поддержал этот выбор, но, когда преп. Нектарий стал уже старцем и поселился в хибарке старца Амвросия, решил испытать его. Приехав в монастырь, он послал сказать ему, что требует его к себе. А преп. Нектарий не идет: «Я сколько лет в скиту живу и никуда не выхожу и идти не способен». Тогда о. Венедикт посылает вторично и велит сказать: «Благочинный монастырей требует тебя к себе». Тут батюшка сразу пришел в монастырь и поклонился о. Венедикту в ноги, а тот смеется и говорит: «Я благочинный и тебе в ноги кланяться не стану, а до земли поклонюсь». Потом они стали дружески беседовать.

Всегда преп. Нектарий говорил о себе: «Ну, какой я старец. Как могу я быть наследником прежних старцев? Я слаб и немощен. У них благодать была целыми караваями, а у меня ломтик».

Он вспоминал старца Амвросия: «Это был небесный человек и земной ангел, а я едва лишь поддерживаю славу старчества». С тонким юмором он говорил: «Я – муравей и ползаю по земле, и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высока – до облак поднимается». «О, лениве, пойдти к муравью и поревнуй его житию!», – это сказал не светский писатель, а в церкви читается. Паремии слышали? А кто мы такие – батюшка Анатолий и мы? Только муравьи. И вы к нам пришли. Вы еще только подходите к первой ступеньке, не поднимались, а только подходите. А еще надо пройти сквозь дверь, и никакими усилиями невозможно в нее войти, если не будет милости Божией. А потому первым делом надо просить: «Милосердия двери, отверзи ми, Господи». Все испрашивается молитвой! Адам в Раю. Заповедь «воздělывай и храни» – о молитве. А Адам безопасно только созерцал красоту. Он не благодарил Бога».

Сам старец молился с детской верой и простотой, иногда простирая к образам руки.

Одна его духовная дочь рассказывала, что она долго сидела у него и беседовала. Потом он отпустил ее. Уходя, она обернулась и увидела, что он стремительно двинулся в угол к иконам, простирая к ним руки. Она незаметно вышла. Исповеди у него – самое прекрасное и страшное, что она видела в жизни. Она всегда знала, что и без ее слов он знает не только то, что она скажет, но и то, что еще не дошло до ее сознания. Он был очень строг на исповеди, указывая на духовное значение помыслов, а не только дел. Иногда же он был ласков, даже шутил. Так он, однажды, дал читать исповедь по книге. Исповедница на одном месте остановилась. «Ты что?». – «Я думаю, грешна я этим или нет». – «Ну, подумай! А то ты, может быть, вычеркнешь это в книжке», – и улыбается.

Очень хорошо рассказывала об исповеди у старца одна женщина, которая не исповедовалась с юности, от Церкви была далека, даже не отдавала себе отчета, верует она или нет, и к старцу попала, лишь сопровождая больного мужа. Старец произвел на нее большое впечатление и, когда он предложил ей поисповедоваться, она согласилась. «Вхожу я, – рассказывает она, – а он подводит меня к иконам: «Стань здесь и молись!». Поставил ее, а сам ушел к себе в келлию. Стоит она и смотрит на иконы. И не нравятся они ей – не художественны они, и даже лампадка кажется ей никчемной. В комнате тихо. Только за стенкой преподобный ходит. Шелестит чем-то. И вдруг начинает находить на нее грусть и умиление, и невольно, незаметно, начинает она плакать. Слезы застилают ей глаза, и она уже не видит икон и лампадки, а только радужное облако перед глазами, за которым чудится Божие присутствие. Когда вошел преподобный, стояла она вся в слезах. «Прочти «Отче наш». Кое-как, запинаясь, прочла. «Прочти «Символ веры». – «Не

помню». Сам старец стал читать и после каждого члена спрашивает: «Веруешь ли так?». На первые два ответила: «Верую». Как дело дошло до третьего члена, то сказала, что ничего здесь не понимает и ничего к Богородице не чувствует. Батюшка укорил ее и велел молиться о вразумлении Царице Небесной, чтобы Та Сама ее научила, как понимать Символ веры. И про большинство других членов Символа веры женщина эта говорила, что не понимает их и никогда об этом не думала, но плакала горько, и все время ощущала, что ничего скрыть нельзя и бессмысленно было бы скрывать, и что вот сейчас с ней как бы прообраз Страшного суда, а преподобный о личных грехах спрашивал ее, как ребенка, так что она стала отвечать ему с улыбкой сквозь слезы, а потом отпустил ей грехи с младенчества до сего часа.

Однажды, одна его ученица на время отошла от него, уехала, но, молча, очень без него тосковала. Ее подруга сказала старцу: «Она очень одинока сейчас». «А что, она причащается?», – спросил старец. «Да». – «Тогда она не одинока».

О преодолении безпричинного страха он говорил: «А ты сложи руки крестом и три раза прочти «Богородицу», и все пройдет». И проходит.

У преподобного была очень большая духовная широта. Отпуская, однажды, в скиту осенним вечером духовных детей своих, он сказал: «Ночь темна для неверного. Верным же все в просвещение».

Он говорил: «Не бойся! Из самого дурного может быть самое прекрасное. Знаешь, какая грязь на земле, кажется, страшно ноги запачкать, а если поискать, можно увидеть бриллианты, – вот тебе, твою шею украсить».

Преподобный Нектарий был строг, требователен, иногда ироничен с духовными лицами и с интеллигенцией, и необыкновенно добр и доступен с простыми людьми.

Один старик крестьянин рассказывал: «Пропал у меня без вести сын на войне. Иду к батюшке. Он меня благословляет, я спрашиваю: «Жив ли сын мой? Как скажешь нам молиться за него, – мы уже за упокой подавать хотим». А он так прямо мне: «Нет, жив сын твой, отслужи молебен Николаю Чудотворцу. И всегда за здоровье поминай сына». Я обрадовался, поклонился, рублик положил ему на свечи. А он так смиренно тоже поклонился мне в ответ».

Преподобный с такой же простотой давал деньги. Однажды одной духовной дочери нужны были деньги. Она попросила у старца. Он вынес с улыбкой скомканную пачку: «Вот, сосчитай эти тряпочки».

Он говорил, что милостыню надо подавать с рассуждением, а то можно повредить человеку.

Келейник его рассказывал, что он всегда хотел подробно знать нужду человека, зря не любил давать, а если давал, то щедро, на целые штиблеты, или даже на корову или лошадь.

Особенно внимателен преп. Нектарий был к более грешным посетителям или к восстающим против него своим духовным детям. Тот же келейник говорил, что он «девянсто девять праведных оставлял, а одну брал и спасал».

В период непослушания и возмущения он был отечески ласков, звал не по имени, а «чадо мое», «овечка моя» и возмущение стихало, потому что самая возмущенная и упрямая душа чувствовала искренность этой великой любви, о которой старец сказал однажды сам: «Чадо мое! Мы любим той любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь – любовь однодневка, наша и сегодня и через тысячу лет все та же».

Однажды одна духовная дочь спросила старца: должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить и утешить? Он ответил: «Ты сама поняла, поэтому я скажу тебе – иначе облегчить нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебя легла словно гора камней – так много греха и боли принесли к тебе, и прямо не можешь снести ее. Тогда к немощи твоей приходит благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев, и можешь принимать сначала».

Многие считали преп. Нектария прозорливцем, каждое движение его истолковывалось

символически. Иногда это очень тяготило его. Однажды он рассказал такой случай: «У меня иногда бывают предчувствия, и мне открывается о человеке, а иногда – нет. И вот удивительный случай был. Приходит ко мне женщина и жалуется на сына, ребенка девятилетнего, что с ним нет сладу. А я ей говорю: «Потерпите, пока ему исполнится двенадцать лет». Я сказал это, не имея никаких предчувствий, просто потому, что по научности знаю, что в двенадцать лет у человека часто бывают изменения. Женщина ушла, я и забыл о ней. Через три года приходит эта мать и плачет: «Умер сын мой, едва исполнилось ему двенадцать лет». Люди, верно, говорят, что, вот, батюшка предсказал, а ведь это было простым рассуждением моим по научности. Я потом всячески проверял себя – чувствовал я что-нибудь или нет. Нет, ничего не предчувствовал».

Иногда же преподобный так же прямо говорил: «Тебе это прикровенно, а я знаю».

В нем была прекрасная человеческая простота, умная пронизательность, мягкий юмор. Даже в глубокой старости он умел смеяться залившимся детским смехом.

Он очень любил животных и птиц. У него был кот, который его необыкновенно слушался, и батюшка любил говорить: «Старец Герасим был великий старец, потому у него был лев. А мы малы – у нас кот», – и рассказывал прелестную сказку о том, как кот спас Ноев ковчег, когда нечистый вошел в мышь и пытался прогрызть дно. В последнюю минуту кот поймал эту зловредную мышь, и за это теперь все кошки будут в Раю. Эта шутливость была свойственна преподобному. Как бы исполняя слово преп. Антония Великого, что нельзя без конца натягивать тетиву лука, старец Нектарий перемежал наставления свои и требования этой легкой шуткой, передачей исторического анекдота или сказкой. Рассказывал он всегда подробно, живо, со всеми деталями, как будто сам являлся участником или очевидцем события, даже события из священной истории. Неиссякаемы были его рассказы из жизни Оптиной, о славных старцах и мудрых архимандритах и скитоначальниках, и о необходимости свято до конца соблюдать старческие заветы. По возрасту преподобный был один из старейших насельников Оптиной и являлся как бы живой летописью ее.

В высшей степени в нем была развита духовная трезвость – никакой экзатичности, никакой наигранности чувств, никакой сентиментальности в христианской любви к людям. Сам глубокий аскет, он с любовью благословлял своих духовных детей на брак.

Он говорил приходящим к нему людям искусства: «Любите земные луга, но не забывайте о небесных».

Высоко ставил он человеческий труд. Когда одна духовная дочь его сокрушалась, как она будет жить после его смерти, без его руководства, он сказал: «Работай! В работе незаметно пройдут годы».

Об его обращении, об его речи пишет покойный ученик его о. А.: «Батюшкина беседа! Что пред ней самые блестящие лекции лучших профессоров, самые прекрасные проповеди! Удивительная образность, картинность, своеобразность языка. Необычайная подробность рассказа (каждый шаг, каждое движение описывается с объяснением. Особенно подробно изъясняются тексты Св. Писания). «Вся наша образованность от Писания», – говорил о себе преподобный. Каждое слово рассматривается со всех сторон. Легкость речи и плавность. Ни одного слова даром, как будто ничего от себя. Связанность и последовательность. Внутренний объединяющий смысл не всегда сразу понятен. Богатство содержания, множество глубоких мыслей. Над каждой из них можно думать год. Это жемчужная нитка, которой не видно, да и нет конца. Живой источник живой воды. Вся беседа чрезвычайно легко и воспринимается, и запоминается. Часто принимает оттенки святой шутливости, например, в рассказах о том, как человечество, впервые, в лице Евы, услышало слово «Бог». Преподобный говорил, что у Евы в полдень явилось желание подкрепиться, как это свойственно нашему естеству. И вот ходит она по Раю и выбирает, какой плод сорвать. При этом путь ее случился как раз мимо древа познания. Она проходила мимо так близко – рукой подать, хотя и было запрещено не только рвать плоды, но и проходить близко. А враг-то как раз и воспользовался этим.

Исповедуя, преп. Нектарий надевал старенькую, красную, бархатную епитрахиль с истертыми галунными крестами. Глаза у него были разные и небольшие. Лицо его как бы не имело возраста – то древнее, суровое, словно тысячелетнее, то молодое по живости и выразительности мысли, то младенческое по чистоте и покою. Еще лет за шесть до смерти, несмотря на преклонный возраст, ходил он легкой скользящей походкой, как бы касаясь земли. Позже он передвигался с трудом, ноги распухли, как бревна, сочились сукровицей. Это сказались многолетние стояния на молитве.

К концу жизни лицо его утратило отблеск молодости, который так долго покоился на нем и вернулся к нему лишь во время предсмертной болезни. Если в эти последние годы лицо его светлело, то только каким-то вневременным светом. Старец очень одряхлел, ослабел, часто засыпал среди разговора, но еще чаще он погружался в глубокую умную молитву, как бы выходя из мира, и, возвращаясь к нам, был полон особой силы духа и просветленности. Вся жизнь старца от младенчества до смертного часа была отмечена Божиим Промыслом.

Старец Нектарий скончался в глубокой старости 12 мая 1928 года в селе Холмищи Брянской области, куда он был выслан после закрытия Оптиной. Перед смертью он исповедался и причастился. При кончине его присутствовал один священник – его духовный сын, отец Адриан Рымаренко, впоследствии архиепископ Андрей Рокландский, который прочитал отходную. В момент смерти он поднял над умирающим старцем свою епитрахиль. Преподобный Нектарий и умер под этой епитрахилью. Кончина его была тихая. Смерть свою старец предчувствовал и прощался со своими близкими еще за два месяца, давал им последнее благословение и наставление, передавал их тому или иному духовнику.

Хоронили его в светлый весенний день, несли с пасхальными песнопениями, и великая радость была на сердцах у плачущих его духовных детей.

Похоронили его на местном кладбище в Холмищах.

В воскресенье 16 июля, в день памяти митрополита Московского Филиппа, было совершено перенесение мощей оптинского старца Нектария (Тихонова) со скромного кладбища села Холмищи в Оптину Пустынь. Мощи старца Нектария были помещены во Введенском соборе.

Братия Оптинского монастыря прибыла на место погребения старца около шести часов утра, и через некоторое время на глубине полутора метров нашли гроб схимонахини Нектарии (Концевич), и уже ниже и чуть в стороне другой гроб, в котором почивали мощи старца Нектария. Когда гроб открыли, все ощутили благоухание; мантия старца оказалась нетленна, мощи янтарного цвета.

Преподобные отцы, в Оптиной Пустыни просиявшие, молитесь Бога о нас!

Преподобный Нектарий

ЧУДЕСА

Пророчество, скрытое под юродством

«Когда его назначили старцем, он так скоморошничал (юродствовал), что даже его хотели сместить, но один высокой духовной жизни монах сказал: «Вы его оставьте, это он пророчествует».

Теперь все сбывается, что он тогда прообразовывал. Например, оденет халатик на голое тело, и на ходу сверкают у него голые ноги. В 20-22 годах даже студенты, курсистки и служащие ходили на службу босые, без белья, или пальто на рваном белье. Насобирали разного хлама: камешков, стеклышек, глины и т.д., устроили крохотный шкафчик и всем

показывает, говоря: «Это – мой музей». В Оптиной действительно потом долгое время был музей».

Прозорливость старца, скрытая под юродством

«Готовимся к 8-му июня быть участниками Святых Христовых Тайн, – пишет С. Нилус. – Враг не дремлет и сегодня перед исповедью хотел, было, угостить меня крупной неприятностью, подав повод к недоразумению с отцом настоятелем, которого я глубоко почитаю и люблю. Но не даром прошли для меня два года жизни бок о бок с монашеским смирением оптинских подвижников – смирился и я, как ни было то моему мирскому самолюбию трудно. Было это искушение за поздней обедней, после которой мы должны были с женой идти на исповедь к нашему духовному старцу о. Варсонофию. Вернулись после исповеди домой, вхожу на подъезд, смотрю, а на свеженаписанном небе моего этюда масляными красками кто-то углем, крупными буквами, во все небо написал по-французски «le paige» (туча).

Я сразу догадался, что виновником этого «озорства» не мог быть никто другой, кроме нашего друга отца Нектария. Это было так похоже на склонность его к некоторому как бы юродству, под которым для меня часто скрывались назидательные уроки той или иной христианской добродетели. Это он, несомненно он, прозревший появление тучки на моем духовном небе; он, мой дорогой батюшка, любящий иногда, к общему изумлению, вставить в речь свою неожиданное французское слово!.. Заглянул я на нашу террасу, а он, любимец наш, сидит себе в уголку и благодушно посмеивается, выжидая, что выйдет из его шутки.

– Ах, батюшка, батюшка!, – смеюсь я вместе с ним, – ну, и проказник!

А «проказник» встал, подошел к этюду, смахнул рукавом своего подрясника надпись и с улыбкой объявил:

– Видите, – ничего не осталось!

Ничего и в сердце моем не осталось от утренней смуты. Несомненно, у друга нашего есть второе зрение, которым он видит то, что скрыто для глаз обыкновенного человека. Не даром же и благочестивого жития его в монастыре без малого сорок лет».

Чудесное изменение в душе женщины по молитвам старца Нектария и предсказание ей монашества

«Долго разговаривала я с батюшкой. Батюшка сказал мне: «Если бы вы имели и весь мир в своей власти, все же вам не было бы покоя, и вы чувствовали бы себя несчастной. Ваша душа мечется, страдает, а вы думаете, что ее можно удовлетворить внешними вещами, или наружным самозабвением. Нет! Все это не то, от этого она никогда не успокоится... Нужно оставить все...»

После этого батюшка долго сидел, склонив на грудь голову, потом говорит:

– Я вижу около тебя благодать Божию: ты будешь в монастыре...

– Что вы, батюшка?! Я-то в монастыре? Да я совсем не гожусь туда! Да я не в силах там жить.

– Я не знаю, когда это будет – может быть, скоро, а может быть, лет через десять, но вы обязательно будете в монастыре.

Эта поездка в Оптину еще более укрепила меня.

Через несколько дней я уехала на Алтай и поступила в монастырь, указанный мне старцем митрополитом Макарием.

Вот как исполнились слова, сказанные батюшкой о. Нектарием: «Я вижу около вас благодать Божию, вы будете в монастыре». Я тогда удивилась и не поверила, а через два месяца после этого разговора я действительно уже надела на себя иноческую одежду. Благодарю Господа, вразумившего меня съездить в этот благодатный уголок – Оптину Пустынь».

Предсказание даты смерти старцу Варсонофию

О. Нектарий рассказывал: «Велик был старец Варсонофий! И удивительно был батюшка смиренный и послушный. Как-то он, будучи послушником, шел мимо моего крылечка, я ему говорю в шуточку: «Жить тебе осталось ровно двадцать лет». Я ему говорил в шуточку, а он и послушался, и ровно через двадцать лет в тот же день первого апреля и скончался. Вот какого великого послушания он был». Перед такой силой о. Нектария меня невольно передернула дрожь.

Чудо с кувшином

«Батюшка говорит мне, – вспоминал один из его учеников, – вытряси прежде самовар, затем налей воды, а ведь часто воду забывают налить и начинают разжигать самовар, а в результате самовар испортят и без чаю остаются. Вода стоит вот там, в углу, в медном кувшине, возьми его и налей. Я подошел к кувшину, а тот был очень большой, ведра на два, и сам по себе массивный. Попробовал его подвинуть, нет – силы нету, тогда я хотел поднести к нему самовар и налить воды. Батюшка заметил мое намерение и опять мне повторяет: «Ты возьми кувшин и налей воду в самовар». – «Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый для меня, я его с места не могу сдвинуть». Тогда батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит: «Возьми». И я поднял, и с удивлением смотрел на батюшку: кувшин мне почувствовался совершенно легким, как бы ничего не весящим. Я налил воду в самовар и поставил кувшин обратно с выражением удивления на лице. А батюшка меня спрашивает: «Ну, что, тяжелый кувшин?». – «Нет, батюшка, я удивляюсь, он совсем легкий». – «Так вот и возьми урок, что всякое послушание, которое нам кажется тяжелым, при исполнении бывает очень легко, потому что это делается как послушание». Но я был прямо поражен: как он уничтожил силу тяжести одним крестным знаменем!»

Прозорливость старца Нектария

«В один из моих приездов в Оптину Пустынь, – рассказывал один из современников старца, – я видел, как о. Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук пятьдесят и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни письма он откладывал со словами: «Сюда надо ответ дать, а эти письма, благодарственные, можно без ответа оставить». Он их не читал, но видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, а некоторые и целовал, а два письма, как бы случайно, дал моей жене, и говорит: «Вот, прочти их вслух. Это будет полезно». Содержание одного письма забылось мною, а другое письмо было от одной курсистки Высших женских курсов. Она просила батюшку помолиться, так как мучается и никак не может совладать с собою. Полюбила она одного священника, который увлек ее зажигательными своими проповедями, и вот бросила она свои занятия и бежит к нему за всякими пустяками, нарочно часто говееет, только для того, чтобы прикоснуться к нему. Ночи не спит. Батюшка на это письмо и говорит: «Вы этого священника знаете, и имели с ним дело. Он впоследствии будет занимать очень большой пост, о котором ему и в голову не приходило. Он еще ничего не знает об этом, но получит он эту власть вследствие того, что уклонится от истины». – «Какой же это священник, – думаю я, – хорошо известный мне?». Тогда батюшка сказал, что это тот студент Духовной Академии, который приезжал со мною в Оптину в первый раз и который сватался за мою сестру, но Господь сохранил мою сестру, через старца Варсонофия, ибо он расстроил этот брак... (Теперь этот священник может быть действительно находится в обновленческой церкви и властвует там). Перебирая письма, о. Нектарий говорит: «Вот, называют меня старцем. Какой я старец! Когда буду получать каждый день больше ста писем, как о. Варсонофий, тогда и можно называть старцем, имеющего столько духовных детей...» Отобрав письма, батюшка отнес их секретарю.

Вспоминается мне еще один случай с о. Нектарием. Моя жена в один из наших приездов в Оптину написала картину: вид из монастыря на реку, и на ее низменный берег,

во время заката солнца, при совершенно ясном небе и яркой игре красок. Поставила она свой рисунок на открытом балконе и пошла со мной прогуляться по лесу. Дорогой мы поспорили, и серьезно, так, что совершенно расстроились, и не хотели друг на друга смотреть. Возвращаемся домой: нам сразу бросилась в глаза картина: вместо ясного неба на ней нарисованы грозные тучи и молнии. Мы были ошеломлены. Подошли поближе, стали рассматривать. Краски совершенно свежие, только что наложенные. Мы позвали девушку, которая у нас жила, и спросили, кто к нам приходил. Она отвечает, что какой-то небольшого роста монах, что-то здесь делал на балконе. Мы думали, думали, кто бы это мог быть, и из более подробного описания монаха и опросов других догадались, что это был о. Нектарий. Это он, владевший кистью, символически изобразил наше духовное состояние с женой. И эта гроза с молниями произвела на нас такое впечатление, что мы забыли свой спор и помирились, ибо захотели, чтобы небо нашей жизни опять прояснилось и стало вновь совершенно чистым и ясным».

* * *

В последний раз, когда мать Ксения была у старца, он дал ей клубок ниток и говорит: «На, намотай этот клубок, видишь, какой он спутанный». Она помнит, что после болезни белокровия была очень слаба и поэтому для нее это было не под силу, а он говорит: «Ничего, ничего, вот так у тебя сложится жизнь; трудно будет тебе в начале, а потом будет хорошо». Так оно и было.

* * *

Старец предсказал матушкам Алексии и Ксении, тогда еще молодым, что у них будет много деток. Говорил: «Вот уедешь в Святую Землю, и у тебя будет много детей». Матушки пришли в ужас, т.к. думали посвятить свою жизнь Богу, а не иметь семью. И только в 1933 году, когда они действительно жили уже в русском монастыре на Святой Земле, пророчество старца начало исполняться. Привели к ним сначала одну 8-летнюю девочку, впоследствии мать Иоанну, и потом владыка митрополит Анастасий сказал матери Алексии, чтобы она брала на воспитание арабских детей. Она не хотела, так как все время писала иконы, но не посмела послушаться владыку. Но когда после матери Иоанны через полгода привели ее двоюродную сестру, и еще других детей, в том числе и трехлетнюю нынешнюю мать Иулианию в 1938 году, то тогда вспомнила матушка Алексия пророчество старца Нектария. Надо сказать, что в Горненской обители, где они тогда жили, устав был иной, чем на Елеоне и Гефсимании. Обитель была своекоштной, и приходилось каждой сестре зарабатывать на жизнь. Поэтому каждая сестра имела право воспитывать себе одну послушницу, а то и больше. Вот и имели матушки «много детей». После переезда в Чили у них организовался приют имени св. праведного Иоанна Кронштадтского и школа. Там воспитывалось 89 детей.

* * *

Владыка Феофан Калужский не верил в святость старца Нектария. Когда он посетил Оптину Пустынь и пришел к старцу, то старец не обращал на него никакого внимания и занимался своими куклами, которых ему давали детки, как свое самое драгоценное, по любви к старцу; о. Нектарий начал совать кукол одну в тюрьму, что-то приговаривая, другую бил, третью наказывал. Владыка Феофан решил, что он ненормальный. Когда же владыку взяли большевики и посадили в тюрьму, тогда он понял все и сказал: «Грешен я перед Богом и перед старцем: все, что говорил, это было про меня, а я думал, что он ненормальный». Живя в ссылке, владыка очень страдал от хозяина, но не жаловался. Жил в семье Плохиных.

* * *

Еще старец Нектарий говорил: «Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов».

* * *

«Попал и я к старцу, – рассказывает один актер, – и вот как это случилось.

Русская поэтесса Н., находясь в общении с ним, сказала мне однажды, что во время ее последнего посещения старец увидел у нее мой портрет в роли Гамлета. Посмотрев на портрет, он сказал:

– Вижу проявление духа. Привези его ко мне.

Тогда же, благодаря Н., я впервые и узнал о существовании старца Нектария и, собравшись, поехал к нему.

– Вы не беспокойтесь о вашей супруге, – сказал он вдруг, – она здорова и дома у вас все благополучно.

Я, действительно, уже начал сильно волноваться о том, что делается дома, в Москве. Сыщики, всегда и всюду следовавшие за мной, не могли не знать, казалось мне, о моей поездке к старцу, и могли явиться в мою квартиру без меня. Я еще утром видел его прозорливость и знал, что он говорит правду.

Несколько раз удалось мне посетить старца Нектария. Всегда он был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему и проводил с ним хотя бы всего несколько минут. Он брал на себя грехи, тяжести и страдания других – это чувствовали все, соприкасавшиеся с ним, как почувствовал это и я. Когда спросили об этой способности его давать облегчение приходившим к нему, он, отвечая, сказал: «Когда наберется много тяжести на спине моей, то приходит благодать Божия и, как сухие листья, разметывает ее, и опять легко».

Два или три раза, уже после смерти старца, я видел его во сне, и он каждый раз давал мне советы, выводившие меня из душевных трудностей, из которых я не мог выйти своими силами».

* * *

Приводим случаи прозорливости о. Нектария, переданные нам профессором И. М. Андреевым.

Профессора Комарович и Аничков во время путешествия к о. Нектарию спорили об имяславии, причем один из профессоров, возражая против имяславия, привел пример, когда имя Божие произносится попугаем или граммофонной пластинкой.

Когда эти профессора прибыли к о. Нектарию с желанием выяснить этот вопрос у старца, то последний предварил их и, прежде чем они успели спросить его об этом, предложил им выслушать «сказочку». Смысл этой сказки был такой: в одном доме в клетке жил попугай. Горничная этого дома была очень религиозная и часто повторяла краткую молитву: «Господи, помилуй!» Попугай научился тоже повторять эту молитву. Однажды, когда горничная вышла, забыв закрыть клетку, вбежала в комнату кошка и бросилась к клетке. Попугай в ней заметался и закричал голосом горничной: «Господи, помилуй!» Так как кошка очень боялась горничной, то, услышав голос последней, со страху убежала. Оба профессора были очень потрясены этим рассказом о. Нектария.

Однажды, в 1927 году, о. Нектарий дал указание одному своему духовному сыну прийти к своим знакомым, жившим на Аптекарском острове в Петрограде, и при этом сказал: «Там вы встретитесь с бухгалтером деревообделочного завода, который вам достанет работу». Прийдя к своим знакомым, этот человек, действительно, встретил там

бухгалтера такого завода. Они познакомились, и этот последний устроил на работу на своем заводе.

Из писем монахини Нектарии (Концевич)

У нас есть одна знакомая семья. Жена верующая и хорошая христианка и молитвенница, а муж насмешник над постами и слабо верующий. Вот они были в чрезвычайно бедственном положении и продавали последнее. Она усердно ходила в храм, а муж допекал ее, что она все разносит по попам и что из-за этого они погибнут с голоду. В отчаянии она была близка к самоубийству и хотела бросить мужа, не будучи в состоянии терпеть его постоянных укоров. В горе обратилась к бабушке.[*] Он ей через меня передал: «Пусть отслужит молебен Святителю Николаю – Господь ей поможет». Она в тот же день продала какую-то вещь и отслужила молебен Св. Николаю. Спустя два дня муж ее встречает товарища, который ему предлагает службу. Он с радостью соглашается, но у нас (в СССР) службу нельзя получить не члену профсоюза, а и члены профсоюза тысячами ждут очереди. Он пошел к тому, от кого зависело его назначение. Тот говорит: «Удивляюсь даже, как вы можете ко мне обращаться, зная правила и видя тысячные очереди, а он не член». Он возвращается к товарищу, тот говорит: «Я без согласия ничего не могу сделать». Тот идет опять в профсоюз и говорит: «Я погибаю, сделайте хоть раз в жизни доброе дело – в ваших руках моя жизнь». В результате получил место: сто двадцать рублей в месяц и четыре с половиной рубля суточных – всего около двухсот пятидесяти рублей, а у нас старые служащие в Управлении Железных Дорог и в других учреждениях получают тридцать-сорок рублей в месяц. Притом служба разъездная, и он раз в месяц приезжает домой, как желанный гость. Всего величия этого чуда ты не можешь понять, не имея представления о том, как трудно здесь вообще попасть на службу, и не зная, что не члену профсоюза это совершенно невозможно, и что ежемесячно у нас происходят сокращения штатов, причем десятками увольняются со службы, прослужившие даже по десять-пятнадцать лет. Жена достигла всего: и его нет дома, так что она беспрепятственно молится, постится, и с мужем отношения наладились, и он, уезжая, сказал: «Молись за меня». Остается воскликнуть: «Дивен Бог во святых Своих!»

* * *

Чтобы не навести на человека грех непослушания, или забвения, или нерадения, бабушка не налагает никаких правил ни на кого, но, по его молитвам, человек сам, с помощью Господа, наталкивается на подходящие в данное время для него книги, встречает людей, могущих ему в этом помочь. Какое величие смирения и любви к людям! Как дивен Бог во святых Своих!

* * *

Я заметила, что если только написать бабушке просьбу о чем-либо, то в то же время приходит помощь от него. Очевидно, по милости Божией, душа его слышит все просьбы, обращенные к нему.

У бабушки был такой случай. Одна молодая девица пришла просить благословения на монашество, а он сказал: «Нет, у тебя будет жених, ты выйдешь замуж, родишь сына и он будет весить десять фунтов...» Так и случилось в точности, и она года через два принесла прелестного бутузика к бабушке на благословение.

Лида Б. искала целый год какого-нибудь места и не могла найти, летом работала поденно на фермах, за гроши: пахала, убирала воловники, одним словом – страдала невероятно, – хотела наняться кухаркой, прачкой, и нигде не могла. Я посоветовала ей молиться о здравии девушки, и вот она через три дня получила в деревне место учительницы. Радость ее неопишима.

Ты просил написать, что говорил в последний раз дедушка. Когда мы приехали, Олежок (ее сын, будущий еп. Нектарий, ~ 1983 г.) был болен. Температура у него была 40 градусов. Я говорю батюшке: «Олежок у меня болен», а он говорит, улыбаясь: «Хорошо поболеть в добром здоровье». На другой день дал ему яблочко и говорит: «Вот тебе лекарство». А когда благословлял нас в путь, сказал: «Когда будете лошадой кормить, пусть О. выпьет кипяточку и будет здоров». Мы так и сделали, Олежок выпил кипяточку, заснул и проснулся, говоря: «Мамочка! Я здоров».

* * *

Один мальчик пожаловался дедушке, что его в школе товарищи обижают, а дедушка сказал, улыбаясь: «А ты призови Георгия Победоносца на помощь, так ты всех их победишь, только ножками задрыгают». Так в точности и случилось. Он, как ринулся на самого забияку, призвав Георгия Победоносца на помощь, так тот только ногами задрыгал и с тех пор его никто не трогает.

Олежка он благословил хлопотать о жаловании и вот чудесным, можно сказать, образом он получил его, и не только за этот год, а и за весь прошлый без всякой протекции, между тем, в прошлом году ему отказали. Олежок благословлялся, чтобы ему хорошо учиться, и до сих пор у него по всем предметам, которые идут в аттестат, весьма удовлетворительно.

Он благословил меня заниматься уроками, и ко мне сами напросились шесть учеников и все как на подбор детки умные, способные, верующие!

Ах, как печально, что мы живем далеко от дедушки и редко можем прибегать к его благословию.

* * *

Мать двоих из учеников м. Нектарии поручила ей спросить старца, в какое учебное заведение определить своих сыновей: «Никуда не надо отдавать их: достаточно для них и того, чему ты их учишь». М. Нектарии неловко было передавать эти слова старца, т.к. мало ей знакомая мать этих детей могла подумать, что она говорит это с целью сохранить за собой учеников. Так и вышло: мать только пожалала плечами и отослала детей в школу. Там они попали в дурное содружество, развратились, стали воровать одежду и вещи товарищей, а потом вышли грабить на улицу и попали в число малолетних преступников.

* * *

Через шесть лет сбылось предсказание о Нектария, что Л-а не возьмут на военную службу. Л., с благословения о. Нектария, занимался физкультурой и стал инструктором в этой области. И вот, на призывной комиссии он произвел на всех впечатление своим атлетическим сложением и здоровьем. Казалось, призыв был неминуем. Вечером Л. должен был прийти в канцелярию за указанием места назначения. Но там ему велели явиться на другой день. И так повторялось несколько раз. Л. и все родные безпокоились, т.к., не понимая причины отсрочки, опасались, нет ли политического преследования. Наконец, объявили, что Л. освобождается от воинской повинности как инструктор гимнастики. Оказалось, что в том году инструкторов не хватало, и только единственно в этот призыв их освобождали.

Старец Нектарий и Патриарх Тихон

Один из постоянных посетителей о. Нектария рассказывает: «Патриарх Тихон не был у батюшки о. Нектария, и батюшка не был у Патриарха. Кажется, не было и переписки между ними. Однако многие вопросы решались Патриархом в соответствии с мнением

старца. Это происходило через лиц, близких к Патриарху и общавшихся с батюшкой. Последний на тот или иной вопрос высказывал свою точку зрения, или говорил иносказательно, рассказывая о каком-либо случае. Эта беседа передавалась Патриарху, который всегда поступал по совету батюшки».

Нетленность мощей старца Нектария

В 1935 году в Москву было сообщено, что грабители разрыли могилу старца и раскрыли гроб, думая найти там ценности. Потом почитатели батюшки, приводя все в порядок, обнаружили, что тело было нетленно (Е. Г. Рымаренко. «Воспоминания об оптинском иеросхимонахе Нектарии»).

«Два года тому назад, случайно, была раскопана могилка батюшки Нектария. Белье и чулочки истлели, а тело белое. Мир праху твоему, дорогой батюшка!» («Оптина Пустынь и ее время»).

«В 30-х годах, лет через шесть-семь после погребения, деревенские хулиганы раскопали ночью могилу, сорвали крышку гроба и наперед с лица почившего. Открытый гроб прислонили к дереву. Утром ребяташки гнали лошадей из ночного, увидели гроб и поскакали к селу с криком: «Монах встал». Колхозники побежали на кладбище и увидели, что старец стоит нетленный. Восковая кожа, мягкие руки. Одна женщина дала белую шелковую косынку. Ею прикрыли лицо старца, снова закрыли гроб и опустили в могилу с пением «Святой Боже».

Потом говорили, что через несколько дней тело старца было вывезено и погребено где-то в поле с. Холмищи» (Сборник «Надежда», выпуск 4, 1980 г., стр. 125-126).

Примечания

[*] "Дедушкой" м. Нектария во всех письмах называет преп. Нектария. *Ред.*

Преподобный Нектарий

ПОУЧЕНИЯ

Смирение, любовь к ближним и покаяние преподобный считал важнейшим на духовном пути.

«Положение Иова – закон для всякого человека. Пока богат, знатен, в благополучии, Бог не откликается. Когда человек на гноище, всеми отверженный, тогда является Бог и Сам беседует с человеком, а человек только слушает и взывает: «Господи, помилуй!» Только мера унижения разная.

Главное остерегайтесь осуждения близких. Когда только придет в голову осуждение, так сейчас же со вниманием обратитесь: «Господи, даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего».

С умилением старец говорил: «У меня плохо, зато у благодати хорошо. Тем только и утешаюсь, что у благодати хорошо. А как дивно хорошо! Когда посмотрю на себя и вижу, что у меня плохо, а у брата хорошо, то и это меня утешает. У меня плохо, сознаюсь, но у благодати хорошо и у брата хорошо. А я с братом одной веры. И «хорошо» брата и на меня переходит в благодати: не мое хорошо, а брата». Здесь поразительны слова об одной вере с братом, ибо это единство веры создает как бы среду для действия благодати.

Старец много предостерегал приходящих к нему против уклонения от Православия,

против «Живой церкви» и ложных мистических течений.

О «Живой церкви» он высказывался решительно: «Там благодати нет. Восстав на законного Патриарха Тихона, живоцерковные епископы и священники сами лишили себя благодати и потеряли, согласно каноническим правилам, свой сан, а потому и совершаемая ими Литургия кощунственна». Своим духовным детям старец запрещал входить в захваченные живоцерковниками церкви; если же в тех церквях находились чудотворные иконы, например, «Иверская», то заповедал, входя в храм, идти прямо к ней, ни мыслью, ни движением не участвуя в совершаемом там богослужении, и свечи к иконе приносить из дому или из православной церкви.

Но говорил: «Если живоцерковники покаются, в церковное общение их принимать». О мистике же он говорил: «Мистика – это многоцветная радуга. Один конец ее упирается в море, другой в землю, а сама она дугой. Ученые мистики говорят, что мы упираемся в землю, а там что – одна грязь, а у них остается море – высокая область... Что, поняли? – спросил он слушателей, – образ моря в святоотеческой литературе – это образ неверного, колеблемого, обуреваемого».

Особенно боролся старец с увлечением спиритизмом: «Люди ученые часто увлекаются спиритическими учениями, искренне думая, что этим путем можно найти спасение. Ан, нет! Вот отсюда-то проистекают болезни».

Быков, бывший когда-то видным спиритом, описал в книге своей «Тихие приюты» свое посещение старца Нектария и привел слова старца о спиритизме: «О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь! Под прикрытием великого христианского учения и через своих слуг бесов, которые появляются на спиритических сеансах незаметно для человека, – он, сатана, сатанинской лестью древнего змея, заводит человека в такие ухабы и такие дебри, из которых нет ни возможности, ни силы выйти самому, ни даже распознать, что ты находишься в таковых. Он овладевает сердцем, через это Богом проклятое деяние, человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грехом, преступлением, то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным, естественным. У спиритов появляется страшная гордыня и часто сатанинская озлобленность на всех противоречащих им... И, таким образом, последовательно, сам того не замечая, – уж очень тонко (нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме), отходит человек от Бога, от Церкви, хотя, заметьте, в то же время дух тьмы настойчиво через своих духов посылает запутываемого человека в храмы Божии служить панихиды, молебны, читать акафисты, приобщаться Св. Тайн и в то же время понемножку вкладывает в его голову мысли, что все это ты мог бы сделать и сам в домашней обстановке и с большим усердием, с большим благоговением... И по мере того, как невдумывающийся человек все больше запутывается в сложных изворотах и лабиринтах духа тьмы, от него начинает отходить Господь. Он утрачивает Божие благословение. Если бы он был еще неповрежденным сатаной, он бы прибег за помощью к Богу и св. угодникам, к Царице Небесной, к св. Апостольской Церкви, к священнослужителям, и те помогли бы ему своими св. молитвами, а он со своими скорбями идет к тем же духам, к бесам, и они еще больше втягивают его в засасывающую тину греха и проклятия. Наконец, от человека совершенно отходит Божие благословение, у него начинается необычайный, ничем внешним не мотивированный развал семьи, от него отходят самые близкие, самые дорогие ему люди... Наконец, когда дойдет несчастная человеческая душа до самой последней ступени своего, с помощью сатаны, самозапутывания, она или теряет рассудок, человек становится неменяемым в самом точном смысле этого слова, или кончает с собой. И хотя и говорят спириты, что среди них самоубийства редки, но это неправда. Самый первый вызыватель духов – царь Саул окончил жизнь самоубийством за то, что он не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице».

Эти мудрые слова старца Нектария могут быть обращены ко многим ложным мистическим учениям, так же запутывающим душу видимостью общения с духовным

миром (например, теософия).

Он говорил: «В последние времена мир будет опоясан железом и бумагой. Во дни Ноя было так: потоп приближался. О нем знал Ной и говорил людям, а те не верили. Он нанял рабочих строить ковчег, и они, строя ковчег, не верили, и потому за работу свою они лишь получали условленную плату, но не спаслись. Те дни – прообраз наших дней. Ковчег – Церковь. Только те, кто будет в ней – спасутся».

Старец определял духовный путь, как «канат, протянутый в тридцати футах от земли. Пройдешь по нему – все в восторге, а упадешь – стыд-то какой!»

С тихим вздохом сказал однажды старец: «Общественная жизнь измеряет годы, века, тысячелетия, а самое главное: «Бысть утро, бысть вечер, день един». Самое твердое – камень, самое нежное – вода, но капля за каплей продалбливает камень. Человеку даны глаза, чтобы он глядел ими прямо».

Он говорил о высокой постепенности духовного пути, о том, что «ко всему нужно принуждение. Вот если подан обед, и вы хотите покушать и обоняете вкусный запах, все-таки сама ложка вам не поднесет кушанья. Нужно понудить себя, встать, подойти, взять ложку и тогда уже кушать. И никакое дело не делается сразу – везде требуется пожатие и терпение».

«Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила – не он ей», – то-есть человек не должен делаться рабом своих обстоятельств, не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему. Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоумение; он и не знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение и часто бывает: человек, как лошадь, везет и везет и вдруг на него находит такое... стихийное препинание».

Преп. Нектарий много, с любовью, говорил о молитве: «Молитвой, словом Божиим, всякая скверна очищается. Душа не может примириться с жизнью и утешается лишь молитвой. Без молитвы душа мертва перед благодатью».

Многословие вредно в молитве, как апостол сказал. Главное – любовь и усердие к Богу. Лучше прочесть один день одну молитву, другой – другую, чем обе зараз. Одной-то будто бы и довольно!»

Это не значит, что старец ограничивал молитвословие или ежедневное правило одной молитвой. Он говорил о мере новоначальных, которые имели силу сосредоточиться только на одной молитве, а другие читали рассеянно. Это снисхождение к немощи, что старец и пояснил дальнейшим примером: «Спаситель взял себе учеников из простых безграмотных людей. Позвал их, – они все бросили и пошли за Ним. Он им не дал никакого молитвенного правила – дал им полную свободу, льготу, как детям. А Сам Спаситель, как кончал проповедь, уединялся в пустынное место и молился. Он Своих учеников Сам звал, а к Иоанну Крестителю ученики приходили по своему желанию, – не звал их Креститель, а к нему приходили. Какое он им давал правило, это оставалось прикровенным, но молиться он их научил. И вот, когда ученики Иоанновы пришли к Спасителю, они рассказали апостолам, как они молятся, а те и спохватились – вот ученики Иоанновы молятся, а наш добрый Учитель нам ни полслова не сказал о молитве, и так серьезно к Нему приступили, как бы с укором, что, вот, ученики Иоанновы молятся, а мы нет. А если бы ученики Иоанновы им не сказали, то они бы и не подумали об этом (это последнее заметил старец, поглядывая на одну послушницу, которая попросила у него молитвенное правило, узнав, что другим ученикам старец такое назначает). А Спаситель им сице: «Отче наш». И так их научил, а другой молитвы не давал».

Есть люди, которые никогда не обращаются к Богу, не молятся, и, вдруг случается с ними такое – в душе тоскливо, в голове мятежность, в сердце грусть, и чувствует человек, что в этом бедственном положении ему другой человек не поможет. Он его выслушает, но бедствия его не поймет. И тогда человек обращается к Богу и с глубоким вздохом говорит: «Господи, помилуй!» Казалось бы, довольно мы в церкви говорим и три, и двенадцать, и сорок раз. Это за тех страдальцев, которые даже не могут вымолвить: «Господи,

помилуй!»), – и за них говорит это Церковь. И Господь слышит, и сначала чуть-чуть благодать, как светоч, а потом все больше и больше, и получается облегчение».

Одному духовному сыну преподобный сказал: «Аз возжегох вам светильник, а о фитиле вы позаботьтесь сами».

О шестопсалмии: «Шестопсалмие надо читать не как кафизмы, а как молитвы. Значение шестопсалмия очень велико: это молитва сына к Богу Отцу».

Преподобного спрашивают, как молиться о тех, о ком неизвестно, живы ли они? «Вы не ошибетесь, если будете молиться, как о живых, потому что у Бога все живы. Все, кроме еретиков и отступников. Это мертвые».

«Вот вам наказ: когда готовитесь к Святому Причащению, поменьше словесности и побольше молитвенности».

Одна женщина говорит старцу: «Батюшка, сильно раздражаюсь», а он отвечает: «Как найдет на тебя раздражение, тверди только: «Господи, помилуй!» Ищи подкрепления в молитве и утешения в работе».

Старик-возчик Тимофей падает перед батюшкой на колени. Лицо у Тимофея все преображается верой, умилением и надеждой: «Батюшка, дайте мне ваше старческое наставление, чтобы ваш теплый луч прогрел мою хладную душу, чтобы она пламенела к горнему пути, – после этой мудрой фразы он просто говорит, – батюшка, у меня слез нет». А старец с чудесной улыбкой наклоняется к нему: «Ничего, у тебя душа плачет, а такие слезы гораздо драгоценнее телесных».

Преподобный Никон

ЖИТИЕ

«...Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений, обстоятельств: все промыслительно. Замечайте события вашей жизни. Во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам не понятны они, а впоследствии многое откроется». Так говорил старец Варсонофий послушнику Николаю Беляеву – ближайшему своему ученику и будущему приемнику старческого служения. Старец Никон, духовно рожденный и вскормленный на благодатной ниве оптинского старчества, совершал свой христоподражательный подвиг уже в миру. Выброшенный по попущению Божию из стен родной обители, он нес крест пастырского служения в изгнании, заточении и в гонении.

Родился Николай Беляев 26 сентября 1888 года в московской купеческой семье Беляевых. Родителей его звали Митрофан Николаевич и Вера Лаврентьевна. Был он четвертым ребенком в семье. Родители его отличались благочестием, особенно религиозна была мать, Вера Лаврентьевна, которая притом обладала прекрасным, ровным, спокойным и правдивым характером. Много лет спустя оптинский старец Варсонофий сказал Николаю такие слова: «Благодарите Бога, что у вас такая мать... Се, воистину израильтянин в нем же лъсти несть».

У Николая Беляева со дней его младенчества жизнь была глубоко промыслительна. В год его рождения посетил Беляевых великий Российский праведник и пастырь – св. Иоанн Кронштадтский. Отслужив молебен, он благословил молодую мать и подарил ей свою фотографию, с собственноручной подписью и датой – год 1888. Еще более знаменательный случай произошел с Николаем, когда ему было около восьми лет. Маленький Коля заболел какой-то горловой болезнью (возможно, дифтерит). Болезнь приняла катастрофический характер. Врач дал понять родителям о безнадежном

положении ребенка. Однажды вечером ему стало настолько плохо, что смертельный исход болезни был вне всяких сомнений. Ребенок лежал без сознания, дыхания не было. У постельки умирающего оставались одни родители. Бедная Вера Лаврентьевна не переставая растирала похолодевшее тельце и, проливая горячие слезы, усердно молила Святителя Николая о ниспослании помощи свыше. Отец уговаривал ее оставить покойника и не мучить себя и его. Не слушая мужа, она продолжала растирать, обливаясь слезами и призывая на помощь угодника Божия, помогающего там, где человеческая помощь бессильна. И – совершилось чудо... Ребенок вздохнул... Ободренные проблеском надежды, они уже вдвоем начали растирать еще усерднее. Молитва матери не осталась не услышанной. Господь по молитвам Св. Николая даровал ребенку жизнь. Господь, провидящий жизнь каждого человека со дня рождения и до смерти, совершившимся чудом дал понять, что жизнь младенца Николая предопределена на служение Ему, Творцу, Промыслителю и Богу нашему. Впоследствии старец Варсонофий особенно подчеркивал таинственное значение этого случая.

Детство Коли прошло в атмосфере христианского благочестия, взаимной любви и уважения. В семье их было восемь человек детей: две девочки – Любовь и Надежда, и шесть мальчиков – Владимир, Николай, Сергей, Иван, Митрофан и Алексей. Семья была вполне обеспеченной, дети не только никогда не испытывали материальной нужды, но, можно сказать, жили почти в роскоши. Николай был всеобщим любимцем. От природы он был наделен характером веселым, бойким и энергичным. Этими качествами он выделялся из среды своих братьев. Его жизнерадостность заражала и остальных. Таким он оставался до конца своих дней, с той только разницей, что бездумную детскую веселость сменила тихая радость – плод высокой духовной культуры.

Судя по воспоминаниям его брата Ивана, отличительной чертой характера Коли, еще в детстве, было терпение и очень большая сдержанность. По словам матери, он был исключительно терпеливым еще с пеленок. Однажды, когда ему было лет двенадцать, он упал и распорол себе ладонь большим ржавым гвоздем. От неожиданности он только вскрикнул, но ни стонов, ни слез не было. Когда мать, заливаясь слезами, смазывала йодом и забинтовывала глубокую рану, а братья с ужасом смотрели на эту процедуру, – Коля не издал ни звука. Только крепко закушенная губа и бледность показывали, как ему было больно. Эта черта, – изумительное терпение и выдержка, – сохранились в его характере на всю жизнь.

Первые скорбные события в его беззаботной детской жизни – смерть его дедушки Лаврентия Ивановича, а затем и бабушки Марии Степановны и, спустя некоторое время, отца Митрофана Николаевича, глубоко поразили впечатлительную душу Коли. В эти скорбные годы в его душе начал совершаться перелом. Мысли о смерти, аде, о вечных муках, ожидающих грешников, волновали его. Он засыпал, размышляя о Боге, Его вездесущии и всемогуществе. Настоятель церкви «Всех скорбящих Радосте» о. Симеон Ляпидевский оказал благотворное влияние на его развивающийся интерес к духовной жизни.

Николай стал чаще посещать храм, даже в будние дни, вместе со своим братом Иваном помогал читать в церкви, пел на клиросе, прислуживал в алтаре. Постепенно оба брата (с середины 1906 года) стали посещать храм почти ежедневно. Это стало их насущной потребностью. Читали они тогда только Евангелие и Апостольские послания, а также «Путь ко спасению» епископа Феофана Затворника. Открывающиеся им истины поражали их мысли, и долго не умолкали в их сердцах слова: «Оставьте мертвые погребсти своя мертвецы», «Возьми крест свой и по Мне гряди...». Слова эти огненными буквами были написаны в их сердцах. Оба чувствовали неодолимую потребность бросить греховную мирскую жизнь, исправиться, стать истинными христианами. Отсюда, как и следовало по закону духовной жизни, появилось у них желание принести покаяние перед Богом и начать новую жизнь. Для этого первого сознательного говения они избрали Чудов монастырь. Эта первая исповедь с сознательным желанием очиститься от греховной

нечистоты и соединиться со Христом и причащение Святых Тайн произошли на праздник Сретения Господня. Этот день на всю жизнь остался в их памяти, ибо в Чудовом монастыре совершилось чудо милосердия Божия над ними.

Тогда появился у братьев Ивана и Николая интерес к монашеской жизни. Иван нашел в старых книгах список всех русских монастырей. Он изрезал его на полоски, перемешал их и предложил Коле вытянуть одну полоску. Помолившись Богу, вытянули жребий. На полоске бумаги было напечатано: «Козельская Введенская Оптиная Пустынь». До этого момента они не имели ни малейшего представления о существовании этого монастыря. Законоучитель о. Петр Сахаров посоветовал им обратиться к епископу Трифону, бывшему постриженнику Оптиной Пустыни. Тогда же, в феврале 1907 года, братья объявили своей матери о решении поступить в монастырь. Ее удивлению не было границ. Со слезами на глазах она благословила крестами коленопреклоненных своих сыновей на монашескую жизнь. Хоть и трудно было ей расставаться с любимыми сыновьями, но долг христианский она ставила выше всего. Епископ Трифон, давая свое благословение на поступление в монастырь, вручил им иконочки «Казанской» Божией Матери.

В Оптину Пустынь братья Беляевы приехали 24 февраля 1907 года. «В день обретения главы Св. Иоанна Предтечи обрели Оптину, как тихое пристанище от житейских бурь и зол», – записал впоследствии в своем дневнике послушник Николай Беляев.

Весь Великий пост провели они в монастыре, выполняя послушания на скотном дворе и посещая все положенные уставом Богослужения. Николай посещал старца Варсонофия по возможности часто. Стремление к монашеской жизни у обоих братьев не угасало и не колебалось, а возрастало и укреплялось, несмотря на то, что игумен монастыря отказался принять их в число братии. После Пасхи они вернулись в Москву. Неоднократно они посещали Оптину Пустынь. Желание оставить мир у них не проходило, и епископ Трифон благословил их съездить еще раз в Оптину и вновь попросить о. архимандрита Ксенофонта принять их в число послушников. Наконец, 9 декабря, в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянная радость», старец Варсонофий сообщил им о принятии их в число братии скита. Так осуществилось давнее желание обоих братьев. В этот день их посетила неожиданная радость. Впоследствии старец Варсонофий говорил, что милость Божия совершилась над ними в этот праздник ради молитв их благочестивого деда – Лаврентия Ивановича, много потрудившегося в церкви, где особенно чтился образ Божией Матери «Нечаянная радость».

10 декабря окрыленные радостью братья поехали в Москву проститься с близкими и оформить необходимые документы. Посетили они епископа Трифона – своего благодетеля и молитвенника. Владыка благословил их на прощание крестиками и сказал: «Вы восходите на крест, поэтому я и даю вам в благословение кресты. Помогай вам Бог». Мать же на прощание благословила их иконами Покрова Божией Матери, вручая дорогих своих сыновей «теплой Заступнице мира холодного». Напутствуемые молитвами, благословениями и благопожеланиями, 22 декабря 1907 года братья навсегда покинули Москву и направились в Оптину Пустынь.

22 декабря, в день памяти великомученицы Анастасии Узорешительницы, они, как бы разрешаясь от уз мира, прибыли в обитель и 24 декабря поступили в Иоанно-Предтеченский скит. Так братья Беляевы, оставив мир, принесли свои жизни в жертву Богу. Чтобы новоначальные послушники имели возможность осмотреться и привыкнуть к новой обстановке, первое время их не назначали на послушание. Старец Варсонофий часто беседовал с ними и знакомил их с жизнью скита. Назначая Николая на общие послушания, он одновременно привлекал его и к работе по письмоводству. Николай переписывал ведомости, писал деловые письма, помогая письмоводителю брату Кириллу Зленко. Убедившись в его способностях, ему скоро поручили более серьезную работу – составление краткого содержания писем (в виде оглавления) старца Амвросия. В конце февраля 1908 года Николая назначили помощником библиотекаря в связи с переносом библиотеки в новое помещение. Одновременно его назначили петь и читать на клиросе.

Николай всегда соблюдал правило, преподанное ему старцем, – никогда не напрашиваться самому на какое-либо дело, во избежании самонадеянных и тщеславных помыслов, но и не отказываться, если назначат или попросят. Это правило он впоследствии внушал и своим духовным чадам. В скиту скоро оценили его прекрасное ровное чтение и назначили читать попеременно повечерие с каноном Ангелу Хранителю, Апостола за Литургией, кафизмы и чтение за трапезой.

На библиотечном послушании он занимался и составлением чина служб церковных, отличающихся от обыкновенных, например: «Вынос Креста», «Службы Страстной седмицы» и др. За усердие к послушанию он даже получил от библиотекаря о. Иоанна Полевого подарок – книгу «Царский путь Креста Господня».

С присущей ему жизнерадостностью Николай охотно выполнял все, возлагаемое на него. С одинаково радостным лицом он работал в трапезной: разметал снег, носил дрова, топил печь, мыл посуду, подметал пол. Трудился он в церкви – был помощником пономаря. Работал в саду: носил навоз для удобрения, копал, сажал. Избалованный и непривычный к физическому труду, он не тяготился ничем. Его душа не знала ни уныния, ни недовольства, ни ропота.

«Новоначалие всегда радуется, если приходят в монастырь от всего сердца, с искренним чувством», – сказал старец Варсонофий, когда однажды Николай поделился с ним своим душевным состоянием.

В октябре 1908-го года Николай был назначен письмоводителем начальника скита, старца Варсонофия. От всех остальных послушаний, кроме чтения и пения на клиросе, он был освобожден. Это послушание было основным в продолжение всей его жизни в скиту. Почти все свободное от молитвы время Николай проводил у старца, помогая ему вести официальную, деловую и личную переписку. Старец Варсонофий, по глубокой проницательности и духовному опыту, понял душу Николая и увидел, что в этом юноше он найдет не только примерного ученика и примерного монаха, но и достойного последователя своих заветов и наставлений. Он часто оставлял его после «общего благословения» братии и подолгу беседовал с ним. Весь свой опыт и все свои знания он решил передать Николаю как достойному принять и сохранить этот дар. Он делился с ним воспоминаниями, поверял ему свои скорби и радости, учил, направлял, предостерегал. Он вел его все выше и выше по лестнице духовного восхождения. Николай же со своей стороны полностью предал себя в волю старца. После того как Николая одели в послушническую одежду, ему благословили чтение книги Аввы Дорофея и других святоотеческих книг, а также житий святых. По поводу чтения преп. Варсонофий говорил Николаю: «Пользуйтесь этим временем, пока можно вам читать. Придет время, когда уже не будет у вас возможности читать книги. Лет через пять или шесть... когда вам надо будет читать книгу жизни».

Часто вспоминал Николай впоследствии эти пророческие слова старца.

Мирно и безмятежно текла его жизнь под руководством старца. Безпокоила его только мысль о предстоящей военной службе. Когда Николай спросил у старца, можно ли молиться о том, чтобы Господь избавил его от военной службы, старец ответил, что нельзя, что военная служба – это наш долг перед государством. Это всецело надо предоставить воле Божией. «Многие планы строил я относительно вас, но – как Богу угодно. Быть может, когда вы возвратитесь из армии, я уже буду лежать в сырой земле. Тогда уже как хочешь, мой преемник».

3 ноября 1909 года, – день памяти Обновления храма великомученика Георгия в Лиде, был днем, решившим его жизнь. Его освободили от военной службы, т.к. нашли сильное расширение вен на левой ноге. Встретив своего ученика, старец обнял его и поцеловал и, помолвившись, сказал: «Велика милость Твоя, Господи. Должно быть, епископ Трифон молился за вас». Старец благословил Николая заниматься Иисусовой молитвой – совершать ее во всякое время, кроме церковной службы. А впоследствии, видя усердие и ревность Николая, он благословил его творить молитву и во время Богослужений.

В апреле 1910 года печальные события потрясли мирное течение скитской жизни. По попущению Божию, старцу Варсонофию пришлось перенести несправедливое гонение и перемещение из скита в Коломенский Старо-Голутвин монастырь. 2 апреля 1912 года старец Варсонофий покинул скит. Отец Николай оставался в скиту. Он тяжело переживал разлуку с любимым старцем, и только молитвы и предание себя в волю Божию подкрепляли его силы. В одной из последних своих прощальных бесед с Николаем, старец молитвенно произнес над им трогательные слова: «Господи, спаси раба Твоего. Соверши из него инока. Сподоби его Царствия Небесного».

А другой раз пророчески произнес: «Господи, спаси раба Твоего сего Николая. Буди ему Помощник. Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта». После отъезда старца, о. Николай был переведен из скита в монастырь, на должность письмоводителя в канцелярии совместно с о. Петром Крутиковым (впоследствии иеромонах Парфений).

1 Капреля 1913 года последовала блаженная кончина старца Варсонофия. Погребение старца было назначено на 9 Капреля, во вторник Страстной седмицы. Его предали земле рядом с его наставником старцем Анатолием. Отец Николай не мог присутствовать при погребении: он лежал в больнице, прикованный тяжелым недугом к постели. Велика была скорбь души его по утраченном старце.

Сведений о жизни о. Николая в монастыре по кончине старца Варсонофия сохранилось мало. С достоверностью известно только то, что он всегда и всем был «яко слуга Божий». Не только для молодых, но и для старых монахов был он высоким примером безусловного послушания, нелицемерного смирения; мирности со всеми исключительной, твердости и мудрости. Не колебался он ни перед лестью, ни перед угрозами. Не по годам серьезный, вдумчивый и в тоже время радостный, он еще в те далекие годы приковывал к себе внимание как незаурядный монах. Фундамент, заложенный в душе отца Николая старцем Варсонофием, был сложен прочно и надежно. В продолжение всей своей жизни в монастыре – в тихой ли келлии своей, в храме, за послушанием, везде и всегда он на этом несокрушимом основании возлагал все новые и новые камни, строил свой дом душевный во славу Божию.

В 1915-м году, 24 мая, в день памяти преп. Симеона Дивногорца, отца Николая постригла в мантию. При постриге ему было дано имя Никон, в честь св. мученика Никона (память 26 сентября). Новопостриженному преп. Никону было 27 лет. Менее чем через год, 30 апреля 1916 года, преп. Никон был рукоположен во иеродиакона, а 3 ноября 1917 года, в день памяти Обновления храма великомученика Георгия в Лиде, в сан иеромонаха.

В страшное революционное время обитель переживала большие финансовые затруднения, притеснения и угнетения. Монастырь был лишен основных источников средств существования. Но оптинские иноки не растерялись. Из оставшихся трудоспособных монахов была организована «сельскохозяйственная артель». Она минимально обеспечивала материальные нужды монахов. В это трудное время развернулись административные способности преп. Никона. Молодой, полный сил и энергии, он ревностно трудился, имея высшей целью своих трудов прославление имени Божия на земле. Сохранить монастырь насколько возможно – вот что стало его делом. «Умру, а не уйду», – писал он в дневнике своем во дни своей юности. А вокруг один за другим закрывали монастыри и храмы.

17 сентября 1919 года преп. Никон был арестован и без предъявления обвинений заключен в Козельскую тюрьму. В письме матери он писал, что арестовали его только за то, что он монах. Через некоторое время его освободили, и он вернулся в обитель. Оставшиеся оптинские иноки твердо решили не уходить из монастыря. Каждый день и каждый час ожидали всего: изгнания, ареста, тюрьмы, ссылки, смерти...

В 1923-м году закрыли «сельскохозяйственную артель». Монастырь и монастырские здания превратили в музей. Всем монахам, за исключением двадцати рабочих при музее, приказано было оставить монастырь и уходить куда угодно. Преп. Исаакий II, отслужив

последний раз соборную Литургию, благословил преп. Никона служить в Оптином Казанском храме и принимать богомольцев. С этого времени, как бы благословляемый свыше на трудный путь и спасительный подвиг, отец Никон принял на себя не только обязанности духовника, но и старца. До того времени, когда о. архимандрит оставил его в Оптиной и поручил принимать богомольцев, он не дерзал давать советы обращающимся к нему. А когда начал принимать народ, то давал советы всегда ссылаясь на слова старцев оптинских.

Большая часть монахинь закрытой Шамординской обители поселились в городе Козельске. Мать Амвросия, монахиня весьма высокого духовного устройства, приняла к себе несколько сестер, желающих проводить иноческую жизнь под ее руководством. Таким образом, составила небольшая община. Кроме того, многие из приезжающих в Козельск монахинь и мирян останавливались у нее. Старец Никон духовно окормлял эту маленькую общину.

В начале 1924 года закрыли последний оптинский храм, но преп. Никон, оставаясь в Оптиной, служил всенощные бдения в келлии, пока было возможно там оставаться. Последнюю всенощную он совершил 15 июня 1924 года. Когда, после всенощной, он произнес слово наставления и увещания, то помянул, что через несколько дней он должен будет оставить Оптину Пустынь. Многие плакали, а он, обратясь к ним, сказал: «Вы чудненькие. Ведь я монах. Давал обещание терпеть всякое озлобление, укоризну, поношение и изгнание. И если это сбывается, если это терплю, то радоваться подобает, т.к. совершается чин пострижения на деле».

В Козельске преп. Никон поселился в конце июля 1924 года вместе с отцом Кириллом Зленко. По приглашению настоятеля Успенского собора он составил небольшой монашеский хор для праздничных Богослужений. Служил преп. Никон довольно часто, когда его просил настоятель или второй священник, и во дни особо почитаемых святых. Неожиданно для него самого появился у него дар слова назидания. С разрешения настоятеля преп. Никон стал произносить проповеди. Эти проповеди не блистали красноречием, но были просты, доступны, понятны. Все, что он говорил, было взято не из книг, а опытно узнано и пережито им самим. Проповеди были насыщены твердой верой в Бога и Его святые заповеди, и поэтому так сильно действовали на души, внимающие им. Замечательно, что подобно своему старцу Варсонофию, он обладал редким даром вникать в смысл слов Священного Писания.

Когда преп. Никон переехал в Козельск, ему было 36 лет. Полный сил и энергии, он всю свою жизнь посвятил служению Богу. Число его духовных детей постепенно увеличивалось. Старец Нектарий многих приезжающих к нему в Холмищи посылал к преп. Никону. И не только старец, но и преп. Исаакий, о. Досифей и о. Мелетий направляли к старцу Никону обращающихся к ним. А он за святое послушание принимал всех. Твердо памятуя слова апостола: «Образ буди верным словом, верой, духом, чистотою», – он был прекрасным образом пастыря, душу свою полагающего за овец своих. Не щадя ни сил, ни здоровья, он приносил в жертву свои желания, стремления и интересы ради спасения душ пасомых. Сколько внимания, сколько забот и любви отеческой проявлял он по отношению к каждому, обращающемуся к нему. Многим старым, безсильным и больным, не имеющим возможности заработать себе на пропитание, помогал он материально, деньгами, продуктами – делясь с ними тем, что присылали и приносили ему. Своих духовных детей преп. Никон принимал ежедневно. В доме, где он жил, при кухне, была маленькая комнатка с одним окном на улицу. В ней помещались ожидающие приема.

Обычно преп. Никон выходил из своей комнаты и сам по своему усмотрению приглашал кого-либо к себе. Он усаживал приходящего, а сам садился напротив, возле икон. Исповедовал старец Никон изумительно хорошо. Он умел так расположить к себе человека, наводящими вопросами раскрыть перед ним, а вернее перед Богом, всю душу, что кающийся забывал ложный стыд и легко и свободно открывал грехи, которые много

лет тяготили совесть. Этот дар проникновения в душу, по-видимому, он получил от старца Варсонофия, дополнив полученное внимательной, трезвенной своей жизнью. Человек выходил от старца Никона как бы возрожденный, омытый, очищенный от душевной скверны. Какое блаженство ощущала облегченная совесть после такой исповеди. От своих духовных чад старец Никон требовал беспрекословного послушания, искренности и простоты. Он не выносил самочинников, любящих исполнять свою волю и настаивать на своем мнении, не выносил двоедушия, хитрости, лукавства, лжи. Утром и днем он никого не принимал, за исключением своих оптинских братьев, приезжих или тех, кому необходимо было экстренно побеседовать с ним. Помимо исполнения всего монашеского правила, он отвечал на письма своих духовных чад. В этом деле ему отчасти помогал о. Кирилл. К матери Амвросии в общину преп. Никон приходил раз в неделю, а иногда и чаще, для духовного собеседования. В общине собралось уже около десяти сестер, не считая приезжих, иногда подолгу живущих в ней. Все сестры были духовные чада старца Никона.

Таким образом три года в Козельске преп. Никон провел в трудах пастырских. В июне 1927 года совершилось то, чего боялись и со страхом ожидали все. Преп. Никон и отец Кирилл были арестованы и заключены в тюрьму. Одновременно был арестован отец Агапит (в миру Михаил Таубе). Трудно описать скорбь духовных детей старца Никона. Лишась его, они в полном смысле слова осиротели. Почти полгода, проведенные старцем в Калужской следственной тюрьме, они жили надеждой, что его отпустят на свободу. Общими трудами собирали ему передачи с продуктами питания и другими необходимыми вещами. Большим утешением для духовных детей была возможность писать ему письма или записки и получать ответ. Некоторые из духовных детей простаивали под окном тюрьмы в надежде увидеть лицо своего дорогого отца и его благословляющую руку.

В январе 1928 года «следствие» было закончено. Преп. Никон был осужден на три года в лагерь на Соловки. В день отправления этапа, 27 января 1928 года, на Калужском вокзале собралась толпа духовных чад и почитателей преподобного, провожая его в последний, далекий и неведомый путь. В марте этап прибыл в г.ККемь. По причине циклона, пронесшегося над Белым морем, сообщение с Соловками было прервано, так что всех арестованных поместили в лагерь Кемьперпункт. Там он провел два с лишним года. Из-за болезни ног (расширение вен) его освободили от тяжелых физических работ и поставили сторожем складов. Жил он в одном бараке с о. Агапитом. Работой сторожа преп. Никон был вполне доволен, т.к. она давала возможность уединиться, молиться и иногда читать. Из лагеря он писал часто. Письма его были неизменно насыщены бодростью, с преданием себя и всех воле Божией. Несмотря на бодрый тон, иногда ясно было, как тяжела и мучительна была для него создававшаяся обстановка. Не говоря уже о милой Оптиной, этом потерянном Рае, он с сожалением вспоминал о своей уютной комнате в Козельске, считая, что «за грехи свои недостоин он тихого жития».

Духовные дети и почитатели его часто писали письма, посылали посылки. Благодаря этому, ни в деньгах, ни в продуктах преп. Никон не испытывал острой нужды. Он братски делился всем добром с о. Агапитом, пока их не разлучили. В августе 1928 года о. Агапита отправили в «командировку» куда-то в лес, и преп. Никон потерял его из виду. Самого преп. Никона в апреле 1929 года перевели на Попов остров Карельской республики. Там он работал счетоводом в лагерной канцелярии. Незадолго до окончания лагерного срока возвратился из своих скитаний о. Агапит. Оба монаха получили направление на вольную ссылку в город Архангельск. Перед отправкой, на медицинском осмотре, врач обнаружил у преп. Никона далеко зашедший туберкулез легких. По совету о. Агапита, он не стал просить о перемене места ссылки по состоянию здоровья, а предался воле Божией. В июне 1930 года о. Никон с о. Агапитом прибыли в Архангельск, где прожили вместе до августа того же года, когда преподобного переместили в г. Пинегу Архангельской области. С сожалением и грустью покидал преп. Никон своего собрата, с которым так сблизился за годы страданий.

После долгих поисков в окрестностях Пинеги, преп. Никон поселился в деревне Вонга, а спустя два месяца переехал в деревню Воспола, в трех километрах от Пинеги. С большим трудом он нашел себе квартиру в доме пожилой женщины, которая кроме большой оплаты деньгами поставила условием своему квартиранту выполнять все тяжелые физические работы по дому. Преп. Никон согласился на все: выбирать было не из чего. С наступлением зимы 1930 года он почувствовал резкое ухудшение здоровья. Он не придавал этому значения, считая, что это связано с простудой. По-прежнему ходил в Пинегу «отмечаться», посещал церковь и ходил на почту.

Преп. Никон жил один, и, хотя жил он среди мирян, жизнь его была мироотреченная. На нем в полной мере оправдались слова одного святого отца: «Не в уединении тела, но в благосостоянии и тишине сердечной иноческое совершается житие». Не оставлял он и своего пастырского долга, и в ссыльном житии находился в переписке со своими духовными чадами.

На своей новой квартире преп. Никон быстро убедился, что хозяйка его – женщина с исключительно злым и жестоким характером. Казалось, что сам бес вселился в нее, заставляя мучить его, чтобы испытать его терпение. Она даже запрещала ему принимать посетителей, иногда навещавших его.

По состоянию здоровья преп. Никон был освобожден от тяжелых работ, в основном, из-за больной ноги с расширенными венами. К тому же болезнь легких делала его совсем нетрудоспособным. Хозяйка его это знала, но не считалась с этим. Она не давала ему ни отдыха, ни покоя. Изнемогая от слабости, он выполнял все: возил на санках воду из колодца, колол, пилил и носил дрова, расчищал снег, ставил и подавал самовар, колол лучину и многое-многое другое. И все это при постоянно повышенной температуре.

В Пинеге преп. Никон встретил одного из оптинцев – о. Петра, который знал по рассказам других о тяжелом нраве хозяйки и не один раз предлагал ему поселиться вдвоем с ним. Но он, верный своему намерению жить только по воле Божией, по-видимому считал, что испытываемое им послано Самим Богом, и от подобных предложений молча уклонялся. Он неоднократно писал из ссылки разным людям: «Верую в пекущийся обо мне Промысл Божий, боюсь направлять по своемумышлению свою жизнь, ибо наблюдал, как своя воля приносит человеку скорби и трудности. Да будет же воля Божия, благая и совершенная».

Однажды, в начале Великого поста, преп. Никон убирал слежавшийся за зиму снег. От сильного физического напряжения произошло кровоизлияние в больной ноге. Он слег в постель с температурой сорок.

Более трех недель проболел он. Кто ухаживал за ним в то время, неизвестно. Немного поправившись на шестой неделе Великого поста, он уже ходил в Пинегу «отмечаться». Врач районной больницы при обследовании подтвердил старый диагноз: туберкулез легких. Безчеловечная хозяйка узнала, что ее «батрак» серьезно болен туберкулезом, но вместо того, чтобы оказать ему хоть какое-то человеколюбие, она стала выгонять его из дома, говоря: «Иди куда хочешь. Ты мне больной не нужен. Мне нужно, чтобы работать могли, а не лежать. Еще заразишься от тебя, чахоточного». Она влетела в его комнату и, сбросив на пол тюфяк и одежду, вынесла кровать. Он чувствовал себя так плохо, что идти не мог никуда. И вспомнил он незабываемые молитвенные слова своего дорогого старца Варсонофия: «Господи, спаси раба Твоего, сего Николая. Буди ему Помощник; защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта». Но, как известно, Господь не попускает верным рабам Своим искушения выше меры. Вскоре посетил преп. Никона о. Петр. Войдя к нему, он увидел такую картину: больной лежал на двух табуретках, одетый в ватник, шапку и валенки. Преп. Никон, видя безвыходность своего положения, сам начал просить о. Петра о переезде к нему. К взаимной их радости, квартира сразу нашлась, и в тот же день отец Петр перевез преп. Никона на его новое и последнее жилище.

К середине мая болезнь преп. Никона приняла мучительную форму: высокая

температура, жар, озноб, сменяющийся изнурительным потом, ужасающая слабость, отдышка и пролежни. Ему нечем было дышать: легкие его сократились. Все это время о. Петр самоотверженно ухаживал за ним. В последние два месяца болезни преподобный почти ежедневно причащался Святых Тайн. Молитвенное настроение преп. Никона передавалось и его сожителю, и чувствовал себя о. Петр, как когда-то в далеком недостижимом Оптинском скиту, а не в ссылке.

В конце апреля одна из его духовных дочерей видела сон, поразивший ее своей отчетливостью. Она описала его в письме преп. Никону. Виделось ей, что оптинский старец Варсонофий пришел на квартиру преподобного в Козельске и начал выносить вещи из комнаты. Когда же он взял кровать, чтобы ее вынести, она сказала: «Батюшка, зачем кровать-то выносить? Ведь о. Никону негде будет спать». Старец на это ответил: «Он собирается ко мне, и ему кровать не нужна. Я ему свою дам кровать».

Страдания его к последним дням жизни уменьшились. Он не страдал умирая. Оставалась только слабость. Вспоминал он оптинских старцев и братий, приводил к покаянию своих духовных детей, называл их по именам, крестил воздух, как бы благословляя кого-то. Однажды увидел он почившего оптинского старца Макария: «А, всечестнейший батюшка, о. Макарий. Ирина, подай стул... К нам пришел старец Макарий, а ты не видишь». Сестра Ирина медлила исполнить приказание, думая, что преп. Никон бредит. «Простите, батюшка, ведь она неопытная», – тихо произнес преп. Никон и затих. До последних дней он едва слышным голосом диктовал о. Петру ответы на письма. В среду 25 июня он ослабел до такой степени, что и говорить не мог. Видя его тяжелое состояние, о. Петр поспешил пригласить архимандрита Никиту, который причастил его Святых Тайн и прочитал канон на исход души. Вечером того же дня он мирно почил о Господе в возрасте 43-х лет. В последние дни своей жизни он часто молил Господа о ниспослании ему христианской кончины.

Господь услышал его молитву и даровал ему кончину праведника, безболезненную, тихую, непостыдную, мирную. Казалось, что он не умер, а заснул спокойным сном до общего воскресения. В пятницу 27 июня состоялись похороны. По словам старца Варсонофия: «Вся наша жизнь есть дивная тайна, известная одному Богу. Всегда и во всем есть некое сцепление обстоятельств, но цель этого сцепления нам не известна. Замечайте события вашей жизни. Впоследствии многое откроется».

Таким промыслительным образом Господь Бог связал начало и конец духовного пути преп. Никона. Юноша Николай Беляев впервые вошел в Иоанно-Предтеченский скит Оптиной Пустыни в день празднования Обретения главы Иоанна Крестителя 24 февраля. А скончался он на другой день храмового праздника скита – Рождества Иоанна Предтечи.

У преподобного Варсонофия Великого, среди его изречений, есть такие слова: «Бог не возьмет души праведника дотолы, доколе не приведет его в меру высокую, в мужа совершенна».

Несмотря на свой сравнительно еще молодой возраст, преп. Никон много потрудился, сражаясь с невидимыми врагами христианства и монаха, от мира, плоти и дьявола находящими, доблестно отражая силою Христовою их нападения. В то же время он потрудился и на ниве Христовой, усердно сея семена правды, любви и добра. Доброе семя, посеянное в души пасомых им словесных овец, не погибло. Оно возросло невидимо и тайно, как прорастает посеянное в землю зерно.

Вечная тебе память, достоблаженне отче наш Никоне, приснопоминаемый. Бог да ублажит и упокоит тебя, и нас помилует, яко благ и человеколюбец.

Преподобный Никон

ПОУЧЕНИЯ

Некоторые из наставлений о. Никона сохранились у его духовных чад, чтущих блаженную память его.

...Монашество падает не только потому, что не занимаются Иисусовой молитвой, но и оттого, что не следим за собой, за чистотой своего сердца...

Надо терпеть не только постигающие скорби, но и себя терпеть надо...

Мимолетные мысли, к которым сердце не прилепляется, быстро проходят, как в калейдоскопе. Ум наш никогда не останавливается, всегда занят. Дурные мысли не надо считать своей неотъемлемой собственностью, они не от нашего естества. Не может один и тот же ум и славословить Бога и хулить. На такие мысли не надо обращать внимания, надо выбрасывать их, как сор, как нечто постороннее. Если же какая-либо дурная мысль неотступно приходит на ум, и сердце к ней прилепляется, сочувствует ей, тогда надо приложить все силы, чтобы выбросить ее с помощью молитвы Иисусовой и исповеданием старцу. Надо знать, какая страсть беспокоит более всего, с ней и нужно бороться особенно. Для этого нужно ежедневно проверять свою совесть...

Молитвенное правило пусть будет лучше небольшое, но исполняемое постоянно и внимательно... Пятисотницу лучше одной выполнять. Однообразие произносимых слов для проходящих молитву Иисусову очень важно. Ум не рассеивается, собранность ума...

Боязнь смерти – от бесов. Это они вселяют в душу такой страх, чтобы лишить надежды на милосердие Божие...

«Исполняйтесь Духом...» (в день Св. Троицы). Что это значить? Ведь мы сподобились получить дары Св. Духа при крещении. А многие ли помнят об этом? Мало получить, надо сохранить, усовершенствовать, умножить. Для этого надо возгревать ревность. Как?

а) Читать Священное Писание, которое написано Св. Духом: от Священного Писания и веет Он. Никакое светское удовольствие не может дать того мира, той радости, которая дается Св. Духом.

б) Внимать себе.

в) Часто участвовать в Св. Таинствах. Через них Св. Дух сообщается человеку.

г) Посещать часто святые храмы, ибо это место особого присутствия Св. Духа.

д) Молитва. Особенно молитва «Царю Небесный». Ее с особым благоговением надо выслушивать не только в церкви, но и во время работы произносить, испрашивая помощи Св. Духа.

Возьмем себе в образец святого, подходящего к нашему положению, и будем опираться на его пример. Все святые страдали потому, что они шли путем Спасителя, Который страдал: был гоним, поруган, оклеветан и распят. И все, идущие за Ним, неизбежно страдают. «В мире скорбни будете». И все, желающие благочестиво жить, гонимы будут. «Аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение». Чтобы легче переносить страдания, надо иметь веру крепкую, горячую любовь ко Господу, не привязываться ни к чему земному, всецело предаться воле Божией.

На кощунствующих надо смотреть как на больных, от которых мы требуем, чтобы они не кашляли и не плевали...

Если нет возможности исполнить обет послушания, некому повиноваться, надо иметь готовность все делать согласно воле Божией. Есть два вида послушания: внешнее и внутреннее. При внешнем послушании требуется полное повиновение, исполнение всякого дела без рассуждения. Внутреннее послушание относится к внутренней, духовной жизни и требует руководства духовного отца. Но совет духовного отца следует проверять Священным Писанием... Истинное послушание, приносящее душе великую пользу, это когда за послушание исполняешь то, что несогласно с твоим желанием, наперекор себе. Тогда Сам Господь берет тебя на Свои руки...

Врачей и лекарство создал Господь. Нельзя отвергать лечение.

При слабости сил и усталости сидеть в церкви можно: «Сыне, даждь Ми сердце твое». «Лучше сидя думать о Боге, чем о ногах стоя», – сказал Святитель Филарет Московский.

Не надо давать волю своим чувствам. Надо понуждать себя обходиться приветливо и с теми, которые не нравятся нам.

Верить приметам не должно. Нет никаких примет. Господь управляет нами Своим Промыслом, и я не завишу от какой-либо птицы или дня, или другого чего-либо. Кто верит предрассудкам, у того тяжело на душе, а кто считает себя в зависимости от Промысла Божия, у того, наоборот, на душе радостно.

Иисусова молитва заменит крестное знамение, если почему-либо нельзя будет возложить его.

Без крайней необходимости в праздничные дни нельзя работать. Праздником надо дорожить и чтить его. Этот день надо посвящать Богу: быть в храме, дома молиться и читать Священное Писание и творения св. Отцов, делать добрые дела.

Надо любить всякого человека, видя в нем образ Божий, несмотря на пороки его. Нельзя холодностью отстранять от себя людей.

Что лучше: редко или часто приобщаться Св. Христовых Тайн? – сказать трудно. Закхей с радостью принял в свой дом дорогого Гостя – Господа, и хорошо поступил. А сотник, по смирению, сознавая свое недостойнство, не решился принять, и тоже хорошо поступил. Поступки их, хотя и противоположные, но по побуждению одинаковые. И явились они пред Господом равно достойными. Суть в том, чтобы достойно готовить себя к великому Таинству.

Когда спросили преп. Серафима, почему в настоящее время нет таких подвижников, какие были раньше, он ответил: «Потому, что нет решимости к прохождению великих подвигов, а благодать та же; Христос Тот же и во веки».

Гонения и притеснения полезны нам, ибо они укрепляют веру.

Надо все дурное, также и страсти, борющиеся нас, считать не своими, а от врага – дьявола. Это очень важно. Тогда только и можно победить страсть, когда не будешь считать ее своей...

Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому. Печаль исходит от привязанности к видимым вещам.

Никогда не было, нет и не будет безпечального места на земле. Безпечальное место может быть только в сердце, когда Господь в нем.

В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подает силу легко переносить, даже не замечать их.

Молчание подготавливает душу к молитве. Тишина, как она благотворно действует на душу!

Мы, православные, не должны поддерживать ересь. Если бы и пострадать пришлось, не изменим Православию.

Не следует добиваться человеческой правды. Ищи только правды Божией.

Духовный отец, как столп, только указывает путь, а идти надо самому. Если духовный отец будет указывать, а ученик его сам не будет двигаться, то никуда и не уйдет, а так и сгниет около этого столпа.

Когда священник, благословляя, произносит молитву: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», – тогда совершается тайна: благодать Св. Духа нисходит на благословляемого человека. И когда какой-либо человек хотя бы только устами произносит отречение от Бога, благодать отходит от него, все его понятия изменяются, он делается совсем другим.

Прежде чем у Господа просить прощения, надо самой простить... Так сказано в молитве Господней.

Ты считаешь себя не обидчивой. Но ты не обижаешься в таких вещах, которыми ты не интересуешься. Если же коснется того, чем ты дорожишь, – ты обижаешься...

Молчание полезно для души. Когда мы говорим, тогда трудно удержаться от празднословия и осуждения. Но есть молчание плохое, это когда кто злится и потому молчит.

Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься каким-либо недостатком другого человека и осудишь его, впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком.

Не прилагайте сердца к суете мирской. Особенно во время молитвы оставляйте все помысли о житейском. После молитвы, домашней или церковной, чтобы сохранить молитвенное умиленное настроение, необходимо молчание. Иногда даже простое, по-видимому, незначительное слово может нарушить и спугнуть из души нашей умиление.

Самооправдание закрывает духовные очи, и тогда человек видит не то, что есть на самом деле.

Если скажешь про брата или сестру что-либо дурное, даже если это будет правда, то ты своей душе нанесешь неисцельную рану. Передавать о погрешностях другого можно только в том случае, когда в сердце твоём единственное намерение – польза души согрешившего.

Терпение есть непрерывающееся благодушие.

Спасение ваше и погибель ваша – в ближнем вашем. Спасение ваше зависит от того, как вы относитесь к своему ближнему. Не забывайте в своем ближнем видеть образ Божий.

Всякое дело, каким бы ничтожным оно вам ни казалось, делайте тщательно, как пред лицом Божиим. Помните, что Господь видит все.

Преподобный Исаакий II

ЖИТИЕ

Мало известно о преподобном Исаакии. Он был последним настоятелем Оптиной Пустыни пред ее трагическим закрытием. Кончил свое земное странствие исповеднически, быть может и мученически.

В книге протоиерея Сергия Четверикова «Оптина Пустынь» встречаем теплое воспоминание автора о преп. Исаакии: «В 1894 году я прожил в Оптиной Пустыни около недели, говел, посетил скит и о. Иосифа, был у настоятеля монастыря, о. архимандрита Исаакия, произведшего на меня сильное впечатление своим углубленным спокойствием, простотой и молитвенными слезами при Богослужении. На этот раз я близко рассмотрел Оптину Пустынь. И она произвела на меня глубокое впечатление, запавшее в мою душу навсегда. Я впервые ощутил там веяние истинной духовной жизни, от которой как бы расцвела и моя собственная душа».

После закрытия монастыря, о. Исаакий вместе со всеми оптинскими братьями остро переживал изгнание. Большим утешением для него была возможность присутствовать в храме и совершать в нем Богослужения. Утешало и то, что он – не один, что братия оптинская, хоть и разбросанная по городу, но все-таки имела возможность общаться друг с другом. Ближе всех по духу был ему преп. Никон. Отец Никон часто бывал у о. Исаакия, в его уединенном домике. Вспоминая милую их сердцу Оптину, такую близкую по расстоянию и ставшую такой недостижимой, они иногда пели свои излюбленные церковные песнопения.

Оптинских монахов в то время в Козельске оставалось немного. Большинство

иеромонахов, назначенных на приходы, было отправлено в ссылку. Часть монахов разъехались, они уехали туда, где их никто не знал. В 1927 году был арестован и ближайший друг преп. Исаакия, старец Никон. В Козельске оставалось несколько человек – престарелые иеромонахи во главе с преп. Исаакием, да инвалиды: слепые, хромые, горбатые. Из молодых был только один иеромонах Геронтий, бывший келейник старца Варсонофия, да о. Рафаил, бывший монастырский послушник Родион Шейченко.

Вскоре в Козельске были закрыты все церкви, кроме одной. О закрытии церковью о. Никон из заключения написал братии такие слова: «В постигшей вас скорби да утешит вас Господь. Он зрит на сердце и слышит молитву, где бы она ни совершалась...»

В 1929 году новая волна арестов прокатилась по всей стране. В августе, как раз на второй или третий день после праздника Преображения Господня, были арестованы и заключены в Козельскую тюрьму все оставшиеся в Козельске оптинские иеромонахи, во главе с преп. Исаакием. Не тронули только одного престарелого и больного о. Иосифа Полевого (~ 1932-1933). Одновременно были арестованы почти все священники козельских церквей, многие монахини, а также и мирские люди, близкие к Церкви. Из Козельска арестованные были отправлены в Сухиничскую тюрьму, а оттуда в Смоленск.

В январе 1930 года, после окончания «следствия», всех заключенных сослали в разные, весьма отдаленные места страны. Преп. Исаакий, братский духовник о. Досифей, бывший казначей о. Пантелеимон и многие другие, были сосланы в Сибирь. Там они и окончили свой земной путь. Известно, что преп. Исаакий отошел в мире ко Господу в 1936 году.

КОНЕЦ И БОГУ СЛАВА!